

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

1 (196)

Январь — Февраль — Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

Редакционный совет

Акад. Б. Б. Пиотровский (председатель), д. филол. н. В. И. Абаев,
акад. В. П. Алексеев, член-корр. АН Азерб. ССР И. Г. Алиев,
д.и.н. О. Д. Берлев, акад. Т. В. Гамкрелидзе, д.и.н. И. М. Дьяконов,
акад. АН Арм. ССР С. Т. Еремян, д. филол. н. Вяч. Вс. Иванов,
д.и.н. Ю. К. Колосовская, д. филол. н. В. А. Лившиц,
акад. АН Тадж. ССР Б. А. Литвинский, д.и.н. И. Л. Маяк,
акад. АН Груз. ССР Г. А. Меликишвили,
акад. АН Узб. ССР Г. А. Пугаченкова, акад. АН Арм. ССР Г. Х. Саркисян,
д.и.н. Е. М. Штаерман

Редакционная коллегия

Г. М. Бонгард-Лесин (главный редактор),
С. С. Аверинцев, Ю. В. Андреев, Е. В. Антонова, Л. С. Баюн,
Ю. В. Виноградов (зам. главного редактора), М. Л. Гаспаров,
Г. Г. Гиоргадзе, В. А. Головина, Е. С. Голубцова,
М. А. Дандамаев (зам. главного редактора),
С. Г. Карпюк (ответственный секретарь),
И. С. Клочков, Г. А. Кошеленко, В. И. Кузичин (зам.
главного редактора), Л. П. Мариносич, А. И. Павловская,
А. В. Подосинов, В. М. Смирин, М. К. Трофимова,
В. И. Уколова, Э. Д. Фролов, С. В. Шкуняев

Заведующая редакцией И. К. Малькова

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
Yu. Andreyev, Ye. Antonova, S. Averintsev, L. Bayun, M. Dandamayev,
E. Frolov, M. Gasparov, G. Giorgadze, V. Golovina, Ye. Golubtsova,
S. Karpyuk, I. Klochkov, G. Koshelenko, V. Kuzishchin, L. Marinovich,
A. Pavlovskaya, A. Podosinov, V. Smirin, S. Shkunayev,
M. Trofimova, V. Ukolova, Vu. Vinogradov

Consultative Council

B. Piotrovsky, (Chairman), V. Abaev,
V. Alexeev, I. Aliev, O. Berlev, I. Diakonoff, T. Gamkrelidze,
Vyach. Vs. Ivanov, Yu. Kolosovskaya, B. Litvinsky, V. Livshits,
I. Mayak, G. Melikishvili, G. Pugachenkova, Ye. Shtaerman, S. Yeremyan,
G. Sarkisyan

Head, Editorial Office I. Malkova

М. Шетелих

ЧЕРНЫЕ ПРОТИВНИКИ АРИЕВ В «РИГВЕДЕ»

В индологической литературе есть целый ряд положений, которые по сей день переходят из книги в книгу в качестве достоверных результатов научного исследования, не подвергаясь при этом дополнительной проверке источниками в свете новых материалов и гипотез. К таким привычным утверждениям принадлежит мнение, будто аборигены, с которыми столкнулись арии при своем переселении в Индию, резко отличались от них своим внешним обликом. Со ссылкой на «Ригведу» о местном населении говорят как о темнокожем и плосконосом¹. Мнение об антропологических особенностях доарийских племен, насколько я знаю, восходит к Г. Циммеру (по меньшей мере, в немецкой индологии)². Еще в 1879 г. Г. Циммер в своей книге «Древнеиндийская жизнь. Культура ведийских ариев по самхитам» добросовестно собрал данные ведийских текстов и впервые попытался представить общую картину жизни ариев и их культуры. Он был во многом сыном своего времени, что выразилось и в основной тенденции его описаний: арии изображались в основном как неспорченный первобытный народ, который осваивает новое жизненное пространство, как воинственный народ, очень близкий древним германцам и по естественности своего образа жизни, и по особенностям культуры.

Вследствие основательности, с которой Г. Циммер освещает отдельные стороны жизни ариев, а также редкости — по меньшей мере, в европейской науке — подобного рода трудов о жизни ведийских ариев, его книга до сих пор еще служит классическим пособием для индологов и пользуется у них авторитетом. Циммеровское описание арийского общества было принято индологами старшего поколения (прежде всего та-

¹*Rau W.* Staat und Gesellschaft im alten Indien, nach den Brahmana-Texten dargestellt. Wiesbaden, 1956. S. 16; *Oldenberg H.* Die Religion des Veda. Darmstadt, 1977. S. 149 f.; *Thapar R.* The Image of the Barbarian in Early India // *Ancient Indian Social History. Some Interpretations.* Delhi, 1978. P. 154; *Ruben W.* Die gesellschaftliche Entwicklung im alten Indien. I. Die Entwicklung der Produktivkräfte. B., 1967. S. 21, 31; *Schmeja H.* Interpretationen aus dem Rig-Veda // *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Sonderheft 61.* Innsbruck, 1987. S. 19 (nach *Lommel H.* Gedichte des Rigveda. Auswahl und Übersetzung. München, 1955. S. 19); *Maurer W. H.* Pinnacles, of India's Past. Selections from the Rigveda // *University of Pennsylvania. Studies on South Asia. V. 2.* Amsterdam — Philadelphia, 1986. P. 146. u. a.; *Sharma R. S.* Sūdras in Ancient India. Delhi, 1958. P. 12; *Renou L.* Religions of Ancient India. *Jordan Lectures in Comparative Religions.* I. L., 1953. P. 5; *Kulke H., Rothermund D.* Geschichte Indiens. Stuttgart, 1982. P. 41. Представление о чернокожих аборигенах не получило поддержки советских историков; ср. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985; *Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. М., 1979. Словари (Монье-Вильямса и Петербургский) на слово tvac дают в качестве одного из значений (в связи с kṛṣṇā) — «чернокожий (человек)» со ссылкой на «Ригведу» (далее — РВ) I.130.8.

² *Zimmer H.* Altindisches Leben. Lpz., 1879. Его прямо цитирует В. Рау, обобщающая книга которого является для индологов важнейшим источником информации по ведийскому периоду.

ким исследователем, как Г. Ольденберг), пытавшимся обрисовать культурно-историческую основу ведийских текстов. Их общее отношение к данной проблеме в основных чертах совпадало с идеями Г. Циммера³. Но и сегодня, через сотню лет, индологи редко ставят вопрос о том, не нуждаются ли в проверке переводы Г. Циммера и в особенности интерпретация используемых им фрагментов вед. Однако после выхода в свет названной книги произошло открытие индской цивилизации, которое полностью изменило представления об уровне материальной и духовной культуры доарийского населения Индии. Кроме того, исследования археологов, лингвистов и литературоведов — главным образом в последние десятилетия — рисуют совершенно иную картину ранней истории индоариев до их появления в Индии и по-новому заставляют ставить вопросы о путях их передвижения, о формах политических и социальных конфликтов, сопровождавших эти миграции. Давнее наивное представление, будто арийские племена, как воинственные кочевники наподобие гуннов, в ожесточенной борьбе захватывали огромные территории и порабощали побежденных (или, во всяком случае, ставили их в зависимость от себя), ныне уже не может быть принято всерьез. Археология, как бы отрывочны и гипотетичны ни были некоторые ее результаты, в общем и целом показывает, что переселение индоариев в Индию было многовековым процессом вторжений, расселений на новой территории и дальнейшего продвижения. При этом отдельные группы ариев раскалывались; часть их оседала на освоенной территории, а часть двигалась дальше. Короче, это был процесс постоянной трансформации, непрерывного более или менее глубокого приспособления образа жизни и социального поведения к иным географическим условиям и в то же время такой процесс, который влек за собою бесконечные междоусобицы среди племен, менявших места своего обитания. Уже давно исходят из того, что ведийские племена являлись лишь одной из многочисленных племенных групп, участвовавших в миграции индоариев. Последняя фаза эпохи переселения характеризуется постепенным формированием этноса ведийских ариев⁴, которые осознают свое единство в культе Индры и Сомы. Наконец, вследствие постепенной то мирной, то военной инфильтрации в северо-западные районы Индии отдельных племен и племенных групп этого этноса он может быть обнаружен и археологически⁵.

Кое-что изменилось и в оценках «Ригведы» как источника, отражающего историческую действительность. Сведения именно данного текста теперь приходится рассматривать более дифференцированно. С одной стороны, большее внимание уделяется его гетерогенности и учитывается то, что авторы гимнов в большей или меньшей мере сознательно пользовались заимствованиями из различных традиций. Сами эти традиции были приспособлены к мифологии Индры и певцы соответственно комбинировали новое со старым для ритуала культа Сомы и почитания Индры⁶. С другой стороны, все чаще предпринимаются попытки анализа предпо-

³ Правда, в пользу идей Г. Циммера говорит то, что в «Древнеиндийской жизни» тезис об отрицательном влиянии климата на характер арийских племен еще не служил универсальным объяснением изменений общества, религии и культуры в послеведийский период, как это было у Г. Ольденберга или М. Дункера.

⁴ См. об этом: *Schetalich M. Die Anfänge von varṇa-Theorie und varṇa System in vedischer Zeit. Diss. Akad. der Wiss. der DDR. В., 1983.*

⁵ См. раскопки в Свате и дискуссии в связи с проблемой слоев серой расписной керамики, перекрывающих позднехараппские.

⁶ См. главу о ведийской религии в кн. *Renou. Op cit. или Gonda J. Vedic Literature. L., 1958.*

ложительно древнейших слоев послеригведийского ритуала и реконструкции культовой практики различных групп ведийских ариев в период, предшествовавший их расселению, или во время миграции. Тем самым устанавливается первоначальная сфера использования гимнов «Ригведы»⁷. Обнаруживаются новые и новые интерпретации «Ригведы», особенно в историческом и культурно-историческом аспектах, преимущественное внимание обращается на специфику ее образного языка, на своеобразие построения текста и сложность мифологии. Кажется небесполезным и с этой точки зрения, учитывая совершенно новую ситуацию в ведийских исследованиях, вернуться к анализу старых идей — ставших уже устойчивыми клише — о темнокожих аборигенах, проверить достоверность интерпретации по оригинальному тексту.

Г. Циммер исходил из распространенных в его время представлений о том, что «арии пришли в Индию как завоеватели, которые пытались оттеснить туземцев все далее и далее на восток и юго-восток... Восточный Кабулистан в верховья Инда представляли... древнейшие места расселения индийских ариев в исторический период. Отсюда отдельные племена двигались на юг по долине Инда и на восток в район „семи рек“ (sapta sindhavaḥ), изгоняли аборигенов (dāsaṃ varṇam) из их процветающих поселений (puṣṭāni), захватывая последние: РВ, II, 12,4» (см. Zimmer. Op. cit. S. 101, 104).

В связи с описанием племен и народов в IV главе Г. Циммер уделял довольно много места проблеме индентификации dasu и dāsa. В противоположность мнению других ученых (Р. Рот, Г. Грассман и др.), полагавших, что первоначально так обозначались демоны, а впоследствии эти названия были перенесены на врагов ариев, Г. Циммер считает и «даса» и «дасью» в «Ригведе» прежде всего наименованием людей, племен, враждебных ариям. Из того факта, что именуемые подобным образом противники ариев в гимнах «Ригведы» характеризуются как «черные» (kṛṣṇāḥ, asikṇīḥ, — например, II.20.7; IV.16.13; VIII.73.18 и др.), он сделал заключение, что они имели иной цвет кожи, нежели арии. «Внешнее сходство между обоими племенами явно выражается в различном цвете лица и тела, вследствие чего выражение āryaṃ varṇam „арийский цвет“ и dāsaṃ varṇam „дасовский цвет“ стали служить обозначениями той и другой нации... Вообще слово varṇa — даже без подобных определений — стало выражать понятие „народ“ — лишь бы было явственное отличие (от других народов. — М. III.) РВ I.104.2... Какого рода было различие в цвете, которое вызвало это чувство вражды и неравенства? Аборигены, племя дасов, были *черного* цвета кожи, их поэтому так и называли „черная кожа“: „Индра защищал во всех битвах почитающих его ариев, он, имеющий сотню помощников; для (арийского) племени покарал безбожных, покорил черную кожу (tṛasaṃ kṛṣṇām) (РВ I.130.8). „День за днем прогонял он (=Индра) из своего жилища черных людей, имеющих подоб-

⁷ Первые разработки в этом направлении начаты были А. Хиллебрандом, который в своей «Ritualliteratur. Vedische Opfer und Zauber» (Grundriss der Indo-arischen Philologie... Bd III. Ht 2. S. 2) между прочим указывал: «В частности, мы не можем уже выяснить условия, при которых возникли традиционные обряды. Они часто предстают перед нами как окаменевшие остатки давно исчезнувшей жизни. Чтобы понять их и подойти к этнокультурному слою, в котором они возникли, необходимо будет обсуждать их в сравнительном плане и не только привлекать арийские обычаи, но и обычаи первобытных народов — индийских и неиндийских, а также выяснять их происхождение с помощью этнографии, конечно, с большой осторожностью... и после проверки всех данных». Не для гимнов «Ригведы», но для ведийского ритуала и его духовной основы предприняты, по-моему, успешные попытки реконструкции с помощью сравнительного анализа — в частности, Г. Крик и И. Хистерманом.

ный вид (*kṛṣṇā jāḥ sadṛśīḥ*)“ (РВ VI.47.21). „Из страха пред тобою бежали черные люди (*viśaḥ asikhīḥ*), они исчезли, бросая богатства, когда ты, Агни Вайшванара, пылающий для Пуру, вспыхнул, уничтожая их крепости“ (РВ VII.5.3)» (Zimmer. Op. cit. S. 113).

Г. Циммер и далее подчеркивает, что арии имели светлую кожу, подтверждая это соответствующими отсылками, а также, хотя и менее определенно, указывает на различие в антропологическом облике и языке (Op. cit. S. 114—115 со ссылкой на Саяну).

Итак, ученый видит в «даса» и «дасью» аборигенное население Северо-Западной Индии, которое сопротивлялось арийским племенам в предпринятом ими завоевательном походе, потерпело поражение и было покорено. Он признает, что в «Ригведе» противопоставление ариев и даса/дасью имеет также значительный религиозный компонент: «Наибольшее различие между ариями и туземцами, которое постоянно подчеркивается певцами, наблюдалось в области религии» (Zimmer. Op. cit. S. 115). Указывает он при этом на такие эпитеты, как *akratu* (лишенные силы духа)⁸, *aśradḍha* (неверующие), *avṛdha* (не почитающие богов), *arṇant* (не приносящие им жертв) «Они — *avṛata*, то есть, — пренебрегают вообще всеми обязанностями, близкими сердцу ариев: „Так как благочестивые, о Агни, стремятся ко всяческим сокровищам для защиты, они, (арийские) люди, побеждая дасью, готовы покорить добрыми делами (*vṛataiḥ*) того, кто не творит таковых (РВ VI.14.3). Арий и благочестивый, дасью и безбожный — синонимы: „отдели ария от дасью, благочестивому покоря безбожного (РВ I.53.8)“» (Zimmer. Op. cit. S. 115).

Но религиозному компоненту Г. Циммер придает все же второстепенное значение по сравнению с различиями в телесном облике. Читателю представляется важнейшей отличительной чертой даса/дасью иная окраска их кожи («черная»). Их внешний вид в глазах ариев делает их, так сказать, безликой массой (Zimmer. Op. cit. S. 118 со ссылкой на цитированное выше РВ, VI.47.21).

Такова аргументация Г. Циммера. На первый взгляд она кажется убедительной, особенно если, как то делает Р. Ш. Шарма⁹, в качестве свидетельств о «черной коже» привести еще РВ IX.41.1—2 и IX.73.5, где говорится о том, что капли сомы прогоняют «черную кожу» с земли и с неба. Но действительно ли во всех приведенных случаях речь идет о чернокожих или темнокожих аборигенах Индии? И являются ли слова «даса» и «дасью» общими обозначениями неарийского населения? Чтобы решить этот вопрос, необходимо рассмотреть эти места в контексте ведийских стихов и целых гимнов. Г. Циммер, к сожалению, приводил лишь самые краткие, вырванные из контекста выдержки и даже их порою оставлял частично без перевода. Так, он не перевел слова *svármīheṣu ajīṣu* «в битвах за (солнечный) свет» (I.130.8)¹⁰ и тем самым, как позднее будет показано, упустил нечто существенное для понимания текста. Его переводы частично представляют лишь один из нескольких возможных вариантов, как видно из сравнения с соответствующими переводами К. Гельднера, А. Людвиг, Г. Ольденберга и др. Так, в РВ VI.47.21 (*dive-dive sadṛśīr anyam ardhmaṁ kṛṣṇā asedhat apa sadmano jāḥ/ahan dāsa vṛṣabno vasnayanto*

⁸ Возможно, выражение, способное ввести в заблуждение — *kratu* — означало «жертва, жертвоприношение», а также «проницательность, способность» и т. п. так же, как *vṛata* — понятие, которое указывает на «идеологию» арийских племен.

⁹ Sharma. Sūdras... P. 12 f.

¹⁰ Санскритский текст этой и других цитат, приводимых Г. Циммером, оставлен без изменений.

dayraje varcinam śambaram sa // — у Г. Циммера переведена лишь первая половина стиха) он переводит *anuām ārdham* не так, как К. Гельднер — «на другую сторону», и *jāḥ* как «люди», а не как «дети», что легко можно аргументировать. Для сравнения приведем переводы К. Гельднера: «Индра помог в междоусобицах арию, приносящему жертвы, стократно помогающий во всех битвах, в сражениях за солнечный свет. Подчиняющий непокорных, он покори́л Ману черную кожу (т. е. черных аборигенов — К. Гельднер). Как пылающий (огонь) все сухое, он опалает алчного, он сжигает Аршасана» (РВ I.130.8); «День за днем (т. е. каждый день заново) прогонял он (Индра) из их обиталища на другую сторону черных детей, подобных друг другу); он, могучий, убил обоих разбойников — Шамбару и Варчина, торговавших в обиталище вод» (РВ VI.47.21); «Из страха пред тобою убегали черные племена, бросая свои богатства, неспособные к битве, когда ты, о Агни Вайшванара, загораясь для Пуру, загорался, ломая крепости» (РВ VII.5.3).

Историческая конкретная ситуация, лежащая в основе этих фрагментов, — несомненно, борьба ведийских ариев с их противниками, племенами, названными даса или дасью. Однако именно эти места показывают также, что изображаются не только действительные битвы. В отличие от столь же часто упоминаемых в «Ригведе» битв с другими арийскими племенами, которые тоже почитали Индру, столкновение с даса/дасью одновременно переводится в область мифологии, так что грань между человеческими и сверхъестественными даса/дасью становится неотчетливой. Известный пример — Шамбара. С одной стороны, он описывается как живущий в горах или водоемах, обладающий сверхъестественной мощью и потому соперник Индры почти столь же сильный, как Вритра. Но с другой стороны, Шамбара — один из чаще всего называемых противников Диводасы Атитхигвы, который, будучи отцом или дедом Судаса, несомненно должен рассматриваться как исторический персонаж¹¹. Бывает сложно каждый раз определить, идет ли речь об историческом или мифологическом, но можно считать основным правилом, что те гимны, в которых поэт просит помощи Индры или других богов не против отдельных, прямо называемых людей, а против целых групп или совокупностей даса/дасью, имеют в своей основе подлинные конфликты с человеческими противниками. Исключение и здесь лишь подтверждает правило¹².

Для переработки поэтами—певцами «Ригведы» темы конфликта между арья и даса/дасью характерно, что эти сюжеты они включают в свое представление о мироустройстве. Устройство это определяется противоположностью сил света и тьмы, отождествляемых соответственно с добром и злом, правдой и ложью, богами и демонами¹³, причем в мифологии Индры сферу демонов представляют в основном даса/дасью, но еще не асуры. Битвы Индры и его победа над людьми и демонами, называемыми даса/дасью, воспеваются в одинаковых, почти стереотипных образах: это — победа света, солнца, простора над тьмой, узами и стесненностью, она

¹¹ О Шамбаре см. *Macdonnell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects*. V. 2. Delhi — Varanasi — Patna, 1958. P. 335.

¹² Например, это относится к «крепостям», о которых часто упоминается в гимнах. Соответствующие места цитируют как свидетельство того, что предшественники ариев имели городские поселения, и указывают на те стихи, где речь идет о крепостях дасов или «черных». Однако контекст и общий характер этих мест показывают, что доарийские крепости относятся к области мифологии. См. об этом: *Schetalich M. Zu den Angaben des Rgveda zu «Bürgen» oder befestigten Siedlungen*.

¹³ *Hager B. Die Entwicklung des Māyā-Begriffes im Indo-Arischen*. Freiburg, 1983. S. 38 ff., 99 f., 103 etc.

сравнивается или отождествляется с победой дня над ночью. Свет, солнечные лучи или огонь — средства, способные вместе с Индрой одолеть зло и его проявления (ср. RV VII.129; I.175.3 и др.), и снова грань между сферой человеческого и сверхъестественного весьма неотчетлива. Красочному описанию всеохватывающей противоположности добра и зла, света и тьмы служит также старинная символика черного и белого: светлый, золотой, блестящий, белый — это все то, что символизирует свет, что его ведет к господству или как-то иначе с ним связано: солнце, капля сомы, день, кони Индры и т. д. Светлый, блестящий, белый соответствует цвету тех, на чьей стороне и ради которых сражается Индра (*āryam varṇam*). Напротив, темный, черный, подобный ночи — цвет врагов Индры, которые являются и врагами ариев, это — *dāsaṃ varṇam*. Лишь попутно следует упомянуть, что именно тьма в этой цветовой символике сопоставляется исключительно с черным цветом, между тем как свет не ограничивается белым цветом. Спектр света достаточно широк, включая целую палитру «солнечного света»: розовый (*arūpa, rohita* и т. д.), золотой (*hiraṇmaya, suvarṇa* и т. д.) до бледно-желтоватого (*gaura, harita*) — многие слова выражают блеск и яркость (солнечных) лучей. Поэтому лишь со значительными оговорками можно противопоставлять *dāsavarṇa* и *āryavarṇa* как черный и белый цвета.

Как же включается в этот комплекс идей «черная кожа» (*kṛṣṇā tvac*)? В трех местах в «Ригведе» (I.130.6; IX.41.1—2 и IX.73.5) эти слова употребляются во фразах или стихах, где речь идет о врагах ариев, и на первый взгляд вполне можно рассматривать «черную кожу» как их синоним. Но если внимательно рассмотреть эти места, то окажется, что контекст, построение фразы или стиха позволяют дать и другое истолкование *tvac*, а именно — употребление скорее в значении «одеяние, покрывало», нежели кожа (человека). Г. Грассман в своем «Словаре Ригvedы» дает только одно из цитируемых у Г. Циммера мест (I.130.8) для значения «человеческая кожа».

Рассмотрим эти три места и те гимны, в которых они находятся. «Ригведа» I.130 — приглашение Индры испить сомы, которая даст ему силы для борьбы ради своих почитателей. Гимн начинается с призыва к нему прийти издалека (*endra yāhu ura naḥ parāvato...*), чтобы выпить сому. Певцы, так сказать, прельщают Индру тем, что перечисляют его общеизвестные деяния (одоление Шамбары, освобождение коров, т. е. вод, сокрушение 90 крепостей и др.), а также восхваляют его щедрость по отношению к жертвователям. В этой связи в стихе 8 говорится: *indraḥ samatsu yajamānam aryam pravāda viśveṣu śatamūtir ajiṣu svarmīḥeṣu ajiṣu/manave śāsada avratān tvacaṃ kṛṣṇām arahdhayat / dakṣaṇa na viśvaṃ tatṛṣāṇam oṣati ny arśasānam oṣati //* «Индра помог во всех битвах арию, приносящему (ему) жертвы, он стократно помогающий, в битвах за свет (помог он ему). Для Ману наказывающий тех, кто не следует *vrata*¹⁴, он уничтожил „черную кожу“ (или: подчинил их своей власти). Каждого, кто из злого умысла стремится к добыче, он сжигает, он сжигает того (даса) Аршасана». Здесь на первый взгляд, действительно, представляется, будто *avratān* употребляется как синоним с *tvacaṃ kṛṣṇām*. Но грамматическая

¹⁴ *Vrata* в контексте «Ригvedы» означает «порядок, норма, норма поведения», указывая на такое правильное поведение, которое гарантирует порядок мироустройства. Оно включает исполнение должных религиозных обетов, так же как признание власти правильных богов (что предполагает отрицание других богов, хотя бы и столь же могущественных). Следует указать на работу Шмидта (*Schmidt H. P. Vedisch vrata und avestisch urvāta. Hamburg, 1958*), которая, мне кажется, удачно и точно определяет многослойность и многозначность концепции *vrata*.

конструкция и использование двух разных глаголов, которые не вполне совпадают по смыслу, заставляют предполагать, что речь может идти о различных вещах. Причастие *śasad* явно выражает, что победа над «черной кожей» должна рассматриваться как *следствие* усмирения «неверных». Хотя *śas* имеет значение «править, господствовать», оно не включает понятия победы и покорения, подобно глаголу *rādh* (= *randhay*; например, в РВ I.51.8: *vi ajñihy āgṛān ye sa dasyavo barhiṣmate randhaya śasad avratān*). Здесь явно дасью — те, кого Индра должен подчинить жертвователю. Вероятно, из-за таких языковых и содержательных параллелей Г. Циммер и оценивал выражение *kṛṣṇā tvac* как, так сказать, коллективное обозначение *dasyu* и связывал его, поскольку дасью часто называются черными, с их внешним обликом. Однако не следует забывать, что в обоих гимнах в центре внимания находятся различие способов богопочитания и мифологическая сфера вражды между дася и дасью/даса. Возможно ли и важно ли провести различие между даса и дасью — трудно сказать. Для певцов они явно не были полностью идентичны, хотя демоны, как Вритра, именовались то даса, то дасью. Во всяком случае со словом «варна» связано только слово «даса», а понятие *kṛṣṇā tvac* прямо или косвенно сочетается с *dasyu*, соответственно *avratā*. Если все это рассмотреть вместе с тем фактом, что битвы против *dasyu*, именуемых *avrata*, сопоставляются или связываются с битвами за обеспечение господства света, то окажется не совсем маловероятной оценка *kṛṣṇā tvac* в РВ I.130.8 как символического обозначения противопоставления света — тьме, олицетворением которой и служат «неверные», угрожающие правильному мироустройству своими ложными богами и правилами. Остальные два места, где это понятие встречается наряду с *dasyu avrata*, подтверждает сказанное. Оба они находятся в IX книге, в которой собраны гимны Соме, где в символических картинах восхваляется благодетельное действие обрядов при выжимании сомы и самого питья сомы. В РВ IX.41.1—2 говорится: *pra ye gavo na bhūrṇayasa tveṣā ayāso akramuḥ / ghnantam kṛṣṇām apa tvacam // suvitasya manāmahe 'ti setum durāvyam / sāhvamsō dasyum avratam //* «Как возбужденные коровы пришли мерцающие, неутомимые, изгоняющие черную кожу. Когда мы подчиним своей власти дасью, лишенных *vrata*, мы пройдем преграду, трудноодолимую для удачного хода дел»¹⁵. В этом очень коротком гимне «мерцающие, неутомимые» — кашли сомы, так как сома часто называется «блестящей, светящейся, светлой, золотистой или белой», а также «несущей свет». Воплощение света предполагает и понятие противника — «черную кожу». Композиция фраз и оба глагола, которые связаны с *dasyu* и соответственно с *kṛṣṇā tvac*, еще яснее, чем в I.130.8, показывают, что одно не может быть просто отождествлено с другим. Дасью покоряют, а «черную кожу» изгоняют. Аналогичным образом дело обстоит и в РВ IX.73.5: *pitur mātur adhy ā ye samasvarann ṛcā śocantaḥ saṃdahanto avratān / indraviṣṭām apa dhamanti māyayā tvacam asiknīm bhumano divaspari //* «(Рождаясь) от отца и матери, (все) вместе звенели (имеется в виду шумное падение капель сомы при выжимании), сверкая блеском»¹⁶, сжигая тех, кто не имеет *vrata*, сдувая ненавистную Индре

¹⁵ Что может иметься в виду под *setu* — не ясно: «дамба», «плотина», «мост»? Вероятно, однако, здесь не обычное значение «узлы». Может быть, это распространенное у народов Гиндукуша представление, что в рай ведет узкий путь. См. *Иттмар К. Религии Гиндукуша*. М., 1986.

¹⁶ Возможно, также «очищающий» благодаря сакральному слову (т. е. благодаря составленному певцом гимну). В гимнах проводится во многих стихах то прямо, то через всевозможные намеки и двусмысленные выражения сравнение между актом выжимания сомы и актом творения сакрального поэтического текста.

черную кожу с неба и с земли». В этом гимне опять говорится о каплях сомы, отец которых, согласно 3-му стиху, — хранитель *vrata*. Как и в I.130.8, здесь также стоит только *avrata*, но не *dasu*, и каждое из понятий сопровождается отдельным глаголом. Акцент делается опять на изгнании, сдувании, устранении «черной кожи»¹⁷, в отношении же *avratāḥ* речь идет об одолении, одержании победы. Свет, блеск (сомы) уничтожает тьму, «черную кожу».

Конструкция стихов грамматически и по содержанию обнаруживает некоторые общие черты: образ действий по отношению к *dasu* и к «черной коже» совершенно различен. Победу над *dasu* можно приравнять к победе света, и она осуществляется посредством Индры и сомы; «черная кожа» — самостоятельная категория, не описание внешности *dasu*, а метафора для обозначения того, что они олицетворяют по мнению их арийских врагов: это тьма, несчастье, зло *par excellence*. Представление, которое связывается с понятием «черная кожа» в этом значении, определяется семантикой *tvac* в «Ригведе». Если отвлечься от «Ригведы» I.130.8, есть только два места, где *tvac* действительно может означать «кожа» и то не в связи с человеком¹⁸. Чаще всего слово означает «покрывало» (с вариантами: «попона», «чепрак», «поверхность земли», «цедилка для выдавливания напитка сомы») или «бурдюк». То, что земля мыслилась как одетая кожей (порою называемой платьем или шкурой), — обычное представление в «Ригведе»: «Вонстину он (т. е. Агни) — водяное животное, обитатель леса (или: дерева), помещенный на высшей коже земли; он объявляет предписания смертным, так как Агни — мудрый, истинный знаток Риты» I.145.5)¹⁹, «Окропляющий лоно Риты сладким напитком, как молния (или: солнце), Брихаспати, похитивший огонь небес, кожу земли расколол (прорвал) будто водным потоком, когда коров вызволил из скалы» (X.68.4)²⁰. Кожа или покрывало явно отделяло земное пространство от глубины (*budhna*), пучины (*karta*, яма), которая означала самую нижнюю область в трехчленной схеме мироздания. Глубина была также местопребыванием вод и тьмы, лоном тьмы, откуда последняя возникала, чтобы ночью лечь над землею. У RV IV.13, в гимне, который описывает начало дня и содержит восхваления божеств, участвующих в появлении дневного света, в 4-м стихе говорится: «Ты приходишь, о бог, со своими наилучшими

¹⁷ *Dham* с предлогом *ara* или *nis* и в других местах употребляется для передачи образа изгнания, устранения или обезвреживания. В большинстве случаев речь идет об Индре и *dasu* (например, I.51.5; 1.33.5 или VIII.81.8). Но говорится и об Ашвинах, которые посредством *bakura* (вероятно, «бурдюк», «сосуд для сомы или иного жертвенного напитка») изгоняют *dasu* и тем самым создают свет (*dyotis*) для ария (RV I.117.21). В VIII. 3.20 речь идет о Вритре и Индре, в VIII.89.2 *abhiśasti* — проклятие; в обоих случаях самое главное — выражающий победу блеск Индры, его сияние (*dyumna*).

¹⁸ *Grassmann H. Wörterbuch zum Ṛgveda, s.v. tvac.*

¹⁹ *Sa im mṛgo aryo vanagur upa tvacy upamasyām ni dhāyi / vy abravīd vayunā martyebhyo / gnir vidvān ṛtacid dhī satyaḥ //*

²⁰ Тон гимна, посвященного Брихаспати, хвалебная песнь его творческого деяния, в особенности обретения света или создания света. Так, например, говорится (по К. Гельднеру): «Светом он тьму из воздушного пространства изгнал как ветер — растения шипала из воды» (V. 5). *Āprūṣāyan madhunā ṛtasya yonim avakṣipannarka ulkāṃ iva dyoḥ / bṛhaspatir uddharannaśaśamno gā bhūmya udneva vi tvacam bidheda //* «Он нашел Ушас, солнце, огонь; он изгнал тьму чудотворною песней...» (V. 9) «...Отцы украсили небо звездами, как коня жемчужинами. Тьму возложили они на ночь, на день — свет. Брихаспати расколол скалу, он нашел коров...» (V. 10). Господство Валу — как и Вритра именуемого *dasa* — означало господство тьмы, поскольку освобождение коров после взлома их скалы-темницы выражает победу света. Гимн прекрасно демонстрирует различные области, в которых обсуждается тема «Солнце/свет против тьмы».

скакунами, меня нить ²¹, стягивая черное одеяние. Лучи Сурьи стряхнули тьму как шкуру и погрузили ее в воду». Сходный образ (ночь натягивает одеяние) встречается и в РВ I.115.4—5. Из-за цвета ее одеяния поэты noch также называли *kṛṣṇam varṇam* (РВ I.73.7).

Но глубина как местопребывание тьмы означала также и место гибели тех, кто не приносит жертвы (Индре и его божественным спутникам), кто не исполняет *vṛata*, кто, следовательно, действует вопреки *ṛta* и тем самым нарушает мировой порядок: «Мудрый хранитель Риты (здесь: Сомы, а не Варуна, как обычно) не может быть введен в заблуждение; у него три сосуда на сердце ²². Как знающий озирает он все существа; тех *avratāḥ*, которые (ему) враждебны, он сбрасывает в преисподнюю» (РВ IX.73.8). «Ты держишь золотистых (коней) бога солнца, людям (помогаю). *Etasa* (сам?) унес колесо, о Индра. До берега девяноста потоков разгоняя (его), ты укалил тех, кто не приносит жертвы, прямо в преисподнюю ²³» (РВ IX.73.8). «Это колесо он (т. е. Индра) искал. Быстро несущиеся *etaṣa* он держит. Даже (его) в заблуждение вводящий, он прогоняет его прочь на черную основу кожи, в лоно этой тьмы» ²⁴ (РВ IV.17.14).

Если понятие *kṛṣṇā tvac* в РВ I.130.8 мы станем оценивать в рамках тех представлений о «коже» и «черной коже», которые обычны для других контекстов этого памятника, это будет более соответствовать и мировоззрению ведийских поэтов, и сути данного текста.

²¹ Образ из процесса ткачества. Брать новую нить означает создавать новую основу для всей ткани. Текст гласит: *vahiṣṭhebhīr viharan yāsi tantum avavyavann asitam deva vasma / davidhvāt raśmayāḥ sūryasya carnevavādhus tamo 'psu antaḥ //*

²² *ṛtasya gopānadabhaya sukratus triṣa pavitrā hr̥dy antar ā dadhe / vidvān sa viśvā bhuvanābhi paśyatu avajūṣṭān vidhyati karte avratān //* Текст имеет два смысла, и *pavitṛā* здесь может означать также «молитву». См. также прим. 16.

²³ *tvam sūro harito rāmayā nṛṇṇ bharac cakram etaśo nāyam indra / prāsyā pāram navatim nāvyanam api kartam avartayo 'yajyūn //* (перевод по К. Гельднеру).

²⁴ *ayam cakram isanat sūryasya ny etasam rīrāmat saśmānam ā kṛṣṇa im juhu-gāṇo jighatī tvaco budhne rajaso asya yonau //* Так же как стереотипные картины, застывшие формулы принадлежат к основе устной традиции, из которой черпали поэты. Последняя *rāda* 14 стиха представляет подобное выражение. *Tvaco budhne rajaso asya yonau* легко повторяется в измененном виде в РВ IV.1.14 в гимне, обращенном к Агни, где воспевается рождение этого бога из воды (расположенной в глубине): *sa jāyatha pratham mah̥ paryāsu mahō budhne rajaso yonau*. Другое параллельное выражение находится в I.130.8 (*manave śasad avratāḥ*) и I.51.8. (*randhayā śasad avratān*). Существование таких параллельных выражений указывает на глубокие традиционные корни передаваемых ими представлений, в данном случае также об усмирении или наказании *avratāḥ* и о глубинах как местопребывании тьмы.

BLACK ENEMIES OF THE ARYĀ IN ṚGVEDA

M. Schetelich

The article deals with numerous passages from «Ṛgveda», which mention native population with whom the Aryā came into collision during their migration in India. Widespread notion about the natives as dark-skinned people, thoroughly different by their outward appearance from the Aryā, could be explained by primitive, literal understanding of corresponding passages from «Ṛgveda», though according to the author the attribute *kṛṣṇa*- «black» has not only colour but also distinct qualitative (negative) connotations which demonstrate the attitude of the poet-singers of «Ṛgveda» toward the native peoples of India.

ПТОЛЕМЕЕВСКИЙ ЕГИПЕТ
И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ в III в. до н. э.
(*К вопросу о контактах*)*

В последнее время в исторической науке возрос интерес к проблеме взаимодействий и взаимовлияний (контактов, в широком смысле слова), происходивших в рамках древних обществ¹. Если понятие «контактная зона»² в принципе применимо к любому объекту исторического исследования, то к некоторым из них, в том числе к феномену эллинизма³, его следует применять в первую очередь. В современной историографии существует множество концепций эллинизма⁴. Так или иначе почти все

* Выражаю глубокую признательность старшему научному сотруднику Херсонесского историко-археологического заповедника Т. И. Костромичевой за содействие при работе над статьей.

¹ См., например, материалы Международного семинара в Кортоне (Италия): *Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes* // Actes du colloque de Cortone (24—30 mai 1981) organisé par la Scuola normale superiore et l'École française de Rome avec la collaboration du Centre de recherches d'histoire ancienne de l'Université de Bologne. Pise — Rome, 1983; а также конференции в Цхалтубо: *Материалы III Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье»*. Цхалтубо. 21—27 мая 1982 г. Тез. докл. и сообщ. Под ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1982 (далее — *Материалы...*).

² *Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э.* // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 г.* М., 1985. С. 177.

³ Например, Дж. Дэвис, автор обобщающей главы об эллинизме в новом издании «Кембриджской древней истории», считает «проблему сосуществования и взаимодействия» центральной для понимания сущности эллинистического «плюралистического общества»: *Davis J. K. Cultural, social and economic features of the hellenistic world* // *САН*. Т. 7. Р. 264, 320.

⁴ Характерно, что в последние десятилетия ряд историков пытается пересмотреть распространенные еще со времени И. Дройзена представления о «смешанном характере» эллинистической цивилизации, качественно отличной от доэллинистических Греции и Востока. В противоположность выделяются диффузионные моменты, отмечаются параллелизм континуитета греческих и восточных начал; см.: *Welles C. B. Alexander and the Hellenistic World*. Toronto, 1970. Р. 175; *Will Éd., Mossé Cl., Goukovsky P. Le monde grec et l'Orient*. Т. 2. Р., 1975. Р. 338 suiv.; *Préaux Cl. Le monde hellénistique. La Grece et l'Orient* (323—146 av. J.-C.). Т. 2. Р., 1978, Р. 545—683; *Samuel A. From Athens to Alexandria: Hellenism and Social Goals in Ptolemaic Egypt*. Louvain, 1983. Р. 119—123. Аналогичные взгляды высказываются и в советской историографии, см.: *Дандамаев М. А. Передняя Азия до македонского завоевания и истоки эллинизма* // *Материалы...* С. 24—26. Некоторые авторы указывают на недостатки принятой в отечественной исторической науке концепции эллинизма К. К. Зельина, см.: *Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии*. Т. 1. М., 1960. С. 88—105; *Фролов Э. Л. Античная государственность на рубеже классики и эллинизма* // *Материалы...* С. 93—96; *Шелов-Коведяев*. Ук. соч. С. 182—186; кроме того, обращается внимание на трудности определения хронологических и территориальных рамок эллинизма, см.: *Крюгер О. О. Арриан и его труд «Поход Александра»* // *Арриан. Поход Александра / Пер. с древнегреч. М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1962. С. 5; Лордкипанидзе О. Д. О географии «эллинистического мира» (Трудности дефиниции)* // *Материалы...* С. 55—56.

они включают положения о «зонах контактов» качественно разнородных элементов, среди которых, как правило, выделяются греко-македонские (эллинские) и местные начала⁵. Думается, для более глубокого понимания сущностных сторон «компаративного» эллинистического общества и в дальнейшем необходимо исследование проблемы контактов с точки зрения их типологии⁶, функций и эволюции⁷. Выделение отдельных связей не должно заслонять то, что эллинистическая ойкумена представляла собой единую сложную систему, все параметры которой, функционируя по собственным законам, в конечном счете были взаимообусловлены⁸. Выявление того, что объединяет на первый взгляд несопоставимые части этого целого, способствовало бы лучшему пониманию природы этого целого. Поэтому представляются перспективными исследования, посвященные как сравнительному анализу исторического развития отдельных областей эллинистического мира, так и изучению существовавших между ними связей. В частности, следует упомянуть работы по истории припонтийских государств, где они рассматриваются в качестве органической части античного Средиземноморья⁹, в том числе и работы о контактах Северного Причерноморья с эллинистическими государствами, включая Птолемеевский Египет¹⁰.

В подобного рода исследованиях возникают трудности, обусловленные спецификой имеющихся источников. Так, сведения письменных памятников о связях Птолемеев с Причерноморьем крайне малочисленны. К тому же содержащиеся в них факты в основном относятся к южнопонтийскому побережью и проливам¹¹, за исключением нескольких папирусных строк и свидетельств античных авторов, из которых можно заключить, что нити связей тянулись и дальше на север¹². Материал письменных источников

⁵ Прежде всего это касается работ по истории Птолемеевского Египта, где проблеме «греки — египтяне» посвящено внушительное число исследований; подробную библиографию см.: *Фихман И. Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 156—162.

⁶ Методологически важными в этом плане являются работы К. К. Зельина: *Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. М., 1960; *Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969.

⁷ См., например, *Bingen J.* L'Egypte gréco-romaine et la problématique des interactions culturelles // *American Studies in Papyrology*. 1981. V. 23. P. 3—18.

⁸ *Зельин.* Исследования... С. 4.

⁹ Например: *Граков Б. Н.* Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли: Дис... д-ра ист. наук М., 1939; *Трофимова М. К.* Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.) // ВДИ. 1961. № 2; *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985, и др.

¹⁰ Тема «Северное Причерноморье и эллинистический Египет» в основном представлена работами по Ольвии и Боспору, см., в частности: *Шургай И. Г.* Импорт Александрии в Северном Причерноморье // ВДИ. 1965. № 4; *он же.* О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1972. № 3; *Трейстер М. Ю.* Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. В зарубежной историографии вопрос наиболее подробно рассматривался П. Фрэзером и Э. Виллем; см.: *Fraser P. M.* Ptolemaic Alexandria. V. 1. Oxf., 1972. P. 171 ff.; *Will.* НРМН. P. 187 suiv.

¹¹ Например: *Polyb.* V. 34. 7—8; *Memn.* XXV. 4; *Dion. Byz.* Fr. 28 (= GGM. II. P. 34); *Plut.* De Isid. et Osir. 28; *Tac.* Hist. IV. 83—84; *Athenod. Tars.* Fr. 49 (= FHG. III. P. 487); *Steph. Byz.* S. v.: Ἀρχυρα; OGIS. 54. 5—17; P. Amb. II. 42.45.

¹² См. широко цитируемые: P. Lond. 7. 1973 о посольстве Перисада II к Птолемею II Филадельфу и *Agatharch.* De Mar. Erythr. 66 (= SC. I. C. 926); ср. *Diod.* III. 34.7 — о существовании во II в. до н. э. торгового пути между Меотидой, Родосом и Александрией; кроме того; см.: SB. I. 3782; III. 6831. 6, 9 — возможно, о боспорских наемниках в раннептолемеевском Египте, а также *Plin.* NH. XXXVII. 11, 32 — о предполагаемых связях одного из наместников Птолемея II со Скифией.

относится преимущественно к III в. до н. э., когда Птолеми, контролировавшие северную часть Эгеиды, проявляли определенный интерес к Черноморскому региону¹³. Данное обстоятельство создает дополнительные трудности для исследования проблемы в более широких временных рамках¹⁴. Выводы о контактах Египта с Северным Причерноморьем основываются также на интерпретации отдельных археологических находок, идентификация которых часто представляет большую сложность¹⁵. При этом если речь идет об археологических находках привозных изделий (вещей «египетского» типа), то, как правило, подразумеваются торговые связи, в результате которых вещи из одной области попали в другую. Полученные данные нередко используются для иллюстрации широких выводов о существовании в эллинистическую эпоху «оживленных торговых сношений», «торговой конкуренции», «борьбы за рынки сбыта и сферы влияния» и т. д.¹⁶. С подобными выводами едва ли можно согласиться. Во-первых, их авторы, преувеличивая роль и масштабы античной торговли, не учитывают многообразие форм экономического общения в древности, обусловленного «растворением» экономики в неэкономических структурах¹⁷. Во-вторых, невозможно говорить о наличии торговых связей на основании единичных археологических находок¹⁸. Вещи могли попасть в чужую среду по-разному — в результате даров, миграций, путешествий, разбоя,

¹³ См., например: *Rostovtzeff*. SEHAW. P. 591 ff.; *Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С. 129 сл.; *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья (Синопа, Амис, Трапезунт). М.—Л., 1956. С. 175. сл., 231 сл.; *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI—I вв. до н. э. М., 1986. С. 124—139.

¹⁴ Взаимоотношения эллинистического Египта с Северным Причерноморьем, как правило, рассматриваются в пределах III в. до н. э. Исключение составляют исследования И. Г. Шургая, в которых предпринимается попытка проследить (хотя бы очень кратко) эволюцию торговых связей Александрии с Ольвией, Херсонесом и Боспором на протяжении III—II вв. до н. э.: *Шургая*. О торговых сношениях... С. 27—28; *он же*. Эллинистический Египет и города Северного Причерноморья (К проблеме контактов) // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май 1980 г. Тез. докл. Ереван, 1980. С. 89.

¹⁵ Прежде всего сложна проблема датировки некоторых групп археологических памятников эпохи эллинизма (керамика, изделия художественного ремесла). Кроме того, часть вещей происходит не из Египта (так называемые «египтизированные» подделки).

¹⁶ См., например: *Rostovtzeff*. SEHAW. P. 393; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.—Л., 1953. С. 83—85; *Шургая И. П.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1974. № 138; *Бадаляни Ю. С.* Экономические связи эллинистического Родоса: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1987. С. 41 и др.

¹⁷ Так, своеобразие экономического развития в начале эллинистической эпохи заключалось в том, что падала роль свободной полисной торговли и связанных с ней элементов рыночной экономики, возраставших в V—IV вв. до н. э., усиливались тенденции государственной монополии в сфере производства и распределения продукции; подробнее об этом см.: *Préaux Cl.* L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. P. 61 suiv.; *Профимова*. Ук. соч. С. 65—66; *Lévêque P.* Le monde hellénistique. P., 1969. P. 75—87; *Davies*. Op. cit. P. 307 ff.; об экономике «редистрибутивного» типа и «управляемой» торговле в эллинистических государствах см.: *Trade and Market in the Early Empires. Economies in History and Theory* / Ed. K. Polanyi. Glencoe (Illinois), 1957. P. 116 ff.; ср. *Humphreys S. C.* History, economies and anthropology: the work of Karl Polanyi // HT. 1969. VIII. P. 191 ff.

¹⁸ Даже массовый археологический материал, как, например, клейменная керамическая тара, не может прямо свидетельствовать об истинных масштабах и характере торговли, см.: *Граков*. Клейменная керамическая тара... С. 80; *Fraser*. Op. cit. I. P. 168; II. P. 289—290. Not. 282, 284; *Davies*. Op. cit. P. 273 ff.; АГСП. С. 182.

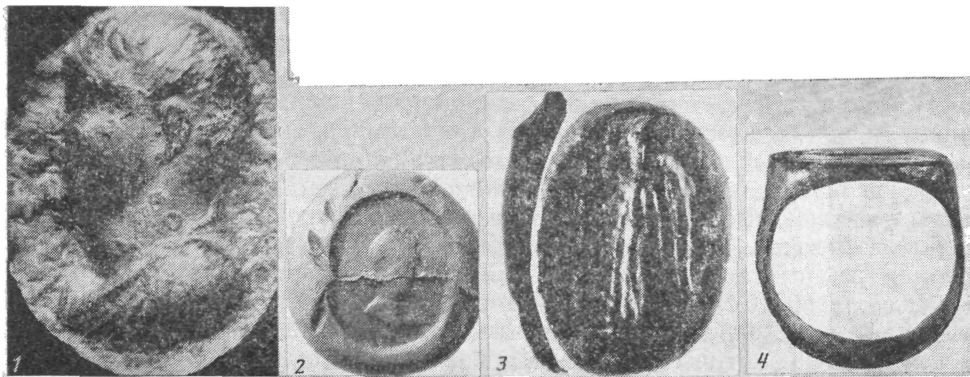

Рис. 1. Находки «египетского» типа из Херсонеса (III—II вв. до н. э.).
1—4 — бронзовые перстни-печати «птолемеевского» типа. Фото Т. И. Костромичевой

войны и т. д.¹⁹ Следовательно, прежде чем делать выводы о возможных экономических, политических, культурных и других контактах, необходим тщательный анализ каждой такой находки (группы находок) с точки зрения того, откуда, когда и как данная вещь могла попасть в данное место. Большое значение при этом помимо археологического контекста приобретают исторические факты, воссоздающие фон эпохи.

Придерживаясь указанных замечаний, проанализируем группу археологических памятников, представляющую большой интерес для изучения контактов между Птолемеевским Египтом и Северным Причерноморьем. Речь идет о бронзовых перстнях так называемого «птолемеевского» типа²⁰. Подобные перстни найдены в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре²¹. Примечательна концентрация в регионе этих редко встречающихся находок, в связи с чем высказывается ряд гипотез о причинах их распространения. О. Я. Неверов полагает, что перстням придавалось апотропеическое значение, и связывает их появление с торговцами и мореплавателями, которые почитали покровительствовавших им Арсиною-Афродиту, Исиду и Сераписса²², чьи изображения часто встречаются на щитках перстней. Не настаивая на александрийском происхождении находок, он тем не менее отмечает определенную зависимость между появлением в III в. до н. э. в Северном Причерноморье перстней птолемеевского типа и началом распространения здесь египетских эллинистических культов²³. На культовый

¹⁹ Брашинский И. В. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 1984. С. 22.

²⁰ См.: Неверов О. Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1; Трейстер М. Ю. Бронзовые перстни с изображением на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3.

²¹ 1 перстень — в Ольвии, 28 — на Боспоре (Трейстер. Бронзовые перстни... С. 70, 76), 5 — в Херсонесе («Египетская» коллекция ХИАЗ: инв. № 116/36590 (табл. I, 1); 13/37006; 6145 (рис. 1, 2); 6426 (рис. I, 3, 4); ГЭ. Инв. № В-2673).

²² Ср.: Athen. VII. 318; Граков. 21, 58; КБН. 30, 1115; IOSPE. I².5.

²³ Неверов. Ук. соч. С. 106 сл.; ср. Шургая. О торговых сношениях... С. 24—28; Pippidi D. M. Sur la diffusion des cultes égyptiens en Scythie Mineure // Studii Clasice. Bucureşti, 1964. P. 108, 111 suiv. Этот процесс достиг апогея в римскую эпоху (Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (По эпиграфическим памятникам) // ВДИ. 1973. № 1. С. 60 сл.).

характер бронзовых перстней-печатей, в том числе с изображением Ники — покровительницы частных лиц²⁴, указывает В. С. Щербакова²⁵. По мнению М. Ю. Трейстера, 75% боспорских перстней данного образца составлял в III в. до н. э. египетский импорт, а с конца III — начала II в. под влиянием «мощного притока египетской (александрийской) продукции» являются местные подражания²⁶. Рассматривая боспоро-египетские связи на фоне политических событий в Восточном Средиземноморье III в. до н. э., автор приходит к следующим выводам о причинах появления на Боспоре перстней-печатей. Первые Птолемеи, стремившиеся к господству в Эгейском море, пытались заручиться если не поддержкой, то нейтралитетом «могущественного Боспорского царства»²⁷. В целях утверждения на внешней арене они прибегали к различным политико-дипломатическим мерам, в частности к политической пропаганде, которая выражалась в разнообразных формах: обмене посольствами, строительстве храмов и общественных зданий на чужой территории (Афины, Галикарнасс, Самофракия, Византий, Гераклея Понтийская и др.)²⁸, богатых дарах (Memn. XXV.1), грандиозных празднествах (Athen. V.197—203; Theocr. XIV.58 sq.; XVII.95 sq)²⁹, распространении вне пределов империи царских эмблем и портретов на произведениях искусства и ремесла³⁰, в том числе и на перстнях-печатях. Проникновение на Боспор «птолемеевских» перстней как «средств пропаганды» Лагидов, заключает М. Ю. Трейстер, было обусловлено «тесными политическими контактами двух государств»³¹. Таким образом, среди причин появления в Северном Причерноморье бронзовых перстней птолемеевского типа исследователи называют торговые, религиозные и политические контакты, существовавшие между двумя отдаленными областями эллинистического orbis terrarum. Наиболее развернутой является гипотеза М. Ю. Трейстера, содержащая анализ исторического «контекста» проблемы. Однако не все ее положения выглядят достаточно убедительно. Прежде всего вызывает возражение взгляд на внешнюю политику первых Птолемеев как политику талассократии в Эгеиде, и тем более доминирования во всем Восточном Средиземноморье. Как показал Э. Вилль³², внешнеполитическая стратегия Лагидов основывалась на традиционных для египетских правителей принципах «оборонительного империализма». Суть этой политики сводилась прежде всего к захвату Киренаики, Кипра и

²⁴ Характерно, что распространение египетских культов в эллинистический период в основном проходило частным путем, см.: Pippidi. Op. cit. P. 108 suiv.; Неверов. Ук. соч. С. 113; Davies. Op. cit. P. 315—319.

²⁵ Щербакова В. С. Изображение Ники на античных печатях из Херсонеса // КСИА. 1981. № 168. С. 65—67. Ср.: Трейстер. Боспор... С. 129 — об изображениях Ники на монетах Птолемея Сотера, послуживших прототипом соответствующих изображений на бронзовых перстнях-печатях с Боспора.

²⁶ Трейстер. Бронзовые перстни... С. 76; он же. Боспор... С. 127.

²⁷ Он же. Боспор... С. 137. Утверждение представляется сомнительным. Во всяком случае в письменных источниках отсутствуют какие-либо данные о том, что Боспор вмешивался в дела ведущих эллинистических держав (Жебелев. Ук. соч. С. 117. Прим. 2; Блаватский. Античная археология... С. 97).

²⁸ М. Ю. Трейстер даже допускает возможность участия Птолемеев в строительстве какого-то (культового?) сооружения в Северном Причерноморье (Боспор... С. 138. Прим. 116).

²⁹ О «пропагандистском» характере праздников царского культа в Александрии см.: Will. НРМН. P. 202; Préaux. Le monde hellénistique... I. P. 255—265.

³⁰ См., например: Mahaffy J. P. The Empire of the Ptolemies. L.—N. Y., 1895. P. 206, 490; Thompson D. B. Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience. Aspects of the Ruler Cult. Oxf., 1973. P. 71—79, 117 ff.

³¹ Трейстер. Боспор... С. 137 сл.

³² Will. НРМН. P. 159—167; см. также: Rostovtzeff. SEHWW. P. 24—42; ср. Polyb. V. 34. 5—9.

Келесирии для создания там заслонов от возможного нападения соседей на собственно Египет (ср.: Theogr. XVII.98—101; Diod. XVIII.36). Оборонительная стратегия толкала Птолемеев и на захват островов и малоазиатского побережья, установление контроля над частью Балканской Греции (Theogr. XVII.85—90; Plut. Arat. 24) в целях предупреждения возможного повторения «восточного похода» македонских царей. Вероятно, в превентивных целях Птолемей II заключил анимакедонский и антиселевкидский союзы с городами и династами Северной лиги³³. Скорее всего этим же объясняется упорное стремление правителей Египта закрепиться на севере Эгейды в III в. до н. э. (Polyb. V.34.7—8; OGIS. 54.5—17)³⁴. Однако их позиции в Эгейском бассейне были непрочными: с середины III в. они ослабевают и к концу столетия окончательно подрываются³⁵. Возможность широкой экспансии исключала и экономическая политика первых Птолемеев. С одной стороны, она основывалась на традиционной для фараоновского Египта замкнутости³⁶, с другой — на нее влияли те конкретные исторические условия, в которых складывался новый государственный аппарат (прежде всего обстановка военного соперничества между эллинистическими монархиями). Для успешного проведения внешней политики Птолемаем были необходимы сильная армия, сырье и деньги. Доптолемеевский Египет практически не располагал своим денежным металлом: для нужд автаркичной системы, где экспорт превышал импорт, хватало «чужих» денег³⁷. К началу III в. до н. э. ситуация изменилась. С постепенным развитием товарно-денежных отношений в Средиземноморском регионе, выходом Египта в ряд ведущих держав, ростом расходов на содержание армии Птолемаем требовалось все больше серебра и золота³⁸. Чтобы решить проблему, центральная власть обращалась к фискально-меркантилистским принципам управления экономикой³⁹. Военная ориентация финансовых затрат, усугубляемая расходами на содержание армии бюрократов, вела к экономической неустойчивости, отсутствию стабильных торговых связей, складыванию локальных изолированных торгово-экономических зон⁴⁰. Жизненно важную роль для нормального функционирования

³³ О связях Птолемеев с Северной лигой см.: Сапрыкин. Ук. соч. С. 136 сл.

³⁴ Присутствие в этом регионе Птолемеев препятствовало объединению сил их основных врагов — македонских и селевкидских правителей (о враждебных замыслах Антигонидов и Селевкидов против Лагидов см. Polyb. III. 2, 8; XV. 20, 25, 29; XVI. 18—19; XVIII. 1), что вело к «балансу сил» во взаимоотношениях трех крупнейших эллинистических государств.

³⁵ См., например: Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. V. 1. Commentaries on Books. I—VI. Oxf., 1957. P. 565; Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280—220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 159 сл.

³⁶ О Египте как «ойкосе» Птолемеев см.: Préaux. L'économie... P. 433 suiv.; Davison W. J., Harper J. E. The economic integration of Ptolemaic Egypt // European Economic History. I. The Ancient World. N. Y., 1972. P. 159. О преемственности фараоновских и птолемеевских административно-хозяйственных институтов см.: Welles C. B. The Ptolemaic administration in Egypt // JJP. 1949. III; Физман. Ук. соч. С. 172 сл.

³⁷ Lumbroso G. Recherches sur l'économie politique de l'Égypte sous les Lagides. Turin, 1870. P. 28. suiv.

³⁸ О развитии товарно-денежных отношений в эллинистическую эпоху см.: Зельин. Исследования... С. 35 сл., 70—71. О финансовых проблемах Птолемеев в связи с оплатой наемников см.: Préaux. L'économie... P. 29 suiv.; Rostovtzeff. SEHW. P. 261 ff.; Will. НРМН. P. 172—173.

³⁹ Подробнее об этом см.: Wilcken U. Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft // Schmollers Jahrbuch. 1921. XIV. S. 65 ff.; ср. Orrieux Cl. Zénon de Caunos parépidémos, et le destin grec. P., 1985. P. 15—39.

⁴⁰ См., например: Зельин. Исследования... С. 62 сл.; о птолемеевской экономике «закрытого типа» см.: Préaux. Le monde hellénistique ... I. P. 248 suiv.

ния птолемеевской экономики кроме долины Нила и Дельты представляли Кипр и сиро-финикийское побережье, откуда с древнейших времен поступало в Египет стратегическое сырье⁴¹, а также южные области Малой Азии. Именно здесь на протяжении III в. до н. э. были сосредоточены главные внешнеполитические и экономические интересы египетских царей, формировался своеобразный «Большой Египет» с унифицированной административной системой, многочисленными гарнизонами и военными колониями Птолемеев, единым монетным стандартом, закрытым для других областей, своей «внутренней» торговлей⁴². Никакая другая зона Средиземноморья не имела такого значения для внешнеэкономической политики первых Птолемеев⁴³, которой вряд ли было свойственно стремление к проникновению на отдаленные рынки и захвату дальних торговых путей⁴⁴.

Исходя из вышесказанного, трудно согласиться и с утверждением М. Ю. Трейстера о том, что в III в. до н. э. между Птолемеевским Египтом и Боспором существовали тесные политические контакты⁴⁵. Во всяком случае, ни внешнеполитическая стратегия первых эллинистических правителей Египта, ни их экономическая политика не способствовали установлению прочных связей между Александрией и отдаленными государствами Северного Причерноморья. Аналогичным образом политические и торгово-экономические контакты северопонтийских центров в эллинистическую эпоху⁴⁶ в основном ограничивались бассейном своего «внутреннего моря». Разумеется, дальние торговые связи вовсе не исключались. Однако они были случайными и, как правило, имели опосредованный характер. Так, с конца III — начала II в. до н. э. меняется картина внешней торговли Египта. Наряду с сохранившимися значение «левантийским» и красноморским направлениями упрочились контакты с Западным Средиземноморьем, возрос объем торговли с Эгейдой⁴⁷, причем в последнем случае изменился характер торговых сношений. Если в первой половине III в. до н. э. Птолемеи, пользуясь военно-политическим присутствием в Эгейде, могли поддерживать с ней прямые торговые контакты, то впоследствии, утратив свое влияние, стали ориентироваться на торговое посредничество островов⁴⁸, в первую очередь Родоса⁴⁹, а также Делоса⁵⁰, которые до конца эллинистического периода оставались главными посредниками александрийской северной торговли. Одновременно эллинистический Родос, вместе с другими островами Эгейского моря (Кос, Хиос, Фасос, Книд) доминирует

⁴¹ См., например: *Перепелкин Ю. Я.* Древний Египет // История древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 336, 468.

⁴² *Bagnall R. S.* The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976. P. 240.

⁴³ Так, если после поражения в Хремонидовой войне 267—261 гг. до н. э. Лагиды спокойно ушли с Балкан и из Эгейды, то за Келесирию, вокруг которой с 274 по 198 г. до н. э. было пять Сирийских войн, они не случайно сражались до конца. Об этих военных кампаниях см. *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Lagides. T. 1. P., 1903. P. 164, 182 suiv., 198, 204, 246, 293, 341.

⁴⁴ *Трофимова.* Ук. соч. С. 61, 67; *Will.* НРМН. P. 179 suiv.

⁴⁵ *Трейстер.* Боспор... С. 138.

⁴⁶ См., например: *Граков.* Клейменная керамическая тара... С. 108, 207, 251 сл.; *Брашинский.* Ук. соч. С. 161—169; *Гилевич А. М.* Античные пногородные монеты из раскопок Херсонеса // НпС. 1968. № 3. С. 58—59.

⁴⁷ О западной и северной александрийской торговле см.: *Fraser.* Op. cit. I. P. 150 ff. 160 ff.

⁴⁸ Только по данным «архива Зенона» в середине III в. до н. э. Египет поддерживал контакты более чем с 20 островами Средиземноморья: P. L. Vat. XXIA. P. 503 ff.

⁴⁹ *Rostovtzeff.* СЕННВ. P. 266 ff.; *Fraser.* Op. cit. I. P. 162 ff.: II. P. 287—288. Not. 285; *Will.* НРМН. P. 184 suiv.

⁵⁰ См., например: *Rostovtzeff.* СЕННВ. P. 231; *Fraser.* Op. cit. I. P. 169 ff.

в средиземноморской торговле Северного Причерноморья, сменив монополию здесь Милета и Афин⁵¹. Скорее всего именно Эгейские острова — центры транзитной торговли в эллинистическую эпоху — являлись «точками соприкосновения» сфер внешнеторговой активности Птолемеевского Египта и Северного Причерноморья. Благодаря посредничеству островов между Меотидой и Александрией, возможно, был проложен морской путь⁵², по которому, например, херсонесское вино попадало на берега Нила⁵³, а египетские изделия — на понтийские берега⁵⁴. Не исключено, что по этому пути на Боспор, в Ольвию и Херсонес наряду с птолемеевскими монетами⁵⁵ попадали и бронзовые перстни, изготовленные в александрийских мастерских. Впрочем, как уже сказано выше, импорт единичных находок было бы неверно объяснить лишь торговыми контактами, тем более что они вряд ли преобладали в «иерархии» контактов и связей эллинистического мира, для которого война являлась обычным состоянием, а воспетый Плавтом *miles gloriosus* был одним из главных персонажей его истории.

Приняв к сведению последнее замечание, рассмотрим вопрос о причинах распространения в Северном Причерноморье птолемеевских перстней сквозь призму контактов, порожденных военной историей эллинизма. Некоторые исследователи высказывают предположение, что массивные металлические и стеклянные перстни с изображениями на щитках эллинистических царей и цариц, царских символов, богов и героев были особенно популярны среди наемников⁵⁶. В каталоге эллинистических гемм и перстней Ашмолеанского музея (Оксфорд) насчитывается, по мнению его издателей, около 10 перстней, связанных с лицами военного сословия⁵⁷. Говоря об аналогичных находках, М.-Л. Волленвейдер не исключает возможности того, что происходящие из Северного Причерноморья бронзовые перстни с портретами птолемеевских правителей⁵⁸ принадлежали наемникам, которые находились на службе у Лагидов⁵⁹. В историографии вопрос об участии боспорских наемников в армии Птолемея уже поднимался⁶⁰, но остался перешепнутым из-за крайней скудости источников⁶¹.

⁵¹ Брашинский. Ук. соч. С. 51; Бадалянци. Ук. соч. С. 8, 12; АГСП. С. 179 сл.

⁵² *Agath.* De Mar. Erythr. 66.

⁵³ О находке в Александрии двух клейменных ручек херсонесских амфор см.: Граков. Клейменная керамическая тара... С. 207, 310 сл.

⁵⁴ О находках египетских художественных изделий в Северном Причерноморье см.: АГСП. С. 237 сл.; ср.: *Touraieff B.* Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale / RA. 1911. XVIII; *Korostovtzev M. A.* A propos des objets égyptiens découverts en l'URSS / СНМ. 1965—1957. III; *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1.

⁵⁵ В нумизматическом кабинете Херсонесского музея есть две бронзовые монеты птолемеевского образца (ХИАЗ. Инв. № 6719; 7868), датируемые III—II вв. до н. э. (*Гилевич.* Ук. соч. С. 30). Три аналогичные монеты, относящиеся ко времени Птолемея IV Филопатора, найдены в Ольвии (*Шургая.* О торговых сношениях... С. 23). Рис. 3.

⁵⁶ *Boardman J., Vollenweider M.-L.* Catalogue of the engraved Gems and Finger Rings. I. Greek and Etruscan. Oxf., 1978. P. 68 ff.

⁵⁷ *Ibid.* № 286, 287, 289, 303, 310, 312, 330—332, 359.

⁵⁸ Например, перстень с портретом Птолемея II Филадельфа из Херсонеса (ХИАЗ. Инв. № 116/36590); см.: *Щеголов А. Н.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. 1975. № 143. С. 110. Рис. 1; *Неверов.* Ук. соч. С. 108.

⁵⁹ *Boardman.* Op. cit. P. 82.

⁶⁰ См., например: *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1. P., 1949. P. 421—423; *Соколовский Н. И.* К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. // СА. 1958. XXXVIII; *Трейстер.* Боспор... С. 136.

⁶¹ Известно единственное упоминание о двух боспорцах из списка наемников (?) в надписи из Арсиноитского нома, датируемой началом III в. до н. э. (*Launey.* Op. cit. I. P. 422; II. P. 1205.)

В связи с этим небезынтересно еще раз обратиться к известному папирусу из «архива Зенона» P. Lond. 7, 1973, в котором сообщается о послых Перисада II в Египте. Документ в основном рассматривался в контексте проблемы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле⁶², хотя в нем нет каких-либо указаний на этот счет, как, впрочем, вряд ли существовала и сама конкуренция⁶³. Сведения папируса интересны в других отношениях. Приведем его текст: «Аполлоний приветствует Зенона. Как только прочитаешь письмо, пошли в Птолемаиду экипажи и другие транспортные средства, а также вьючных мулов для послов от Перисада и аргосских феоров, которых царь⁶⁴ направил для осмотра (достопримечательностей) Арсиноитского нома⁶⁵. Позаботься, чтобы с транспортом не было задержки, потому что когда я писал тебе это письмо, они уже отплыли. Прощай. Год 32, Панемос 26, Месор 1». На обратной стороне приписка Зенона: «Год 32, Месор 2, в десятом часу: Аполлоний о транспорте для послов из Аргоса и от Перисада». Письмо диоикета Аполлония своему помощнику датируется 21 сентября 254 г. до н. э. В нем упоминается о путешествии в Фаюм послов боспорского царя Перисада II. Примечательно, что в письме его не называют царем⁶⁶. Мало вероятно, чтобы подданные Птолемея Филадельфа посмели допустить подобное пренебрежение к «могущественному союзнику» своего господина. В то же время содержание письма свидетельствует, что послам хотели угодить, сделать для них путешествие приятным. Сопоставление дат отправки и получения позволяет предположить, что Аполлоний сам сопровождал путешествующих до какого-то места, сделанная же Зеноном приписка о точном времени получения депеши намекает на ее срочность. К вопросу о цели посольства и поездки в Арсиноитский ном добавляется вопрос о причинах подобного поведения Аполлония и Зенона.

На наш взгляд, для понимания содержания письма важен не «внешний» (боспоро-египетские торговые отношения), а «внутренний» (колонизация Фаюмского оазиса) фон описываемых событий. Первая половина III в. до н. э. — время активной колонизации Арсиноитского нома. Птолемеи были заинтересованы, во-первых, в освоении дополнительных земель, которые бы подлежали фискальному обложению, во-вторых, — из-за нехватки денег — в компенсации наемникам денежного жалования натуральным, в виде дохода с отведенных для них участков, в-третьих, в соз-

⁶² Трофимова. Ук. соч. С. 47—51; КВН. С. 28; Bergmans M. *Théores argiens au Fayoum* (P. Lond. VII. 1973) // CdE. 1979. LIV. P. 127. Not. 1, 2.

⁶³ Трофимова. Ук. соч. С. 67—68.

⁶⁴ Птолемей II Филадельф.

⁶⁵ Б. Н. Граков переводит: *ὁς ἀπέσταλκεν ὁ βασιλεὺς κατὰ θεῖον τῶν κατὰ τὸν Ἀρσινοῖ(την) «которых отправил царь на зрелище (праздника) у Арсиноита» (Граков. 28. С. 261). Действительно, в конце месора (октябрь) в Арсиноитском номе праздновались τὰ Ἀρσινοῖα (P. Cairo Zen. I. 59096.9; II. 59185.3; III. 59312.26). Однако можно усомниться в том, что заморские гости (в частности, аргосские феоры) могли принимать участие в этом ежегодном локальном празднике. Более вероятным выглядело бы их присутствие на празднике τὰ Πτολεμαῖα (Πενδετηρίς), который с размахом отмечался в Александрии через каждые 4 года (Athen. V. 197 sq.), но, согласно подсчетам Т. Скита, очередное празднование Πτολεμαῖα состоялось ровно за год до описываемых в папирусе событий (P. Lond. 7, 1973. Not. 6). Возможно, аргосские феоры прибыли в Александрию с целью возвестить о предстоящих Немейских играх или τὰ Ἴθραα; см. Bergmans. Op. cit. P. 128—129; ср. Граков. 13. В этом случае логичнее предположить, что целью поездки посланников в Фаюм было не столько «зрелище» религиозного праздника, сколько знакомство с «достопримечательностями» нома.*

⁶⁶ Ср.: Граков. 28: в отчете гieroпоеев делосского храма Перисада называют царем. Сопоставление данных двух фактов в определенной степени свидетельствует об отношении птолемеевского двора к далекому боспорскому «царьку».

данши постоянного войска через закрепление за наемниками клеров. Наблюдается приток в Фаюм не только местного населения (P. Lond. 7, 1936, 1954), но и чужеземных колонистов, среди которых было много военных поселенцев и наемников. Об этом, в частности, свидетельствуют Зеноновы папирусы⁶⁷, поскольку администрация поместий Аполлония (Зепон, Мис, Артемидор, их агенты) находилась в тесных контактах с клерухами⁶⁸. Среди военных колонистов преобладали греко-македонские наемники⁶⁹. Нескольким раз в папирусах архива упоминаются фракийские клерухи⁷⁰, в колонизации Фаюма и Фиваиды в III—II вв. до н. э. участвовали также выходцы из других припонтийских областей: Вифинии, Пафлагонии, Понта⁷¹, Синопы (P. Amh. II. 42, 55), Гераклен⁷², Одесса (SB. I.3782) и Боспора Киммерийского (SB. III.6831, 6, 9)⁷³. Надо полагать, Птоле-⁴меи охотно вербовали на службу фракийских, галатских, скифских и критских наемников, слывших искусными воинами⁷⁴. В свою очередь, прослышав о богатствах птолемеевского двора⁷⁵ и выгодах службы у Лагидов⁷⁶, наемники прибывали в Александрию и в гарнизоны птолемеевских провинций из многих областей эллинистического мира и его варварской периферии, в том числе из Причерноморья. Вербовка наемников в III—II вв. до н. э. осуществлялась по-разному. Дж. Гриффит и М. Лоней выделяют следующие ее способы: набор по предварительному дипломатическому соглашению между стороной-наимателем и стороной, располагающей людскими ресурсами, посылка ксенологов на рынки наемников, услуги ксенологов с их отрядами профессиональных воинов, инди-

⁶⁷ В архиве упоминается свыше 100 имен клерухов; см.: *Uebel F. Die Kleruchen Ägyptens unter den ersten sechs Ptolemäern*. В., 1968. S. 24—25; ср.: *Rostovtzeff M. A. Large Estate in Egypt in the III Century B. C.* Madison, 1922. P. 135 ff.; *Préaux. L'économie...* P. 468 suiv.; *Orrioux*. Op. cit. P. 177 suiv.; 252 suiv.

⁶⁸ Подробнее см.: *Wipszycka E. The Δωρεά of Apollonios the Dioketes in the Memphite nome // Clio*. 1961. XXXIX.

⁶⁹ См., например: P. L. Bat. XXIA. P. 517 ff., 520 ff.

⁷⁰ P. Cairo Zen. I. 59001.6 sq.; 3 59473.2,5; P. Col. Zen. 2.80. Просопография фракийцев, находившихся в Птолемеевском Египте, насчитывает 362 имени, из них по Арсиноитскому ному отмечено около 90 имен фракийских клерухов (*Velkov V., Fol A. Les thraces en Égypte gréco-romaine*. Sofia, 1977. P. 22—72, 99).

⁷¹ *Launey*. Op. cit. II. P. 1211, 1227.

⁷² В просопографии наемников М. Лоней упоминается (правда, под вопросом) выходец из Гераклен Понтийской: *ibid.* II. P. 1265: Δημόκριτος Βιδυ[—] (Ἰρακλιώ (της)?).

⁷³ В «списке наемников» из Арсиноитского нома, датированном первой четвертью III в. до н. э., упоминаются некие Φιλώνυχος Βοσπορίτης и Μο[λ]παγ[ρ]ας Βοσπορίτης? (последнее имя встречается в одной боспорской надписи начала III в. до н. э.— КВН. 19), см. *Launey*. Op. cit. II. P. 1205.

⁷⁴ См., например: *Polyb.* V. 65.1—10 (ср.: *Jos. Ant. Jud.* XII. 147—152); XXXI. 26.8; *Callim.* Нумп. IV. 183—187; существует версия о том, что первые Птолемеи, следуя «рецептам» ассирийских правителей, основали скифскую военную колонию в Палестине (Бет-Шан, или Скифополь, в античной традиции), см.: *Abel F. M. Histoire de la Palestine depuis la conquête d'Alexandre jusqu'à l'invasion arabe*. T. 1. P., 1952. P. 57; *Lifshitz B. Scythopolis. L'histoire, les institutions et les cultes de la ville à l'époque hellénistique et impériale // ANRW*. II. 8. P. 267; ср.: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 179—180; о славе в античном мире скифских конников и лучников см.: *Launey*. Op. cit. I. P. 423. Not. 2; *Гольденберг В. А.* Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира // ВДИ. 1953. № 1. С. 208—209.

⁷⁵ См., например, сообщения античных авторов: *Herondas*. Mim. I. 26 sq.; *Theocr.* XVII. 79 sq.; *App.* Прооет. XI.

⁷⁶ Так, птолемеевские клерухи в III в. до н. э. получали участки от 20 до 120 арур (5—30 га) (P. Cairo Zen. I 59001) и сдавали их в аренду. По подсчетам К. Прео, доход клеруха в рассматриваемый период в 5 раз превышал доход мелкого арендатора: *Préaux Cl. Les grecs en Égypte d'après les archives de Zenon*. Bruxelles, 1947. P. 64; «о прелестях» службы в армии Птолемея Филадельфа см.: *Herondas*. Mim. I. 23 sq.; *Theocr.* XIV. 58 sq.

видуальный или случайный найм⁷⁷. Кроме того, был распространен институт симмахии — оказание военной помощи, включая отряды наемников, вооружение, корабли, деньги, согласно союзническому договору⁷⁸. По мнению исследователей, в эллинистическую эпоху преобладало рекрутирование наемников посредством дипломатических каналов, связей, соглашений⁷⁹. В качестве подобных соглашений известны: договор Родоса с Гиерапитной 220—200 гг. до н. э. (Inscr. Cret. III. Hierapytna. 3A. 39—45; 82—84), по которому родосским вербовщикам предоставлялось монопольное право набора наемников в Гиерапитне, аналогичные соглашения Антигона Досона с Гиерапитной (Inscr. Cret. III. Hierapytna I) и Элевтерной (Inscr. Cret. II. Eleutherna. 20), Аттала I с Аптарой (Inscr. Cret. II. Aptara. 4C. 12—13). Для заключения договора снаряжались посольства⁸⁰, с которыми доставлялись корабли, вооружение, деньги⁸¹, и, возможно, отряды наемников⁸².

Учитывая все эти обстоятельства, можно предположить, что в середине III в. до н. э. между Боспором и Египтом состоялся обмен посольствами⁸³ в связи с вербовкой боспорских наемников (скифов?)⁸⁴ в армию Птолемея II. Имеющиеся в нашем распоряжении источники по крайней мере позволяют говорить об участии боспорцев в колонизации Арсиноитского нома. Царь не случайно направил туда послов Перисада, вероятно, желая показать им «образцовое» филадельфийское хозяйство Аполлония⁸⁵ и соседние военные наделы. В связи с этим становятся понятными причины озабоченности диоикета и его управляющего, оказавшихся причастными к путешествию заморских гостей⁸⁶.

Таким образом, содержащиеся в папирусе P. Lond. 7, 1973 факты представляется возможным использовать для подтверждения гипотезы об участии боспорских наемников в птолемеевской армии. Анализ этих фактов в контексте характерных для рассматриваемой эпохи процессов позволяет говорить о существовании в середине III в. до н. э. дипломатических свя-

⁷⁷ Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Camb., 1935. P. 254—263; Launey. Op. cit. I. P. 25—36.

⁷⁸ Launey. Op. cit. I. 36—42.

⁷⁹ Griffith. Op. cit. P. 254, 257.

⁸⁰ Многочисленные данные о военных посольствах содержатся у Полибия (XXII. 3.5—6; 12.3,7; XXVIII.12.8—9; в последнем отрывке говорится о том, что посольство от ахейцев в Египет для возобновления симмахии было приурочено к празднованию птолемеевского царского культа; ср. в связи с этим P. Lond. 7 1973).

⁸¹ Polyb. XXII. 12, 13; XXIV. 6.1,3.

⁸² О порядке набора отрядов наемников птолемеевскими ксенологами см. Polyb. V. 63. 14; 64.1 sqq.

⁸³ О возможном египетском посольстве к Перисаду II см. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 86—87.

⁸⁴ О скифах в армии боспорских царей см.: Diod. XX. 22 sqq.; о распространении наемничества на Боспоре в IV—III вв. до н. э. см.: Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 70 сл.; Сокольский. Ук. соч. С. 298 слл.

⁸⁵ В P. Cairo Zen. 2. 59247 сообщается о визите в Арсиноитский ном некоего савновника Аристана, решившего посмотреть его по пути в Аравию; см. также P. Cairo Zen. 4. 59674, в котором, возможно, идет речь о посещении хозяйства Аполлония критскими послами; ср. Polyb. V. 36.4; 65.7; 82.4; XXXI.27.3 — о критских наемниках в птолемеевском войске.

⁸⁶ Не исключено, что Аполлоний, владевший имением в Беганате (Палестина), был связан через своих многочисленных агентов, которые курсировали по Палестине с колонистами-скифами из Бет-Шана. Если принять во внимание одну из гипотез о том, что Птолемей II приурочил основание Скифополя к визиту послов Перисада II, поскольку его скифские наемники являлись подданными боспорского царя (A vi-Yonah M. Scythopolis // IEJ. 1962. XII. P. 128), то причастность диоикета к рассматриваемым событиям не может вызывать сомнений.

зей между Египтом и Боспором по поводу рекрутирования наемников. Приняв к сведению данные выводы, было бы логично именно с наемниками (как, впрочем, и с их вербовщиками, теми же наемниками, участвующими в посольских миссиях⁸⁷) связывать появление на Боспоре бронзовых перстней «птолемеевского» типа. Что касается остальных областей Северо-восточного Причерноморья, то здесь птолемеевские перстни встречаются гораздо реже. Однако и в Ольвии, и в Херсонесе засвидетельствованы находки так называемых «ваз Гадра»⁸⁸, распространение которых связывают с послами и наемниками эллинистической эпохи⁸⁹. Вазы этого типа в большом количестве найдены на Крите⁹⁰, крупнейшем «рынке наемников» эллинистического Средиземноморья⁹¹, и в александрийских некрополях Гадра и Шатби⁹², где часто встречаются погребения послов и наемников, проживающих в «солдатской столице» эллинистического мира⁹³. В пользу предположения о том, что появление в Херсонесе ваз Гадра следует связывать с наемниками, свидетельствует и археологический «контекст» их находок. Так, некоторые херсонесские сосуды типа Гадра происходят из нерядовых погребений⁹⁴. Кроме того, большая их часть обнаружена в некрополе у Песочной бухты, где был также найден перстень с портретом Птолемея II (ХИАЗ. Инв. № 116/36590), вероятно, первоначально принадлежавший одному из птолемеевских наемников⁹⁵. В письменных источниках, к сожалению, не содержится каких-либо сведений о политико-дипломатических контактах Ольвии и Херсонеса с эллинистическим Египтом, что не может не затруднять выявление путей проникновения сюда рассматриваемых находок: перстней птолемеевского типа и керамики Гадра. Учитывая связь этих вещей с наемниками и, следовательно, не отвергая гипотезу, что херсонеситы и ольвиополиты мог-

⁸⁷ См. Boardman. Op. cit. P. 81.

⁸⁸ См. Шургая. Импорт Александрии... — об ольвийских вазах Гадра; в херсонесской коллекции вещей «египетского» типа представлено 20 образцов керамики Гадра: различной степени сохранности урны-гидрии (ХИАЗ. Инв. № 12/36590; 26/36590; 105/36590 (рис. 2, 5); 106/36590; 117/36590; 121/36590; 122/36590 (рис. 2, 6); 177/36590; 161/36590; 246/36590; 34059 (рис. 2, 7); 31164), расписные «агонистические» амфоры (ХИАЗ. Инв. № 134/36590 (рис. 2, 8); 32920 (рис. 2, 9)), фрагмент блюда(?) (ХИАЗ. Инв. § 2454). Из Херсонеса происходят хранящиеся в других музеях изделия Гадра: ОГАМ. Инв. № 26452; ГЭ. Инв. № X-1903/132-4.

⁸⁹ Материал александрийских некрополей позволяет говорить о том, что амфоры и гидрии Гадра использовались в качестве погребальных урн греко-македонских наемников, а также послов и феоров; см.: Fraser. Op. cit. I. P. 138 ff., II. P. 104. Not. 248; P. 245. Not. 49—50; Callaghan P. KRS 1976: excavations at a Shrine of Glaukos, Knossos // BSA. 1978. No 73. P. 15; Шургая. Импорт Александрии... С. 129.

⁹⁰ Callaghan P. J., Jones R. E. Hadra hydriae and Central Crete: a fabric analysis // BSA. 1985. No 80. P. 1—17.

⁹¹ Griffith. Op. cit. P. 245; ср.: Зельин. Исследования... С. 65.

⁹² Pagenstecher R. Dated sepulchral vases from Alexandria // AJA. 1909. XIII. P. 387 ff.; Breccia E. La Necropoli di Sciatbi. I. Le Cairo, 1912.

⁹³ Launeу. Op. cit. II. P. 792—793; о большом количестве наемников в Александрии см.: Theocr. Id. XV. 4—6; Polyb. V. 36.4; XXXIV. 14. 2—3.

⁹⁴ Например, урна-гидрия из могилы 53 некрополя у Карантинной бухты (ХИАЗ. Инв. № 34059). В погребении найдены золотые украшения и терракоты. В погребении 34 некрополя у Песочной бухты вместе с урной-гидрией (ХИАЗ. Инв. № 122/36590) обнаружены части погребального венка из позолоченной меди (Щеглов. Ук. соч. С. 116). Богатые захоронения наемников III в. до н. э. в александрийских некрополях отмечает, например, М. Лоней (Op. cit. II. P. 790—794).

⁹⁵ А. Н. Щеглов датирует находку первой половиной III в. до н. э. (Ук. соч. С. 110). Еще один перстень с овальным щитком (изображение на щитке не сохранилось) найден внутри той же урны-гидрии (ХИАЗ. Инв. № 122/36590) (Щеглов. Ук. соч. С. 112).

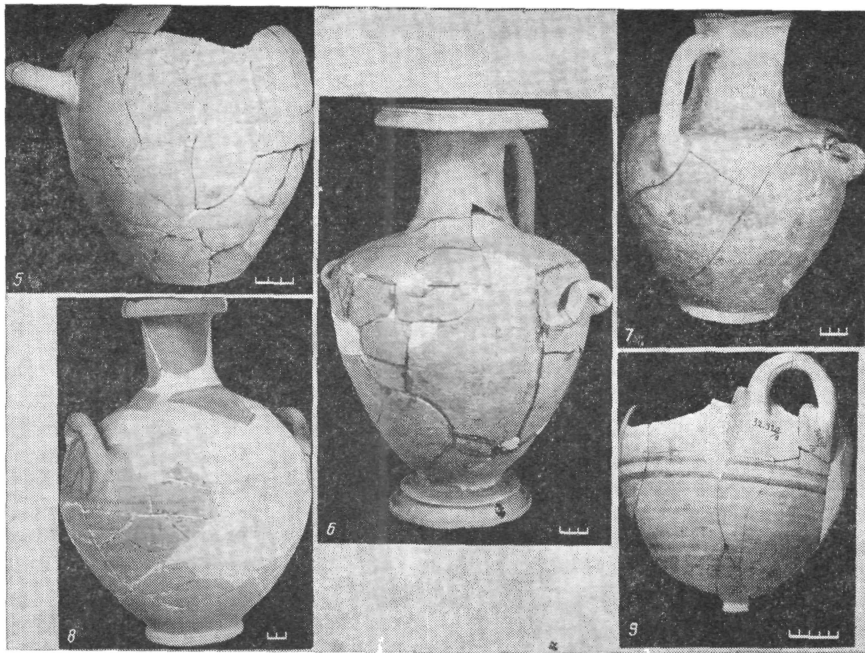

Рис. 2. 5—9 — вазы Гадра

ли, подобно боспорским наемникам, служить у первых Птолемеев ⁹⁶, и допуская возможность попадания с профессиональными воинами такого рода изделий в Ольвию и Херсонес, нельзя не принимать в расчет и другие «пути», связанные, например, с теми же наемниками — выходцами из других мест ⁹⁷, купцами, мореплавателями, послами, феорами, вызванные проникновением египетских эллинистических культов, различными контактами с соседними областями и т. д.

К числу характерных особенностей эллинистической эпохи следует отнести возросшую после похода Александра мобильность населения Восточного Средиземноморья, проявившуюся в грандиозной греко-македонской колонизации, появления еврейской диаспоры и др. «Героями» той эпохи стали колонисты, наемники, мореплаватели, странствующие интеллигенты, рядовые обыватели, уехавшие на чужбину в надежде разбогатеть, эти *homines oecopotici*, по меткому определению М. И. Ростовцева ⁹⁸. О степени мобильности эллинистического общества III в. свидетельствует, в частности, просопография «архива Зенона»: его хозяину,

⁹⁶ В пользу предположения о херсонеситах-наемниках можно привести свидетельства источников о военизированном характере херсонесской общины и многочисленных войн в истории Херсонеса: *Polyaen.* VIII.56; *IOSPE.I* ². 343, 352, 401; о симмахии херсонеситов и понтийского царя Фарнака (179 г. до н. э.): *IOSPE.V*².402; ср.: *Polyb.* XXV. 2.12—15.

⁹⁷ Военный найм не всегда приводил к длительной эмиграции, хотя некоторые эллинистические правители (Птолемей, например) и старались свести к минимуму миграции наемников (в Египте — путем наделения землей). Так, этолийцы и критяне, как правило, избегали длительных сроков найма, см.: *Launey. Op. cit.* I. P. 42; ср.: *OGIS* 266. Постоянно мигрируя, они могли побывать в разных уголках эллинистического мира.

⁹⁸ *Rostoutzeff. SENHW.* P. 421 f.

карийскому греку, проживавшему в Египте, удалось вовлечь в круг своих интересов и дел представителей свыше 20 этносов⁹⁹. Вызванные объективными обстоятельствами социально-экономического и политического развития доэллинистических Греции и Востока, эти демографические процессы в свою очередь вели к расширению разного рода контактов и связей, в которые оказались вовлеченными как центральные, так и окраинные области эллинистической ойкумены. Периплы и географии античных авторов, проксенические декреты и эпитафии, монетныеклады и амфорные клейма — эти и множество других источников позволяют говорить об эллинистическом мире как одной огромной «контактной зоне».

В ряду таких источников находятся и археологические памятники «египетского» типа из Северного Причерноморья: керамика, изделия из стекла и фаянса, произведения скульптуры, монеты и перстни¹⁰⁰. Исследование путей проникновения в регион только лишь одной группы этих памятников — бронзовых перстней птолемеевского типа — показывает тем не менее, насколько сложна проблема контактов Египта и Северного Причерноморья в эллинистическую эпоху. Сложность эта, обусловленная характером источников, придает в некоторой степени гипотетический характер сделанным здесь выводам. Не отрицая возможности существования множества различных причин распространения в Северном Причерноморье в III—II вв. до н. э. птолемеевских перстней, включая торговые, религиозные, политические, дипломатические, военные и прочие контакты и влияния (данные определения, разумеется, только в приближительной форме отражают сложный, случайный, спонтанный, как правило, опосредованный характер реальных отношений, которые порождали эти контакты и влияния), все же следует особо сказать о связи этих находок с птолемеевскими наемниками — выходцами из северопричерноморских центров. В пользу данного предположения говорит ряд обстоятельств. Прежде всего нельзя забывать, какую роль играли войны в эллинистическую эпоху, каково было их воздействие на экономику, политику, культуру, общество эпохи¹⁰¹. Бесконечная борьба эллинистических монархов за власть и богатства, столь подробно описываемая Полибием¹⁰², порождала повышенный спрос на наемников. Так, Птолеми, располагавшие в III в. до н. э. огромной армией, сетью военных колоний, поселений, постоев и гарнизонов в Египте и за его пределами (вплоть до Пропонтиды), были вынуждены снаряжать военные посольства, посылать своих вербовщиков повсюду, где имелся «стратегический товар»¹⁰³. Не исключено, что в орбиту маршрутов птолемеевских рекрутов попало и Северное Причерноморье, когда Лагиды пытались контролировать Эгеиду и проливы. Во всяком случае, сведения письменных источников (сообщения античных авторов о связях Птолемеев с Понтийским регионом, упоминание о боспорских наемниках в Фаюме, письмо двойкета Аполлония о путешествии послов Перисада II по Нилу) представляется возможным интерпретировать в контексте данных мероприятий и событий. Именно

⁹⁹ Среди них греки, македоняне, египтяне, сирийцы, фракийцы, евреи, персы, финикийцы, карийцы, критяне, иллирийцы, латины и другие; см. составленную В. Клариссом прозографию архива: P.L.Bat. XXI. P. 271—458.

¹⁰⁰ Так, каталог находок египетского типа из фондов Херсонесского историко-археологического заповедника насчитывает около 150 предметов, часть которых относится к эллинистическому времени.

¹⁰¹ См., например: *Lévesque P. La guerre à l'époque hellénistique // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. P., 1985. P. 261—287.*

¹⁰² *Ibid. P. 282.*

¹⁰³ См., например: *Polyb. V. 63; 64; XV. 25.15—18; ср.: Polyb. XXXI.26.*

с наемниками, военными посланниками, «кондотьерами» и ксенологами следует в первую очередь связывать проникновение в Северный Понт в III в. до н. э. птолемеевских перстней хотя бы потому, что эти люди составляли самую мобильную прослойку эллинистического общества¹⁰⁴. В пользу рассматриваемой гипотезы свидетельствуют и некоторые археологические факты, например находки в Ольвии и Херсонесе погребальных урн Гадра, на Боспоре — щитов «галатского» типа¹⁰⁵. Наконец, хронологически связанный с птолемеевскими наемниками археологический материал вписывается в канву тех исторических явлений, на фоне которых могло происходить его распространение. По мнению специалистов, с конца III в. до н. э. возрастает число местных изделий, подражающих александрийским образцам птолемеевских перстней, поступление которых в Северное Причерноморье к этому времени прекращается¹⁰⁶. Последнее обстоятельство, по-видимому, было обусловлено ослаблением с конца III в. до н. э. военно-политического влияния Птолемеевского Египта в Восточном Средиземноморье, что вело к сокращению притока в армию Лагидов наемников с севера, возрастанию в ней роли египетских и восточных элементов¹⁰⁷. Во II в. до н. э. Птолемаи замыкаются на внутренних проблемах государства, вступившего в полосу длительного социально-экономического и политического кризиса¹⁰⁸, и военные и дипломатические контакты египетских правителей с отдаленными областями эллинистического мира окончательно прекращаются.

¹⁰⁴ *Launey*. Op. cit. I. P. 6 suiv., 30 suiv., 60; см. также составленную М. Лопеем прозографию эллинистических наемников, где упоминается свыше 60 областей их происхождения.

¹⁰⁵ По мнению М. Ю. Трейстера, галатские щиты могли сюда попасть из Египта в начале III в. до н. э. (Боспор... С. 133—136).

¹⁰⁶ *Неверов*. Ук. соч. С. 112. Появление местных поделок «египетизированного» типа, в том числе бронзовых перстней, не может не затруднять определение социального статуса их обладателей по материалам раскопок погребений, в которых встречаются данные находки; ср.: *Щеглов*. Ук. соч. С. 109—110; *Трейстер*. Боспор... С. 132.

¹⁰⁷ *Griffith*. Op. cit. P. 244—245, 254, 321—322; *Launey*. Op. cit. I. P. 103; II. P. 1088—1089; *Lesquier J.* Les institutions militaires de l'Egypte sous les Lagides. P., 1911. P. 18, 120 suiv.; *Фигман*. Ук. соч. С. 183.

¹⁰⁸ См., например: *Зельвин*. Исследования... С. 348—483.

THE PTOLEMAIC EGYPT AND THE NORTHERN COAST
OF THE BLACK SEA REGION IN THE III CENTURY B. C.
(THE PROBLEM OF CONTACTS)

Yu. N. Litvinenko

The Alexander Great's Campaign was followed by an immense increase of various contacts and ties not only between the neighbouring parts of the Hellenistic oikumene but also between its remote regions. The mobility of Hellenistic society has grown in comparison with the previous age as a result of social and economic changes. Some sources data permit to put forward a hypothesis that there were certain military and diplomatic contacts between the first Ptolemies and the Bosporan Kingdom. Thus the so-called «mercenaries' register» from the Arsinoitic nome (SB. III. 6831. 6, 9) with two names of Bosporites, and the famous Zenon papyrus (P. Lond. 7 1973) which informs about the Bosporan embassy to Egypt is worth mentioning. It seems possible to interpret these facts as being connected with the Bosporan mercenaries in the first Ptolemies' army. So it were mercenaries and their recruteurs who brought the bronze rings of «ptolemaic» type, Hadra vases and «galatian» shields to Bosphorus, Chersonesus and Olbia in the III century B. C. Yet it should be suggested that these artefacts could have been brought there in other way, namely through trade, political and religious contacts and influences.

И. Ф. Фихман

ПОЗДНЕРИМСКИЙ КОЛОНАТ — МИФ, СОЗДАННЫЙ ИСТОРИКАМИ?

(По поводу статей Ж.-М. Каррие)*

Позднеримский колонат, в том числе приписной, в последние годы вновь привлек внимание исследователей. Наряду с новыми публикациями текстов¹, работами обобщающего и частного характера² появились и статьи остро полемические, отрицающие само существование позднеримского колоната как формы личной зависимости. В этом отношении выделяются статьи известного папиролога и исследователя поздней антич-

* Расширенный текст доклада, прочитанного 5 июня 1987 г. на X Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ, посвященной 50-летию журнала.

¹ *Bastianini G.* Una malleveria dall'archivio degli Apioni (P. Oxy. 996) // *Miscellanea Papyrologica*. Firenze, 1980. P. 25—30 (Pap. Flor. VII); *Fikhman I. F.* Une caution byzantine pour des coloni adscripticii: P. Oxy. VI, 996 // *Ibid.* P. 67—77; *Фихман И. Ф.* P. Oxy. VI, 996: поручительство за приписных колонов // *ВВ*. 1981. XLII. С. 161—171. Папирус переиздан в *SB*. XIV. 12484, где указано: «стркк. 20—22 приводятся по изданию Г. Бастианини; И. Ф. Фихман не восстанавливает утерянный текст. Действительно, в самой публикации утерянный текст не восстановлен, но в построчном комментарии (см. *Fikhman*. *Op. cit.* P. 77; *Фихман*. Ук. соч. С. 170) предлагается полное восстановление текста, отличающееся от восстановления Г. Бастианини, что и было отмечено издателем сборника Р. Пинтауди в примечании к статье (*Fikhman*. *Op. cit.* P. 67): «публикуется единый текст P. Oxy. VI. 996, опуская незначительные отличия, кроме чтения verso, которое содержит непримиримое и, следовательно, неминуемое различие»; P. Wash. Univ. 1.25 (о нем: *Фихман И. Ф.* Древнейшее поручительство за приписного колона // ПППиКНВ. XVII Годичная сессия ЛО ИВ АН СССР (Доклады и сообщения). Январь 1982. Ч. 1. М., 1983. С. 206—210; *Fikhman I. F.* Ad P. Wash. Univ. 1, 25 // *Μυήη* G. A. Petropoulos. I. Athènes, 1984. P. 381—386); *Sijpesteijn P. J.* Five Byzantine Papyri from the Michigan Collection. 4. Deed of Surety // *ZPE*. 1986. Bd 62. S. 145—148; *idem.* A Late Deed of Surety from Oxyrhynchus (P. Princ. Inv. AM 11244) // *ZPE*. 1986. Bd 65. S. 163—167 (о последних двух текстах см. *Фихман И. Ф.* Новые данные о приписных колонах // ПППиКНВ. XXII Годичная научная сессия ИВ АН СССР (Доклады и сообщения). 1988. Ч. I. М., 1989. С. 186—190).

² *Фихман И. Ф.* Приписные колоны (адскрипции — энапографы) по данным папирусов // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984. С. 166—226 (там и предыдущая литература: далее — *Фихман*, 1984); *Bianchini M.* Sul regime delle unioni fra libere e adscripticii nella legislazione giustiniana // *Studi in onore di C. Sanfilippo*. V. 5. Milano, 1984. P. 59—107; *Puliatti S.* Ricerche sulle Novelle di Giustino II. La legislazione imperiale da Giustino I a Giustino II. Problemi di diritto pubblico. Milano, 1984. P. 163—222 (Seminario giur. della Univers. di Bologna, 107); *Контев А. В.* Римское законодательство о браках рабов и колонов // ВДИ. 1985. № 4. С. 62—83; *Gasco J.* Les grands domaines, la cité et l'état en Egypte byzantine (Recherches d'histoire agraire, fiscale et administrative) // *TM*. 1985. 9. P. 20—27 (далее — *Gasco*, 1985); *John K. P.* Kolonenwirtschaft und Kolonat // *Eirene*. 1986. 23. S. 21—27; *Schmitz W.* Appendix 1 der justinianischen Novellen — eine Wende der Politik Justinians gegenüber adscripticii und coloni //

ности Ж.-М. Каррие³. Хотя в этих работах содержится страстная критика традиционной концепции, которую автор объявляет произвольным творением, интеллектуальной конструкцией исследователей, лишенной основания⁴, историографическим мифом⁵ (само слово «колонат» берется им, как правило, в кавычки)⁶, статьи Ж.-М. Каррие прошли, если не ошибаемся, не замеченными специалистами — историками, юристами, папирологами⁷. Исключение составляет А. Марконе⁸, подвергший анализу положения Ж.-М. Каррие в основном с позиций общеисторической и юридической науки. В данной статье мы предполагаем рассмотреть папирологическое обоснование тезисов Ж.-М. Каррие. Поскольку это невозможно сделать, не имея постоянно в виду общую концепцию автора, придется ее подробно изложить. Выводы Ж.-М. Каррие были суммированы им самим (*Carrié*, 1983. P. 241)⁹, а также более подробно — А. Марконе (*Op.*

Hist. 1986. 35. S. 381—386; *Лебедева Г. Е.* Еще раз о ранневизантийском колонате // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1987. С. 4—18; *John K.-P.* *Colonus, colonia, colonatus* // *Phil.* 1988. Bd 132. S. 308—321; *Коптев А. В.* Изменение статуса римских колоннов в IV—V вв. (По данным императорского законодательства) // ВДИ. 1989. № 4. С. 33—48; *Фихман.* Новые данные...; *Fikkman I. F.* *Esclaves et colons en Egypte byzantine* // XIXth International Congress of Papyrology Cairo 2—9 September 1989. Abstracts. [Cairo, 1989]. P. 49—50; *Фихман И. Ф.* Рабы и колонны в византийском Египте // Византийские очерки. М., 1991 (в печати).

³ *Carrié J.-M.* Le «colonat du Bas Empire»: un mythe historiographique? // *Opus.* 1982. I. P. 351—370 (далее — *Carrié*. 1982a); *idem.* Un roman des origines: les généalogies du «colonat du Bas-Empire» // *Opus.* 1983. II. P. 205—251 (далее — *Carrié*, 1983); *idem.* Figures du «colonat» dans les papyrus d'Égypte: lexicque, contextes // *Atti del XVII Congresso Internazionale di Papirologia* (Napoli 19—26 maggio 1983). V. III. Napoli, 1984. P. 939—948 (далее — *Carrié*, 1984); см. и текст выступления Ж.-М. Каррие на обсуждении книги М. Финли: *Esclavage antique et idéologie moderne dans «Ancient Slavery and Modern Ideology»* // *Opus.* 1982. I. P. 161—170 (далее — *Carrié*, 1982b). В первой статье автор подробно анализирует историографию колоната, преимущественно французскую (XVI—XIX вв.), показывая, как менялись точки зрения в зависимости от политических позиций участников спора, во второй он рассматривает в широком плане проблематику колоната, высказанные точки зрения с привлечением законодательных и некоторых других материалов, в третьей он пытается подкрепить выдвинутые им положения данными анализа практической документации папирусов. Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить Ж.-М. Каррие за любезность — присылку отписок упомянутых выше работ, отсутствующих в наших библиотеках.

⁴ Но см. *Carrié*, 1982b. P. 164: «Я не утверждаю, что социально-экономические отношения, близкие к „колонату“ юристов и современных историков, не существовали в некоторых случаях».

⁵ См. названия первых двух статей (*Carrié*, 1982a, 1983). Выражение «историографический миф» неоднократно повторяется во всех его работах.

⁶ Порой он пишет о колонате без кавычек, например, о «смертных муках колоната» (*Carrié*, 1982b. P. 163). Вообще в пылу полемики Ж.-М. Каррие придавал своим утверждениям столь категорическую форму, что ему иногда приходится вносить оговорки или вступать в противоречие с самим собой (см. прим. 4 и ниже).

⁷ Мы слишком поздно получили отписки статей Ж.-М. Каррие, чтобы иметь возможность учесть их в нашей работе о приписных колонах (*Фихман*, 1984), сданной в печать еще в 1980 г.

⁸ *Marcone A.* Il colonato del Tardo Impero: un mito storiografico? // *Athenaeum.* Vol. Sessantatreesimo. 1985. P. 513—520. Положительно отзываются о *Carrié*, 1984: *Giardina A.* Egitto bizantino o tardoantico? Problemi della terminologia e della periodizzazione // *Egitto e storia antica dall'ellenismo all'età araba.* Bilancio di un confronto a cura di L. Criscuolo e G. Geraci. Bologna, [1989]. P. 99. Not. 42; *MacCoull L. S. B.* Patronage and the Social Order in Coptic Egypt // *Ibid.* P. 497. Not. 1.

⁹ «Критический пересмотр источников побуждает меня считать недоказанными или отвергнутыми (следующие утверждения. — *И. Ф.*): что положение колона развивалось в направлении ассимиляции с положением раба; что колон, фискально приписанный к автопрагированному имению, обязательно был держателем имения; что колон частного имения исполнял (châsè) на условиях постоянного держания (если пользоваться обычным феодальным термином); что арендная плата (louer) за это держание — оброк колона (la redevance du colon) — была неизменной и фиксирован-

cit. P. 514—515). С учетом авторского и «оппонентского» изложения концепцию Ж.-М. Каррие можно сформулировать следующим образом. Римское право не знало понятия «колонат», характеризующего личный статус человека, аналогичного понятию «свобода» и «рабство» (*Carrié*, 1983. P. 243; cf. *Carrié*, 1982a. P. 351). Применительно к рабству законодательство использовало термин *condicio* (*condicio servitutis*), к колонату — *ius colonatus* (СTh. V. 4.3), *nexus colonarius* (Nov. Val. XXX § 6)¹⁰. В законодательстве говорится о законах, касающихся колонов, но не о законах о колонате (*Carrié*, 1983. P. 243). *Ius colonatus* регулировал не личные права колонов, а вытекал из тех ограничений, которые право налагало на колонов как на социально-профессиональную категорию, подлежащую налоговому обложению¹¹. Колонат не был следствием социально-экономических процессов¹², в частности развития аграрных отношений, не устанавливался договорным образом (*relation contractuelle*)¹³, а был неминуемым результатом налоговой реформы Диоклетиана¹⁴, в основу которой была положена *capitatio*, эффективное взимание которой возможно было только при условии прикрепления налогоплательщика к его *origo*, т. е. при условии так называемой *adscriptio*. Существовало три вида налоговых округов (*ressorts fiscaux*) — город, деревня, имение¹⁵. *Adscriptio* носила всеобщий характер, касалась всего податного населения, поэтому *adscriptio* колонов не отличала их в правовом (статусном) отношении от других социальных групп, за исключением того, что для колонов *origo*, к которой они прикреплялись, была не город и не деревня, а имение¹⁶, собственник которого выступал по отношению к ним не в качестве госпо-

ной обычаем; что когда-либо существовал «личный статус» колона; что юридическое определение и конкретные проявления (*implications concrètes*) «колоната» существенно изменились между IV и VI вв.; [в другой связи (*Carrié*, 1982b. P. 163) он вообще отрицает возможность найти линию разрыва (*coupure*) между II и X вв.]; что на Западе и на Востоке (этот процесс. — *И. Ф.*) проходил в разной хронологической последовательности (*obéi... à une chronologie différente*).

¹⁰ *Carrié*, 1983. P. 208; cf. P. 206. Имеются в виду СTh. V, 6. 3 и Nov. Val. XXXI. 6. По-видимому, Ж.-М. Каррие следовал за цитируемым им Фюстель де Куланжом, который не мог еще пользоваться изданием Т. Моммзена; но cf. *Carrié*, 1983. P. 226, где он говорит о *condicio colonaria*.

¹¹ *Carrié*, 1983. P. 243; cf. p. 234: «Выражением „положение“ колона („condition“ du colon) закон обозначает обязанности, ограниченность возможностей (*inaptitudes*) и в особенности прикрепленность (универсальную прикрепленность, пронизывавшую позднеантичное общество), которые ограничивают практическое проявление его теоретической свободы».

¹² *Carrié*, 1984. P. 945: «адскриптициат был не социально-экономическим отношением, а данным гражданского состояния, находящим свое основное применение в фискальной сфере»; но см. прим. 4.

¹³ См., например, *Carrié*, 1984. P. 944—946; cf., однако, p. 943, где Ж.-М. Каррие обозначает первое семантическое поле терминологии колоната как поле «контрактуральных отношений, собственно говоря экономических, между землевладельцем и держателем».

¹⁴ *Carrié*, 1982a, P. 351: «упоминание колонов в законах IV в. имеет место почти исключительно в законах фискального характера, в то время как ни один текст не определяет „колонат“ в качестве личного статуса»; *Carrié*, 1983. P. 219: «...не надо удивляться, что законодательство о колонах связано почти исключительно с фискальными обстоятельствами» (*casuistique fiscale*).

¹⁵ См. *Carrié*, 1983. P. 218; 1984. P. 942, где перечислены «города (*poleis*), деревни (*kômai*, *metrocomiae*, *vici publici*), крупные имения (*ktêma*, синоним *fundus* a, *praedium* или *possessio*) или их возможные подразделения (*epoikion*, в отдельных случаях синоним *vicus privatus* или *villa*)». В прим. 22 к тексту он отмечает, что «слова *κτῆμα* и *ἐποικίον* в отдельных случаях заменяют друг друга... не являясь все же синонимами». В другом месте (*Carrié*, 1983. P. 218) он утверждает, что «*ktêma* может включать в себя несколько *epoikia*, но не наоборот».

¹⁶ *Carrié*, 1983. P. 243: «Теоретически колон относится к *dominus* подобно тому, как житель деревни к деревне».

дина и даже не в качестве экономически заинтересованного лица, эксплуатировавшего их труд¹⁷, а в качестве предписанного государством распределителя и сборщика налогов. Поэтому колон не обязательно должен был быть держателем и не каждый земледелец — колоном¹⁸. Так как колонат был следствием общеперской налоговой реформы, то не могло быть существенных региональных различий¹⁹, а также градаций внутри состава колонов²⁰, а поскольку основной принцип налогообложения (прикрепление к *origo* и возложение обязанности по сбору налогов с колонов на крупное имение) не менялся в течение веков, то и сам колонат не претерпел серьезных изменений за весь отрезок времени от Диоклетиана до Юстиниана²¹. Колонат не гарантировал крупному землевладельцу постоянную рабочую силу, не гарантировал и колону «крепость держания»²². Государство стремилось только к обеспечению регулярного поступления налогов, и в этом плане оно помогало крупному имению в выполнении этой задачи, одновременно предоставляя колону защиту в случае незаконного превышения взимаемых сумм. В ряде случаев законодательство ущемляло

¹⁷ *Carrié*, 1983. P. 226: «...египетская действительность, где мы видим *adscripticii* (*enapographoi*), не состоящих ни в какой экономической связи с крупным имением, к которому их прикрепляет их *origo*».

¹⁸ *Carrié*, 1983. P. 231: «Не все *enapographoi* являются *géôrgoi* (колонами, в смысле держателей) и, наоборот, они не составляют совокупность рабочей силы имения: не всякий *géôrgos* является *enapographos*»; *Carrié*, 1984. P. 947: «...законодательство об *adscriptio* устанавливает правило прикрепления к территории крупного имения для населения, там зарегистрированного, населения, которое, однако, не обязательно связано с обработкой крупного имения»; Но cf. *Carrié*, 1983. P. 226: «В VI веке колон продолжает прежде всего обозначать любое лицо, снимающее в аренду землю»; *ibid.* P. 228: «Наконец, даже если *adscripticius* крупного имения не обязательно обрабатывает землю, недостаточно подчеркнутое (кем? — И. Ф.) значение слова „колон“ заключается в том, что оно обозначает социально-профессиональное прикрепление колона в качестве земледельца»; *ibid.* P. 230: «...экономические отношения между *adscripticius/enapographos* и крупным имением накладываются на публичноправовые отношения, созданные *adscriptio*, не сливаясь с ними».

¹⁹ Но см. *Carrié*, 1983. P. 243: «Таким образом, возможно, что тогда установилось крупное различие между Западом и Востоком» (имеется в виду наличие барской запашки на Западе и ее отсутствие, по мнению Ж.-М. Каррие, на Востоке. — И. Ф.).

²⁰ Ж.-М. Каррие (*Carrié*, 1984. P. 941—942) устанавливает смену терминологии — *coloni originales* (или *originarii*), *coloni homologi* (со ссылкой на СTh. XI. 24. 6—415 г.) и *coloni adscripticii*, но этими словами «всегда обозначалась та же действительность» (*Carrié*, 1983. P. 249); cf. *ibid.* P. 228: «Подобно тому как „*colonus*“ является исключительно неопределенным термином, общим знаменателем большого разнообразия реальных ситуаций, многие другие термины... применимы к колону, рассматриваемому под тем или иным углом зрения своего положения — экономическим, фискальным, административным, социологическим, не обозначая тем не менее особую категорию колонов».

²¹ *Carrié*, 1983. P. 242: «...сведенный к *adscriptio* „колонат“ устанавливается в одно и то же время во всех провинциях и существенно не меняет своей природы между Диоклетианом и Юстинианом», cf. *Carrié*, 1984. P. 947: «В целом этот порядок (*régime*), как мне кажется, представлял существенное тождество между IV и VI вв.».

²² Критикуя Фюстель де Куланжа, который «выдвинул недоказанный, ибо он недоказуем, принцип несменяемости держателя» (Фюстель де Куланж выразил это словами: «Ни колон не отстанет никак от земли, ни земля от колона. Земля держит его, но и он держит землю» — см. *Фюстель де Куланж*. Римский колонат. СПб., 1908. С. 122), Ж.-М. Каррие пишет: *adscriptio* преследовала цель установить крепость не фискального держания, а фискального местопребывания (*résidence fiscale*) (*Carrié*, 1983. P. 232). В другой связи (*Carrié*, 1982a. P. 360—361) он обвиняет историков в том, что они не установили «природное различие между фискальным прикреплением и рабским статусом, различие, которое приводит к тому, что „господин“ не имеет права разорвать связь (колона с землей. — И. Ф.), которую не он установил»; cf. и *Carrié*, 1983. P. 237: «Навязанная императорской властью, эта связь колона с землей — а не с собственником — не содержит в себе ничего договорного... не может быть упразднена с согласия обеих сторон».

интересы крупных землевладельцев²³, а строгое соблюдение принципов фискальной политики наносило иногда ущерб интересам не только церкви, но и самого государства²⁴.

Крупный землевладелец не становился господином колона, последний оставался свободным, его личный статус не опускался до уровня рабского, в целом его положение следовало общему ухудшению, которое касалось всех *humiliores*, в состав которых он входил. Поэтому колонат, порожденный фискальной политикой государства и отвечавший его фискальным интересам, не может считаться формой личной зависимости²⁵, характерной для поздней античности и обладающей рядом черт, сближающих его с формами феодальной эксплуатации. Все это, по мнению Ж.-М. Каррие, не что иное, как интеллектуальная конструкция юристов и историков, не подтвержденная ни законодательством, ни папирусами²⁶.

Перейдем теперь к подробному рассмотрению положений Ж.-М. Каррие и попытаемся выяснить, насколько они подтверждаются источниками, в том числе и папирусными. Действительно, в древности существовало только одно деление общества — дихотомическое деление на свободных и рабов. С этой точки зрения колонаты были не просто свободными (*liberi*), а свободнорожденными (*ingenui*)²⁷. Более того, они были гражданами государства, о чем свидетельствует применяемый к ним в папирусах эпитет *ἀσθηλιος*²⁸. Но в реальной жизни между этими двумя противоположными полюсами в разное время, в разных античных обществах был целый спектр промежуточных градаций, который не укладывался в прокрустово ложе упомянутого выше противопоставления и который еще в древности определяли как положение «между свободными и рабами»²⁹. Современникам были вполне ясны характер и степень ограничения прав, характер и объем обязанностей, возложенных на лиц, принадлежавших к таким социальным группам, образовавшимся обычно замкнутые сословия. Их зависимое положение (даже если формально они признавались свободными), хотя бы в отдельных сферах жизни и деятельности или по отношению к определенным слоям населения, были очевидны. Это находило свое выражение в том, что и окружающие и администрация причис-

²³ Carrié, 1983. P. 237: «...прикрепление рабочей силы, гарантированное законом, навязывается собственникам даже когда они этого не желают», но см. там же: «не, способность заставить держателей соблюдать прикрепление имело пагубные последствия не только для обработки земли и поступления арендных взносов», см. и прим. 24-»

²⁴ Carrié, 1983. P. 238: «Жесткость системы, даже тогда когда дело касалось важной государственной проблемы, окончательно подрывает, по моему, гипотезу, согласно которой „колонат“ якобы был „подарком“ императоров так называемому „лобби“ крупных земельных собственников»; cf. *ibid.* P. 244.

²⁵ Но см. Carrié, 1983. P. 243: «прикрепление к земле угрожает держателям большей зависимостью от собственника земли».

²⁶ Carrié, 1984. P. 948: «От папирисов потребовали невозможного: подтверждения того, что является историографическим мифом»; cf. Carrié, 1982b, P. 164.

²⁷ См. подробнее: Фихман, 1984. С. 208. Прим. 123.

²⁸ См. Fikhman. Une caution... P. 72 (note à la l. 5); Фихман. Р. Оху., VI, 996... С. 165. Прим. к стк. 5; Фихман, 1984. С. 178 сл.; Gascou, 1985. P. 21. Note 113, со ссылкой: Fikhman. Une caution...

²⁹ Так и озаглавил Д. Лотце свое исследование о зависимом сельском населении древней Греции: Lotze D. Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. В., 1959. С другой стороны, М. А. Леви дал сборнику своих статей, посвященных формам зависимости в эллинистическое время, заглавие «Ни свободные, ни рабы»: Levi M. A. Né liberi, né schiavi. Gruppi sociali e rapporti di lavoro nel mondo ellenistico-romano. Milano, 1976. Ж.-М. Каррие это известно (см. Carrié, 1983. P. 219), но он полагает, что «ничего не могло бы лучше проиллюстрировать продолжающийся обмен интерпретативных ошибок между теорией колоната и экзегезой позднеантичной фискальности».

ляли их к особым группам со специальным статусом «худшего сорта». Так воспринимался и колонат.

Говоря о колонате, законодательство не ограничивалось только обозначениями *ius colonatus*, *nexus colonarius* в отличие от рабства, которое обозначалось как *condicio servitutis* (см. выше). Законодательство имело в виду именно статус, принадлежность к которому обозначалась соответствующей технической терминологией: *condicio*³⁰, *fortuna*³¹, *τύχη*³². И хотя эта терминология применялась и к некоторым категориям лиц, которых нельзя причислить к числу зависимых, говоря о колонате, законодательство имело в виду именно неполноценный, «худший» тип статуса. Поэтому государство и старалось воспрепятствовать превращению свободных в колонов (во всяком случае на словах), так как это приводило к переходу в другой, «худший», социальный статус³³. О статусе энапографов говорят и папирусы. Так, в ряде поручительств³⁴ за приписных колонов вместо фиксированного штрафа предусматривалось выполнение поручителем обязанностей сбежавшего колона. Эти обязанности не перечислялись, не уточнялись. По-видимому, считалось вполне достаточным указание, что речь идет об обязанностях, вытекавших из статуса энапографа (*ὑπεύθυνος εἶναι εἰς ἅπαντα τὰ ὄντα τὴν τοῦ ἐναπογράφου τύχην*). Таким образом, хотя и не было закона, введшего статус колона или содержащего развернутое его описание, колонат реально существовал, содержание понятия было известно и поэтому не нуждалось в детализации.

Теория о фискальном происхождении колоната была предложена еще до Ж.-М. Каррие в XIX в.³⁵ Прежде чем попытаться установить, па-

³⁰ Вызывает удивление утверждение Ж.-М. Каррие (*Carrié*, 1983. P. 208), что «выражение „*adscripticia condicio*“ не упоминается в кодексах» (*formule quinesse trouve pas dans les codes*). См., например, CJ. II. 4.43 (500 г.) — *super servili vel adscripticia condicione*; XI. 48 (47), 22 (531 г.) — *adscripticiam condicionem*; XI. 48 (47), 23 (531—534 гг.) — *adscripticiae condicioni, colonaria condicione*; XI. 48 (47) 24 — *adscripticiae condicionis*; Nov. Just. App. VI (552 г.) — *ad colonatus condicionem*.

³¹ Равенство значений *condicio* и *fortuna* ясно видно в CTh. VIII. 4. 28 (423 г.); ср. CJ. XII. 57 (58), 12 (436 г.).

³² См. Фихман, 1984. С. 178, 207 сл. (прим. 114—121); *Gascou*, 1985. P. 20. *Τύχη*, греческий эквивалент *fortuna*, несомненно, подразумевал статус, см., например, CJ. VI. 4.4.3 (531 г.) — *μηδὲν εἰπὼν περὶ τῆς τύχης αὐτῆς οὐ μόνον ἐλευθέρα γίνετα... (имеется в виду рабыня); Nov. Just. 22.10 (536 г.) — τῆς περὶ τὴν τύχην ἀνισότητος... (неравенство статуса); 54, Pr. (537 г.) τῆ ἐναπογράφου τύχης... τῆς δουλικῆς τύχης; 90. 6 (539 г.) — δουλικῆς τύχης... τύχης οἰκετικῆς; 123, 4 (546 г.) — καὶ δουλικῆς καὶ ἐναπογράφου τύχης. Термин применялся и к рабам, и к колонам, и к свободным; см., например, Nov. Just. 22. 8 (536 г.) — τύχης ἐλευθέρων εἰς δουλικὴν κατάστασιν...*

³³ См. CJ. XI. 48 (47); 22: *homines forte liberos ad deteriorere detrabi fortunam*. Речь идет о превращении свободных в адскриптициев, а не о защите свободы колонов от посягательств господ, о чем нередко говорит Ж.-М. Каррие (см., например, *Carrié*, 1983. P. 222). То, что статус колонов деградировал, отмечено им самим: «...принадлежка к *humiliores*, колоны подвергаются общей тенденции деградации их юридического положения» (*Carrié*, 1983. P. 243).

³⁴ О поручительствах за приписных колонов см.: *Fikhman I. F. Les cautionnements pour les coloni adscripticii* // Proceedings of the XVI International Congress of Papyrology... [Chico], 1981. P. 469—477 (ASP, 23); Фихман, 1984. С. 172—174, 205—206; *Gascou*, 1985. P. 25—26 и работы, отмеченные в прим. 1. Списки поручительств (в хронологическом порядке): *Fikhman. Les cautionnements...* P. 470; Фихман, 1984. С. 172 + P. Mich. Inv. 474 (Окс. ном, 541 г.) и P. Princ. Inv. AM 11244 (Окс., 635 г.) (см. прим. 1).

³⁵ Это признает и сам Ж.-М. Каррие (*Carrié*, 1982a. P. 351; 1983. P. 217), ссылаясь на соответствующий раздел историографического труда Р. Клоузига (*Clausing R. The Roman Colonate. The Theories of Its Origin. N. Y., 1925. P. 92—137*), но в отличие от предшественников, которые видели в *adscriptio* скорее инструмент, чем цель, для него это было «шоковое лечение для стабилизации фискальных доходов». Хотя приписной колонат привел к «цепной реакции вне фискальной сферы», в течение всего периода «фискальная озабоченность продолжает занимать центральное место».

сколько исторический материал подтверждает эту теорию, можно сразу же сформулировать несколько предварительных замечаний общего порядка. Фискальная теория предполагает наличие невероятно мощной надклассовой государственной организации, преследующей собственные цели (прежде всего фискальные) и обладающей возможностью навязывать в течение более трех веков свою волю подданным, не считаясь с их интересами и с теми глубокими и преобразующими последствиями для социальной структуры общества, к которым нововведение неминуемо должно было привести. Какого бы мнения мы ни придерживались о возникновении и сущности классового государства, как бы высоко мы ни ставили его организующую роль и влияние, трудно допустить, чтобы оно сумело посредством одной фискальной реформы в сжатые сроки внести существенные изменения в структуру общества, если бы для этого не созрели предпосылки, если бы это не отвечало интересам господствующего класса или хотя бы его наиболее влиятельных слоев, определявших политику государства. Достаточно напомнить, что то же государство, которое «одним махом» якобы создало предпосылки для немедленного возникновения колоната почти в законченном виде или (поскольку Ж.-М. Каррие не признает этот термин) для возникновения колонатных отношений, в течение многих десятилетий боролось против патрониев, непосредственно задевающих те же фискальные интересы, но потерпело, по общему мнению специалистов, поражение и было вынуждено капитулировать.

Власть господина над колоном безусловно отвечала фискальным интересам государства в той мере, в которой позволяла последнему переложить на плечи крупного землевладельца заботы по сбору налогов с зависимых земледельцев. Но это еще не доказательство, что государство по собственной инициативе учредило колонат, наследственно прикрепило земледельцев к земле крупного имения, без чего последнее не смогло бы выполнить переданные ему функции. Для перехода к колонату как форме обеспечения сбора налогов, должны были произойти серьезные изменения в социально-экономической структуре общества, в частности должны были сформироваться крупные имения и зависимый слой обрабатывающих их земледельцев. А это был, вопреки мнению Ж.-М. Каррие, отнюдь не единственный и универсальный процесс, сразу охвативший всю империю, а затяжной, протекавший с разной степенью интенсивности в разных частях империи и со своими локальными особенностями.

Если бы колонат возник неминуемо вследствие налоговой реформы Диоклетиана ³⁶, то он должен был бы сразу же или вскоре найти массо-

³⁶ Утверждение Ж.-М. Каррие (*Carrié*, 1982b. P. 163), что уплата поземельного налога в связи с реформой Диоклетиана становится обязанностью собственника земли, а не держателя и что это подтверждается формуляром арендных договоров начиная с 290-х годов (со ссылкой на исследование И. Херрманна), не имеет прямого отношения к теме. Поскольку земля принадлежит арендодателю, то он во все времена был формально ответственным за уплату поземельного налога. Если же арендатор в отдельных случаях вносил за него налог в целях освобождения его от хлопот, то сумма вычиталась из арендной платы. Кстати, клаузула, предусматривающая ответственность арендодателя-собственника за уплату налога, упоминается в папирусах не с 290-х годов, а уже в I, II и III вв., т. е. до этого времени, см. *Herrmann J. Studien zur Bodenpacht im Recht der graeco-ägyptischen Papyri*. München, 1958. S. 123. Anm. 1, 2 (МВРАР, 41). Следует отметить, что в законодательстве нигде не говорится о Диоклетиане как об императоре, положившем начало колонату, в то время как менее важная по своим последствиям конституция Анастасия, связанная с классификацией колонов, упоминается Юстинианом как *Anastasiana lex*.

вое отражение в источниках ³⁷ и прежде всего в форме адскриптициата, содержащего в самом своем имени прямое указание на *adscriptio*, и это слово не должно было иметь умалительного значения (*deterior condicio*), которое несомненно засвидетельствовано более поздним законодательством. Между тем законодательное оформление колоната произошло значительно позже, в разных провинциях не в одно и то же время, адскриптициат впервые упоминается и в законодательстве и папирусах только с середины V в. ³⁸, а сама законодательная деятельность по окончательному оформлению различных аспектов колоната продолжалась еще во времена Юстиниана ³⁹. Другими словами, речь идет не об единовременном административном акте ⁴⁰, продиктованном исключительно государственными (фискальными) интересами, а о важнейшем явлении социальной истории позднеримского общества, приобретающем все большее распространение и значение, затрагивающем прежде всего интересы непосредственных его участников — крупных землевладельцев и колонов, связанных отнюдь не только фискальной процедурой (об этом см. ниже).

Согласно Каррие (*Carrié*, 1983. P. 231), типичное представление о составе сельского населения египетского крупного имения дает P. Оху. I. 136 = W. Chrest. 303 = FIRA. III ². 161 = Contratti, 21 (583 г.). В этом договоре о найме Апионами диакона Серена для исполнения должности проноита и иподекта в ряде поселений, принадлежащих имению, подотчетные земледельцы (*hypēuthynoi geōrgoi*) делятся на три группы: *ktēmatikoi*, *kōmētikoi* и *exōtiki*. Под *ktēmatikoi* следует, по его мнению, подразумевать крестьян адскриптициев, под *kōmētikoi* — деревенских крестьян ⁴¹, а под

³⁷ См. *Carrié*, 1984. P. 943: по его мнению, если *capitatio* применялась в Египте с 287 г. (дата налоговой реформы Диоклетиана, согласно Ж.-М. Каррие), то с этого времени должны были появиться *coloni originales*; cf. *Carrié*, 1983. P. 220, 228: «*Coloni originarii* не были введены в Египет в более позднее время, чем в другом месте...».

³⁸ См. подробнее *Фихман*, 1984. С. 167—171; там же, с. 169 — список папирусов, упоминающих энапографов, охватывающий время «с 441 г., во всяком случае с 469 г. и по 616 г.». P. Princ. Inv. AM 11244 (Окс. 635 г.) расширяет хронологические рамки упоминаний. Каррие (*Carrié*, 1984. P. 942. Note 21) возражает против восстановления слова *ἐναπόγραφος* в P. Med. I. 64. [5] = SB. VI. 9503 (441 г.) в ответ на учет восстановления в нашей статье (*Fikhman*. Les cautionnements... P. 469. Note 2, где, кстати, приводится и исправленная P. C. Бэгноллом и К. А. Ворпом дата — 441 г.). Между тем слово «энапограф» восстановлено с вопросительным знаком издателем С. Дарисом в ed. princ. и соответственно в SB. VI. 9503 и без вопросительного знака в P. Med. I. 64, но слово не учтено ни в *Indice generale dei vocaboli*, s. v., ни в *Spoglio lessicale papirologico...* II, s. v. В SB. VII, s. v. слово приведено с вопросительным знаком. В числе текстов, упоминающих, вероятно, энапографов, мы учли этот текст еще в 1962 г., см. *Фихман И. Ф.* Ремесло и крупное имение в византийском Египте (По данным греческих папирусов) // ИС. Вып. 7 (70). С. 72 и в ряде других последующих работ; он учтен и Дж. Киненом в 1975 г. (*Keenan J. G.* On Law and Society in Late Roman Egypt // ZPE. Bd 17. S. 250 — конец прим. 29). Так что упрек следовало бы адресовать не только нам одним. Но мы и сейчас, так же как и Дж. Кинен, полагаем, что восстановление «энапограф» вполне правомерно, учитывая характер документа. Во всяком случае Ж.-М. Каррие не предложил иного восстановления лакуны.

³⁹ *Липиниц Е. Э.* К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. (Эволюция законодательства о колонате в 505—582 гг.) // Византийские очерки / III. М., 1971. С. 98—124; она же. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. С. 128—147.

⁴⁰ Сам Каррие (*Carrié*, 1983. P. 206) приводит конституцию Cth. XIV. 18, 1 = CJ. XI. 26.1 (382 г.), направленную против физически здоровых нищих, согласно которой нищие свободного происхождения передаются доносчику на условиях постоянного колоната (*colonatu perpetuo*), т. е. свободных превращали в колонов независимо от *adscriptio*.

⁴¹ См. и *Carrié*, 1983. P. 249 (note 92): «...рабочая сила, состоящая одновременно из деревенских „колонов“ и *enapographoi*».

exōtikoi, по-видимому, *advenaе*, в отношении которых невозможно сказать, находятся ли они на положении терпимой иллегальности (*illégalité tolérée*) или что они прошли сквозь сети контроля *adscriptio*⁴². Думается, что это деление не столько социально-юридическое, соответствующее трем различным категориям земледельцев, сколько топографическое (как в свое время указал У. Вилькен — W. Chrest. 383. Введение к тексту). В состав проиосии (округа), поручаемой Серену, входили владение Матреу⁴³, деревни Эписему⁴⁴ и Адеу⁴⁵ и *exōtikoi topoî*, т. е. «внешние места», не входившие в состав территории упомянутых поселений (сткк. 15—16). Поэтому и их жители названы *ktēmatikoi*, *kômētikoi*, *exōtikoi* (сткк. 18—19). О том, что этой терминологии не придавали строго технического значения, свидетельствует то обстоятельство, что в стк. 9 говорится о τῶν ἐ[ξ]ῆς δηλουμένων κτημάτων καὶ ἐξοτικῶν αὐτῶν τόπων, а в стк. 25 они объединены общим обозначением *ktēmata* (ἐν τοῖς προγεγραμμένοις κτήμασιν). При всем отличии смыслового содержания обозначений *epoikion*, *ktēma*⁴⁶, *kômē* в позднеримское время они, в особенности первые два, часто использовались применительно к одним и тем же населенным пунктам, что отмечено в литературе, причем не только в рамках внутриместной документации, где точность формулировок не обязательно соблюдалась, но и в официальной (см., например, PSI, I. 43 (Ерм. ном, V в.), в котором два комарха из эпикия Димитриу⁴⁷ выступают с обязательством о поручительстве γνώμη τῶν ἐμοκωμητ[ῶν]). Хотя, как показал собранный нами материал⁴⁸, лица, упоминаемые в папирусах expressis verbis в качестве энапографов, в основном проживали в *epoikia* и *ktēmata*, энапографы жили и в *kōmai*⁴⁹. Поэтому нет основания считать всех *ktēmatikoi geōrgoi* адскрипциями, а *kômētikoi geōrgoi* — свободными крестьянами. По той же причине нельзя считать любого человека, обозначавшего свое *origo* как *ὀρωμένοσ ἀπὸ ἐποικίου* или *ἀπὸ κτήματος* энапографом⁵⁰. Что же каса-

⁴² Carrié, 1983. P. 231; cf. Segrè A. The Byzantine Colonate // Traditio. 5. 1947. P. 110, который приравнивает этот перечень к *coloni originales* имена, *vicani* и *inquilini* или *advenaе* и высказывает сомнение в том, что крестьяне были *adscripticii* или *tributarii*, так как в IV и V вв. и в меньшей степени в VI в. многие крестьяне были еще свободными земледельцами (дело в том, что А. Сегре ошибочно относит цитату к Р. Оху. VIII. 1134 от 421 г.); Pallasse M. Orient et Occident à propos du colonat au Bas Empire. Lyon, 1950. P. 69. Note 28, который также приписывает цитируемый отрывок Р. Оху. VIII. 1134 и считает, что имеются в виду адскрипции, колоны-арендаторы и колоны-землевладельцы.

⁴³ О нем см.: Pruneti P. I centri abitati dell' Ossirinchite. Firenze, 1981. P. 101 (Pap. Flor. IX); в Р. Оху. XIX. 2244₃₁ (VI в.) оно обозначено как *epoikion*.

⁴⁴ О ней см.: Pruneti. Op. cit. P. 47; в ряде текстов обозначена как *epoikion*.

⁴⁵ О ней см.: Pruneti. Op. cit. P. 23; в ряде текстов обозначена как *epoikion*.

⁴⁶ Литературу об *epoikion* и *ktēma* см. Филман И. Ф. Оксиринх — город папирусов. И., 1976. С. 72. Прим. 84, 85; см. также Lewyillon-Blume M. Problèmes de la terre en Egypte: les epoikiōtai // CdE. 1982. 57. P. 340—347.

⁴⁷ О нем см. Drew Bear M. Le nome Hermopolite: toponymes et sites. Missoula, 1979. P. 90 (ASP, 21).

⁴⁸ См. Филман, 1984. С. 170 сл., 202 сл.

⁴⁹ См. Филман, 1984. С. 171; учитывая отмеченную взаимозаменяемость обозначений *epoikion*, *ktēma*, *kômē*, число энапографов, проживавших в *kōmai*, было больше, чем непосредственно засвидетельствовано.

⁵⁰ См. Carrié, 1984. P. 943. Note 27: «В Р. Lond. II 483. P. 323 (616 г.) старое понятие *originarius* сохраняется в выражении *ὀρωμένοσ ἀπὸ ἐποικείου* вместо *enapographos*. В другой связи (в комментарии к Р. Vindob. Sijpesteijn, 7) он понимает это выражение либо как обозначение *coloni originarii* (Carrié, 1983. P. 249). Note 92), либо как обозначение *colonus inquilinus*, которым он переводит и выражение *oikōn en tō autō epoikiō* (ibid. P. 232). В PSI. I. 59; (596 г.), содержащем поручительство за ационского энапографа, поручитель обозначает себя *ὀρωμένοσ ἀπὸ ἐποικείου*, но не указывает, что он энапограф, хотя обычно поручители-энапографы это свое положение отмечают.

ются *exôitikoï*, то, хотя нельзя полностью исключить предположение, что имеются в виду *advenae* (в папирусах они обычно обозначаются как *ξένοι*, *ἀλλόφυλοι*), скорее всего имелись в виду те, которые поселились вне границ соответствующих деревень или владений⁵¹.

Как известно, позднее законодательство различало две категории колоннов: так называемых «свободных» колоннов и приписных (СЖ. XI. 48 (47). 19)⁵². Хотя на первый взгляд они мало отличались друг от друга, поскольку и те и другие были прикреплены к земле, которую обязаны были обрабатывать, в действительности разница была и она вытекала из отмеченного законодательством различного объема прав на личное имущество. Первые могли им распоряжаться, вторые владели им на праве пекулия, принадлежавшего господину. Поэтому первые, став собственниками имущества, достаточного для того, чтобы занять все их время, и не позволяющего обрабатывать одновременно иные земли, могли переселиться в другое место⁵³. Вторые, очевидно, не могли этого делать⁵⁴. Таким образом, право собственности на землю (в отличие от пекулия) предоставляло при определенных условиях возможность освободиться от колонатной зависимости.

Материал папирусов, к сожалению, не позволяет проследить разницу на практике между «свободными» колоннами и приписными, так как сочетание «свободные» колонны в них вообще не упоминается, а слово *γεωργός* было многозначным и могло обозначать (как землевладельца) свободного арендатора, «свободного» колона и даже приписного, во всяком случае в хозяйственных ведомостях, где ни разу не фигурирует уточнение «приписной»⁵⁵. Но в этих текстах несколько раз попадает сокращение *καταμεν*, которое, очевидно, также относится к зависимым держателям имения. В свое время мы высказали предположение, что речь идет о держателях имения, которые получили свои держания не прямо от крупного имения, а от подчиненных ему лиц — держателей имения с разрешения имения, т. е. что мы имеем дело с элементами иерархического землепользования, коренным образом отличавшегося от обычной субаренды⁵⁶. В ка-

⁵¹ Ср. Р. Оху. LI. 3640 (553 г.) и приводимые там ссылки.

⁵² Хотя Ж.-М. Каррие и считает, что эта конституция — монтаж, апокриф, более похожа на комментарий, «сентенцию» юриста, чем на императорский закон, и дает этому тексту совершенно отличное от традиционного толкование, он допускает существование двух категорий колоннов (Carrié, 1983. P. 223—224, 227—228).

⁵³ См. подробнее: Физман, 1984. С. 184 сл.

⁵⁴ Ж.-М. Каррие (Carrié, 1983. P. 233) видит в высказывании о пекулии «вариант профессиональных контрактов, в которых исполнение гарантируется личным имуществом участника договора (contractant) (или его поручителя), подлежащим секвестру в случае бегства...». Гаску (Gascou, 1985. P. 24) считает, что «*peculium* являлся залогом, гарантирующим сельскохозяйственную повинность (*munus*), наподобие *πρόσ* а литургов или куриалов». Но почему только имущество энапографов объявлялось пекулием, в то время как «свободные» колонны сохраняли право собственности? Ведь и они должны были предоставлять крупному имению гарантию. Очевидно, приравнение имущества энапографа к пекулию выполняло функцию отличительного признака, существенно ограничивавшего правоспособность энапографа.

⁵⁵ Проведенный нами анализ папирусов, в которых упоминается слово энапограф, показал, что оно фигурирует только в папирусах, относящихся к крупным имениям, причем только в тех, в которых энапограф выступает субъектом или объектом сделки (Физман, 1984. С. 171—177). Очевидно, в таких случаях требовалось указать статус данного лица. В хозяйственной отчетности термина нет, по-видимому, потому, что статус перечисленных лиц был хорошо известен.

⁵⁶ Fikhman I. F. On the Structure of the Egyptian Large Estate in the Sixth Century // Proceeding of the Twelfth International Congress of Papyrology... Toronto, 1970. P. 127—129 (ASP, 7); Физман. Оксиринх... С. 74; *он же*. К структуре египетского крупного имения VI в. н. э. // Древний Восток. Сб. 2. М., 1980. С. 127—131.

честве документа, предвещавшего такое положение, мы привели P. Vin-dob. Sijpesteijn, 7 (Иракл. ном, 462 г.), в котором некий Авриллий Папну-фий из эпкики Пасиси ручается Флавию Олимпию (см. CPR. V. 14. Введ.) за Аврилия Араута, проживающего в том же эпкики и являющегося ἀμα-λειτοῦργός, в том, что последний заменит его в качестве арендатора и вы-полнит все работы, связанные с виноградником, пребывая в эпкики и т. д. Признавая факт субаренды, Ж.-М. Каррие (Carrié, 1984. P. 947), исхо-дя из того, что городские жители также могли поместить на пекоторых держаниях крупных имений находящихся на их службе γεῶργοι, прихо-дит к выводу, что в таком случае слово καταμεῖν не относится к админист-ративной и государственной лексике «колоната», а к «полю эконо-юри-дических отношений». Во-первых, мы не утверждали, что слово καταμεῖν от-носится к административной и государственной лексике и «что это одно из обозначений приписного колона» (Carrié, 1984. P. 947. Note 48). Наобо-рот, отметив его внутримоестное употребление и договорное оформление, мы высказали предположение, что их зависимое положение было слабее наследственной зависимости эпапографов, закрепленной законодательст-вом⁵⁷. Во-вторых, тексты, упоминающие καταμεῖν, не содержат прямых указаний на то, что субаренда предоставляется городскими жителями.

Совершенно недавно было опубликовано два новых текста, в которых снова появилось обозначение καταμεῖν. В изданном в 1984 г. P. Oxy. LI. 3640 (533 г.) сообщается, что через Иоанна, диакона и архимандрита мо-настыря Апы Иерака, были выданы Фиваммону καταμεῖν(αντι) для нужд оросительного сооружения (μηχανή) две веревки. Издатель, ссылаясь на нашу статью, дает перевод καταμεῖνας — subtenant (?). В изданном в 1987 г. P. Cairo. Inv. 10077 (556 г.)⁵⁸ также идет речь о выдаче веревки для нужд другого оросительного сооружения, только на сей раз мона-хами монастыря аввы Андрея и другому καταμεῖν(ας) Иосифу. Ссылаясь на комментарий к P. Oxy. LI. 3640, издатель папируса П. И. Сейпестейн также переводит «sub-tenant (?)». Оба текста несомненно принадлежат к архиву Апионов, т. е. к крупному имению. В обоих случаях, как и в P. Oxy. XIX. 2243(a)₁₈ и 2244₆₅ не указано отчество соответствующего καταμεῖν(ας)⁵⁹, очевидно, слово καταμεῖν(ας) было достаточным для иден-тификации. Если в P. Oxy. LI. 3640 слова ἔξω τῆς πόλης можно было бы еще отнести к месту пребывания Фиваммона, то из P. Cairo. Inv. 10077 ясно, что уточнение относится к месту нахождения оросительного сооруже-ния. Таким образом, очевидно, что слово καταμεῖν(ας) обозначало либо профессию, либо статус, а не топографическое обозначение, подобно ὀρω-μενος, καταχινόμενος и т. д. Если бы во вновь изданных папирусах было еще указано, как в P. Oxy. XIX. 2244_{3,65}, что Фиваммон и Иосиф были καταμεῖν(αντες) определенных лиц, находившихся на службе в крупном имении, то это явилось бы несомненным подтверждением предположения о наличии зародышей иерархического землепользования. При данном по-ложении вещей можно только утверждать, что мы имеем дело с определен-ной категорией зависимых от крупных имений лиц.

Иного мнения Д. Бонно, которая видит в καταμεῖν(ος?) заведующего оросительными сооружениями (gérant, préposé), находившимся в ведении свободных держателей. Правда, она не рассматривает все случаи употребления термина.

⁵⁷ См. Fikhsman. On the Structure... P. 129; Фиксман. Оксиринх... С. 74; он же. К структуре... С. 131.

⁵⁸ Sijpesteijn P. J. The Monastery of Abbas Andreas // ZPE. 1987. Bd 70. P. 54—55.

⁵⁹ В P. Oxy XIX. 2244₃₉ отчество указано.

Помимо государства, сыгравшего, по мнению Ж.-М. Каррие, роль «демиурга», в создании колонатных отношений, непосредственными его участниками были крупные землевладельцы и колоны. Правда, стороны были не равны в плане прав, социального веса и экономических возможностей. Решающую роль в оформлении, развитии и сохранении колоната на всех этапах его практического осуществления играли крупные землевладельцы, выразителем и защитником интересов которых выступало государство. Но и колоны при всем униженном и зачастую беспомощном положении также извлекали некоторую выгоду из колонатных отношений.

Крупные землевладельцы были не только распределителями и взимателями налогов. Если бы их роль только этим и ограничивалась, они бы старались любыми способами и средствами избавиться от утомительной и разорительной повинности, требовавшей содержания специального аппарата по сбору и транспортировке налогов и предполагавшей материальную ответственность в случае непоступления в казну подлежащих взиманию налогов. Они бы не стремились превратить свободных людей в зависимых колонов⁶⁰, сохранить имеющихся колонов, включая все их потомство⁶¹, не заманивали (укрывали) чужих (беглых) колонов⁶², невзирая на запреты государства и связанные с этим неприятности⁶³. Наоборот, вместо того, чтобы бороться за возврат и приобретение колонов, они бы добивались либо отмены системы *adscriptio* в той форме, которая влекла за собой ответственность крупного имения, либо освобождение от ответственности за уплату налогов с беглых колонов⁶⁴. Между тем, как явствует из законодательства, колонатные отношения, по крайней мере в ряде случаев, устанавливались в результате договоренности (соглашения), а поскольку эти соглашения могли быть навязаны более сильной стороной (крупными землевладельцами), то законодательство предусматривало ряд дополнительных условий для придания законного характера соглашению (об этом ниже). Заинтересованность же крупных землевладельцев могла иметь только одно объяснение — потребность в постоянной, гарантированной рабочей силе для обработки земли. И это стремление удерживать у себя работников (арендаторов), прикрепить их к имению засвидетельствовано еще в III в.⁶⁵ Эту же цель преследовало законодательство о статусе и праве распоряжения (раздела) потомством колонов

⁶⁰ См. прим. 33.

⁶¹ О законодательстве, касающемся браков и потомства, см., помимо разделов в общих трудах о колонате и отмеченные в прим. 2 работы М. Бианкини, А. В. Коштева, С. Пулиатти.

⁶² В этой связи сам Каррие делит господ на «покинутых и потерпевших» (*abandonnés et lésés*) и «укрывателей» (*domini d'accueil*) (*Carrié*, 1983. P. 223; cf. P. 222: «укрывательство беглых колонов бессовестными *dominibus*»).

⁶³ Как отмечает сам Каррие (*Carrié*, 1983. P. 222), «это приводило ко все умножающимся тлжбам разного рода между *domini*, с одной стороны, и между *domini* и *coloni*, с другой». По его мнению, правильное толкование знаменитой *Lex Anastasiana* в интерпретации Юстиниана заключалось в том, чтобы разрешить возникавшие на почве бегства и укрывательства колонов споры.

⁶⁴ В Р. Оху. XXVII. 2479 (VI в.), о котором еще будет речь, беглый энапограф, отсутствовавший три года, просит господина внести его вместе с детьми в список энапографов (стк. 11: ἀπογραφῆναι μετὰ τῶν ἐμῶν τέκνων исправленное Дж. Киненом чтение). Из этого видно, что беглый колон был вычеркнут из этих списков. По-видимому, это было сделано администрацией имения не зря, и то, что адскрипцией просит его внести вновь в списки, говорит о том, что это была необходимая процедура для легализации его положения.

⁶⁵ CJ. IV. 65, 11 (244 г.): *Invitos conductores seu heredes eorum post tempora locationis non esse retinendos saepe rescriptum est*. Конституция упоминается Каррие (*Carrié*, 1983. P. 212).

в случае смешанных браков между свободными и колонами и между колонами разных господ, которое отвечало экономическим интересам крупных землевладельцев в большей степени, чем фискальным интересам государства. Последнему в конечном итоге было безразлично, в качестве кого будет платить земледелец (в качестве свободного крестьянина или зависимого колона) и какой крупный землевладелец будет взимать с колона налоги, которые в любом случае поступили бы в казну. Та «лоббистская» деятельность крупных землевладельцев, которую Ж.-М. Каррие отрицает (см. прим. 24), в данном случае *expressis verbis* подтверждена законодательством⁶⁶.

Но крупные землевладельцы не только стремились удержать в имении колонов и их потомство, но и пополнить число зависимых от них колонов. Какими бы средствами ни рекрутировались новые колоны, их новый статус должен был быть соответственно оформлен путем составления соответствующих соглашений. Соглашаясь с нашим утверждением, что поручительства за колонов не могут считаться такими контрактами (*Carrié*, 1984, Р. 945). Каррие идет еще дальше и вообще отрицает возможность существования таких контрактов⁶⁷. Между тем наличие таких соглашений⁶⁸ засвидетельствовано самим законодательством. Так, в СЖ. XI. 48 (47), 22 (531 г.) указывается, что для установления отношения адскрипциата недостаточно *solam conductionem vel aliam quamcumque scripturam...*, но нужно в подкрепление этой *scriptura* привести другие данные, имеющие законную силу (*vex ex publici census adscriptione vel ex legitimis modis talis scriptura adiuvetur*). Помимо записи в государственный ценз имеются в виду еще *confessio* или *depositio*, т. е. для доказательства колонатного состояния необходим ряд документов и не только договор об аренде или другой вид контракта⁶⁹. Хорошо известно, что колоны заключали со своими господами различные письменные соглашения, поэтому непонятно, почему среди них не могло бы быть и соглашений об установлении колонатных отношений⁷⁰.

Экономические (а не чисто фискальные) связи колонов с крупным имением нашли прямое отражение в источниках, в том числе в папирусах⁷¹. Ж.-М. Каррие выделяет обычно те места, где говорится об уплате нало-

⁶⁶ См., например, Nov. Just. 156; Nov. Just. App. 1; ср. Nov. Just. 157, свидетельствующую о бессердечии господ по отношению к семейным связям колонов.

⁶⁷ «Даже не следует предполагать наличие таких контрактов, так как адскрипциат не является социально-экономическим отношением» (см. прим. 12).

⁶⁸ Гаску (*Gascou*, 1985. Р. 20. Note 105) полагает, что «в Египте отношения *g'orgos/colonus* всегда предполагают контрактную или статусную зависимость» (*dépendance contractuelle ou statutaire*).

⁶⁹ Каррие (*Carrié*, 1983. Р. 223) пишет: «Один только контракт об аренде недостаточен для подтверждения адскрипциата, нужно добавить более решающие доказательства, как *publici census adscriptio*». Но в тексте закона говорится не только об арендном договоре, но и о других видах договоров (*conductionem vel ex aliam quamcumque scripturam*), ценовая регистрация не единственное дополнительное подтверждение, а только одно из них (*vel ex aliis legitimis modis...; ex pluribus capitulis condiciones ostendi...; ex utroque genere obligationis* и т. д.). Не исключено, что запись в ценз происходила именно после предъявления остальных видов *scripturae*, т. е. была завершением оформительного процесса добровольно (пусть чисто формально) установленных колонатных отношений.

⁷⁰ Как указано (см. прим. 20), Ж.-М. Каррие считает *colonus homologus* «официозным термином» для обозначения колона в Египте. Этот термин, упоминаемый в СЖ. XI. 24. 6 (415 г.) со ссылкой на то, что это местное обозначение (*more gentilicio nuncupantur*), как ни странно, в значении «колон» в папирусах не отмечено. Но само слово связано с соглашением (контрактом), поэтому неудивительно, что Кл. Прео перевела выражение как «колоны, связанные контрактом» (*Carrié*, 1984. Р. 941. Note 13).

⁷¹ См. подробнее: *Фигман*, 1984. С. 187—191.

гов. Действительно, о налогах говорится в этих документах, но не только и не столько о налогах. В Р. Оху. I. 130₁₇ (548—549 гг.) это выражено колоном Анул в самой общей форме — «быть полезным (служить) имению». Другие тексты более конкретны. Прежде всего колон (энапограф) должен был добросовестно орошать, засеивать и обрабатывать землю. Эти обязанности зафиксированы как в некоторых расписках в получении оборудования⁷², так и в ряде поручительств⁷³. Во-вторых, энапограф был обязан вносить определенную плату. Поскольку и арендная плата и налоги взимались одними и теми же работниками имения, они очень часто объединялись названием, поэтому трудно определить, идет ли речь в тексте об арендных взносах в узком или широком смысле этого слова (включая налоги)⁷⁴. Наконец, он, возможно, выполнял и барщинные работы⁷⁵. Работники аппарата крупного имения, собирая одновременно и налоги и арендные взносы, могли, естественно, взимать больше положенного, пытаться повысить размеры арендной платы и т. д. То, что в законодательстве говорится о *superexactiones* применительно к налогам (именно эта сторона его больше интересовала), не дает основания исключать возможность увеличения других поборов с колонов.

Согласно Ж.-М. Каррие (см. цитаты в прим. 18), не каждый земледелец был колоном, не каждый энапограф имения был *ipso facto* держателем. Первая часть утверждения бесспорна. Наличие свободного крестьянства и свободных арендаторов признается законодательством, подтверждается источниками. Даже в Оксиринском номе, откуда происходит основная масса папирусной документации, относящейся к крупным имениям и упоминающая энапографов⁷⁶, значительная часть земельного фонда

⁷² Р. Med. I. 64₁₁ (441 г.), Р. Оху. XXXIV. 2724₈₋₉ (469 г.); XVI. 1899₁₉₋₂₀ (476 г.); 1983₂₀ (497 г.); подробнее о расписках см. Фихман, 1984. С. 171—172, 204. Там же полный список текстов и основная литература.

⁷³ Полный перечень приводится в Р. Оху. XXVII. 2478₈₋₂₁ (595 г.).

⁷⁴ Гаску (*Gascou*, 1985. Р. 13—14) говорит о *rente-impôt*, в котором преобладает налоговый аспект; в Р. Mich. Inv. 474₁₂₋₁₃ (541 г.) выделяются *ἐκφόρα* и *ἀρρορία*.

⁷⁵ См. *Fikhman. Les cautionnements...* Р. 476; *Фихман И. Ф.* Были ли обязаны барщиной египетские колоны-адриптации? // *Klio*. 1981. Bd 63. С. 605—608; *Фихман*, 1984. С. 188—190. Каррие (*Carrié*, 1983. Р. 212—213; 1984. Р. 940. Note 6) возражает против этого, отрицая наличие барской запашки (со ссылкой на А. Джонсона и Л. Уэста) и предложенные нами толкования *ὑποθήκη ἀπρέλια* в Р. Оху. XXVII. 2478₁₇₋₂₁, утверждая, что эта клаузула обычно относится к различным работам на самом участке земли, о котором идет речь. Но А. Джонсон и Л. Уэст не отрицают полностью наличие барской запашки и работы колонов на ней, они говорят только о том, что «данные о ней в Египте незначительны, но ἀποθήκη Απιονα, вероятно, занимали ее место на Западе» (*Johnson A. C., West L. C. Byzantine Egypt: Economic Studies. Princeton*, 1949. Р. 65). Нашу аргументацию он не разбирает, и то обстоятельство, что в *Carrié*, 1984. Р. 940. Note 6 дается отсылка только на *Fikhman. Les cautionnements...*, хотя в *Carrié*, 1983. Р. 247. Note 29 упоминается работа: *Фихман*. Были бы обязаны..., где проблема разбирается подробно, дает основание полагать, что с последней статьей Ж.-М. Каррие не смог ознакомиться. Вопрос о барщине нельзя еще считать окончательно снятым.

⁷⁶ Как показал анализ документов (*Фихман*, 1984. С. 169 сл., 1977), энапографы засвидетельствованы только в оксиринской документации, причем только в документах, адресованных крупному имению самими энапографами или лицами, выступавшими в их интересах (поручителями). Из этого, конечно, нельзя делать вывод, что в Египте энапографы имелись только в Оксиринском номе. Скорее всего, писали мы, «отсутствии слова „энапограф“ в текстах неоксиринского происхождения следует объяснить локальными особенностями оформления документов, тем, что в соответствующих местностях не было принято отмечать принадлежность к энапографам (там же, с. 170). В опубликованном совсем недавно Р. Mich. Inv. 474 (541 г.) упоминаются два энапографа Ираклеупольского нома, но поскольку господо родом из Оксиринха и документ был составлен, по всей вероятности, в Оксиринхе, то сказались оксиринская практика упоминания слова «энапограф».

принадлежала и обрабатывалась свободными землевладельцами. Но все энапографы безусловно были земледельцами. В качестве доказательства противоположного Ж.-М. Каррие ссылается на Р. Оху. XXIV.2420 (611 г.), поручительство, выданное Апиону за двух золотых дел мастеров⁷⁷. Оно действительно напоминает по форме поручительство за энапографов, но отнюдь не является таковым. В тексте нет ни обозначения «энапограф», ни ссылки на обязанность, вытекающие из статуса энапографа. Но (и в этом существенное отличие от поручительств за энапографов) в нем гарантируется пребывание на месте только самих золотых дел мастеров, а не членов их семьи, т. е. в документе ничего не говорится о наследственном прикреплении к имению, обязательном для энапографов. Обстоятельства, приведшие к необходимости составления данного поручительства, неизвестны, но можно предположить, что золотых дел мастерам был поручен заказ, выплачен аванс за работу, выдано золото (или деньги на его приобретение), а они заказ за работу, сбежали, были пойманы, помещены в тюрьму имения, откуда были выпущены на поруки с тем, что, пребывая на месте, выполняют работу. Сумма штрафа, вероятно, была равна или даже превышала стоимость заказа⁷⁸. Если бы энапографами могли быть люди самых разных профессий, то это должно было найти свое отражение в источниках. Между тем в законодательстве слово *colonus* (ἑσθηρός) иногда вообще опускается, настолько было очевидно, что *adscripticius* (*adscripticia*) подразумевает *colonus adscripticius* (*colona adscripticia*). В папирусах, в которых упоминаются энапографы с указанием профессии, всегда стоит слово ἑσθηρός или другое обозначение профессии, связанное с сельскохозяйственной деятельностью (подробнее: Фихман, 1984. С. 168).

Экономическая заинтересованность обеих сторон в сохранении колонатных отношений заключалась в том, что они гарантировали крупному землевладельцу наследственное приращение колон к имению, а колонам — прочность держания. Наследственное приращение колона к имению многократно предписывалось государством в самых резких выражениях (см. Фихман, 1984. С. 178—183, 208—210), сурово карались бегство и укрывательство колонов. На первый план в данном случае выступала защита интересов пострадавших землевладельцев, а не фиска, интересы которого можно было обеспечить, как было отмечено выше, обязав крупных землевладельцев, к которым перебежали колонны, сразу же заносить их в податные списки и взимать с них налоги. На практике колонны, конечно, покидали имения, а крупные землевладельцы сгоняли их с земли, но это было уже нарушением установленного порядка и законодательства. Ж.-М. Каррие, возражающий против этого тезиса (см. прим. 22—24), полагает, что колонны могли покидать имение относительно безнаказанно⁷⁹, а господа реагировали на это без особых эмоций.

⁷⁷ Carrié, 1983. P. 230—231: «Так, ремесленники, независимые от имения — ничто не указывает на такую зависимость — равным образом обозначены как *enapographoi*, например золотых дел мастера в Р. Оху. XXIV. 2420 от 610 г. (611 г. — см. BL. VII. 5. S. 150. — И. Ф.). Связь этих ремесленников *adscripticii* (с имением. — И. Ф.) не является, следовательно, экономической, а юридической. Она относится к гражданскому состоянию, к фискальным и литургическим обязанностям... Она восходит к тому времени, когда на *praedia* была возложена эта ответственность».

⁷⁸ Таким образом, ссылка Ж.-М. Каррие на Р. Оху. XXIV. 2420 попадает в число тех «банальных освобождений» из-под стражи, без доказательств, отнесенных к энапографам, от которых он сам предостерегает (Carrié, 1984. P. 945. Note 39).

⁷⁹ Carrié, 1983. P. 234: «Несмотря на устрашающие усилия закона, бегство колона никогда не приравнивалось к подрывной кооптственности аналогичного рабского преступления. Это отличие проявляется в явной легкости, чтобы не сказать фактической безнаказанности, с которой колонны покидают землю, к которой приращены».

В качестве доказательств приводятся Р. Оху. XVI. 2055 (VI в.) и XXVII. 2479 (VI в.). Первый папирус содержит длинный список колонов, бежавших из апионовского владения Фаисис в императорское имение Махавсон⁸⁰, а также данные о некоторых других колонах, находившихся вне владения. Документ безусловно носил характер внутриместной памятки, возможно это был первый шаг, предпринятый в целях возвращения беглецов. Не исключено, что, не желая вступать в тяжбу с императорским имением, список составили, чтобы попытаться снять с себя обязанности по сбору налогов или получить компенсацию. Во всяком случае на основе этого текста нельзя сделать вывод о возможности беспрепятственно покинуть имение⁸¹. Обстоятельства бегства и возвращения энапографа Пиевта из Р. Оху. XXVII. 2479 известны только из его путаного изложения, над выяснением которого немало потрудились исследователи⁸². Трудно сказать, так ли уж спокойно реагировало крупное имение, не принимало ли оно какие-то меры для возврата колона. Нельзя также утверждать, что колон вел переговоры с господином об условиях возврата, не апеллируя к его милосердию⁸³. Колон вернулся до написания прощения, цель его заключалась в том, чтобы разжалобить господина, естественно, колон стремился опустить невыгодные для него моменты.

Обратимся к вопросу о «крепости держания» колона. Как мы видели, Ж.-М. Каррие против этого возражает (см. выше прим. 22) и ссылается на Р. Оху. XVI. 1941 = Cartas, 29 (V в.)⁸⁴, в котором некий Серен сообщает земледельцу (γεωργός) Правту, что ему следует покинуть обрабатываемый им участок (μηχανή), так как Серен сдает его в аренду другому земледельцу (γεωργός). Согласно Ж.-М. Каррие, Серен, вероятно, управляющий имением, оба арендатора — колоны, одного стогняют с земли, другому ее сдают. Странно, что Серен, подробно сообщая данные о покойном отце (благочестивой памяти Даниил, бывший пресвитер), не считал необходимым указать свою должность в имении, что было бы более уместно в данной ситуации. Не исключено, что он был просто собственником участка земли (см. сткк. 8—9: διὰ [τ]ὸ ἐμὲ ταύτην ἀποδοῦν[αι]). Слово γεωργός могло обозначать не только «колон», но и просто «свободный арендатор». Никаких доказательств, что речь идет о замене одного колона другим, в тексте не содержится. Более правдоподобным представляется иное толкование. Землевладелец Серен сдал участок земли на условиях ἐφ' ὅσον χρόνον βούλει, позволявших ему в удобное для него время расторгнуть соглашение.

⁸⁰ О статусе см. Филман, 1984. С. 181, где прослеживаются родственные связи бежавших колонов.

⁸¹ Например, Hardy E. R. The Large Estates of Byzantine Egypt. N. Y., 1931. P. 77; Johnson A. C. Egypt and the Roman Empire. Ann Arbor, 1955. P. 170. Note 33 («держатели могли, по-видимому, переходить от одного имения к другому»), но текст Р. Оху. XVI. 2055 озаглавлен Γνωστὸς γεωργῶν φυγόντων и так он, правильно, обозначен в кн.: Johnson, West. Byzantine Egypte. P. 65.

⁸² Подробнее Филман, 1984. С. 176 сл., где приводится литература. Утверждение Каррие (Carrié, 1984. P. 945. Note 40), что захват проноитом имущества беглого энапографа был следствием применения клаузулы из поручительства за приписных колонов (δαιμονή... μετὰ πάσης τῆς αὐτοῦ ἀποζημιῆς), было бы оправдано, если признать за поручительствами характер контрактов об адскрипциате. Но, как отмечено, Ж.-М. Каррие, вслед за рядом других исследователей, оспаривает это. В. Р. Оху. XXVII. 2479 не упоминается ни о каком поручительстве, кроме того при наличии такого поручительства ущерб был бы возмещен поручителем.

⁸³ Carrié, 1983. P. 234: «Беглый колон ведет переговоры об условиях своего возвращения. Зывает ли он к его милосердию, просит ли он прощения за свою омерзительную ошибку?».

⁸⁴ Carrié, 1983. P. 232; cf. Carrié, 1984. P. 946—947: «собственник сохраняет право распоряжаться своими землями, как можно видеть из Р. Оху. XVI. 1941 (V в.).».

Очевидного отношения к вопросу о «прочности» или «непрочности» держания колона документ не имеет и строить на его основе теорию, противоречащую многократным законодательным запретам, рискованно.

Наконец, последний и главный вопрос. В какой мере юридически свободный колон (*ingenuus*) был действительно свободен не в теории, а на практике ⁸⁵, а точнее самостоятелен в своих действиях, причем не вообще, в обществе в целом ⁸⁶, а в пределах крупного имения, в своих отношениях с крупным землевладельцем?

В историографии, независимо от «школы», «направления» и т. д., единодушно признается прикрепление колона к земле. Одни, сторонники «фискальной теории», к которой относится и Ж.-М. Каррие, считают это прикрепление фискальным, навязанным государством независимо, а иногда и вопреки желанию крупных землевладельцев (см. прим. 11, 12, 22—24 и др.), другие видят в этом результат длительного социально-экономического процесса, в ходе которого крупные землевладельцы сумели прикрепить рабочую силу к земле. Но ведь колон не просто прикреплялся к земле, он прикреплялся к земле господина, заинтересованного в том, чтобы она была своевременно и должным образом обработана, т. е. чтобы она приносила ему определенный доход, отсутствие которого лишило бы владение землей всякого смысла. И конечно же, господин, с которого государство к тому же требовало обеспечения поступления налогов, должен был приложить все усилия, чтобы заставить юридически свободного колона «выложиться» сполна, не особенно считаясь с его свободным юридическим статусом, с юридическими гарантиями его прав ⁸⁷. Поэтому сравнение отношения колона с господином с отношениями жителя деревни с деревней (см. прим. 16) не оправдано. Хотя и руководство деревней позволяло себе нередко произвол по отношению к односельчанам, его реальные возможности не сопоставимы с тем, что могли себе позволить могущественные, как правило, крупные землевладельцы. Отсюда неизбежная зависимость от господина, отмеченная самим Ж.-М. Каррие (см. прим. 25), отсюда и борьба государства за обеспечение свободы (*ingenuité*) колоннов, о которой он также часто упоминает (см., например, прим. 33).

Между юридически свободным колоном и государством стоял крупный землевладелец — собственник земли (*dominus terrae*), к которой был прикреплен колон, а вследствие этого со временем и его *dominus*. Он не был *dominus* в том смысле и в том объеме, которые имеют в виду, когда говорят о рабах, но тем не менее обладал широкими возможностями (законными и незаконными) распоряжаться судьбой колона.

⁸⁵ Сам Ж.-М. Каррие говорит об ограничении практических проявлений теоретической свободы (см. прим. 11).

⁸⁶ Каррие (*Carrié*, 1982a. P. 355) приводит высказывание юриста XVII в. Д. Эро «respectu tertii adscriptitium servum non esse...». Этим, по нашему мнению, объясняется удивившее многих исследователей обстоятельство (см., например, *Geraci G. Economia e società nei papiri greci d'epoca bizantina: linee di una problematica // Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina. Faenza, 1977. P. 206*), что *adscripticii* так мало упоминаются в папирусах. Дело в том, что даже в оксиринхской документации, единственной, где в силу локальной специфики термин *энапограф* широко применялся (см. прим. 76), *энапографы*, будучи людьми свободными, не считали нужным отмечать свой особый статус при заключении сделок, не относящихся к имению (см. *Физман, 1984. С. 198*).

⁸⁷ См. *Carrié*, 1983. P. 236: «К искушению превышать свои права, которое сами социально-экономические отношения могли подсказать крупным землевладельцам по отношению к зависимой рабочей силе, подчиненной из *potestas*, казалось бы, самим законом...».

Эта личная зависимость от господина, несмотря на юридический статус свободного, нашла свое отражение в источниках, в законодательстве и в папирусах. Так, в законодательстве подчеркивается прикрепление не только к земле⁸⁸, но и к господину⁸⁹. В папирусах отмечается только второй аспект — принадлежность к господину. В текстах, где упоминаются энапографы, указывается, что «х» или «у» не просто энапограф, а энапограф крупного землевладельца, к которому адресован (для которого составлен) документ, он ἐναπόγραφος αὐτῆς или αὐτοῦ⁹⁰. Эта личная принадлежность и подчиненность подчеркивается и тем, что само поселение, откуда был родом или где пребывал энапограф, принадлежало крупному землевладельцу. Обычно это выражается формулой: «такой-то сын такого-то и такой-то *hormōmenos apo epokiou* (или *ktēmatos*, редко *kōmēs*)... *diapherontos tē hymtōn hyperphyeia* (и т. п.) либо *hormōmenos apo epokiou... ktēmatos tēs hymtōn hyperphyeias* и т. п.»⁹¹.

Колон превращался в работника, зависимого от крупного имения, в человека «худшего» статуса. Этот «худший» статус признавался государством, осознавался самим колоном, «ухудшался» господином в зависимости от степени его политического и экономического могущества. Колон, конечно, не был низведен до положения раба, но прикрепление к земле (и тем самым к ее собственнику), право (обязанность) господина продавать его вместе с землей, распоряжаться судьбой его семьи и т. д. не позволяет считать колона фактически свободным. В древнем Египте, где рабский труд никогда не играл решающей роли в сельском хозяйстве, а в позднеримское время вообще сошел на нет, основную массу рабочей силы, обработывавшей земли крупных имений, в этот период составляли колонны. То, что некоторые функции крупных имений выполнялись ими с согласия или даже по поручению государства, не меняло характер социально-экономических отношений, существовавших в крупных имениях и составлявших их сущность. Эти отношения не определить иначе как раннефеодальные⁹². Другое дело, степень распространения крупных имений, степень типичности этих отношений для всего Египта. Неравномерность, количественная и качественная, папирусного материала, дошедшего из разных частей Египта, затрудняет ответ на этот вопрос, тем более что естественный ход развития социальных процессов был сорван арабским завоеванием.

⁸⁸ Ссылки: Физман, 1984. С. 208, прим. 125.

⁸⁹ CJ. XI. 51 (50), 1 (386 г.): *ita domino fundi teneatur*; XI. 52 (51), 1 (393 г.): *possessor eorum iure utatur et patroni sollicitudine et domini potestate*; XI. 48 (47), 11 (396 г.): *domino vel fundo*; XI, 48 (47), 21 (530 г.): *in domini sui positus est potestate*; XI. 48 (47), 23: *admonente domino vel ipsius adscripticii vel terrae*; подробнее см. Физман, 1984. С. 208. Прим. 126.

⁹⁰ Ссылки: Физман, 1984. С. 209. Прим. 128, а также P. Princ. AM 11244_{13,19} (635 г.); исключение P. Оху. XLIX. 3512_{а-в} (492 г.), где указано: Ἀυρήλιος Πανεχάτης... ἀπὸ ἐποικίου Ἰππονάου κτήμα[α]τος τῆς σῆς εὐγενείας τοῦ αὐτοῦ νομοῦ ἐναπόγραφος, но это не совсем удачная редакция, τοῦ αὐτοῦ νομοῦ относится не к энапографу, а к эпкию.

⁹¹ Ссылки см.: Физман, 1984. С. 209. Прим. 129—134. В выражении *apo epokiou... ktēmatos tēs hymtōn hyperphyeias* — *ktēma* обозначало не поселение, а принадлежность (собственность) к крупному имению.

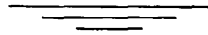
⁹² Разумеется, при условии, что мы не будем считать обязательными признаками феодализма «укрепленные замки» (Carrié, 1983. P. 210) или военную службу вассала в обмен на получение им от сеньора бенефиция, состоящего целиком или частично из публично-правовых полномочий (Bachrach B. Was there Feudalism in Byzantine Egypt? // JARCE. 1967. V. 6. P. 162—166; см. подробнее: Физман. Оксиринх... С. 97 Прим. 197).

LATE ROMAN COLONAT: A MYTH CREATED BY HISTORIANS?
(SOME NOTES ON ARTICLES BY J.-M. CARRIÉ)

I. F. Fikhman

In early 1980's French papyrologist and historian of antiquity J.-M. Carrié published in «Opus» two large articles in which he tried to prove that «colonat» (he took the word in inverted commas) had never been a form of social dependence, that the laws had said about colons, but had not recognized, colonat as social status. The scholar considers colonat to be a result of the fiscal reform of Diocletianus; colonat served to the interests of the state, which using the principle of «adscriptio» obliged landlords to impose taxes upon farmers who lived on their land. In other words, colonat is a myth, an abstract construction of historians. In his paper read to the XVII-th International Congress of papyrologists (1983, published in 1984) J.-M. Carrié tried to confirm this point of view with new data of papyri.

The present article consists of two parts: in the first one the author expounds in detail views and arguments of J.-M. Carrié, quoting abundantly from works. In the second part the author analyses the conception of J. M. Carrié on the basis of data of laws and papyri and comes to the conclusion that ideas of J.-M. Carrié could not be confirmed by the material of the laws and known documents. Colonat as «status», characterizing the dependent position of a definite part of rural population, did really exist and it was recognized both by the state and the immediate participants — landlords and colons themselves.

© 1991 г.

В. А. Кутайсов

МОНЕТЫ КЕРКИНИТИДЫ V в. до н.э.

В последние годы, когда при раскопках восточного района Керкинитиды стали раскрываться наиболее ранние строительные остатки и сопряженные с ними культурные отложения, резко расширился объем информации о монетном деле этого древнего города. В 1982—1986 гг. здесь были обнаружены 84 бронзовые литые монеты пяти ранее неизвестных типов, публикации которых посвящена данная работа¹.

I. *Узкие листовидные монеты-стрелки, отлитые в двусторонней форме.* В нашей коллекции изделия этого типа представлены всего тремя фрагментированными экземплярами, содержащими к тому же неполный вес (№ 1—3)². С большой долей вероятности к данному типу можно отнести еще один обломок. Все они отлиты в трех разных формах и профилированы невысокими продольными нервюрами, придающими им вид двухлопастных стрел.

II. *Плоские монеты, имитирующие двухлопастные наконечники стрел* (38 экз.). Плохая сохранность большей части монет этого типа лишает нас возможности рассмотреть их технологические детали. Однако остальные экземпляры позволяют утверждать, что они отлиты в пяти разных формах. Поверхность всех профилирована слабо выраженными нервюрами. Монеты № 8, 9 и 11, 18 отлиты в одной форме для каждой из названных пар. На монетах № 5, 8—9, 12 с одной стороны на поверхности имеется только один поперечный валик, а с другой — к такой же поперечной нервюре примыкает еще одна, продолжающая направление литника (их очертания имеют Т-образную форму). На двух других экземплярах отмечено пересечение нервюр с обеих сторон (№ 10) или присутствие только одного продольного валика (№ 18). Насколько можно судить по наиболее сохранившимся предметам, они имели вес в пределах от 0,70 до 0,82 г, а длину от 17 до 21,5 мм. (рис. 1,5).

III. *Монеты, на одной стороне которых изображена рыба с четко обозначенным хвостовым плавником, глазом и несколькими пересекающимися нервюрами, подчеркивающими ее видовые отличия.* На обратной стороне имеется один продольный валик (высотой 10—15 мм), имитирующий наконечник стрелы и заканчивающийся в хвостовой части. Следует подчеркнуть, что и с этой стороны монета напоминает рыбу. Однако в небрежно отлитых экземплярах (а таковых большинство) обратная сторона мало

¹ Уже после того как рукопись была подготовлена к печати и обсуждена в античном отделе ИА АН УССР, появилась публикация В. А. Анохина «Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды» (Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 133—148). Однако она не потребовала какой-либо существенной переработки нашей статьи.

² Здесь и ниже в скобках и в тексте даны номера монет по описи в конце статьи.

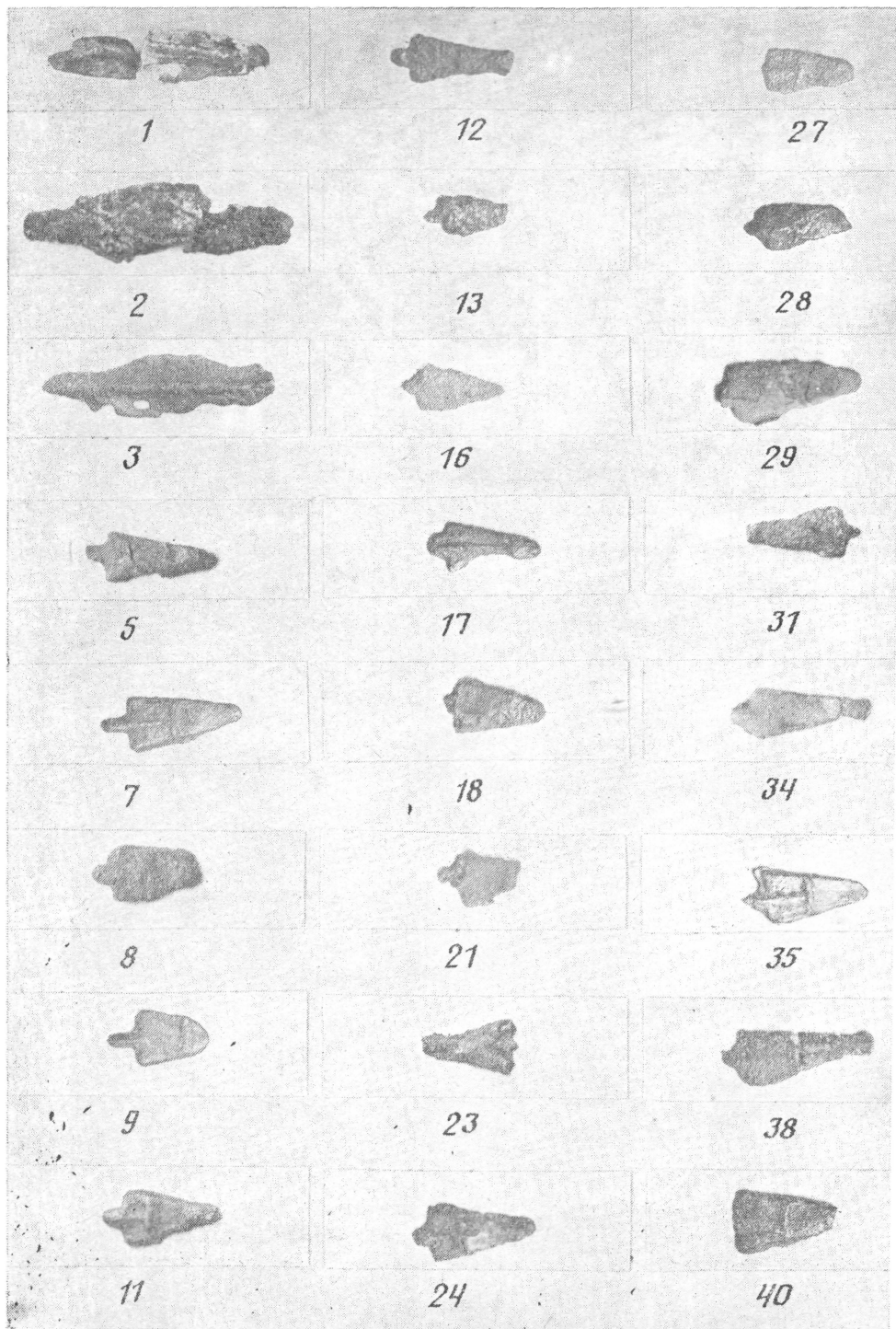
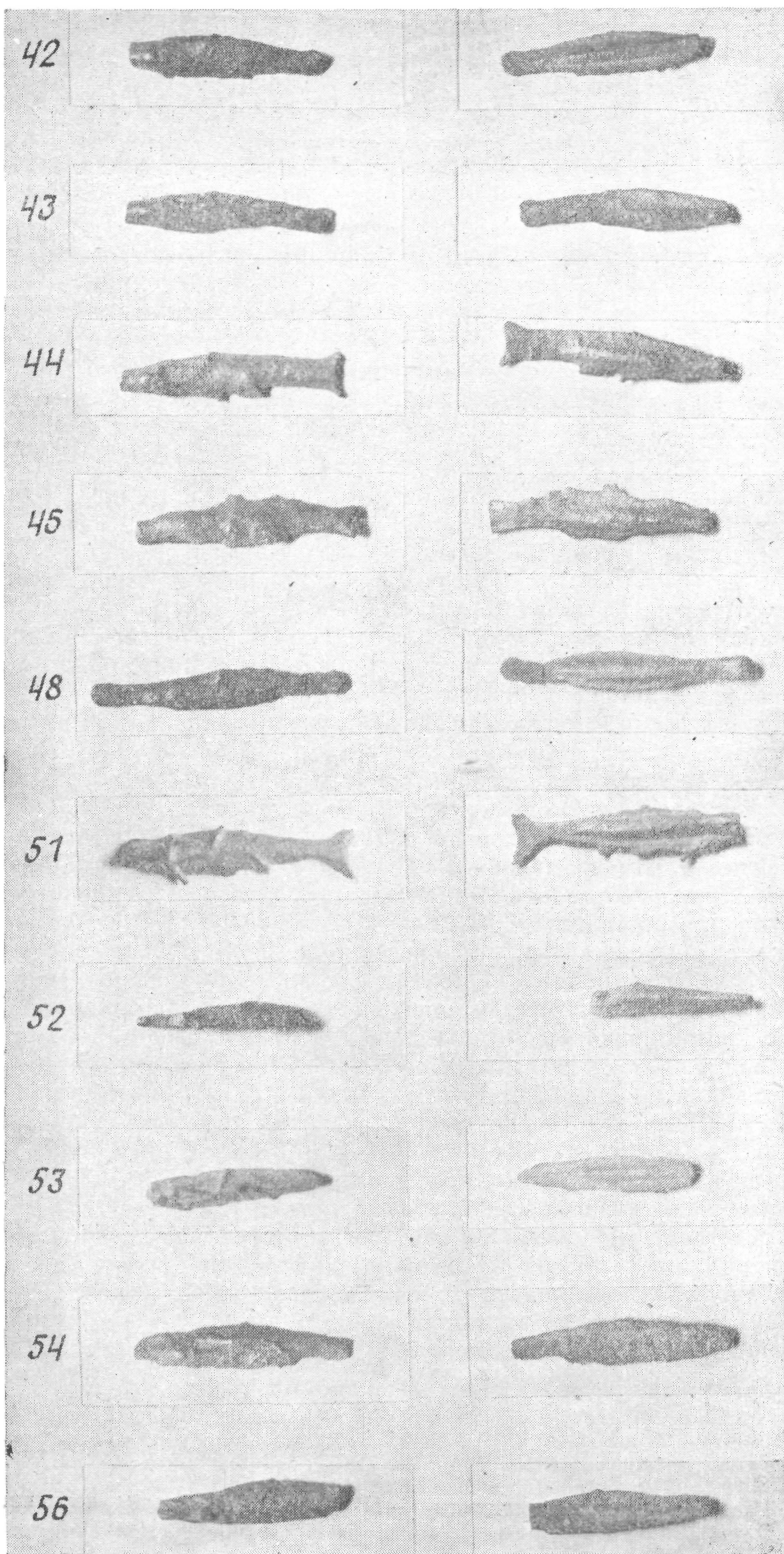

Рис. 1. Монеты Керкитиды I—II типов. Naturalная величина

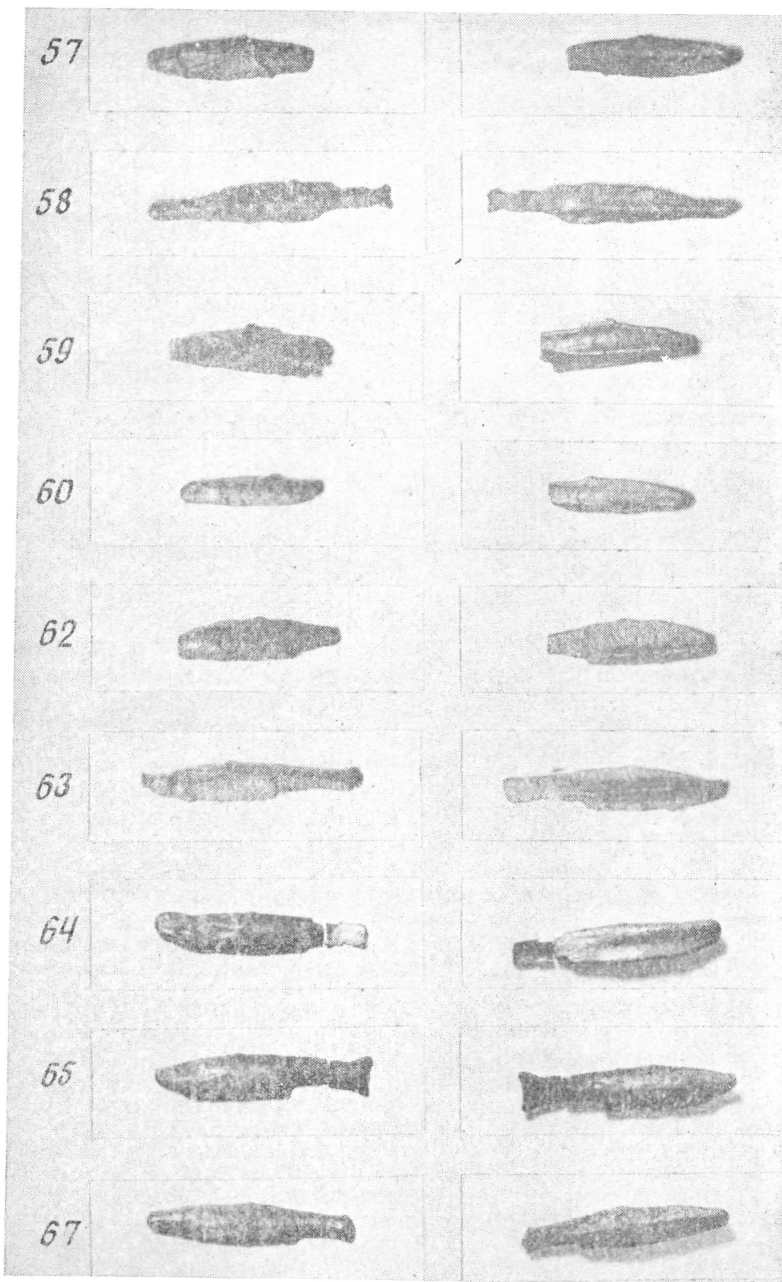

Рис. 3. Монеты Керкинитиды III типа. Натуральная величина

← Рис. 2. Монеты Керкинитиды III типа. Натуральная величина

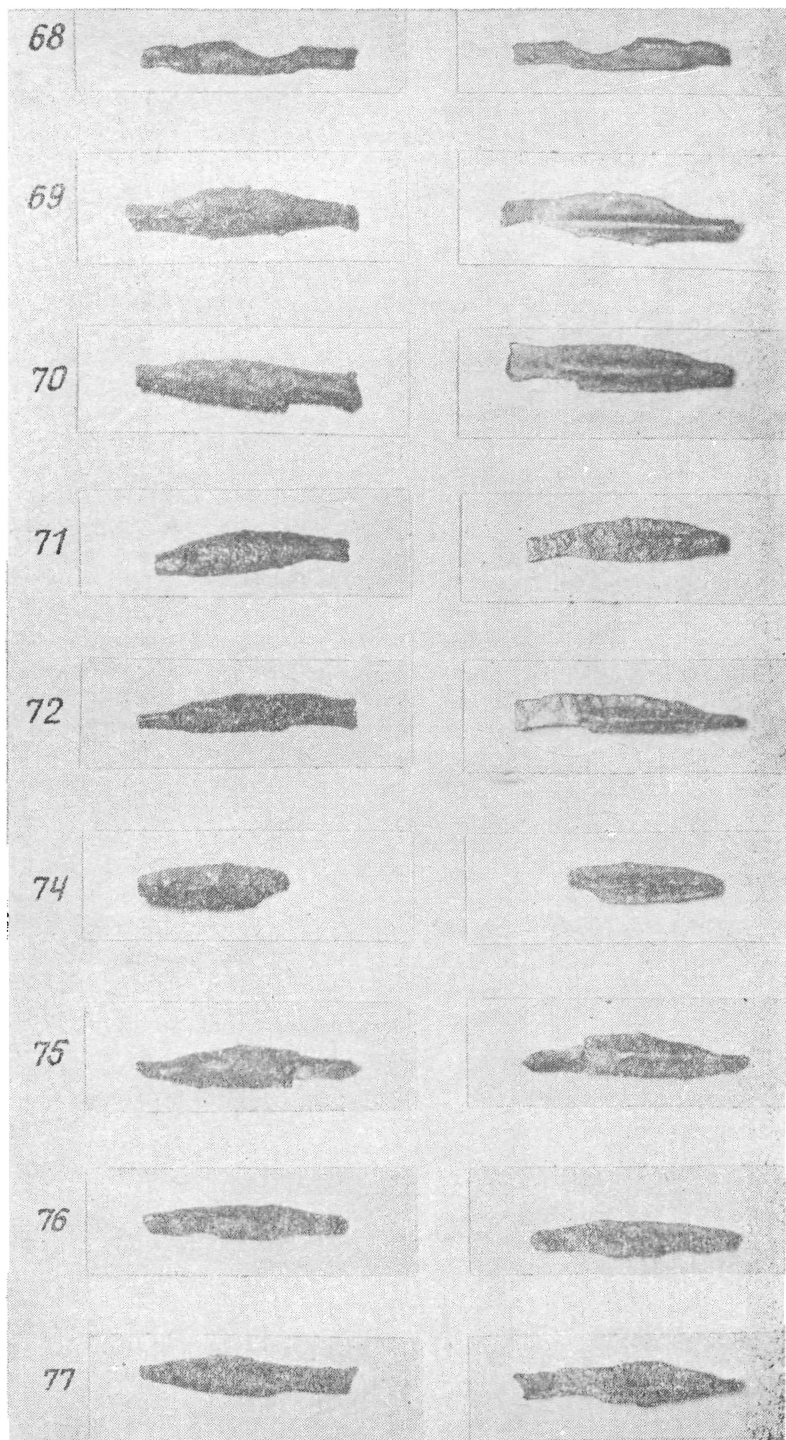

Рис. 4. Монеты Керкинитиды III типа. Naturalная величина

чем отличается от простой монеты-стрелки³. Наша коллекция в настоящее время состоит из 27 целых и фрагментированных монет описываемого вида. Вес сохранившихся изделий колеблется от 1,35 до 1,78 г (у лучших экземпляров — 1,65—1,78 г), длина — от 28 до 32,2 мм (у наиболее сохранившихся — 31,0—32,2 мм). При этом различие последнего параметра зависит от степени сохранности литника. Все монеты отлиты преимущественно в одной форме; исключение составляет только монета № 58, изготовленная отдельно. Малое количество форм — результат непродолжительного выпуска монет этого типа (рис. 2—5).

IV. Одна уже опубликованная монета с изображением на лицевой стороне дельфина или рыбы и двух первых букв названия города — КА — на оборотной⁴ (рис. 6).

V. Младший номинал монетной серии, включавшей две последние публикуемые здесь разновидности денежных знаков. Они имеют на лицевой стороне изображение рыбы, особенно отчетливо отпечатавшееся на монете № 83, и первую букву этника — К — на оборотной стороне. Из раскопок Керкинитиды происходит шесть аналогичных монет⁵ и еще две известны в коллекции П. О. Бурачкова⁶. Все они отлиты в двух формах. Наиболее полновесная монета имеет вес 4,01 г, т. е. примерно 1/7 часть старшего номинала (рис. 6).

Монеты первого типа широко представлены в городах и в их ближайшем окружении в Западном и Северо-Западном Причерноморье (Березань, Ольвия, Истрия, Томи, Аполлония и др.)⁷. Причем многообразие их форм, многочисленность коллекций, клады и, наконец, сама топография находок убеждают в том, что они производились одновременно в нескольких центрах⁸. В каком именно месте изготовлялись монеты первого типа, обнаруженные в Керкинитиде, определить не представляется возможным. Однако этими центрами не обязательно должны были быть ближайшие

³ Анохин В. А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 76; он же. Монетное дело... С. 133; Золотарев М. И. Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI—V вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 2. С. 88—93. К сожалению, приведенные в последней статье рисунки монет очень отдаленно напоминают сами оригиналы.

⁴ Кутайсов В. А. К нумизматике Керкинитиды V в. до н. э. // ВДИ. 1986. № 2. С. 94; Анохин. Монетное дело... С. 135.

⁵ Со времени нашей первой публикации при раскопках памятника было обнаружено еще три новых экземпляра монет. В. А. Анохин вслед за П. О. Бурачковым рассматривает изображение на аверсе монеты как колос (Монетное дело... С. 133, 136). Это, вероятно, вызвано тем обстоятельством, что исследователь располагал очень невыразительными нумизматическими находками.

⁶ Бурачков П. О. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природой местности... / ЗООИД. 1881. Т. XII. С. 234 сл.; он же. Общий каталог монет, принадлежавших эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Одесса, 1884. С. 99. № 11; Орешников А. В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. С. 11—12.

⁷ Топографию монетных находок см.: Sorda S. A proposito di un rinvenimento di punte di freccia // AIN. 1979. № 26. P. 185—206 (автор знаком с этой работой по английскому переводу, любезно предоставленному мне В. А. Анохиным); Анохин. Монеты-стрелки. С. 77—79. Отметим также несколько новых, не учтенных в предыдущих публикациях статей: Balabanov P. Nouvelle étude des monnaies-pointes de flèche de la péninsule d'Athia // Thracia Pontica I. Premier Symposium International. Szopol, 9—12 oct. 1979. Sofia, 1982. P. 40—55; Балабанов П. Нови исследования върху стрелитепари // Нумизматика. 1986. № 2. С. 3—14.

⁸ Брашинский И. Б. За икономические врезки на гръцките градове от Юго-Западното Черноморие в предримската епоха // Археология. 1970. № 2. С. 12; Анохин. Монеты-стрелки. С. 85; Балабанов. Ук. соч. С. 11—12; Шелов Д. Б. Монеты-стрелки в Нижнем Побужье // ВДИ. 1987. № 4. С. 125.

к ней Ольвия или Березань. Важно в данном случае другое: все эти монеты, вероятно, находились в обращении во всех названных выше пунктах Причерноморья.

Монеты второго и третьего типов обладают своеобразными, несвойственными другим центрам признаками; их концентрация почти исключительно в Евпатории не оставляет сомнения в принадлежности этих предметов литью Керкинитиды⁹. О двух медных рыбках из раскопок Керкинитиды в 1917 г., обнаруженных вместе с обломками ваз начала V в. до н. э., писал Л. А. Моисеев¹⁰, считая их местными (во всяком случае не ольвийскими) изделиями. Тем не менее П. О. Карышковский принял упоминаемые рыбки за обычные ольвийские монеты¹¹, что, вероятно, можно объяснить слабой изученностью самой Керкинитиды и отсутствием публикации результатов раскопок самого Л. А. Моисеева. И, наконец, последние монетные типы содержат начальные буквы этника, что делает их атрибуцию однозначной. Их датировка была недавно предложена В. А. Анохиным¹². Она целиком построена на сопоставлении керкинитидских монет с ольвийскими, хронология которых в настоящее время разработана достаточно подробно. При этом, к сожалению, оказался совсем не учтенным реальный стратиграфический контекст самих нумизматических находок, который позволяет не только построить относительную типологию монетных выпусков Керкинитиды, но и обосновать их абсолютную хронологию исходя из конкретных археологических данных.

Большинство из вновь найденных монет-символов (типы I—III) происходит из раскопок двух сблокированных в одном квартале жилых комплексов (№ 19 и 24) самого нижнего стратиграфического горизонта памятника. Этот ярус в целом относится к V в. до н. э. — с конца его первой трети и по самый конец столетия. Нижняя его дата определяется типичным комплексом позднеархаического материала, представленного керамической тарой и импортной аттической посудой, в массе своей относящейся к первой трети V в. до н. э.¹³ Позднейшие образцы как первой, так и второй групп по материалам Афинской агоры датируются 470—460 гг. до н. э.¹⁴ Важное значение имеет также и тот факт, что здесь не было обнаружено ни одного фрагмента ранних пухлогорлых амфор второй четверти V в. до н. э.¹⁵ Кроме того, для датировки верхней границы этого горизонта

⁹ *Кутайсов В. А.* Раскопки Керкинитиды // АО 1985 г. М., 1987. С. 359.

¹⁰ *Моисеев Л. А.* Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории // ИТУАК. 1918. № 54. С. 252. Прим. 2.

¹¹ *Карышковский П. О.* Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. археол. музея за 1963 г. Одесса, 1965. С. 163.

¹² *Анохин.* Монетное дело... С. 136.

¹³ *Керамический комплекс из Керкинитиды очень близок материалам из позднеархаических отложений на Афинской агоре: Roberts S. R. The Stoa Gutter Well: a Late Archaic Deposit in the Athenian Agora // Hesperia. 1986. V. 55. № 1. P. 1—74.*

¹⁴ Это прежде всего горло лесбосской амфоры, а также фрагменты аттических киликов, солонки, скифоса и чашки, см. *Clinkenbeard B. G. Lesbian Wine and Storage Amphoras. A Progress report on Identification // Hesperia. 1982. V. 51. № 3. P. 265; idem. Lesbian and Thasian Wine Amphoras: Questions Concerning Collaboration // Recherches sur les amphores grecques. Athènes. 1986. № 3. P. 353—362; Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. 1970. V. 12. № 342, 434, 438, 440, 903, 962.*

¹⁵ *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III в. до н. э. Л., 1980. С. 15; *он же.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984. С. 97. Прим. 31; *Рубан В. В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (По материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 106.

привлекается ионийская керамика, хронология которой также достаточно хорошо разработана. К тому же следует учитывать, что описываемый слой не содержал ни одного фрагмента гераклеийских амфор, заполнивших северопричерноморский рынок с самого начала IV в. до н. э. Из сказанного вытекает, что рассматриваемый ярус городища относится ко времени не позднее рубежа V—IV вв. до н. э., а следовательно, в целом этот стратиграфический горизонт Керкинитиды можно приблизительно датировать временем от 470/460 по 400 г. до н. э.

Описываемый ярус памятника в свою очередь расчленяется на более тонкие культурные прослойки, позволяющие разделить хронологию этого слоя на очень непродолжительные периоды и соотнести с ними каждую нумизматическую находку. Так, оба упомянутых выше дома имеют два общих строительных периода, с каждым из которых связано несколько полов и поверхностей дворов. Все вышеприведенные стратиграфические наблюдения позволяют распределить монеты по достаточно узким промежуткам времени, что, безусловно, представляет большой интерес. Конечно, такое дробное хронологическое членение нумизматического материала — в рамках более длительного, но тоже относительно непродолжительного периода в три четверти столетия — до известной степени условно, так как исходит из посылки о равномерном накоплении культурных напластований. Однако даже и без такого допущения стратиграфический метод в данном случае позволяет получить важную информацию об относительной хронологии денежных знаков и соотнести между собой отдельные монетные типы, а следовательно, и разработать периодизацию монетного дела Керкинитиды.

Монеты первого типа датируются в литературе достаточно широко — от самого конца VII и до IV—III вв. до н. э., в основном же в пределах VI—V вв. до н. э.¹⁶ Их верхняя дата обычно обосновывается некоторым подобием монетных знаков скифским наконечникам стрел¹⁷. Между тем монетные подражания слишком стилизованы и не находят прямых аналогов среди стрел. Основанием для более поздней датировки клада на полуострове Атия послужила находка стреловидных монет в глиняном сосуде с волнистым орнаментом (справедливости ради следует отметить, что Т. Герасимов позже отказался от нее)¹⁸. П. Балабанов при полной публикации монетного клада отнес упомянутый выше кувшин вместе с его содержимым к началу V в. до н. э.¹⁹

При определении хронологии рассматриваемых типов нередко лишь констатируется их происхождение из архаических или позднеархаических культурных отложений. В этой связи выгодно отличается публикация К. Шкорпана, успешно использовавшего на многослойном памятнике стратиграфический метод²⁰. Все керкинитидские экземпляры листовидных монет обнаружены в слое конца V в. до н. э. Однако они, вероятно, отно-

¹⁶ Основная литература приведена в работах: *Анозин*. Монеты-стрелки. С. 68—73; *Шелов*. Ук. соч. С. 124—131.

¹⁷ *Димитров Б.* За стрелите-пари от Западного и Северного Черноморско крайбрежие // *Археология*. 1975. № 2. С. 43; *Загинайло А. Г.* Каменский клад стреловидных литых монет // *Нумизматика античного Причерноморья*. Киев, 1982. С. 25; *Шелов*. Ук. соч. С. 125.

¹⁸ *Герасимов Т.* Ськровище оть бронзова стрели-монети // *ИАИ*. 1938. Т. XII. С. 425; *он же*. Домонетни форми на пари у тракийского племе асти // *Археология*. 1959. № 1—2. С. 86.

¹⁹ *Balabanov*. Op. cit. P. 50; *Balabanov*. Ук. соч. С. 10.

²⁰ *Şcorpan C.* Virfuli de săgeți-semne premonetare și monede {histriene eu «roata» descoperite la Tomis // *SCN*. 1980. V. VII. P. 25, 29.

сятся к более раннему периоду — первой трети V в. до н.э. — и продолжали использоваться вплоть до указанного времени. К сожалению, для более ответственных выводов наша коллекция недостаточно представительна.

Большинство монет-стрелок второго типа, как видно по хронологической таблице, происходит из самого раннего из открытых в процессе раскопок стратиграфического яруса Керкинитиды (период E), относящегося, как уже сказано выше, к 470—460 гг. до н.э. Основная же масса материала из этого слоя датируется первой третью V в. до н.э. Вероятно, к этому же времени можно относить и упомянутую монетную серию. К тому же нужно сделать еще одну важную оговорку: наиболее древние напластования второй половины VI в. до н.э. — первоначальное ядро апойкии — пока еще не открыты, а следовательно, не исключена возможность обнаружения в будущем более ранних нумизматических находок. Кроме того, надо учитывать и тот установленный факт, что бронзовые монеты не сохраняются в культурных отложениях, сильно увлажненных естественными грунтовыми водами, в то время как наиболее древние напластования Керкинитиды залегают как раз ниже их уровня. Таким образом, керкинитидские монеты-стрелки производились, по крайней мере, на протяжении первой трети V в. до н.э., а возможно, и ранее указанного срока. Они достаточно часто встречаются и во второй четверти — середине V в. до н.э. Позднее количество монет резко сокращается, хотя они, по всей видимости, находились в обращении на протяжении всего столетия.

Монеты третьего — гибридного — типа в основном сопряжены со слоями второй и третьей четвертей V в. до н.э. Три экземпляра из них (№ 73—75) были обнаружены в верхней части зольника, под домами 19 и 24. Учитывая, что основное количество монет-рыбок связано с последующими отложениями, можно предполагать, что их изготовление началось накануне урбанизации Керкинитиды или одновременно с этим важным в жизни апойкии событием и продолжалось в последующие десятилетия. Предложенной датировке не противоречит находка одной аналогичной монеты в Ольвии — в слое третьей четверти V в. до н.э.²¹

Монетная серия из двух номиналов (типы IV—V) ранее относилась нами к последней четверти — концу V в. до н.э. Однако в последние годы монеты младшего номинала (№ 83—84) были обнаружены в слое, связанном с капитальной перестройкой дома 24. Это обстоятельство позволяет относить начало изготовления рассматриваемой эмиссии еще к концу третьей четверти V в. до н.э.: остальные монеты пятого типа происходят из слоя первой четверти IV в. до н.э.; еще один предмет — из слоя третьей четверти этого столетия. Старший номинал серии был найден в напластованиях конца V в. до н.э. Таким образом, монеты последних типов выпускались на протяжении последней трети V в. до н.э. и находились в обращении еще в первой четверти следующего столетия.

Все типы монет — литые. К сожалению, формы для их изготовления пока не обнаружены. Видимо, все они отливались в групповых двусторонних формах, в швы разных плоскостей которых проникал и застывал жидкий металл. Особенно это заметно на круглых монетах последних типов. Монеты-рыбки имели литники разной длины с головной части предмета. Судя по очертаниям их литников, изображения монет в форме могли располагаться под углом друг к другу, образуя пучок, как это

²¹ *Анохин*. Монеты-стрелки. С. 77; *он же*. Монетное дело... С. 135.

видно по одной из так называемых бронзовых гирь из Березани²². Последние являлись, как убедительно доказал В. А. Анохин, опытными образцами матриц для изготовления керамических форм²³.

Анализ металла керкинитидских монет не проводился. Однако, вероятно, сырье для их изготовления, так же как и в Нижнее Побужье, составлялось из Балканско-Карпатской горно-металлургической области, наиболее богатой медной рудой²⁴, а возможно, даже из непосредственной округи Аполлонии (района Странджи). Обращает на себя внимание небольшой номинальный вес всех керкинитидских монет-символов по сравнению с аналогичными изделиями из других центров. Столь скромный реальный вес монет — результат того, что количество металла в них практически не играло существенной роли, а велся лишь их количественный счет.

Приведенные выше монеты значительно расширяют наши представления об ареале распространения этих своеобразных денежных знаков. В последнее время в объяснении семантики первых двух монетных типов была высказана иная, отличная от господствующей в литературе и определившей наименование денежных знаков, точка зрения. Так, В. В. Рубан и В. Н. Урсалов принимают рассматриваемые монетные знаки за листья священного дерева (лавра или оливы), связанного с культом Аполлона Врача²⁵. Признавая некоторую листовидность части монет, тем не менее нельзя не отметить, что все экземпляры керкинитидских изделий имеют четкую стреловидную форму, что скорее подтверждает традиционную точку зрения.

В литературе происхождение монет-стрелок связывалось с фракийскими племенами²⁶, скифами²⁷ или греческими колониями²⁸. Ряд ис-

²² Крапивина В. В. Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 108—109; она же. Весовые гири // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. Рис. 46, 4.

²³ Анохин В. А. О так называемых гирях Березани // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 177 сл.

²⁴ Ольговский С. Я. Спектральный анализ медных и бронзовых изделий с Ягорлыцкого поселения // Археология. 1981. № 36. С. 39 (на укр. яз.); он же. Металл литых монет Нижнего Побужья // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 98; Островцов А. С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов (По материалам Ягорлыцкого поселения) // ВДИ. 1979. № 2. С. 122; он же. Обработка цветных металлов на античных поселениях // Археология. 1981. № 36. С. 33 (на укр. яз.).

²⁵ Рубан В. В., Урсалов В. Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфена и Ольвии догетского времени // ВДИ. 1986. № 4. С. 32; Рубан В. В. Рец.: И. Р. Пичикин. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984 // ВДИ. 1987. № 2. С. 184.

²⁶ Герасимов. Ськовиче... С. 427; он же. Домонетни форми... С. 87; Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952. С. 40; Скюднова В. Монеты-стрелки из Ольвии // СГЭ. 1956. Т. X. С. 38—39; Загинало А. Г. Монетные находки на Роксоласком городище // МАСП. 1966. Вып. 5. С. 111 сл.; Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.—IV в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1969. С. 20; он же. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 33; Марченко К. К. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э. // ВДИ. 1974. № 2. С. 156; он же. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э. Л., 1988, С. 113 сл.; Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 119; Копейкина Л. В. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // ДСПШВГК. С. 168; Виноградов Ю. Г. (дискуссия) // ДСПШВГК. С. 189.

²⁷ Severeano G. Sur les monnaies primitives des scythes // BSNR; Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология, этнография Средней Азии. М., 1968. С. 108, 112; Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев VII—V вв. до н. э. М., 1971. С. 64—68.

следователей, признавая производство монетных подражаний в греческих городах, полагает, что они изготовлялись для торговых операций с туземным окружением эллинских апойкий²⁹. Однако против этого уже сейчас свидетельствуют почти полное отсутствие монет-стрелок на собственно варварской территории, а также сам характер развития монетного дела, например, Ольвийского³⁰ и Керкинитского полисов. Редким исключением из общего правила являются их находки в Смоляне и Пловдиве, а также у д. Арчара и г. Лом во внутренней Фракии³¹. И, наконец, Ю. Г. Виноградов, не исключая возможности греческого производства этих денежных знаков, полагал, что сама идея происхождения таких мелких денег могла восходить к варварскому окружению милетских апойкий — скифам или фракийцам³².

Таким образом, по крайней мере в первой трети V в. до н.э. в Керкинитиде начали выпускаться первые денежные знаки — монеты-стрелки. Следовательно, уже на этом раннем этапе существования колонии остро ощущалась необходимость в мелкой разменной монете для внутреннего рынка. Начало их производства в целом соответствовало последнему этапу употребления стрелообразных монет в других городах Северо-Западного Понта.

Недавно В. В. Рубаном было предложено уточнение хронологии монет Нижнего Побужья, согласно которому рассматриваемые подражания относятся исключительно только к концу VII — первой половине VI в. до н.э.³³ Для обоснования предложенной даты автор весьма удачно использовал картографический метод. Однако, как представляется, такой оправданный с методической точки зрения подход позволяет определить лишь общую тенденцию развития монетного дела Нижнего Побужья; сам по себе — без дополнения его стратиграфическими наблюдениями — он не исключает возможности использования стреловидных монет и в более позднее время. В пользу сказанного свидетельствуют и археологические данные: монеты-стрелки при раскопках Ольвий обнаружены в комплексах конца VI — начала V в. до н.э. — полуземлянках и ямах, засыпанных непосредственно в процессе застройки центрального участка городища наземными строениями³⁴. Они, вероятно, упоминаются в хо-

²⁸ Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 145 сл.; Димитров. За стрелите-пари... С. 46; Шелов Д. Б. Монеты-стрелки в Ольвии // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. Парутин, 1985. С. 81—82; Анохин. Монеты-стрелки. С. 78, 80—81; Ольговский. Металл... С. 99; Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 49; Рубан. Ук. рец. С. 184.

²⁹ Загинайло А. Г. Предпосылки возникновения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев — Одесса, 1976. С. 174; Preda C., Nubar H. Descoperirile monetare 1914—1970 // Histria. III. Bucuresti, 1973. P. 17; Aricescu A. Tezaurul de semne de schimb premonetare de la Enisala // SCN. 1975. № 6. P. 24.

³⁰ Анохин. Монеты-стрелки. С. 78; Шелов. Монеты-стрелки в Нижнем Побужье. С. 129 сл.

³¹ Balabanov. Op. cit. P. 54; Балабанов. Ук. соч. С. 11.

³² Vinogradov J. G. Der Pontos Euxinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Actes du IXe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. V. I. Sofia, 1987. S. 25.

³³ Рубан В. В. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 17; Рубан, Урсалов. Ук. соч. С. 35 сл.

³⁴ Крыжицкий С. Д., Русяева А. С. Древнейшие жилища Ольвии // Археология. 1978. № 28. С. 18 (на укр. яз.); Лейпунская Н. А. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972—1977 гг.) // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 33; Русяева. Ук. соч. С. 56. Прим. 138.

рошо известном ольвийском граффити эротического содержания³⁵. Правда, В. В. Рубан и В. Н. Урсалов объясняют присутствие в Ольвии стреловидных монет перемещением их сюда вместе с имуществом из Березани. В связи со сказанным выше уместно вспомнить находку аналогичных монет у Ени-Салы (Румыния), зарытых в горле хиосской амфоры конца VI — первой четверти V в. до н.э.³⁶ Конечно, основным денежным средством в указанное время могли уже быть широкораспространенные дельфинчики, а монеты-стрелки, выпущенные в большом количестве ранее, лишь дополняли их в денежном обращении. Нетрудно заметить в этом одно из отличий монетного обращения Ольвии и Керкинитиды. К тому же западнопонтийские города не знали дельфинообразных поделок и могли в первой трети V в. до н.э. еще продолжать выпуск традиционных для себя монет-стрелок.

По мнению Ю. Г. Виноградова и А. С. Русяевой, эмиссия стреловидных монет в Северо-Западном Причерноморье носила полисный характер, что являлось результатом зарождения здесь полисной структуры³⁷. Напротив, В. А. Анохин и П. О. Карышковский, исходя из существования многочисленных вариантов и отсутствия единой эволюционной линии развития, вполне справедливо подчеркивали частный характер их выпуска³⁸. При этом В. А. Анохин не исключал возможности использования монет-стрелок в качестве вотивов. В любом случае, хотя вторая точка зрения представляется в настоящее время более убедительной, монетное производство — результат достаточного экономического благополучия гражданской общины и, следовательно, существования у нее перспективы эволюции в традиционный полис. Обратим внимание также и на тот факт, что и в Ольвии, и в Керкинитиде производство стреловидных поделок происходило в тот период, когда обитатели этих по существу рустифицированных поселений располагались еще в земляночных строениях. Однако уже в этот ранний период — в третьей четверти VI в. до н.э. — в Ольвии появляется агора с теменосом и первые ордерные культовые постройки общеполисного характера³⁹. Вероятно, подобное могло иметь место и в Керкинитиде. И хотя открытие здесь древнейшего священного участка — дело не ближайшего будущего, некоторые косвенные данные имеются уже и сейчас. Это прежде всего посвящения на парадной аттической чернолаковой посуде (в том числе Артемиде Эфесской), которые, вероятно, являлись приношением в соответствующую культовую постройку, а не в домашнее святилище внутри тесной землянки. Кроме того, при раскопках самого нижнего горизонта памятника был обнаружен фрагмент архаической архитектуры терракоты — водолея, обрамляющего один из углов черепичной кровли. Нет сомнения в том, что водолей использовался в архитектурном оформлении перекрытия не заглубленного в грунт строения, а в какой-то, пусть и небольшой, но наземной ордерной постройке, например скромного храма в антах. Ведь не только

³⁵ *Граков. Легенда ...* С. 115; *он же. Еще раз о монетах-стрелках* // ВДИ. 1971. № 3. С. 125—127. Недавно Ю. Г. Виноградов отнес эту застольную надпись к середине V в. до н. э., когда сами монеты-стрелки уже не находились в обращении (*Der Pontos Euxinos... S. 26*).

³⁶ *Aricescu. Op. cit.* P. 23.

³⁷ *Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье* // *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. I. М., 1983. С. 386 сл.; *Русяева. Ук. соч.* С. 49 сл.

³⁸ *Анохин. Монеты-стрелки*. С. 85 сл.; *Карышковский. Монеты Ольвии*. С. 38.

³⁹ *Русяева. Ук. соч.* С. 55 сл.; *Крыжицкий С. Д. Градостроительство* // *Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время*. Киев, 1987. С. 17 сл.

землянки, но и первые наземные постройки Керкинитиды не были покрыты черепицей.

Многие исследователи, занимающиеся изучением монет-стрелок, подчеркивали их связь в основном с ионийскими (милетскими) апойкиями Западного и Северо-Западного Причерноморья⁴⁰. Более того, И. Б. Брашинский объяснял широкое распространение стреловидных знаков в Юго-Западном Причерноморье и Нижнем Побужье экономическими связями, установившимися между районами еще в VI в. до н.э.⁴¹ В предлагаемом зонировании Понтийского бассейна он объединяет в северо-западный экономико-географический район расположенные здесь античные города (Каллатий, Томи, Истрию, Тиру, Никоний, Ольвию)⁴². Основанием для включения сюда Ольвии послужило, помимо сходного развития монетного дела, использование ольвийскими строителями (так же как и в Истрии) слоевых субструкций. Однако это же присуще и Керкинитиде, а других общих черт с Ольвией у нее еще больше.

Принимая во внимание хождение во всех ионийских городах единого денежного знака, В. В. Рубан — по аналогии с Боспором Киммерийским — высказал очень интересное предположение о возможном существовании в Западном Понте какого-нибудь объединения — ионийской амфикинии наподобие малоазийского Паниониона, общеполисный центр которого мог находиться на острове Левка, где были открыты архитектурные детали монументального храма⁴³. Любопытно также, что еще до этого В. В. Лапин не исключал возможности существования экономической и территориальной общности «населения полисов Подунавья и Побужья с последующим территориальным разрывом», но при условии, если будет доказана полицентричность изготовления монет-стрелок⁴⁴. Конечно, при значительной оторванности причерноморских милетских колоний от своей метрополии и отсутствии реальной поддержки с ее стороны они в условиях варварского окружения были предоставлены сами себе. При таких обстоятельствах подобные устремления могли реально существовать, что отчасти и соответствовало сложившемуся в VI—V вв. до н.э. — в силу каботажного по своей сути мореплавания — экономическому районированию в левой части Понта. Однако большая территориальная отдаленность их друг от друга, активность местных племен на практике вряд ли благоприятствовала сказанному. К сожалению, прямыми доказательствами мы сейчас еще не располагаем; не установлена также и точная дата упоминаемой В. В. Рубаном архитектурной детали — барабана колонны. Поэтому в настоящее время, вероятно, оправдан скептицизм Ю. Г. Виноградова по отношению к самой возможности существования межполисного объединения в Западном и Северо-Западном При-

⁴⁰ Димитров. За стрелите-пари... С. 44; *Oberländer-Târnoveanu E. Aspecte ale circulației monedei grecești în Dobrogea de nord (sec. VI. î.e.n.— I e.n.) // Pontica. 1978. № XI. P. 59—87; Aricescu. Op. cit. P. 24; Poenaru-Bordea G., Oberländer-Târnoveanu E. Contribution à l'étude des monnaies-pointes de flèche à la lumière des trésors de Juri-iovca, dep. de Tulcea // Actes du 11e Congrès International de Thracologie. V.II. București, 1980. P. 144; Аногин. Монеты-стрелки. С. 78, 83 сл.; он же. Монетное дело ... С. 135; Шелов. Монеты-стрелки ... С. 129; Рубан. Ук. рец. С. 184; *Vinogradov. Der Pontos Euxeinus...* S. 25; Карышковский. Монеты Ольвии. С. 33. П. Балабанов (Ук. соч. С. 11), отмечая находки монет-стрелок в Одессе, почему-то считает этот город дорийской колонией.*

⁴¹ Брашинский. За экономическите връзки... С. 12.

⁴² Брашинский И. Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. 1970. № 2. С. 134.

⁴³ Рубан. Ук. рец. С. 184.

⁴⁴ Лапин. Ук. соч. С. 146.

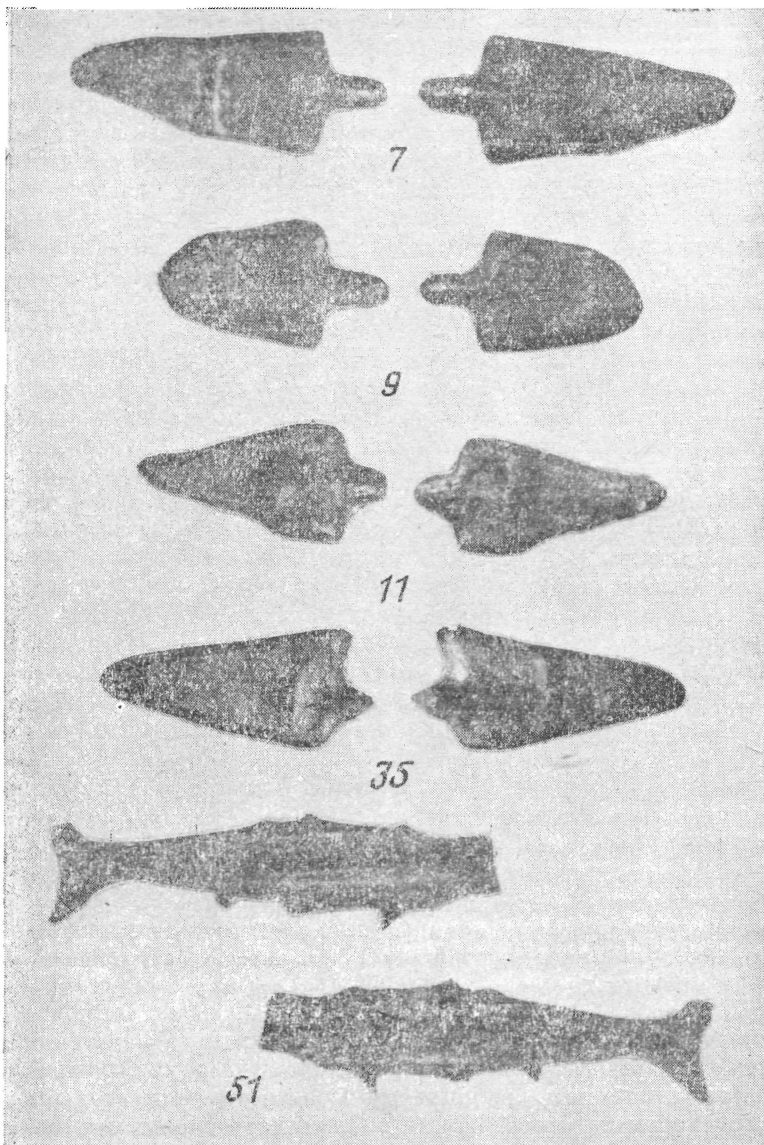

Рис. 5. Монеты Керкинитиды II—III типов. Увеличены в 2 раза

черноморье ⁴⁵. Сходство развития монетного дела ряда апойкий рассматриваемого района Понта, по всей видимости, прежде всего вытекает из общих тенденций развития этих родственных по происхождению городов и почитания здесь — на раннем этапе их истории — одних и тех же полисных культов. Не последнюю роль в выработке аналогичных по форме денежных знаков сыграли и достаточно близкие прямые экономические и культурные контакты между городами.

Керкинитида в своем монетном деле ориентировалась прежде всего на соседнюю Ольвию, которая, видимо, являлась одним из основных

⁴⁵ Vinogradov. Der Pontos Euxeinos... S. 26.

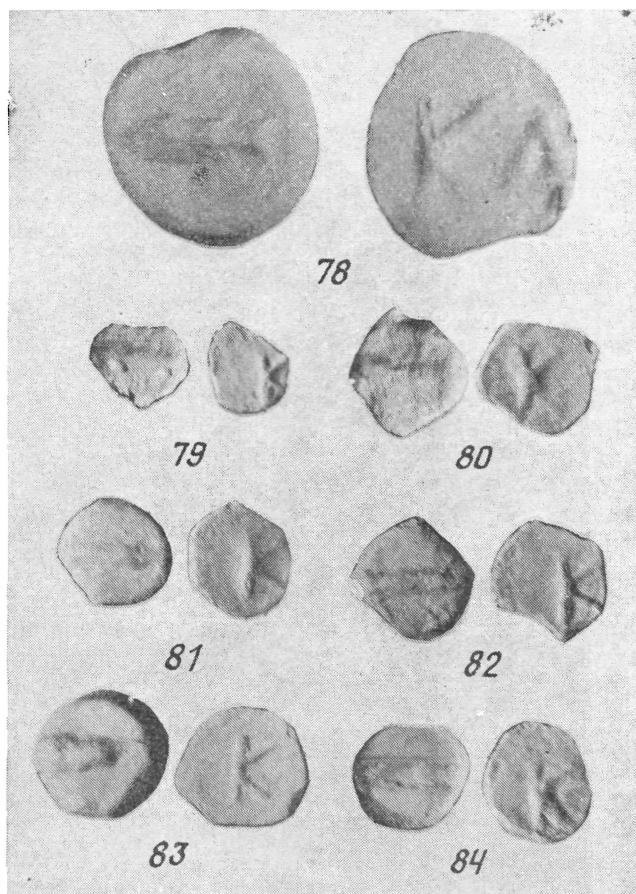

Рис. 6. Монеты Керкинитиды IV—V типов. Натуральная величина

ее торговых партнеров. При этом керкинитидские монеты-стрелки выпускались тогда, когда в Нижнем Побужье уже доминировали дельфинчики. Переход к новому гибриднему монетному типу мог быть связан с полным выходом из употребления в Ольвии стреловидных монет и приведению в соответствие между собой — с точки зрения их символики — монетных серий этих городов. О том, что такая необходимость могла существовать, говорят реальные находки керкинитидских монет на втором теменосе Ольвии ⁴⁶.

В конце первой трети V в. до н.э., практически одновременно с урбанизацией Керкинитиды, произошел переход к литью монет нового морфологического типа с изображением на лицевой стороне рыбы осетровой породы и имитации на оборотной двухлопастного наконечника стрелы. Четко выдержанное однообразие всех этих анэпиграфных изделий, по-видимому, может свидетельствовать о полисном характере данного монетного выпуска, относящегося к периоду превращения Керкинитиды в типичный городской центр на причерноморской периферии. Ряд общих

⁴⁶ Русаева. Ук. соч. С. 57. Прим. 145; Анохин. Монетное дело... С. 135.

признаков (в том числе и технология отливки) сближает их с одним видом двусторонних ольвийских дельфинчиков, точная датировка которых пока еще не установлена⁴⁷. Некоторое сходство последних с изображениями осетровых видов рыб отмечал В. В. Голубцов⁴⁸. Эти остромордые дельфины с четко обозначенными боковым и спинным плавниками составляют в Ольвии отдельную стилистическую группу, не укладывающуюся в общую эволюционную схему⁴⁹. Учитывая сказанное, было бы весьма заманчивым объяснить их керкиннитидскими изделиями. Однако такое предположение не согласуется с полным отсутствием аналогичных монет в самой Керкиннитиде. Остается, вероятно, только признать синхронность обоих монетных выпусков.

Таким образом, денежные знаки в Керкиннитиде эволюционировали в том же направлении, что и в Ольвийском полисе. Причем в обоих случаях керкиннитидские монетарии не просто копировали ольвийские оригиналы, а придавали своим изделиям отличительную своеобразную форму. К тому же в Керкиннитиде процесс смены символов произошел значительно позже, чем в Нижнем Побужье.

Что же послужило причиной изменения монетной типологии Керкиннитиды в конце первой трети V в. до н.э.? А. С. Русяева на основании только лишь монет, имитирующих рыбу, допускала возможность сильного политического и экономического влияния Ольвийского полиса на Керкиннитиду⁵⁰, а М. И. Золотарев распространял это воздействие и на весь Северо-Западный Крым. Он не отрицал возможности отливки упомянутых выше монет-рыбок для Керкиннитиды в Ольвии⁵¹. Не исключая определенного влияния Ольвии на Керкиннитиду, все же нельзя не признать его сильно преувеличенным. Как известно, Ольвия в V в. до н.э. была еще не столь большим поселением (площадью около 16,5 га)⁵², а следовательно, обладала более ограниченными экономическими возможностями, чем в последующее время — в период своего расцвета.

Видимо, переход к производству нового монетного типа вытекал из самого характера денежного обращения в регионе: возможно, это было связано, как уже сказано выше, с полным вытеснением из торгового обмена стреловидных монет и заменой их новыми денежными знаками в Ольвийском полисе. Последнее, вероятно, потребовало аналогичных перемен и в Керкиннитиде — для приведения в соответствие между собой обеих монетных систем. Объяснение же семантики монет-рыбок следует искать не столько в характере денежного обращения, сколько в культовой символике монетных выпусков. Конечно, при современном уровне наших знаний об истории Керкиннитиды исконные мотивы, повлиявшие на изменение монетной символики, остаются для нас не до конца ясными. Тем не менее предпримем попытку высказать по этому поводу несколько самых предварительных замечаний.

Как известно, ольвийские дельфинчики связаны с почитанием культа Аполлона Дельфиния. Напротив же, монеты-стрелки лишь совсем не-

⁴⁷ Зограф А. И. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 122, 241. Табл. XXX, 9; Харко Л. П. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. // Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964. С. 327.

⁴⁸ Голубцов В. В. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. // ИАК. 1914. № 51. С. 71. Табл. I, 6—8.

⁴⁹ Карышковский. Монеты Ольвии. С. 35.

⁵⁰ Русяева. Ук. соч. С. 57. Прим. 145.

⁵¹ Золотарев. Ук. соч. С. 92.

⁵² Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историкографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 60; он же. Градостроительство... С. 18.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица хронологического распределения монетных находок

№ по описи	V в. до н. э.				IV в. до н. э.				III в. до н. э.	
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II
1				***						
2				*****						
3				***						
4										***
5	*****	*								
6							*****			
7				***						
8				***						
9	*****	*								
10	*****	*								
11	?									
12				***						
13			*****							
14			**	*						
15			****							
16			****							
17	*****	*								
18	*****	*								
19		****								
20		****								
21		****								
22		****								
23		****	*							
24		****	*							
25		****	*							
26		****	*							
27	*****	*								
28	*****	*								
29	*****	*								
30	*****	*								
31	*****	*								
32	*****	*								
33	*****	*								
34		***								
35	*****	*								
36	*****	*								
37	*****	*								
38				***						
39	*****									
40		*****	*							
41				***						
42				***						
43				***						
44							*****			
45				***						
46		*****								
47				*****						
48				***						
49		****	*							
50					*****					

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ по описи	V в. до н. э.				IV в. до н. э.				III в. до н. э.	
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II
51		****								
52		*	**							
53		****								
54		****								
55		****								
56		****								
57		**	****							
58			*	*****						
59			****							
60			****							
61			****							
62		*	**							
63		*	**							
64		*	**							
65		****								
66				*****						
67		*	**							
68		*	**							
69		*	**							
70		*	**							
71				*****						
72				*****						
73	*****	*								
74	*****	*								
75	*****	*								
76		***								
77		****								
78				***						
79						*****				
80					*****					
81					*****					
82					*****					
83			**	*						
84			**	*						

П р и м е ч а н и е. * — пятилетний цикл.

давно — в силу традиционно ошибочного мнения об их варварском происхождении — были увязаны с весьма популярным в ранних ионийских колониях культом Аполлона Врача⁵³, атрибутом которого была стрела, выполнявшая охранительные функции. Причем, по мнению В. А. Анохина, нет ничего странного в том, что прототипом для их подражания могли послужить реальные наконечники стрел скифов или других северных народов. А. С. Русьева следующим образом реконструировала религиозную ситуацию в Нижнем Побужье: во второй половине VI — начале V в. до н. э. здесь происходит борьба между двумя группировками, одна из которых — сформировавшаяся значительно ранее — почитала Аполлона Врача, вторая — более многочисленная — Аполлона Дельфиния. Смена же монетных выпусков была связана с окончательной победой последнего из названных культов, ставшего главным, общеполисным⁵⁴.

⁵³ Анохин. Монеты-стрелки. С. 83 сл.; Русьева. Ук. соч. С. 49; Рубан. Ук. рец. С. 184. С такой точкой зрения недавно согласились Д. Б. Шелов (Монеты-стрелки в Нижнем Побужье. С. 130) и Ю. Г. Виноградов (Der Pontos Euxeinos... S. 25).

⁵⁴ Русьева. Ук. соч. С. 53.

Керкинитидский монетный тип, если исходить из данной интерпретации, объединяет в себе символы разных культов, что подчеркивает его уникальность.

В то же время развитие Керкинитиды несколько отличалось от становления полиса в Нижнем Побужье. Прежде всего формирование керкинитидского полиса не было связано с переселением части апойков вместе с новой более многочисленной волной эпойков из одного топографического пункта (Березани) в другой — на место будущей Ольвии. В Керкинитиде колонисты жили одной небольшой общиной, не изменившей своего первоначального местоположения и, судя по археологическим наблюдениям (пространственному развитию городской территории), коллектив первопоселенцев испытывал только естественный демографический прирост населения. Иначе говоря, здесь не было оснований для перемены первоначального полисного культа ионийских апойкий Причерноморья — Аполлона Врача; к тому же до настоящего времени в Керкинитиде не обнаружены посвящения Аполлону Дельфинию (правда, пока археологически раскрыта лишь незначительная часть древнего городища — край первоначального поселения, а посвящения ему, может быть, концентрируются в ином месте). С другой стороны, из самого раннего горизонта памятника — первой трети V в. до н. э. — происходит посвящение популярной в ионийских колониях Артемиде Эфесской⁵⁵; граффити с аналогичным содержанием обнаружено и в слое конца V в. до н. э. Не свидетельствует ли это о том, что культы Аполлона Врача и Артемиды Эфесской были одними из основных в ранней Керкинитиде? Если это так, то у керкинитидских монетариев не было никаких причин сакрального порядка для придания своим новым монетам формы дельфина. В сложившейся конкретной ситуации ими был найден весьма оригинальный выход: с одной стороны, они придали монетам вид промысловой и, следовательно, хорошо всем знакомой рыбы, что, естественно, сближает их с ольвийскими дельфинчиками; с другой — на реверсе было сохранено изображение наконечника стрелы — символа Аполлона Врача. В результате такого не совсем обычного в монетном деле творчества получился новый гибридный тип, отвечающий запросам как денежного обращения, так и культовой символики.

И, наконец, в V в. до н. э. в городе была отлита новая монетная серия обычного типа, состоящая из двух номиналов. Появление на их оборотной стороне первых букв этника апойкии безусловно указывает на государственный характер выпуска данной монетной эмиссии. При этом на аверсе монет уже традиционной формы изображен дельфин или рыба (к сожалению, изображение недостаточно четкое). Таким образом, основной символ предыдущей серии со своеобразной морфологической формой был перенесен на новый тип, зафиксировав соответствующим образом преимущество монетной типологии Керкинитиды. Само изображение на лицевой стороне сильно стилизовано, и ранее, несмотря на колебания, мы были более склонны интерпретировать его как дельфина⁵⁶. Однако

⁵⁵ Розанова И. П. Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапес в 1949 г. // ВДИ. 1960. № 3. С. 130—132; Виноградов Ю. Г. Прохус Минниды из Пантикапея // ВДИ. 1974. № 4. С. 59—62; Сазанов А. В. К изучению теонимии Боспорского царства // Этническая ономастика. М., 1984. С. 160 сл.; Vinogradov J. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes // Actes du VII Congrès International d'Epigraphie Grecque et Latine. Bucaresti, 1979. S. 298; Ehrhard N. Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kulturellen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main — Bern — New York, 1983. S. 155.

⁵⁶ Кутайсов. К нумизматике... С. 49, 97.

Опись монет

№ п/п	№ п.о.м.	Тип монеты	Вес в граммах	Длина в миллим.	Сохранность	Дата находки	Место находки
1	2	3	4	5	6	7	8
1	196	Монета-стрелка листовидной формы	1,7	32,2	Плохая — два корроз. ф-та	1.IX.82	Дом 19. Развал сырцовых стен над пом. 104
2	204	То же	2,4	41	Плохая, рассыпалась	2.IX.82	Дом 19. С пола 1 пом. 108 б
3	264	»	1,8	34,1	Плохая, края обломаны	5.VII.85	Зольник на северо-восточной окраине городища. Кв. 1. Слой 6
4	216	Монета-стрелка	—	—	Обломок	29.X.82	Дом 7. На 3—5 см ниже дверного проема пом. 33
5	226	»	0,61	18	Средняя, частично корроз.	20.VIII.82	Пом. 92. Под подошвой кладки 237
6	227	»	1,21	22	Полностью корроз.	13.IX.82	Слой суглинка с примесью золы ниже пола пом. 91. Шт. 1
7	228	»	0,82	20,8	Хорошая	1.XI.82	Развал сырца под пом. 107. дома 21
8	229	»	0,67	14,5	Обломок	1.XI.82	»
9	244	»	0,58	15	Хорошая, край сточен	10.XI.84	Золистые отложения на уровне грунтовых вод, ниже дома 19
10	257	»	—	—	Обломок	17.VIII.85	Зольная линза под полом пом. 128 дома 24
11	263	»	0,71	17	Хорошая	28.VI.85	Из обвалившегося грунта к северу от пом. 93
12	270	»	0,70	19	Средняя	23.VIII.85	Развал сырцовых стен, перекрывающий пом. 128 дома 24
13	272	»	0,2	12,5	Обломок	27.VII.85	Дом 24. В прослойке между полами 2 и 3 пом. 127
14	280	»	0,43	18	Плохая	1.VIII.85	Дом 24. Пом. 126. Между полами 1 и 2
15	281	»	0,39	10,5	Обломок	8.VIII.85	Дом 24. Пол 2 пом. 128
16	285	»	0,53	16,5	Плохая	15.VIII.85	Дом 24. С пола 3 пом. 127
17	291	»	0,4	16	Средняя	17.VIII.85	Из зольной линзы под полом пом. 128 дома 24
18	293	»	0,58	14,5	Средняя	20.VIII.85	То же

1	2	3	4	5	6	7	8
19	298	Монета-стрелка	—	13,3	Рассыпалась	28.VIII.85	Дом 24. Пом. 125. Поверхность зо- листой линаы. Пол 3
20	299	»	—	11	Полностью корроз.	28.VIII.85	Дом 24. Пом. 128. К северу от клад- ки 337. Пол 3
21	302	»	0,37	12	Обломок	20.IX.85	Дом 24. С пола 3 пом. 128
22	303	»	—	14,5	Полностью корроз.	10.VII.86	Дом 24. Пом. 125. С центра пола 2
23	304	»	0,491	19,5	Средняя	14.VII.86	Южный угол пом. 132. Пол
24	305	»	0,43	18	Обломан край	14.VII.86	»
25	306	»	—	22	Сильно корроз.	14.VII.86	»
26	311	»	—	24	Полностью корроз.	24.VII.86	»
27	315	»	0,37	17	Средняя	31.VII.86	Зольник, штык 1. Под пом. 26 до- ма 24
28	316	»	0,34	18,5	Полностью корроз.	31.VII.86	То же
29	320	»	0,66	21	Сильно корроз.	2.VIII.86	»
30	321	»	—	19	Полностью корроз.	2.VIII.86	»
31	322	»	0,463	17	Средняя	2.VIII.86	»
32	323	»	—	—	Полностью корроз.	2.VIII.86	»
33	324	»	—	—	Обломок	2.VIII.86	»
34	325	»	0,525	18	Средняя	3.VIII.86	Глинистая прослойка под вымосткой двора дома 24
35	326	»	0,981	18	»	4.VIII.86	Зольная линаа под полом ном. 126 дома 24
36	327	»	0,789	—	Обломок	4.VIII.86	То же
37	328	»	—	—	Рассыпалась	4.VIII.86	»
38	336	»	—	19	Плохая	21.VIII.86	Зольник, штык 1 под пом. 48 дома 10
39	338	»	—	19,5	Рассыпалась	—	Зольник под полом ном. 125 дома 24
40	339	»	0,681	21,5	Средняя	13.X.86	С пола ном. 132
41	340	»	0,443	14	Средняя, край обломан	14.X.86	Над вымосткой в пом. 133 дома 23
42	79	Рыба-стрела	1,54	26,1	Средняя, хвостовой плавник обломан	28.XI.86	Пом 51. Между стенкой печи и клад- кой 102
43		»	1,28	28	Средняя	8.IX.81	Трапшя — Квадрат 2. Слой золистого суглинка под плитовой вымосткой

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
44	167	Рыба-стрела	1,35	30	Хорошая	19.VII.82	Улица X. Слой золы между дневными поверхностями 1—2
45	172	»	1,35	29,6	Средняя, хвостовой плавник обломан	28.VII.82	Суглинок с золой под пом. 51, ниже кладки 228
46	178	»	—	—	Рассыпалась	—	Зольная поверхность к юго-западу от пом. 92
47	211	»	0,69	—	Сохр. только головная часть	26.X.82	С пола пом. 108 дома 19
48	218	»	1,48	34	Плохая, хвостовая часть обломана	4.XI.82	Разложившийся сырец, перекрывающий остатки дома 19
49	220	»	1,31	31	Полностью корроз.	4.XI.82	Глинобитный пол 6, над песком, ниже подошвы кладок пом 37. Синхронен дому 19
50	230	»	—	—	Средняя	3.VIII.83	Участок между оборонительными стенами на восточной окраине городища. Под кладкой 207 дома 22
51	251	»	1,78	31	Наилучшая сохр.	20.VIII.84	Дом 19. Пом. 104. С глинобитного пола 3
52	252	»	0,5	—	Хвостовая часть обломана	20.VIII.84	Дом 19. Пом. 103. Между полами 1 и 2
53	253	»	0,82	24	Плохая, края обломаны	20.VIII.84	Дом 19. Пом. 104. Втоптанная в глинобитный пол 3
54	255	»	1,33	29	Хвостовой плавник обломан	24.VIII.84	Дом 19. Пом. 108, восточная часть с пола 3
55	256	»	—	—	Обломок хвостовой части	24.VIII.84	»
56	259	»	1,42	14	Края обломаны	29.VIII.84	»
57	266	»	1,1	—	»	85	Дом 24. Пом. 126. Пол. 2
58	271	»	1,3	32,2	Хорошая	24.VII.85	Дом 24. Пом. 128. Пол 1
59	273	»	0,68	—	Обломок	27.VII.85	Дом 24. Пом. 127. В прослойке между полами 2—3
60	274	»	1,5	29	Хорошая	27.VII.85	»
61	275	»	0,97	—	Обломок	27.VII.85	»
62	276	»	1,0	21,2	То же	27.VII.85	Дом 24. Пом. 127. С пола 3
63	277	»	1,24	29	»	27.VII.85	»

Окончание

1	2	3	4	5	6	7	8
64	278	Рыба-стрела	1,30	28	Средняя	27.VII.85	Дом 24. Пом. 127. С пола 3
65	279	»	1,27	28,7	»	27.VII.85	Дом 24. Пом. 127. С пола 4
66	282	»	—	—	Рассыпалась	19.VII.85	Дом 22. Слой золы под кладкой 332
67	284	»	1,21	27,5	Средняя	27.VII.85	Дом 24. Пом. 127. С пола 2
68	286	»	1,03	29	»	15.VIII.85	Дом 24. Пом. 127. С пола 3
69	300	»	1,65	31,6	Хорошая	20.IX.85	Дом 24. Пом. 127. С пола 3
70	301	»	1,78	30	»	20.IX.85	»
71	309	»	1,693	31	»	24.VII.86	Слой золы под полом 4 пом. 124 дома 23
72	310	»	1,180	30	Средняя	24.VII.86	»
73	312	»	1,32	27,5	Хвост обломан	31.VII.86	Зольник, штык 1, под пом. 126 дома 24
74	313	»	0,78	—	Сохр. головная часть	31.VII.86	»
75	314	»	1,07	35	Хорошая	31.VII.86	»
76	329	»	0,815	27	»	4.VIII.86	Между глинобитной прослойкой и зольником под вымосткой двора дома 24
77	330	»	1,212	29	Средняя	6.VIII.86	Слой золы, примыкающий к внутреннему панцирю оборонной стены начала V в. до н.э. Ниже уровня грунтовых вод
78	217	Л.с. Дельфин или рыба с четко обозначенным хвостовым плавником	28,84	φ 25—29	Хорошая	1.X.82	Разложившийся сырец под помещением 107 дома 21
79	171	О.с. Буквы — КА Л.с. Схематическое обозначение дельфина или рыбы О.с. Буква — К	0,59	φ 10—13	Средняя	26.VII.82	Северо-восточный фас кладки 70 пом. 37. Шов между вторым и третьим рядами
80	197	»	2,55	φ 13—16	»	6.X.82	Из шахты колодца во дворе дома 11
81	198	»	2,05	φ 14—16	»	6.X.82	»
82	287	»	2,58	φ 15	»	15.VIII.85	Дом 23. Пом. 123. Слой золы между полами 1 и 2
83	288	»	4,0	φ 17	Наилучшая	16.VIII.85	Дом 24. Пом. 126. Слой гари над полом у входа в комнату
84	317	»	2,3	φ 15—17	Средняя	28.IX.86	Дом 24. Пом. 128. Слой между полами 1 и 2

В. А. Кутайсов

логичнее было бы помещение здесь рыбы осетровой породы, имитированной в предыдущей нумизматической серии.

Стратиграфия новых монетных находок еще больше сближает монеты Керкинитиды последних типов с ольвийской серией (с горгонейоном и надписью ΑΡΙΧ), отнесенной П. О. Карышковским к 460—425 гг. до н. э.⁵⁷ Напомним также, что старший номинал монетной серии нашей коллекции полностью совпадает по весу со средним номиналом упомянутой ольвийской эмиссии. Вместе с тем на рассматриваемых монетах Керкинитиды, так же как и на следующих за упомянутыми выше ольвийских денежных знаках, помещен этникон. Иначе говоря, они занимают как бы промежуточное положение между этими монетными выпусками Ольвии. Скорее всего, их следует относить к последнему этапу изготовления в Ольвии монет с горгонейоном. Насколько верны эти наши наблюдения, покажут новые нумизматические находки в процессе археологических раскопок.

Монетное дело Керкинитиды, судя по всему, развивалось в том же направлении, что и в других ионийских полисах Северо-Западного Причерноморья. Однако особое сходство отмечается между монетными системами Ольвии и Керкинитиды, хотя выпуск монетных подражаний — стрел и рыбок — в Керкинитиде происходил с некоторым опозданием по сравнению с Ольвией. При этом керкинитидские монетарии не слепо копировали ольвийские и другие оригиналы, а придавали своим изделиям вполне оригинальную форму, резко отличающую их от монет-символов других греческих апоекий. Сходство в развитии монетного дела обоих полисов не ограничивалось только этим: в IV в. до н. э. Керкинитида и Ольвия почти одновременно приступили к монетной чеканке: первый из названных городов — меди, второй — золота, серебра и меди⁵⁸.

⁵⁷ Карышковский. Монетное дело... С. 12; *он же*. Монеты Ольвии. С. 45.

⁵⁸ Анохин В. А. Торговля и денежное обращение // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. С. 493; Карышковский. Монеты Ольвии. С. 55, 65 сл.

KERKINITIDAN COINS OF THE FIFTH CENTURY B. C.

V. A. Kutaisov

This paper is devoted to publication of Kerkinitidan coins of the fifth century B. C. These include five types, the first of which was widely distributed in the North-Western Black Sea littoral as arrowhead-coins of foliate shape. The rest are previously unknown types first discovered during archaeological studies of Kerkinitis (modern Eupatoria). They all belong to the mint of that city. The coins of the second type imitate bilobate arrowheads; the last of these monetary symbols have a hybrid form; their obverses copy a fish of a sturgeon type; the reverses remotely resemble arrowheads. Finally, the coins of the last types (IC-V) have acquired the traditional round shape and are of various denominations of the same numismatic series. On the obverse of the coin of highest face-value is depicted a fish; on the reverse are the initials of the city's ethnicon — KA. The lowest value of the issue differs from the preceding type only in the initial of the name of the city — K — being reproduced on its reverse. The following chronology of the monetary types is suggested from the detailed stratigraphy of each numismatic find: types I—II, the first third of the fifth century B. C.; type III, the second and third quarter of the same century; types IV—V, the last third of the century. Coins of the first three types continued in circulation throughout the fifth century B. C.

The character of the money circulation of Kerkinitis, and its links with Olbia and other Pontic colonies are analysed from this material, and the historical development of the Kerkinitidan *polis* examined.

© 1991 г.

И. Н. Анфимов

КЛАД ПАНТИКАПЕЙСКИХ МЕДНЫХ МОНЕТ начала III в. до н.э. ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

(станция Старонижестеблиевская)

Старонижестеблиевской археологической экспедицией Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника был обследован клад медных боспорских монет 19 июля 1986 г. Клад был найден при работах по строительству рисовых систем на землях колхоза им. Калинина Красноармейского р-на Краснодарского края, в 3 км к западу от ст. Старонижестеблиевской (рис. 1). Скреперисты А. В. Абрамцов и Р. Н. Рахматулин обнаружили в ковше скрепера медные монеты, составлявшие клад, зарытый в сероглиняном кувшине. Верхняя часть кувшина была срезана ножом скрепера. Из сохранившихся фрагментов удалось восстановить нижнюю часть сосуда (рис. 2), представлявшего собою кувшин на низком кольцевом валикообразном поддоне; округлое тулово расширено в средней части, стенки тулова утолщаются в нижней части. Кувшин сформован на гончарном круге, о чем помимо симметрии формы и тщательной отделки поверхности свидетельствуют также характерные концентрические полосы на внутренней поверхности стенок. Глина тщательно отмучена, без заметных включений. Черепок светло-серого цвета, обжиг равномерный. Данный кувшин относится к типу одноручных кружальных сероглиняных кувшинов второй половины IV—III в. до н.э., типичных для меотской культуры Прикубанья этого времени¹. Высота сохранившейся части кувшина — 16 см, максимальный диаметр тулова — 20 см, диаметр поддона — 9,5 см, толщина стенок тулова — 1,4 см.

Кувшин обнаружен на глубине около 0,8 м от поверхности почвы в слое гумированного суглинка, в непосредственной близости от кургана 3 эпохи бронзы, раскапывавшегося в это же время экспедицией Краснодарского музея. Клад был зарыт на расстоянии 110 м к северу от кургана. Земляные работы на месте находки клада были прекращены, грунт из ковша скрепера и из земляного отвала тщательно просеян. В результате удалось собрать 1213 монет, — очевидно, большую часть клада. Вероятно, некоторое количество монет вместе с обломками верхней части кувшина было вывезено вместе с грунтом, и обнаружить их не удалось.

Все найденные монеты были покрыты слоем окислов меди. Их общий вес после предварительной промывки и очистки от грунта равнялся около

¹ Анфимов И. В. Меото-сарматский могильник станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 172.

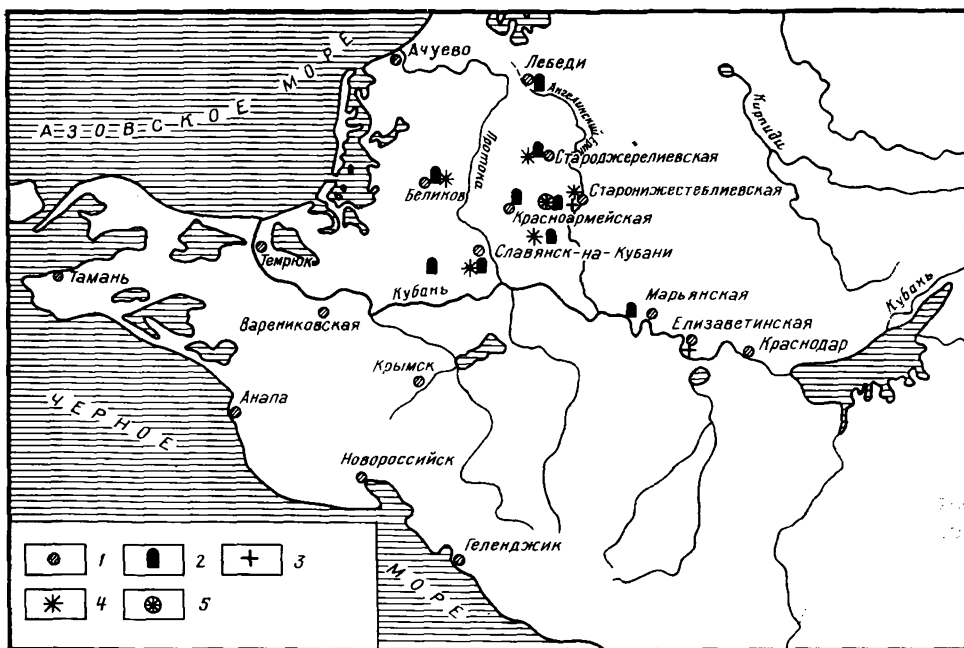

Рис. 1. Карта. 1 — современные населенные пункты; 2 — селища IV—II вв. до н. э.; 3 — отдельные находки монет IV—III вв. до н. э.; 4 — клады монет IV—III вв. до н. э.; 5 — клад ст. Старонижестеблиевской 1986 г.

8200 г. Монеты были подвергнуты обработке в 10%-ном растворе соляной кислоты, механической очистке и обработке в сменных растворах препарата «Трилон-Б» с последующей промывкой в дистиллированной воде, сушкой в 96%-ном спирте и консервацией восковой мастикой. В результате реставрационных работ все монеты были очищены от окислов меди, что привело к некоторому уменьшению их веса. Суммарный вес монет клада после очистки равнялся 7902,73 г, т. е. уменьшился примерно на 300 г. Таким образом, вес каждой монеты после удаления окислов уменьшился на 0,20—0,25 г.

Монеты, составляющие данный клад, представлены двумя номиналами. Первый, более крупный номинал (1209 монет) — это пантикапейские медные монеты, на лицевой стороне которых изображена голова безбородого сатира в плющевом венке влево, с надчеканкой двенадцатилучевой звездой. На оборотной стороне изображение головы льва влево, под ней осетр влево, по сторонам — надпись Π — Α — Ν, надчеканка — горит (З.ХVI, 3)². Монеты этого номинала подразделяются на два типа, различающихся между собой только временем и техникой нанесения надчеканки. Первый тип представлен монетами, выпущенными в обращение в конце IV или на рубеже IV—III вв. до н. э. с вышеописанными надчеканками (рис. 3, 1—10). Все монеты этого типа имеют следы износа в результате сравнительно длительного обращения на боспорском денежном рынке. Монеты второго типа отличаются от первого тем, что надчеканка наносилась не дополнительным пунсоном, а монеты чеканились единым штемпелем, на котором были вырезаны основные изображения — голова сатира (аверс) и голова

² Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 177.

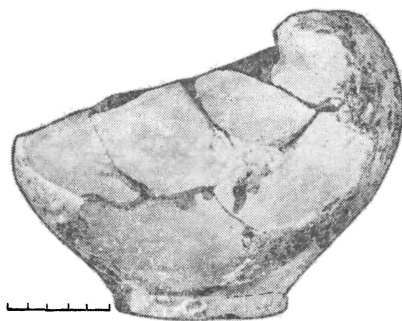

Рис. 2. Сероглиняный кувшин

льва (реверс) и дополнительные — двенадцатилучевая звезда и горит, представлявшие собою надчеканку (рис. 4, 11—16). Очевидно, что монеты данного типа хронологически более поздние, чем монеты первого типа, и выпускались в процессе денежной реформы наряду с перечеканкой старых монет. Судя по отсутствию следов изношенности, они находились в обращении очень короткое время и попали в состав клада вскоре после выпуска (рис. 3 и 4).

Из 1209 монет данного номинала 1153 монеты относятся к первому типу (тип 125, № 130, по В. А. Анохину³). Вес этих монет колеблется от 3,59 до 9,67 г, большая их часть весит 5—8 г (рис. 5)⁴.

Второй, меньший номинал представлен в кладе только четырьмя монетами (рис. 4, 17—20). На аверсе изображена голова бородатого сатира влево, на реверсе — голова быка влево и по сторонам надпись ПАН (З.ХVI, 7)⁵. Вес монет данного типа — от 3,29 до 4,71 г. Д. Б. Шелов считает, что эти монеты выпускались одновременно с монетами с надчеканкой двенадцатилучевой звездой и горитом, являясь, вероятно, меньшим номиналом той же серии. Начало выпуска монет с головой быка на реверсе автор относит еще к первым десятилетиям III в. до н. э., чеканка их продолжалась в течение первой половины III в. до н. э.⁶

Таким образом, монеты описанного клада датируются первой четвертью III в. до н. э. Зарытие его должно быть отнесено к первой половине III в. до н. э. Клад был найден на расстоянии 1 км к западу от поселения второй половины IV—III в. до н. э. На данном участке при строительстве рисовых чеков встречались отдельные фрагменты керамики, в основном обломки амфор IV—III вв. до н. э., а также сероглиняной кружальной меотской посуды. На вершине кургана № 3, находящегося в 110 м от места зарытия клада, культурный слой не прослеживается, но верхний горизонт грунта содержит относительно большое количество керамических находок (главным образом фрагментов амфор и красноглиняной боспорской посуды) и отдельные кости животных. С северной стороны кургана № 5, расположенного на юго-запад от кургана № 3, на расстоянии 200 м от него выявлены

³ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 4, 130.

⁴ Там же. Табл. 4, 131.

⁵ Зограф. Ук. соч. С. 178.

⁶ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956. С. 108.

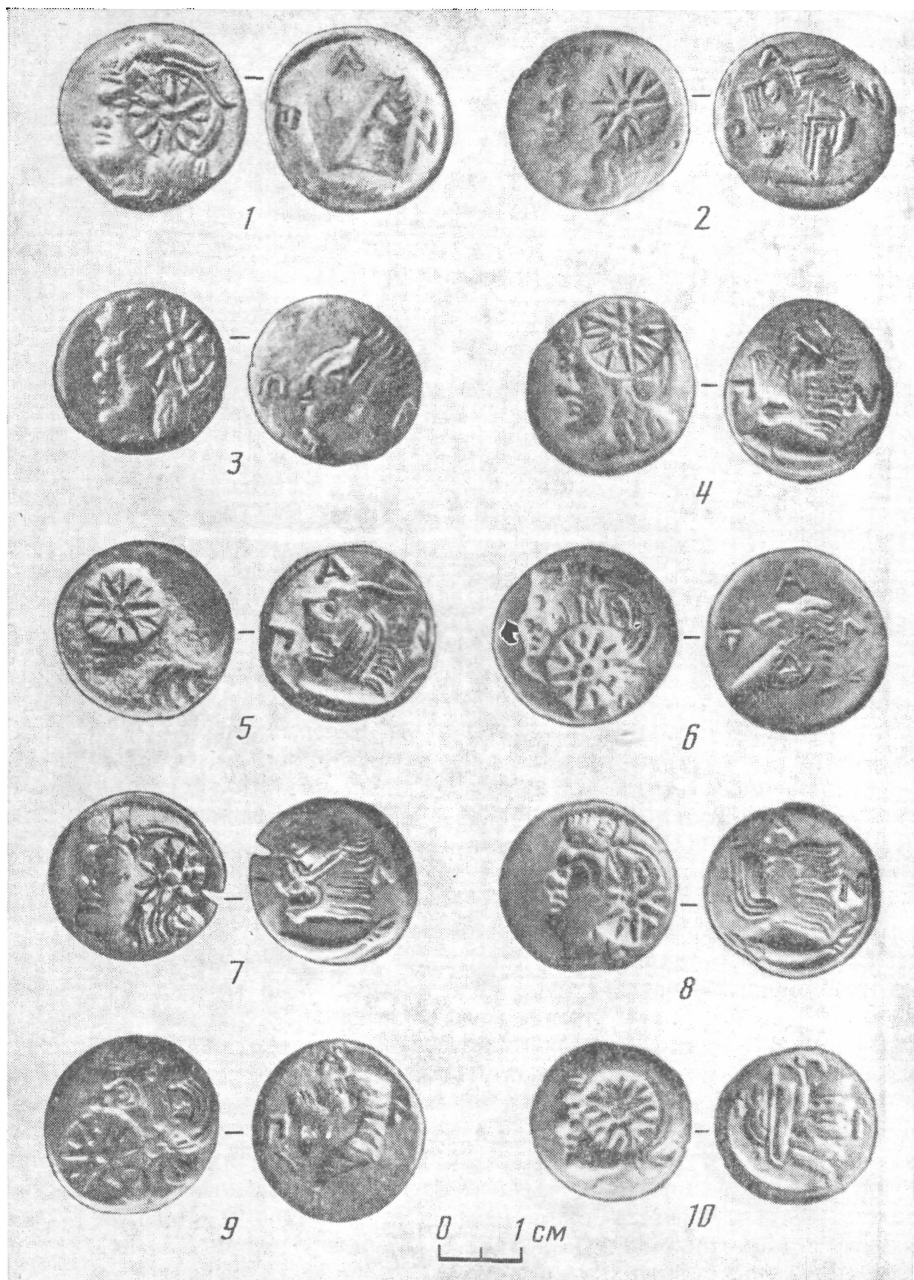

Рис. 3. Клад пантикапейских медных монет III в. до н. э., 1—10.

остатки поселения IV—III вв. до н. э. Все это говорит о том, что данный район был довольно густо заселен в тот период, к которому относится клад.

На правом берегу Кубани в Приазовской низменности к настоящему времени известно пять кладов медных пантикапейских монет конца IV —

Рис. 4. Клад пантикапейских медных монет III в. до н. э., 11—20.

первой половины III в. до н. э. (не считая вышеописанного клада 1986 г.). Один клад был обнаружен близ ст. Старонижестеблиевской⁷, второй —

⁷ *Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских монет из станицы Старонижестеблиевской // КСИИМК. 1949. XXIV. С. 64 сл.

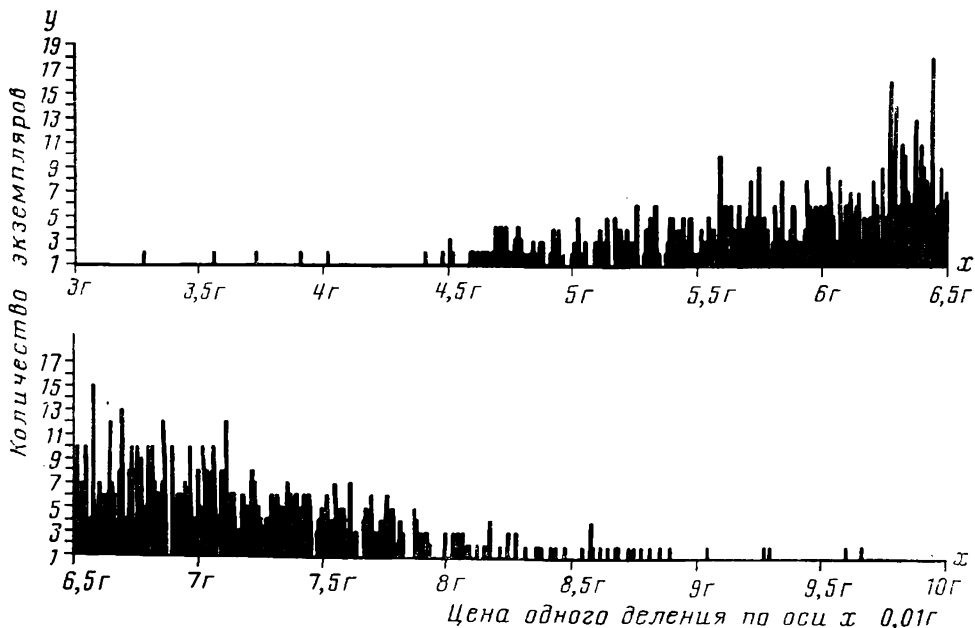

Рис. 5. График весов монет клада: 0,5 см по вертикальной шкале = 1 экз. монеты; 0,1 см по горизонтальной шкале = 0,01 г (10 мг)

в районе поселка Кубрисостроя западнее ст. Ивановской, на расстоянии 6—7 км от нее. Клад был найден при строительстве рисовых чеков и разошелся по рукам, только четыре монеты из этого клада поступили в Краснодарский музей. В ст. Староджерелиевской Красноармейского р-на в 60-х годах при взятии земли с курганообразной насыпи были найдены медные монеты, маленький лепной сосудик на подставке («рюмочка») и сероглиняная чашечка (сосуды и 11 монет были переданы в школу, но к настоящему времени не сохранились). Вероятно, здесь находятся остатки неукрепленного поселения, состоящего из отдельных холмов, характерного для IV—II вв. до н. э. на данной территории. В 1985 г. на юго-восточной окраине г. Славянска-на-Кубани при рытье котлована был найден клад медных пантикапейских монет конца IV — начала III в. до н. э.⁸ И наконец, близ хутора Беликова Славянского р-на в 1972 г. при проведении магистрального канала на территории поселения античного времени был найден клад пантикапейских монет последней четверти IV в. до н. э.⁹

Все эти клады в той или иной степени связаны с поселениями античного времени. Поселения эти неукрепленного типа и состоят из отдельных холмообразных возвышенностей, образованных культурным слоем. Они зарегистрированы в низовьях р. Кубани, западнее станицы Марьянской и в пределах нынешних Красноармейского и Славянского р-нов (рис. 1). Поселения эти резко отличаются от меотских городищ Среднего Прикубанья и Восточного Приазовья. Последние имеют цитадель («центральную часть»), окруженную рвом, отделяющим ее от основной площади поселения, которая в свою очередь защищена с напольной стороны земляными укреплениями.

⁸ *Он же.* Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. 1988. № 3.

⁹ *Он же.* Клад пантикапейских монет IV в. до н. э. из Восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 132—136.

Второй характерной чертой поселений Западного Прикубанья является насыщенность античным материалом — фрагментами амфор, в том числе клейменных, и простой красноглиняной боспорской керамики.

Находки сравнительно большого количества кладов и отдельных пантикапейских монет конца IV — первой половины III в. до н. э. на данной территории дают право предполагать существование здесь денежного обращения и товарно-денежных отношений среди местного населения. Медные пантикапейские монеты со второй половины IV—III в. до н. э., как известно, служили платежным средством для всего населения Боспора, обслуживая внутренний рынок боспорских городов и племен, входивших в состав Боспорского государства¹⁰. У меотских племен Среднего Прикубанья, которые не входили в границы Боспорского государства, денежного обращения не было и торговые отношения строились на основе натурального обмена.

Все это дает основание считать, что территория правобережья низовий Кубани в IV—III вв. до н. э. в результате экспансии Боспора на азиатскую сторону была включена в границы государства.

¹⁰ Шелов. Ук. соч. С. 126.

A HOARD OF PANTIKAPAION COPPER COINS
OF THE EARLY THIRD CENTURY B. C. FROM THE EASTERN
LITTORAL OF THE SEA OF AZOV

I. N. Anfimov

In 1986, during the work of the Staronizhlestbliev archaeological expeditions of the Krasnodar Historical and Archaeological Museum, led by the author, a hoard of copper Pantikapaion coins was discovered by scraper drivers. The hoard was hidden in a Maiotis greyware jar at a depth of 0.8 metres not far from a settlement of the second half of the fourth and third centuries B. C., located three kilometres west of the village of Staronizhlestbliev. Altogether 1213 coins, of two denominations, were found. One group, of the higher value (1209 coins) had the head of a bearded satyr facing left on the obverse, with an embossed 12-rayed star; and on the reverse the head of a lion facing left, under it a sturgeon, and at the side an inscription Γ — Α — Μ, the minting shiny. The second group, of lower value, (four coins) had the head of a bearded satyr facing left on the obverse, and the head of a bull facing left on the reverse, with an inscription Π — Α — Ν beside it. The coins have been dated to the first decade of the third century B. C.

Five hoards of Pantikapaion coins of this period, and separate finds, are now known from this area. The hoards are associated to some extent with settlements of classical times, which gives grounds for surmising that the right bank of the lower reaches of the Kuban were part of the Bosphorus Kingdom in the fourth and third centuries B. C.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

*О преподавании древней истории и классических языков
в высшей и средней школе*

© 1991 г.

О ПРЕПОДАВАНИИ ЛАТИНСКОГО И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГОВ-КЛАССИКОВ И ИСТОРИКОВ ГРЕЦИИ И РИМА В ЛГУ*

Преподавание латинского и древнегреческого языков будущим филологам-классикам и историкам-античникам занимает особое место в их подготовке. Именно для этих специальностей классические языки — один из основных предметов, краеугольный камень всей профессиональной подготовки. И филолог-классик и историк-античник должны уметь самостоятельно понять любой античный текст — греческий и латинский; при этом нужно иметь в виду, что произведения греческих и римских поэтов являются в то же время важными историческими источниками, а папирусы и надписи являются также первостепенными памятниками подлежащей ведению филологов истории древнегреческого и латинского языка.

В настоящее время дальнейший прогресс и само существование наук об античности оказались под угрозой в связи с разрушением системы классического образования, которое происходит сейчас во всем мире. До сравнительно недавнего времени профессиональную университетскую подготовку по классическим языкам получали люди, прошедшие в подростковом возрасте курс классической гимназии, лицея или эквивалентного им среднего учебного заведения. При этом, естественно, классическую филологию или древнюю историю шли в университет изучать люди, как правило, охотно и успешно занимавшиеся древними языками в гимназии. Университет должен был не учить заново, а совершенствовать знания латыни и греческого и позаботиться о том, чтобы подвести под знания студента научную основу.

Сейчас к нам, за редчайшим исключением, поступают студенты, совершенно не знающие не только греческого, но даже и латыни. Точно так же и университеты западного мира получают все меньше студентов с удовлетворительной подготовкой по латинскому и особенно древнегреческому языку. В настоящее время повсеместно к изучению классической филологии и древней истории уже допускаются молодые люди, не учившиеся в средней школе классическим языкам. Для них приходится организовывать уже в университете элементарное преподавание с последующим экзаменом.

Между тем природа классических языков такова, что для того, чтобы успешно им выучиться, надо начинать в детстве. Время, упущенное в школьные годы, можно наверстать в университете, в лучшем случае, лишь частично. В итоге создается парадоксальное положение, когда науки об античном мире должны двигать вперед, пересматривая в чем-то достижения ученых прошлых поколений, новые люди, подготов-

* Окончание. Начало см. ВДИ, 1990, № 4.

ленные, по крайней мере, в том, что касается древних языков, слабее, чем их предшественники. Ясно, что нормальный прогресс науки в таких условиях невозможен.

Выправить положение может только возврат к системе классического среднего образования для некоторых наиболее способных подростков. При этом, по глубокому убеждению автора этих строк, восстановление классического образования необходимо не только и не столько для успешного развития наук о древнем мире. Классическое образование, в основу которого положены древнегреческий и латинский языки и математика, является наилучшим средством развития юных умов для подготовки к любому факультету университета, к духовной деятельности в любой сфере.

Известное облегчение задачи университетского образования классических языков принесут, возможно, уже организуемые в Ленинграде и Москве школы с так называемым гуманитарным уклоном, с преподаванием латинского, а возможно и древнегреческого языка как одного из второстепенных или факультативных предметов.

Если количество часов, отведенных на преподавание греческого и латинского языка на отделении классической филологии (по 7 академических часов в неделю в среднем на I курсе и немногим меньше на последующих), можно признать разумным при нынешних общих условиях, занятия древними языками со студентами кафедры истории древней Греции и Рима сокращены до совершенно недопустимого минимума. На I курсе студенты имеют в течение всего года по два часа латыни в неделю и по четыре часа древнегреческого только во II семестре. Затем по два часа латыни и древнегреческого на II и на III курсе. На этом занятия древними языками в собственном смысле заканчиваются, хотя кое-какие возможности продвинуться в изучении языка студенты получают в ходе спецсеминаров и занятий греческой и латинской эпиграфикой на IV курсе.

Разумеется, этого совершенно недостаточно для профессиональной подготовки даже наиболее способных к языкам и усердных студентов. В то же время увеличение числа часов на обучение древним языкам за счет общего количества, отведенного на специализацию, на первый взгляд необходимое, в действительности нецелесообразно. Реальный контингент студентов исторического факультета, их уровень и жизненные установки сейчас таковы, что попытка усилить преподавание древних языков неизбежно приведет к оттоку не желающих утруждать себя студентов на другие кафедры. Могут остаться считанные единицы на каждом курсе, что при нынешних порядках приведет непременно к закрытию специализации: администрация университета жестко требует наличия в каждой группе не менее пяти студентов. Складывается противостественное положение, когда нормальное функционирование кафедры и само существование специализации зависит от доброй воли нерадивых студентов.

В сложившейся ситуации необходимы срочные меры, которые нужно принять, не дожидаясь положительного решения вопроса о преподавании древних языков в средней школе. В качестве таковой меры представляется разумным открыть вместо специализации по античной истории самостоятельную специальность с ежегодным приемом ориентировочно в 10 человек. Если исторический факультет будет принимать определенное число студентов с самого начала на изучение древнего мира, с тем чтобы они выдерживали отдельный конкурс (возможно, с повышенными требованиями по русскому языку и с экзаменом по новому европейскому), к таким студентам можно будет предъявить более высокие требования и заставить их заниматься больше и лучше вообще, а древними языками в особенности.

Еще одним существенным препятствием к обучению классическим языкам является неблагоприятное положение с учебными пособиями. Если в отношении латинского языка дело обстоит сравнительно терпимо (к сожалению, практически лучший учебник латыни А. Н. Попова и П. М. Шендяпина давно не переиздается), преподаватели греческого языка оказались прямо-таки в катастрофическом положении. Если не считать кратких пособий, по которым нельзя учить ни филологов-классиков, ни историков-античников, единственный учебник, которым можно снабдить хотя бы

одну учебную группу на факультете — это учебник А. Ч. Козаржевского. Нам кажется, что по идее он построен вполне правильно и, хотя предназначен для историков, может с таким же успехом использоваться и для начального обучения студентов филологов-классиков. Однако и этого учебника не хватает на всех. Сильно мешает и труднодоступность древнегреческих словарей. Для поднятия уровня знаний древнегреческого языка в нашей стране необходимо выпустить достаточным тиражом исправный учебник и переиздать словарь И. Х. Дворецкого.

Все преподавание классических языков как специального предмета для классиков и античников ведется в ЛГУ исключительно традиционным, единственно приемлемым с точки зрения автора данных строк, методом. Студенты изучают систематически грамматику, упражняясь и приобретая навыки перевода на постепенно усложняющихся текстах и отдельных фразах. Делавшиеся попытки давать студентам только неадаптированные подлинные фразы и тексты из античных авторов не привились: начальное обучение проводится всеми с использованием адаптированных или сочиненных педагогами текстов, с постепенным переходом к подлинным авторским.

Единогласно признается, что любой текст на любом уровне преподавания должен быть до конца разъяснен и понят с грамматической стороны, что попытки уловить смысл без точной грамматической интерпретации представляют собой вреднейшую привычку, которая может даже преградить навсегда путь к подлинному знанию языка. Не вызывает особых сомнений и то, что успешному изучению древних языков сильно мешает склонность студентов «разбирать» древних авторов, опираясь на существующие и напечатанные литературные переводы.

Обращаясь к более высокой ступени обучения классическим языкам — к систематическому чтению античных авторов (на практике это сейчас удается делать лишь при обучении студентов филологов-классиков и, в известной степени, аспирантов-античников), важно отметить необходимость для полноценной подготовки специалистов и так называемого статорного чтения, и курсорного. Изучающий древний язык должен непременно прочесть с преподавателем некоторое количество разнообразных трудных текстов с медленным подробным разбором. В то же время часть важных навыков владения языком вырабатывается гораздо лучше при быстром чтении больших кусков текста сравнительно нетрудных авторов. Заменителем курсорного чтения в аудитории служит до некоторой степени практикуемое на классическом отделении домашнее чтение под контролем преподавателя.

На кафедре классической филологии существуют ориентировочные списки авторов, с которыми должен познакомиться каждый выпуск, однако это далеко не всегда соблюдается, причем не только по различным случайным причинам, но и из-за резко различного уровня разных наборов студентов. Иногда, при более высоком уровне, представляется целесообразным читать на старших курсах Эсхила или, скажем, Фукидида (в том числе и более трудные в его тексте речи), в других случаях это бессмысленно.

В целом преподавание классических языков в ЛГУ не может нас удовлетворить. Оно требует репетиторного улучшения. При этом ключом к быстрейшему исправлению положения является, с нашей точки зрения, усиление требовательности к студентам.

А. И. Зайцев

МЕСТО ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ИСТОРИКОВ-АНТИЧНИКОВ

В системе исторического образования древние языки занимают особое положение по сравнению с новыми западноевропейскими. В подавляющем большинстве университетов нашей страны не преподается древнегреческий язык, а латинский играет роль общеобразовательной дисциплины, а не языка специализации.

По типовому учебному плану на изучение латыни отведено 70 часов, которые по ровну распределены между II и III семестрами. Это распределение крайне неудачно, поскольку между этими семестрами находится промежуток более чем в три месяца, и студенты за это время, естественно, забывают пройденное. Кроме того, из-за сельскохозяйственных работ занятия в III семестре нередко начинаются с опозданием на 1—1,5 месяца, и из плановых 70 часов в лучшем случае остается 58—60. Но и полных 70 часов явно недостаточно. Студенты успевают пройти только элементарную грамматику, на чтение латинских исторических источников не остается времени. Приходится ограничиваться беглым знакомством с 1—2 главами «Галльской войны» Цезаря. Латынь современному контингенту студентов дается с трудом. Дело не в ее мнимых трудностях — морфологический строй ее как раз удивительно прост и логичен, — а в плохом знании студентами русского языка, будь он родным языком или тем более средством межнационального общения. Вообще до тех пор, пока в вузы не будут принимать только по результатам конкурсных экзаменов, пока не будет ликвидировано подготовительное отделение, не будут уничтожены всяческие льготы при поступлении, нельзя говорить о серьезной подготовке специалистов, в том числе и историков. Поскольку МГУ пользуется известной автономией, то на дневном отделении исторического факультета на освоение латыни дано 100 (точнее — 94) часов: в I семестре по два часа в неделю, во II — по четыре часа в неделю. Это позволяет помимо текстов Цезаря прочитать избранные главы первой «Катилинарии» Цицерона, «Памятники» Горация и Овидия. Очевидно, следует и на исторических факультетах всех университетов выделять на изучение латинского языка 100 часов и распределять их между I и II семестрами.

На отделениях классической филологии слабо поставлено преподавание отраслевой методики, в силу чего выпускники этих отделений, прекрасно зная древний язык, его историю, грамматические и лексические тонкости, часто не учитывают специфических запросов нефилологических факультетов и механически переносят привычные методы, уместные в преподавательской работе на филологическом факультете, на преподавание языка историкам. Они с большим удовольствием читают стихи Катулла и Горация, чем исторические источники, увлекаются грамматическими упражнениями, лингвистическими выкладками, переводами с русского языка, не отделяют главного от второстепенного. Подчас латынь более целенаправленно преподают историк-античники.

Вопросы методики преподавания древних языков на разных факультетах, в том числе и на исторических, регулярно обсуждались на заседаниях Научно-методического совета по высшему филологическому образованию при Минвузе СССР. С упразднением этого совета координация в методической работе практически прекратилась.

Дадим себе отчет в реально достижимых целях и задачах общеобразовательного изучения латинского языка на исторических факультетах. Прежде всего — это выработка филологической культуры в работе над историческим источником, написанным не на родном языке; овладение навыками логического разбора предложения, узнавания форм по существующим моделям, быстрой и осмысленной работы со словарем, перевода точного и стилистически обоснованного. Далее — это понимание латинских осов современной, главным образом социально-политической терминологии.

Затем — это помощь в освоении иностранных языков и повышении грамотности

в языке родном. И, наконец, — это знакомство, хотя и в ограниченных дозах, с письменными памятниками античной культуры, с международными, принятыми в научной и художественной литературе, латинскими «крылатыми» выражениями, формулами, терминами.

Соответственно этим задачам строится методика преподавания древнего языка. При прохождении грамматики должна быть достигнута предельная комбинированность однотипных морфологических образований. Например, целесообразно подавать как единый комплекс существительные, прилагательные, местоимения, числительные, причастия, коль скоро они изменяются по одной модели. Настоятельно требуется отделять наиболее важные языковые факты от второстепенных; всякого рода «исключения» указывать только при их встрече в текстах; четко установить грамматический и лексический минимумы. Полезно использовать грамматические таблицы, дающие «поперечный» разрез языковых явлений, чтобы последние в представлении студентов были логической системой, а не механической суммой разрозненных фактов. Изложение правил должно быть простым и кратким, но в то же время и филологически состоятельным. Историко-языковые и сравнительно-лингвистические экскурсы уместны не как самоцель, а как средство объяснения того или иного явления языка.

Зачеты в I семестре проводятся на основании текущей работы, экзамен во II семестре строится по определенной системе: студент читает, переводит и разбирает знакомый текст (конечно, без словаря); дает развернутый ответ по синтаксическому явлению, встретившемуся в прочитанном тексте; переводит со словарем несколько строк незнакомого латинского текста.

В какой мере учебный процесс на исторических факультетах обеспечен учебниками и учебными пособиями? Своими учебниками пользуются университеты прибалтийских республик, Украины, Белоруссии, а также таких крупных университетских центров, как Ленинград, Саратов, Ростов-на-Дону. На исторических факультетах университетов Российской Федерации в основном принят учебник автора этих строк. Вышло два его издания. Крайне необходимо осуществить достаточным тиражом третье, исправленное издание его.

Латинский и древнегреческий языки как языки специализации по истории древнего мира преподаются лишь в нескольких университетах. На историческом факультете МГУ с 1949 г. существует специальная (единственная во всей стране) кафедра древних языков, обслуживающая, в отличие от кафедры классической филологии, нефилологические гуманитарные факультеты, прежде всего — исторический и его кафедру истории древнего мира. Здесь занятия по древним языкам ведутся с III по IX семестр, составляют в общей сложности по каждому языку от 250 до 350 часов и заканчиваются экзаменами, на которых читаются как знакомые, так и прежде не изучавшиеся авторские тексты. На X семестр приходится консультация по освоению греко-латинских источников, необходимых для дипломных исследований. На занятиях охватывается определенный круг источников с целью дать представление об авторах разных эпох, направлений, жанров, об отражении важнейших событий античной истории. Чтению предшествует лекция об основных отечественных и зарубежных изданиях античных классиков — Тейбнера, Леба, Дидо, Ашетта, Георгиевского и Манштейна и т. д.; о типах научных изданий, научном аппарате, критике текста. При чтении исторических произведений учитываются разночтения, интерполяции, конъектуры; даются комментарии реального характера и наблюдения стилистического порядка. Аудиторные занятия дополняет домашнее чтение, на которое выносятся источники, важные для индивидуальной работы студента.

Поскольку в общеобразовательном плане латынь изучается на I курсе, на спецзанятиях II курса сразу можно приступать к чтению римских авторов. Традиционный подбор текстов таков: 1-я «Катилинария» Цицерона, «Заговор Катилины» Саллюстия, 6-я песнь «Энеиды» Вергилия, XV книга «Анналов» Тацита, документы римского права. Сложнее обстоит дело с древнегреческим языком, так как на I курсе он как обще-

образовательная дисциплина не изучается. Благодаря указанным выше приемам — комбинированности и выделению главного — приблизительно за 33—35 занятий удастся пройти основной грамматический курс и в середине V семестра приступить к чтению сравнительно легкого подлинного текста — I книги «Анабасиса» Ксенофонта. Далее в избранных отрывках читаются IV и VII книги «Историй» Геродота, I или II песнь «Илиады» Гомера, какая-нибудь из речей Лисия, эпизод о восстании Спартака в «Крассе» Плутарха, V—XXХ главы IV книги «Гражданских войн» Аппиана, Нагорная проповедь и притчи из Евангелий от Матфея и от Луки. С текстами для чтения сложилось очень трудное положение, особенно на исторических факультетах периферийных университетов. Требуется осуществить второе издание подготовленного мною учебника древнегреческого языка (подобный учебник по этому языку выпущен еще только в Риге), причем не только исправленное, но и переработанное в свете критических замечаний тех, кто по нему преподает. Рукопись готова, но книга не печатается из-за узости полиграфической базы.

Для серьезной подготовки специалистов по истории древнего мира языковые занятия должны дополняться спецкурсами и спецсеминарами по вспомогательным историко-филологическим дисциплинам — эпиграфике, и палеографии и папирологии. На историческом факультете МГУ латинская эпиграфика преподается уже много лет, и занятия обеспечены несколькими учебными пособиями Е. В. Федоровой. Интенсивно подготавливается М. А. Кондратюк учебное пособие по греческой эпиграфике. К сожалению, не уделяется профессионального внимания папирологии.

При систематичности занятий, их методической продуманности, обеспеченности учебными пособиями и текстами, при серьезном отношении студентов к делу, при контроле над их работой со стороны кафедральных научных руководителей вполне осуществима языковая подготовка высококвалифицированных специалистов по истории древнего мира. Об этом свидетельствует солидная источниковая база защищаемых дипломных работ и диссертаций по античной истории, высокое качество приложенных к этим исследованиям самостоятельных переводов греко-латинских исторических источников, которые таким образом вводятся в научный и учебный обиход, а также и то обстоятельство, что многие историки-античники и медиевисты с успехом преподают древние языки.

А. Ч. Козаржевский

* * *

Вопросы, поставленные в докладах руководителей ведущих кафедр МГУ и ЛГУ, получили свое развитие в последовавшей оживленной дискуссии, изложение которой предлагается вниманию читателей.

В. И. Кадеев (Харьковский гос. университет). Выступления В. И. Кузицина и Э. Д. Фролова показали, что подготовка специалистов по древней истории даже в университетах Москвы и Ленинграда, работающих по индивидуальным учебным планам и имеющих специальные кафедры с хорошо укомплектованным преподавательским составом, пользующихся широкой возможностью привлечения ведущих специалистов из институтов АН СССР, проводится с известными трудностями, что связано со сложившейся у нас системой высшего и среднего образования.

Что касается периферийных университетов и, в частности, на Украине, то положение их значительно хуже, если не сказать катастрофическое. Объясняется это отсутствием специальных кафедр, а значит необходимого числа преподавателей-специалистов, жесткой регламентацией типового учебного плана. Все эти факторы ведут к снижению качества подготовки историков древнего мира, так как по сути происходит имитация подготовки специалистов.

При существующем типовом учебном плане и объединенных кафедрах древней ис-

тории и средних веков с чрезвычайно ограниченным штатом полноценная подготовка специалистов по древней истории невозможна, так как она рассчитана на подготовку учителя средней руки для школы или профтехучилища.

Существенно осложняет подготовку историков древнего мира постепенное угасание, в конечном итоге исчезновение в университетах кафедр классической филологии. Например, в Харьковском университете такая кафедра существовала, в настоящее время ее нет. Несколько филологов-классиков работает на кафедре зарубежной литературы, но ее задачи иные. Такая же картина во всех остальных университетах Украинской ССР, за исключением Львовского. Еще хуже положение с историками древнего мира высшей квалификации, так как в республике с 50-миллионным населением осталось два доктора наук, притом пенсионного возраста.

Для исправления создавшегося положения представляется необходимым — создание хотя бы в одном университете УССР кафедры древней истории, имеющей право на индивидуальный учебный план со специализацией с I курса; нужно восстановить там, где это еще возможно, кафедры классической филологии или древних языков, надо срочно готовить кадры для этих кафедр через целевую аспирантуру в Москве и Ленинграде.

На остальных кафедрах, где имеется специализация по древней истории, для студентов, серьезно интересующихся древней историей, необходимо вводить самостоятельную работу по индивидуальному плану, направленную на освоение древних и новых языков. Определенную роль могут сыграть факультативные спецкурсы и, конечно, работа в студенческом научном кружке, тематика которого должна быть приближена к научной проблеме, разрабатываемой на кафедре. Студенты приобретают здесь «вкус» к научной работе, которая иногда увенчивается совместными (с преподавателем) публикациями. В Харьковском университете имеется определенный опыт такого сотрудничества. Положительную роль может сыграть привлечение студентов к работе в археологических экспедициях, где они не только знакомятся с соответствующими источниками, но и получают навыки их обработки, консервации, реставрации и т. п.

Хотелось бы обратить внимание на необходимость создания учебников по древней истории для вузов и средней школы на конкурсной основе, в том числе и на языках народов СССР. Следует начать подготовку «Книг для чтения по древней истории». Видимо, настало время начать подготовку справочников или словарей как по древней истории в целом, так и по регионам, а также по мифологии, религии, культуре. Они необходимы в учебных целях, для преподавания и помогут повысить культурный уровень широкого читателя. При подготовке таких изданий следует создавать временные авторские коллективы, не замыкая их в рамках какого-то одного ведомства. Предпочтение следует отдавать ведущему специалисту, а не представителю ведомства.

Хочу присоединиться к многим предложениям Э. Д. Фролова. Полностью поддерживаю предложение о необходимости дифференциации школьного образования — создании гуманитарных школ или гимназий в университетских городах. Наши коллеги из Восточной Европы восстановили гимназии, и это дает неплохие результаты.

И. А. Лисовый (Львовский гос. университет). Вопрос о повышении качества подготовки историков-античников в нашей стране необходимо решать, исходя из того, кого мы воспитываем, кого хотим воспитать, кого обязаны воспитать и какими возможностями мы располагаем.

Прежде всего на надлежащем теоретико-методическом уровне должны находиться специальные кафедры. Поскольку их контингент в разных вузах неоднороден по уровню подготовки, научной компетентности и пр., необходимо создать межвузовский научно-методический центр, который, кроме осуществляемой кафедрой истории древнего мира МГУ работы на ФПК, проводил бы регулярные всесоюзные методические семинары преподавателей вузов (на первых порах можно ограничиться исторической секцией всесоюзных семинаров-совещаний, проводимых кафедрами классической филологии и зарубежной литературы). В. И. Кузишин высказал очень ценное пожела-

ние о создании блоков-пособий для студентов-историков. Однако некоторые пособия, входящие в эти блоки, успели стать библиографической редкостью. Их можно было бы издать коллективами нескольких ведущих кафедр средствами малой полиграфии, чтобы каждый студент смог собрать во время обучения необходимую для него библиотеку; так поступают во многих европейских вузах.

И. А. Дворецкая (МГПИ им. В. И. Ленина). В ходе перестройки высшего педагогического образования возрастает значение специализации для совершенствования профессиональной подготовки будущих учителей. В целом система педвузов страны не предусматривает специализацию по древней истории; более того, по новому типовому учебному плану резко сократилось количество часов по общим курсам древней и средневековой истории. В соответствии с индивидуальным учебным планом, разработанным на историческом факультете МГПИ им. В. И. Ленина, кафедра истории древнего мира и средних веков этого института осуществляет уже более 15 лет специальную подготовку студентов. Введена обязательная защита дипломных работ вместо государственного экзамена по всеобщей истории.

Специализация по истории древнего мира начинается с VI семестра III курса и завершается в X семестре V года обучения. На изучение специальных дисциплин по выбору отведено почти два с половиной года, общее количество часов по кафедре составляет около 700, в равных долях оно делится соответственно между спецкурсами и спецсеминарами по древней истории и истории средних веков. Практически специализация начинается уже на I курсе посредством активного вовлечения студентов в работу СНО (кружок по изучению античной истории имеет такой статус в течение нескольких лет), научного студенческого кружка палеобалканистики, а также благодаря организации археологической полевой практики в Средней Азии, Крыму и на Тамани.

По новому учебному плану значительно увеличено количество времени на самостоятельную работу студентов, введены обязательные курсовые работы на I—IV курсах. Такого рода нововведения требуют использования разнообразных форм контроля и овладения педагогикой сотрудничества. Центральное место в учебном процессе заняли индивидуальные консультации, они играют решающую роль на подготовительном этапе специализации. Самым главным препятствием на пути совершенствования специализации кафедра считает отсутствие в учебном плане курсов по изучению классических языков (древнегреческого и латинского). Правда, этот пробел отчасти восполняется факультативами, отчасти спецсеминарскими занятиями, на которых преподаватели-энтузиасты дают начальную подготовку для дальнейшего самостоятельного изучения древних языков. Однако при общем крайнем дефиците учебного времени немногие студенты успешно справляются с трудностями в овладении латынью, не говоря уже о древнегреческом языке.

Специализация по истории древнего мира при кафедре подчинена решению главной задачи — подготовке высококвалифицированного учителя с широким диапазоном гуманитарных знаний. При этом кафедра преследует следующие цели: 1) овладение научными основами изучения исторического процесса, 2) развитие исторического мышления как предпосылки творческого роста будущего учителя, 3) усвоение приемов анализа исторических источников и способов их применения в школьном курсе истории древнего мира, 4) изучение античной культуры для повышения общеобразовательного уровня и эстетического воспитания, для подготовки студентов к этому очень важному аспекту воспитательной работы в средней школе.

Кафедра пришла к общему мнению о целесообразности чтения спецкурсов циклами по единой тематике. Это позволяет раскрыть эволюцию общества и государства, выделить основные закономерности развития, на конкретно-историческом материале показать главные тенденции исторического развития рабовладельческого строя на разных этапах его становления. Серия спецкурсов и спецсеминаров посвящена изучению античной цивилизации на территории нашей страны. Большое значение при-

дает кафедра постановке спецкурсов и спецсеминаров по истории отдельных стран Востока (Индии, Афганистана) в древнейшую эпоху. На завершающем этапе обучения студентов (V курс) тематика спецкурсов усложняется, выделяются малоизученные проблемы истории античности, теоретические вопросы источниковедения и историографии.

Исторический факультет МГПИ им. В. И. Ленина является крупным методическим центром по подготовке кадров для педвузов страны, на кафедре истории древнего мира и средних веков проходят стажировку преподаватели-античники и медиэвисты, готовятся к защите диссертаций аспиранты-целевики. Эта работа могла бы быть намного эффективнее, если бы в учебных планах всех педвузов была учтена возможность специализации, а историческому факультету МГПИ им. В. И. Ленина предоставлено право иметь кафедру классической филологии.

Я. Ю. Межеричкий (Калужский педагогический институт). Неверно противопоставлять проблему подготовки высококвалифицированных специалистов в области древней истории и более широкие задачи преподавания в провинциальных вузах и даже в средней школе. Вершина пирамиды должна иметь основание. Хорошо подготовленный учитель, интересный учебник для 5-го класса (а нынешний страдает социологизаторством и рядом других недостатков) — это, в перспективе, конкурс способной молодежи на специализацию по древней истории в ведущих университетах, это тысячи и миллионы любителей античности в ближайшем и отдаленном будущем. Здесь, как и применительно к любой иной проблеме, необходим комплексный подход.

Что касается преподавания древней истории в педвузах, то возможности наши очень ограничены. Общекультурный уровень абитуриентов, что особенно относится к так называемому целевому набору, понижается, стимулы для овладения специальными знаниями крайне недостаточны. Учебный предмет включает в сущности несколько крупных научных специальностей: первобытную историю, историю древнего Востока, Греции, Рима, но во многих (если не большинстве) институтах его преподают люди, не являющиеся специалистами ни в одной из них.

На местах часто не понимают необходимости введения специальных курсов по проблемам древней истории и культуры, сокращают общие курсы. О специализации говорить не приходится. Древние языки в пединститутах не изучаются, да и новые — тоже кое-как. Поэтому написание курсовых, а тем более дипломных работ по античности крайне затруднено, в учебных планах их нет. Эта тяжкая (и для преподавателей и для студентов) работа не может держаться на чистом энтузиазме. Здесь нужна специальная поддержка Комитета по народному образованию.

Я поддерживаю предложения о необходимости подготовки специалистов по античности начиная со школьной скамьи, будь то «классические» классы в школах с гуманитарным уклоном или что-то вроде «классических гимназий» (какая имеется, например, в Софии). Необходимо также предусмотреть возможность перевода наиболее способных студентов, желающих заниматься античностью, из провинции в ведущие центры. Возможно, на конкурсной основе. В дальнейшем они могли бы распределяться по месту первоначального обучения для организации спецклассов или, по окончании аспирантуры, в вузы.

В связи с рассматриваемыми здесь проблемами необходимо сказать и о роли «Вестника древней истории», без которого было бы невозможно сохранить и имеющийся уровень преподавания. Многие публикации стали хрестоматийными, рекомендуются для занятий и зачитываются до дыр, с них делаются ксерокопии, микрофильмы (что не так просто). Может быть, редакции «Вестника» следовало бы при участии преподавателей составлять хрестоматии статей по определенной тематике, а также переводов источников.

Следует также подумать над повышением информативности журнала. Подписавшийся на него специалист, преподаватель вуза, школьный учитель истории или просто любитель античности должен быть в курсе актуальных проблем мировой науки и но-

вейших открытий. Необходимы проблемные обзорные статьи по узловым проблемам древней истории. Далее нужно думать об издании иллюстрированного приложения (дав ему название дореволюционного журнала «Гермес») и «Библиотеки ВДИ», которая обеспечивала бы постоянных подписчиков журнала публикациями переводов античных авторов (в том числе с параллельными оригинальными текстами), наиболее значительных зарубежных работ. Все это способствовало бы улучшению преподавания древней истории, обеспечило бы приток полноценного пополнения в вузы, в том числе на ведущие специальные кафедры. В итоге поднимется и уровень преподавания нашей науки об античности, и общий уровень исторической культуры народа, о чем всем нам также следует помнить и постоянно заботиться.

Э. Б. Петрова (Симферопольский гос. университет). Если внимательно посмотреть на то, в каком положении находится обучение истории в средней и высшей школе в СССР, то сомнений не возникнет: нет, не нужен нам, видно, «древний мир». Ни для кого не секрет, что отношение к преподаванию истории древнего мира оставляет желать лучшего. Любые сокращения учебных часов осуществляются за счет истории древнего мира, средних веков, археологии. Если сокращают штаты, то опять-таки за счет всеобщей истории. Считается, что «древний мир» как-нибудь обойдется. Нет у нас и такого рода помощников, как хорошие и новые историко-географические карты, наборы диапозитивов, учебные фильмы, прочная аппаратура и т. д. В областных университетах и педвузах нет хороших библиотек, не хватает даже обычных учебников и хрестоматий, не говоря уже о специальной научной литературе, тем более отечественной дореволюционной и зарубежной. Нет текстов источников! В мизерных количествах закупается вновь выходящая литература. На поиски книг у студентов уходит много времени, в таких условиях множительная техника просто необходима, с ее помощью библиотеки смогут пополнять свои фонды. Но такой техники у нас вообще нет. Этим наши беды не исчерпываются. Далеко не всегда кадровый состав соответствующих кафедр формируется должным образом. Часто лекционные курсы по истории древнего мира читаются не специалистами.

Педагогический коллектив кафедры истории древнего мира и средних веков Симферопольского университета сочувственно воспринял предложения по улучшению подготовки специалистов в области истории древнего мира, содержащиеся в выступлениях Э. Д. Фролова и В. И. Кузицина, и счел необходимым поделиться своим опытом. Как и принято, на нашей кафедре специализация начинается с III курса, что, конечно, очень поздно, и мы желали бы перенести ее начало на II курс. Специализация построена в русле проблем истории и археологии Северного Причерноморья в эпоху античности и средневековья. Главное внимание уделяется изучению археологических, эпиграфических и литературных источников, вопросам историографии. Студенты изучают латынь и факультативно древнегреческий язык. Специальные курсы и специальные семинары включают проблемы каменного и бронзового века Крыма, греческой колонизации, истории античных государств Северного Причерноморья и племенного мира, гетуэзских колоний в Крыму, истории Византии и Крыма в эпоху средневековья. Не остаются в стороне и вопросы этнической истории северопричерноморского региона. Тематика курсовых работ достаточно разнообразна, но главным образом в рамках истории Северного Причерноморья, в частности Крыма. Учебная практика проходит в археологических экспедициях и музеях Крыма, в музеях Ленинграда (в первую очередь в Эрмитаже). Кафедра работает в тесном сотрудничестве с Отделом археологии Крыма Института археологии АН УССР, в экспедициях которого трудятся студенты, они имеют возможность пользоваться его библиотекой. Научные сотрудники отдела приглашаются для чтения специальных курсов. Кафедра приглашает также специалистов из других городов. И все же такая практика, очень эффективная по результатам, недостаточно развита. Мы бы хотели чаще слышать в своих аудиториях специалистов из Москвы, Ленинграда, Киева и других научных центров. Тесные связи кафедры поддерживаются с крымскими музеями, особенно Херсонесским историко-ар-

хеологическим заповедником, Керченским, Феодосийским, Ялтинским музеями. Среди сотрудников этих музеев очень много наших выпускников. На факультете работает студенческий научный клуб «Эос». Члены его принимают активное участие в археологических изысканиях в Крыму, организуют студенческие научные конференции и сами ежегодно принимают участие в работе подобных конференций за пределами Крыма. Многие бывшие «эосцы» продолжают учебу в аспирантуре, работают в научных учреждениях, становятся археологами. Еще хочется сказать о практике создания и защиты нестандартных дипломов. Речь идет о дипломах-кинофильмах, посвященных историко-археологическим памятникам Крыма, дипломах-хрестоматиях, которые впоследствии могут быть использованы на семинарских занятиях. На кафедре подготовлен диплом-пьеса «Дело Сократа».

Среди наших выпускников есть хорошо подготовленные, увлеченные и способные к научной работе люди. Однако не все они имеют возможность продолжить обучение в аспирантуре, ибо в СГУ весьма ограниченная аспирантская база. Хотелось бы, чтобы такие выпускники имели больше возможности принимать участие в открытом конкурсе при поступлении в аспирантуру в других городах. В этом отношении мы горячо поддерживаем предложение Э. Д. Фролова.

Так нужен ли нам «древний мир»? Однозначно: нужен, очень нужен, нам нужны культурные образованные люди, способные увлечь за собой подрастающее поколение, показать ему пути к самосовершенствованию. Только от образованных и высококультурных людей наше обновляющееся общество может ожидать истинной отдачи.

Ю. М. Гроссман (Львовский гос. университет). Представляется разумным дать студенту несколько учебников и учебных пособий разных авторов. Так легче избежать простого заучивания материала. Студент будет иметь возможность выбора и сопоставления точек зрения. Не следует избегать историографических и дискуссионных проблем, в частности по таким принципиальным вопросам, как общее и особенное в истории древнего Востока и греко-римского мира. Необходимо знать взгляды крупных зарубежных историков. Для студентов-заочников следовало бы издать особые пособия.

Специализация исключительно важна. Но она, видимо, не должна перерастать в специальность. Последнее реально только для Москвы и Ленинграда (имея в виду и перспективы для выпускников). Тем не менее несколько спецкурсов и спецсеминаров по древней истории необходимы. Историк приобретает качества исследователя именно благодаря специализации.

На кафедре истории древнего мира и средних веков Львовского университета особое значение придается индивидуальной работе студентов, в том числе подготовке научных докладов, курсовых и дипломных работ. Специализация ведется по истории древнего мира и средних веков. Возникают две трудные проблемы. Первая — слабая языковая подготовка студентов. Преодолевать это приходится в индивидуальном порядке, поскольку создать целую группу для изучения древних и современных иностранных языков практически невозможно. Вторая сложность — трудоустройство выпускников. Большинство их направляется в школу и потому дополнительная работа по специализации привлекает немногих. Тем не менее на каждом курсе собирается 7—10 студентов, обычно неплохо подготовленных, которые охотно идут на специализацию. Из них 3—5 ориентируются на древнюю историю, остальные — на историю средних веков и археологию. При этом 3—5 студентов начинают свою специализацию добровольно, фактически с I—II курсов.

При изучении древней истории на I курсе придается особое значение работе с источниками. Кафедра издала специальный практикум: тематика, методические указания со списками литературы и подобранными для каждой темы текстами источников. Все студенты I курса пишут работу по истории древнего мира, причем почти все темы требуют обязательной работы с источниками (правда, как правило, с переводами).

Для улучшения качества специалистов, которых готовят университеты, необходимо усилить изучение латыни. Не следует жестко связывать специализацию с опре-

деленным числом студентов, надо разрешить кафедрам самостоятельно (может быть, с последующим утверждением советом факультета) устанавливать набор на спецкурсы и в спецсеминары; целесообразно разделять специализирующихся студентов на две-три группы и вести в них занятия параллельно. Это дало бы возможность всем студентам принимать более активное участие в семинаре.

Археологическая практика у нас, как правило, проводится в нашем регионе. Желательно расширить эти пределы хотя бы в порядке кратковременной ознакомительной практики — например, на базе Херсонеса. Сейчас возможности археологической подготовки расширяются за счет участия студентов в хоздоговорной тематике.

В. А. Федосик (Белорусский гос. университет). Система подготовки историков-античников в Белорусском государственном университете, конечно же, отличается от таковой в МГУ и ЛГУ. Прежде всего, у нас единая специализация с медиевистикой. Соответственно, на специализацию по антиковедческим проблемам отводится примерно половина учебных часов. Общее ее направление — культура в древнем мире и средневековой Западной Европе. У нас немало проблем с языковой подготовкой. Долгое время латинский, греческий и один из иностранных языков (славянский) изучались студентами, специализирующимися на кафедре, факультативно. Теперь латинский язык включен в сетку учебных занятий по специализации. Очень важную проблему выделил В. И. Кузицин — II курс, на котором отсутствуют учебные дисциплины по истории древнего мира. Мы частично решаем эту проблему — ряд студентов все же работает над курсовыми работами по античной тематике, а не по истории средних веков, как требует учебный план. Еще один путь — студенческий научный кружок. Хуже обстоит дело с древними языками, здесь остается только факультатив, и очень жаль, что с недавнего времени изучение латыни на II курсе было прекращено и оставлено в рамках одного первого года обучения.

Если раньше кафедральный студенческий кружок по истории античности занимался разнородной проблематикой, то в последние годы (причем по предложению самих студентов) он работает только по определенной теме — античному христианству. Тематика спецкурсов у нас определяется прежде всего научными интересами и возможностями преподавателей, а также интересами студентов. Вполне реальной представляется ориентация практики, предусмотренной учебным планом, на нужды специализации, хотя наши возможности здесь намного скромнее, чем в Москве и Ленинграде.

Система преподавания древней истории зависит в первую очередь от преподавательских кадров. Я считаю, что докторская диссертация в ее нынешнем виде не нужна. Она заставляет человека долгие годы заниматься одной темой, явно мешает развертыванию научных дискуссий. Это для чиновника удобнее оценивать работу ученого или педагога по степеням и званиям, коллеги же всегда ясно представляют, кто есть кто. Очень остро стоит вопрос о свободной аспирантуре. Нельзя признать нормальным, когда заявка на набор в аспирантуру сопровождается обязательной личной распиской заведующего кафедрой о гарантии будущего трудоустройства аспирантов. Из-за этого мы многие годы не можем брать наших лучших выпускников в аспирантуру и вынуждены готовить свой резерв кафедры только через научное соискательство, а ведь это, что бы там ни говорили, намного более низкий уровень.

В серьезном улучшении нуждается и материальная база учебного процесса. Ведь у нас нет не только вузовских карт, но и не хватает давно выпущенных карт для 5-го класса. Сейчас в учебный процесс активно внедряется телевидение. На нашем факультете уже действует хороший телекомплекс, скоро появятся еще три. Нужно составлять видеопрограммы, а по нашим дисциплинам база здесь ограничена, и необходима помощь Госкомитета по народному образованию. В целом же разговор на «круглом столе» был весьма полезным, однако мне представляется, что не следует жить только ожиданиями помощи сверху, нужно самим на местах делать хотя бы то, что возможно

даже в нынешних жестких рамках учебного плана и разного рода ограничивающих инструкций.

И. Л. Маяк (МГУ). Если мы хотим повысить научный уровень преподавания, мало улучшить языковую подготовку. Нужно издавать параллельные тексты, одних переводов мало. Необходимо начинать специализацию студентов не на III (а фактически сейчас на II), но на I курсе. Следует увеличить и стажировку молодых специалистов до двух лет. И надо, наконец, приравнять всеобщую историю к дисциплинам социально-экономического цикла с точки зрения педагогической нагрузки.

С. К. Сизов (Нижегородский гос. университет). У нас в городе создана одна из первых школ с углубленным изучением истории. Мы стараемся осуществлять специализацию по древней истории с I курса по V курс. Нельзя не обратить внимание и на парадоксальность ситуации: в столичных вузах дается прекрасная подготовка, но получившие ее студенты в дальнейшем нередко работают не по специальности, тогда как на периферии порой наоборот. Главной сложностью специализации в провинции является узость исследовательской базы — прежде всего недостаток, а то и отсутствие научной литературы, особенно зарубежной. Может быть, стоило бы посылать на учебу в столицу не студентов, а аспирантов.

У. Э. Эрдниева (Калмыцкий гос. университет). Наш университет готовит учителей. Нужно дать вузам больше свободы, чтобы сокращать часы на военную подготовку и гражданскую оборону, а не на латынь, палеографию и нумизматику, как это произошло у нас. Нельзя в современной обстановке снимать из учебного плана и местную историю. Поэтому мы включили в план изучение истории калмыцкого народа. Необходимо, чтобы ВДИ публиковал обобщающие статьи по отдельным проблемам.

Я. Ю. Заборовский (Ивано-Франковский педагогический институт). Мы погрузились в кризис. В пединститутах катастрофическое положение с кадрами: хорошо еще если историю древнего мира читает археолог, а кто только ни читает! Историк СССР, даже физкультурники. Надо сосредоточить подготовку учителей там, где есть кадры. Иначе и в ведущих университетах не будет хороших студентов, если их станет готовить плохой школьный учитель. Обязательно надо ввести латынь в старших классах школы и возратить ее в институты. Пора перестать экономить на образовании и создать достойную материальную базу для учебной и научной работы — укомплектованные отечественной и зарубежной литературой, изданиями и переводами источников библиотеки, учебные пособия (карты и т. п.), видеотехнику. Безусловно необходимо пересмотреть педагогические нагрузки — при 850 часах ни о какой научной работе преподавателей речь идти не может.

В. М. Строгоцкий (Нижегородский педагогический институт). Недостатки гуманитарного образования в нашей стране в значительной степени обусловлены крайне примитивной и абсолютно не соответствующей требованиям цивилизованного общества системой среднего образования. Необходимо сократить продолжительность среднего образования до семи — восьми классов, а дальнейшее обучение осуществлять в дифференцированных школах. При этом школы высшей ступени (трех- или четырехгодичные гимназии и естественнонаучные школы) должны быть во всех крупных областных центрах. Они могли бы быть интернатного типа. Для совершенствования изучения истории в средней школе необходима многовариантность учебников, гарантированное право учителя на самостоятельность и творческую инициативу. В массовой средней школе и гимназии необходимо уделять равное внимание всеобщей и отечественной истории, начиная изучение той и другой с древнего периода. Большое внимание в средней школе, ПТУ и техникумах следует уделять русскому языку, национальным и иностранным языкам. Изучение языков должно быть продолжено и в школах высшей ступени, причем в гимназиях обязательно изучение греческого и латинского языков. Для овладения языками классы необходимо делить на малые группы. Все это сделает реальным и обязательное изучение древних языков на филологических и историче-

ских факультетах университетов и пединститутов (разумеется, также в малых группах, а не по 25 человек, как сейчас).

В Нижнем Новгороде преподаватели исторических факультетов университета и особенно пединститута проводят систематические встречи с учителями-историками школ города и области. Мы помогаем учителям осваивать и внедрять в учебный процесс предмет «История мировой культуры». В пединституте, где преподавание греческого и латинского языков не предусмотрено учебным планом, организован факультатив для желающих изучать эти языки. Уже не первый год читается спецкурс «Античность и современность. Проблемы культурного наследия». Мне представляется, что такой курс необходим особенно в провинциальных пединститутах и университетах, по крайней мере там, где есть специалисты, способные его обеспечить. Поэтому было бы желательно, чтобы Отдел истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР или кафедра истории древнего мира МГУ организовали конкурс на лучшую программу такого курса и на базе этой программы была бы издана типовая программа. Это несомненно повысило бы авторитет и престижность курса истории и культуры древнего мира в вузах.

Ю. Б. Циркин (Новгородский педагогический институт). Я представляю второ-степенный, не ведущий пединститут. Мы не выпускаем специалистов по истории античности и никогда не будем их готовить. Уже сейчас нужно разработать синтетический курс истории мировой культуры для всех факультетов и наладить выпуск соответствующих учебных пособий.

В работе «круглого стола» приняли участие также К. А. Аветисян (ЛГПИ им. А. И. Герцена), А. К. Аригольдт (Караганда), Г. Я. Веллас (Воронежский гос. университет), Е. А. Молев (Белгородский педагогический институт), М. М. Расулова (Азербайджанский гос. университет), Н. С. Талашова (Ивановский гос. университет), В. В. Халдеев (Казань). Подводя итоги, В. И. Кузицин сказал, что, по его мнению, состоялся полезный, хотя и разноплановый разговор («...мы смешиваем и тяжелые недуги образования, и легкие заболевания»). Подобные конференции и встречи способствуют научному общению и обогащают совместным опытом.

* * *

О важности и своевременности проблем, поставленных участниками «круглого стола» в рамках VI Всесоюзных Сергеевских чтений, свидетельствует тот факт, что их обсуждение возобновилось и во время конференции «Античность и современность», прошедшей осенью 1989 г. в Москве под эгидой Всесоюзной Ассоциации антиковедов. В ходе ее работала специальная секция, где под руководством И. Л. Маяк и И. С. Свенцицкой дискутировались вопросы преподавания антиковедных дисциплин в средней и высшей школе и были выработаны конкретные предложения и рекомендации, направленные затем президентом Ассоциации Е. С. Голубцовой руководству Госкомитета по народному образованию СССР и Министерства просвещения РСФСР. Подробная информация о работе конференции публикуется в сборнике «Античность и современность».

Обращаясь сегодня к теме преподавания античной истории и древних языков в средней и высшей школе, нельзя обойти вниманием наиболее очевидные отрадные изменения — все более и более расширяющееся приобщение наших самых юных сограждан к классическим языкам и культуре. Этому и посвящена статья, завершающая дискуссию на страницах ВДИ и вселяющая уверенность в будущем нашей науки.

О ПРЕПОДАВАНИИ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ (ГИМНАЗИИ)

Когда зимой 1989 г. на Сергеевских чтениях в МГУ шла речь о преподавании древней истории и классических языков в вузах и средней школе, то о латыни и древнегреческом в школе говорилось как о желательном, но еще мало реальном деле. Между тем в условиях ускорения политических, социальных и культурных изменений в нашем обществе этот вопрос неожиданно резко встал на повестку дня. Актуальность и жгучая необходимость его решения побуждают высказать некоторые соображения о положении дел и перспективах классического образования в СССР (эти заметки писались в июне 1990 г.).

Учебный год 1989/90 гг. стал поистине переломным для отечественного школьного образования — именно в этом году после 70-летнего перерыва стали объявлять себя гимназиями и лицеями некоторые школы Москвы, Ленинграда и других городов, стало вводиться преподавание древних языков, начались поиски преподавателей, составление программ и учебных пособий. Этот процесс протекает спонтанно, снизу и пока не регулируется никакими органами сверху. При всей положительности этого движения снизу, при котором возникают гибкие, приспособленные к потребностям данной школы программы, нет «обязаловки», декретированной сверху и потому формальной, думается, есть все же необходимость как-то координировать это стихийное движение энтузиастов, с тем чтобы прогнозировать развитие гимназического образования, объединить усилия и помочь работе методистов, практиков, университетских преподавателей, авторов учебников, подумать о подготовке педагогических кадров.

Э. Д. Фролов и А. И. Зайцев в своих выступлениях справедливо отметили, какие печальные последствия для университетского образования в области антиковедения имеет отсутствие классической языковой подготовки в школах. Кроме этого специального и общекультурного аспектов изучения древних языков в школе, мы хотели бы подчеркнуть и еще один аспект — так сказать, международный. В общеевропейском доме, о строительстве которого теперь столько говорят, много комнат, но фундамент один — античная цивилизация. И едва ли может считать себя образованным европейцем человек, изучавший античную историю только две учебные четверти, да и то лишь в 5-м классе, и не имеющий представления о классических языках. Такому человеку мало что говорят культурные и духовные ценности, выработанные европейской цивилизацией в последние три тысячи лет (при этом, скажем, латынь была на протяжении более тысячи лет чуть ли не единственным для всей Европы языком политики, науки, культуры, искусства и образования).

Когда первый из авторов этих строк по приглашению президента Нидерландской Ассоциации антиковедов (соавтора этих заметок ¹) выступал в феврале 1990 г. в Утрехте на ежегодном съезде ассоциации с докладом об истории и современном состоянии антиковедения в СССР, заключительный абзац этого доклада о первых шагах классического образования в школах СССР вызвал неожиданный и странный на первый взгляд порыв энтузиазма среди слушателей. Более того, средства массовой информации, сочтя это сенсацией, тут же отреагировали заметками и интервью в газетах с характерными названиями типа «Перестройка дает новые шансы для классического образования в СССР», «Русские гимназии — последний плод перестройки» и даже «Горбачев и классическая традиция». Связав возникновение гимназического образования с перестройкой, жур-

¹ Антон ван Хоф (A. van Hooff), будучи по образованию филологом-классиком, преподает античную историю в университете г. Неймегена (Нидерланды) и ведет курс переподготовки преподавателей древних языков в школе. Он — автор многих школьных пособий по античности и ряд лет сам преподавал в школе. В июне 1990 г. А. ван Хоф выступил с докладами в Москве и Ленинграде, где, в частности, касался и вопросов, поднятых в этой статье.

налисты увидели в этом факте еще один признак «возвращения» СССР в лоно европейской цивилизации и культуры, возвращения к истокам европейской истории — классической традиции.

Доклад в Утрехте имел еще одно последствие: все издательства, представившие на съезд свои школьные учебники древних языков в истории, тут же решили подарить их докладчику для использования при подготовке аналогичных пособий в СССР, а амстердамское издательство «Meulenhoff Educatief» предложило перевести на русский язык и издать (за счет издательства) некоторое количество популярного в Нидерландах и других странах учебника латыни «Via nova». Имеется в виду испытать его в некоторых школах СССР и в случае интереса к нему сделать — уже совместными усилиями — коммерческое массовое издание.

Хотелось бы остановиться на нескольких моментах, связанных с практическими шагами по введению латыни в школьную программу. Уже сейчас отчетливо заметно большое разнообразие требований, предъявляемых различными школами к преподаванию у них классических языков. Одни (как, например, в Ленинграде) полностью переходят на статус классических гимназий с преподаванием латыни и древнегреческого по полной программе дореволюционных гимназий (с 5-го класса по 5—6 часов в неделю каждый язык). Есть школы, где латынь вводится с 6-го класса (по 2 часа в неделю) или с 9-го класса (по 3 часа в неделю); в некоторых школах латынь идет пока как факультатив, в других — классическими объявляются лишь отдельные классы, а не весь поток. Итак, различный возраст учащихся, неодинаковая степень интенсивности обучения, различные условия работы, неадекватное понимание целей преподавания латыни. Одни подходят к овладению ею всерьез, ставя целью научить учеников читать оригинальные латинские тексты, другие видят в ней гимнастику ума, тренажер для общеязыковой подготовки, третьи — повод ввести учащихся в античную культуру, для четвертых же это дело моды и престижа.

Несмотря на возможные негативные последствия «классической» эйфории наличие многообразных программ и неодинаковых установок естественно и оправдано. Ученики и их родители должны иметь возможность выбрать ту степень знакомства с древними языками, которая им кажется оптимальной. Да и школы, вводящие латынь, имеют разную направленность, часто весьма далеко отстоящую от классической древности. Здесь может оказаться полезным и опыт Нидерландов, где наряду с классическими гимназиями существуют обычные средние школы, но с классическим образованием в одном из классов каждого года.

«Плюрализм» школьных программ по латыни предполагает «плюрализм» учебников и учебных пособий. Как мы знаем, монополия одного учебника всегда негативно сказывается на развитии творческого преподавания. В данном случае эта опасность, по видимому, нам не грозит. Разные цели и объемы преподавания просто вынуждают пользоваться разными учебниками. И вот здесь особо следует сказать о трудностях, которые возникают при введении классического образования в школах.

Одна из них — почти полное отсутствие в СССР учебников, адаптированных для школы. В настоящее время в качестве пособий используются дореволюционные гимназические учебники, современные университетские курсы, текст учебника для гимназий, переведенный с литовского, и т. д. Советский соавтор этой статьи совместно с Н. И. Щавелевой подготовили по заказу директора 13-й Московской гимназии первый пробный выпуск учебного пособия по латыни, по которому учатся ученики 6-го класса гимназии (по 2 часа в неделю). Предполагается в течение четырех лет (6-й—9-й классы) пройти элементарный курс латыни, с тем чтобы в старших классах перейти к чтению текстов оригинальных латинских авторов. К четырем выпускам пособия (три еще пишутся) желательно затем приложить книжечку с систематизированной грамматикой и хрестоматию латинских текстов, весьма полезную, если учесть «текстовый голод» в стране (особенно на периферии). В случае одобрения пособия практикующими учителями (апробация идет уже в десятках гимназий), можно было бы в будущем подумать о многократ-

сочном с хорошими иллюстрациями издания учебника и приложений к нему (здесь возможно сотрудничество с западноевропейскими издательствами). Не всегда, наверно, надо самим изобретать велосипед. Можно, в частности, воспользоваться предложением голландского издательства о пробном выпуске учебника на русском языке, о чем была речь выше. Заметим, что и в Нидерландах один из самых популярных латинских учебников переведен с английского.

Несмотря на всевозможные различия будущих учебников некоторые принципы их составления будут, по-видимому, универсальны и обязательны для всех. В частности, преподавание в школе не должно быть простым перенесением сюда латинского курса высшей школы; оно должно быть адаптировано для соответствующего возраста в построении уроков, стиле изложения грамматики, увлекательности и доступности текстов и т. д. Необходимо также широко использовать традиционно детские формы усвоения материала, связанные с игрой (например, латинские кроссворды, шуточные стишки, считалки и т. п.). Далее, преподавание латыни в средней школе должно иметь главной целью не столько подготовку студентов-филологов и историков, сколько просто быть частью «хорошего» образования для всех учеников, вкладом в интеллектуальное развитие каждого. Ведь стыдно признаться, что средний уровень образованности человека первой трети XIX в., как мы можем судить, скажем, по «Евгению Онегину» (эпиграфы, Ювенал, «vale», «Энеида»), — это неслыханная роскошь для большинства советских интеллигентов, считающих себя высокообразованными людьми. Отсюда вытекает, что каждый учебник латыни должен стать также и своего рода пропуском в сокровищницу античной и последующей европейской культуры. В частности, в нашем учебнике каждый урок сопровождается приложением, где в доступной форме рассказывается о различных сторонах античной культуры, даются элементы популярного введения в индоевропейстику, сравнительное языковедение и т. д.

Интеграция языка и истории культуры должна также осуществляться в построении латинских текстов для чтения и перевода, которые с самого начала должны быть связными и иметь при этом определенный культурологический смысл. Изучение грамматики должно основываться не только на заучивании, но и на осмысленном анализе языковых закономерностей, для чего необходимы постоянные сравнения латинских корней и грамматических форм с таковыми в других языках. Русский язык с его развитой системой склонений и спряжений дает для этого первоклассный материал.

Второй большой вопрос в этом новом деле — кадры преподавателей. Почти все наши филологи-классики или уже «ангажированы» директорами школ, где учатся их дети, или это им еще предстоит. Конечно, все «классики» должны осознать свою ответственность, чтобы использовать уникальный шанс сделать классическое образование частью (или со временем основой) общего школьного образования. Их участие может выражаться во многих формах: от простой солидарности до помощи в написании учебников, в подготовке учителей, в преподавании в школе, наконец, пусть и небольшого количества часов. При этом преподавание оказывается вдохновляющим на творчество переживанием, да и для школы присутствие в ее стенах настоящих ученых очень важно — вспомним профессоров дореволюционных университетов, не гнушавшихся преподавать и в гимназиях.

И все же на одном энтузиазме здесь далеко не уедешь. Нужна большая армия преподавателей латыни в средней школе, знающих не только сам язык, но и античную культуру, и методику преподавания в средней школе, и детскую психологию и т. п. Не за горами, очевидно, время, когда кафедры классической филологии, столь малочисленные ныне (5—7 человек в год на всю Москву!) должны будут принимать десятки студентов, а педвузы страны учредят специальные кафедры латинского языка. Надо быть не только готовыми к таким переменам, но и активно приближать их. В этом, на наш взгляд, заключается большая ответственность нынешних руководителей соответствующих кафедр, испытание их способности отвечать на вызов времени.

Интересную инициативу развивает кафедра древних языков Московского Института иностранных языков имени Мориса Тореза. На кафедре и в рамках годичного факультета повышения квалификации преподавателей вузов открыт прием на годичные курсы с отрывом от преподавания для учителей-филологов, которые хотели бы преподавать латынь в школе. Таким образом, в год-два школы могут получить своих почти дипломированных латинистов, совмещающих преподавание латыни с обучением одному из современных языков.

Преподавание древних языков в школе должно стать предметом внимания и со стороны «Вестника древней истории» — единственного пока всесоюзного журнала по античности. Мы полагаем также, что недавно созданная Всесоюзная Ассоциация антиковедов, как никто другой, заинтересована в становлении и расширении в СССР классического образования и должна образовать специальную комиссию или секцию, занимающуюся этими вопросами. Было бы очень полезно, если эта секция или вся ассоциация в целом стала членом Европейской Ассоциации классических ассоциаций, учрежденной в апреле 1990 г. в Гамбурге несколькими национальными ассоциациями преподавателей классических языков. Этот союз национальных ассоциаций, задуманный сначала как объединение стран Общего рынка, решил остаться открытым для восточноевропейских соседей и готов оказать разностороннюю помощь в становлении классического образования, в частности, и в СССР.

Международные контакты здесь могут стать весьма интенсивными и плодотворными. Достаточно сказать, что уже много лет раз в два года проводятся *Colloquia Didactica Classica* (XIV коллоквиум — в Лондоне в апреле 1990 г., XV — в Бари в 1992 г.). Связи могут осуществляться и на личной основе: многие учителя в Нидерландах (и в других странах Европы) пожелали бы вступить в контакт со своими советскими коллегами.

Удивительное время, когда открываются реальные возможности воплотить в жизнь то, о чем мечтали наши учителя, которые, как друиды, преданно хранили угасающее пламя классической традиции в нашей стране, никто из антиковедов не имеет морального права отсиживаться в окопах академической или университетской науки и все имеют возможность на деле проявить свою любовь к античности, делая ее достижения и духовные ценности достоянием многих своих сограждан.

А. В. Подосинов, А. ван Хоф

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1991 г.

СТАРОВАВИЛОНСКИЕ ЧИНОВНИКИ EGER И ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ ЗА СЛУЖЕБНЫМИ НАДЕЛАМИ

Просопографический анализ корпуса документов из старовавилонских городов Дильбата (в 27 км к югу от Вавилона) и близлежащего Куннума (в 6 км на северо-восток от Дильбата) в эпоху правления предпоследних царей I Вавилонской династии (1894—1595 гг. до н. э.) Амми-дитаны (1683—1647) и Амми-цадуки (1646—1626) дает интересный материал для изучения деятельности царской администрации. Исторические и терминологические трансформации, связанные с должностью градоначальника Дильбата, подробно рассмотрены нами в специальной статье¹. Здесь же мы остановимся на одном из аспектов совместной деятельности градоначальников и чиновников eger в сфере контроля за служебными наделами.

Эту сферу деятельности градоначальников можно проследить и в других районах Северной Вавилонии. Так, исключительно интересным представляется нам документ YOS 13² 41 из города Киша (в 15 км на восток от Вавилона). В качестве арендаторов полей здесь указаны «распорядитель персонала дворцового хозяйства» (gal.unken.na egeñ ká.é.gal)³ Игмилъ-Син и «градоначальник Киша» Авиль-Син. Эти чиновники арендовали землю погибших солдат-*редумов* (в качестве первого участка указано поле в 30 ику, или более 10 гектаров, принадлежавшее двум братьям). Сыновья погибших (если они вообще были), по-видимому, не смогли взять на себя ильк (т. е. службу и служебный надел) отцов, поэтому земля была срочно взята в аренду чиновниками, способными обеспечить ее обработку (договор заключен в середине или конце месяца *ду'узум*, т. е. в самый разгар предпосевных работ). Земля была взята в аренду с санкции делопроизводителя (*dumu.é.dub.ba.a*) Ирибам-Иштара и некоего Авиль-Эйи, сына Эйанацира. Весьма показательна здесь роль делопроизводителя, ответственного в данном случае за учет служебных наделов⁴.

¹ Кошурников С. Г. Городские старосты, градоправители и градоначальники: судопроизводство, царская администрация и община в старовавилонском Дильбате // ВДИ. 1990. № 3.

² Finkelstein J. J. Late Old Babylonian Documents and Letters // Yale Oriental Series. Babylonian Texts. V. 13. New Haven — London, 1972.

³ Об этой должности подробнее см.: Кошурников С. Г. Старовавилонский город Дильбат: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 9, 20; Yoffee N. The Economic Role of the Crown in the Old Babylonian Period // BM 5. Malibu, 1977. P. 81—135.

⁴ Эта его роль была достаточно хорошо прокомментирована М. Эллис (Ellis M. de J. Agriculture and the State in Ancient Mesopotamia: An Introduction to the Problems of Land Tenure. Philadelphia, 1976. P. 15—16); *dumu.é.dub.ba.a* вовсе не был

Градоначальник-шапирум Дильбата (*šāpir Dilbat^{ki}*) Иддин-Лагамаль, сын Ураш-нацира, довольно редко упоминается в документах. За исключением одной таблички (письмо VAS 7⁵193 с административными указаниями по поводу одеяний и освобождения некоего Шумум-либши, которому полагалась смертная казнь (?) за какой-то должностной проступок), он выступает лишь в качестве свидетеля (VAS 7 130; VAS 18⁶ 19; YOS 13 32, 60), во всех случаях речь шла о купле или аренде недвижимости. Появление градоначальника в этих текстах весьма примечательно.

Табличка VAS 7 130 является арендным договором на землю некоего Варад-Ташметума, сына Ураш-даяна. Арендует поле Шамухтум, мать царя Ампи-цадуки. Варад-Ташметум оставил нам целую серию документов, причем исключительно арендных договоров на землю (VAS 7 63, 64, 68, 75, 88, 130, 139), полученную им за службу в армии, по-видимому, в качестве солдата-редума, поскольку среди свидетелей его контрактов неоднократно упоминается младший офицер (РА. РА) Шаллурум, сын Ина-палешу (VAS 7 68, 130, 139), очевидно, его командир. Свидетелями его контрактов часто выступала также пара чиновников — *варкум* (*eger*) и земельный регистратор (*sa₁₂-du₅*) — или же некий Иддин-Лагамаль, сын Или-иддиннама, упоминающийся в дильбатских текстах исключительно как свидетель, причем в подавляющем большинстве случаев совместно с указанными чиновниками или вместо них (см., например, меморандум о пропаже печати — Klengel, Or NS 37/2, 217⁷; заемные документы — YOS 13 54 и VAS 7 96: у старшего офицера (*ugula mar. tu*) Мардук-мубаллита; договор на аренду дома у старшего офицера Ина-палешу — VAS 7 55; купчую на рабыню — YOS 13 408; арендные договоры на землю — VAS 7 63, 75, 88, 145). Видимо, Иддин-Лагамаль, сын Или-иддиннама, был чиновником, в своей деятельности тесно связанным с *варкумом* и земельным регистратором.

Чиновник-*варкум* и земельный регистратор неоднократно упоминаются в качестве свидетелей контрактов Варад-Ташметума: в VAS 7 64 — первыми свидетелями выступают *варкум* Этирум, сын Гимиль-Мардука, и земельный регистратор Бельшуну, сын Эрибии (или Эрибам-Ураша); в VAS 7 68 — *варкум* Этирум без земельного регистратора, однако третьим свидетелем упомянут младший офицер Шаллурум, командир Варад-Ташметума; в VAS 7 75 — *варкум* Иддин-Ураш, сын Абам-ла-иди, без земельного регистратора, однако второй свидетель — Иддин-Лагамаль, сын Или-иддиннама, а арендатор — сам старший офицер Мардук-мубаллит, очевидно, старший командир отряда Варад-Ташметума⁸; VAS 7 139 — *варкум*

«армейским писцом», как переводит этот термин Б. Ландсбергер (*Landsberger B. Remarks on the Archive of the Soldier Ubarum // JCS. 1955. V. 9. P. 125. Not. 22*). Эта должность по своей сути охватывала целый спектр хозяйственно-учетных обязанностей в рамках государственной службы (ср., в частности, YOS 13 207: 13—14: свидетель «Набиум-мушаллим... делопроизводитель при распорядителе» — *dumu.é.dub. ba. a ša gal. unken. na*). Поэтому в качестве оптимального перевода термина можно предложить «делопроизводитель».

⁵ *Ugnad A. Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Ht 7. Lpz. 1909.*

⁶ *Klengel H. Altbabylonische Rechts- und Wirtschaftsurkunden // Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Staatlichen Museen zu Berlin (N. F.). Ht 18. B. 1973.*

⁷ *Klengel H. Eine altbabylonische Verlustanzeige // Orientalia. N. S. 1968. 37/2. S. 216—219.*

⁸ Военным чинам и должностям в Северной Вавилонии будет посвящено отдельное исследование автора.

Иддин-Ураш, сын Абам-ла-иди, без земельного регистратора, но третий свидетель — младший офицер Шаллурум, командир Варад-Ташметума.

Просопографический анализ контрактов Варад-Ташметума показывает, что среди свидетелей неизменно присутствуют лица со стороны арендодателя, по-видимому, военные из отряда, которым командовал старший офицер Мардук-мубаллит. В этой роли часто выступает Иддин-Лагамаль, сын Или-иддиннама (ср. VAS 7 96 и YOS 13 54 — свидетель займов у Мардук-мубаллита), или же младший офицер Шаллурум, сын Ина-палешу. Лишь в одном арендном документе оба эти лица отсутствуют среди свидетелей (VAS 7 64), но зато третьим свидетелем назван некий Шелибум, сын Палатума, с которым Иддин-Лагамаль, сын Или-иддиннама, засвидетельствовал контракт VAS 7 63. Кроме того, табличка VAS 7 64 выделяется еще и тем, что только на ней (из числа арендных договоров Варад-Ташметума) чиновники *варкум* и земельный регистратор встречаются вместе (Этирум и Бэльшуну).

Эти чиновники неоднократно выступали свидетелями совместно, причем почти исключительно когда дело касалось земли. Наиболее известной парой были *варкум* Иддин-Ураш, сын Абам-ла-иди, и Бэльшуну, сын Эрибам-Ураша (принимают какой-то взнос — YOS 13 221; совместно в качестве свидетелей: в договоре об аренде — VAS 7 90, TIM 5⁹ 41, купчей на землю — VAS 18 19, купчей на рабыню — YOS 13 408, купчей на корову — YOS 13 371). Один раз Бэльшуну выступал свидетелем в соглашении об аренде вместе с другим *варкумом* (Утуль-Иштаром — VAS 7 99), однако одним из двух арендаторов, согласно табличке, был все тот же Иддин-Ураш, сын Абам-ла-иди.

Хорошо известны и другие пары чиновников: *варкум* Этирум, сын Гимиль-Мардука, и земельный регистратор Авиль-Ишум, сын Илуни (VAS 7 59), *варкум* Ина-палешу, сын Али-варкума, и земельный регистратор Авиль-Ишум, сын Илуни (YOS 13 260 и 379). Земельные регистраторы Бэльшуну и Авиль-Ишум выступали свидетелями и отдельно от *варкумов* (Бэльшуну: VAS 7 79, 106, 119; Авиль-Ишум: VAS 7 89, YOS 13 263, 285, 409, 526), но лишь тогда, когда дело не касалось земли. В контрактах об аренде земли в подавляющем большинстве случаев первыми свидетелями выступают *варкум* или *варкум* с земельным регистратором! Лишь незначительная часть арендных договоров на землю в Дильбате засвидетельствована без участия этих чиновников. Очевидно, чиновники *варкум* и земельный регистратор выступали представителями царской администрации, осуществляя надзор за таким важным делом, как обработка земли. При этом следует учесть, что большинство арендодателей сдавали в аренду части служебных наделов.

Среди арендных договоров из Дильбата выделяется табличка YOS 13 30, где первыми двумя свидетелями являются оба земельных регистратора Бэльшуну и Авиль-Ишум без *варкума*. К этому, возможно, вынуждало отсутствие кого-либо из *варкумов* в Дильбате в момент заключения контракта.

Сохранился и еще один документ, который, по нашему мнению, дает ключ к пониманию сферы деятельности чиновников-*варкумов*. Это табличка YOS 13 60, фиксирующая акт уплаты стоимости поля (пять сиклей, или 42 г серебра). Свидетелями выступают градоначальник-*шапирум* Дильбата Иддин-Лагамаль и земельный регистратор Бэльшуну. Таким

⁹ Van Dijk J. Old Babylonian Contracts and Related Material // Texts in the Iraq Museum. Cuneiform Texts 5. Wiesbaden, 1968.

образом, градоначальник Дильбата как бы «подменил» в уже известной нам паре чиновника-варкума (ср. также данный документ с табличками, отражающими судебные решения по полям, вынесенные при участии *шак-канаккумов*-градоправителей и *рабианумов*-старост¹⁰). Его присутствие, очевидно, указывает на неординарность документа (административно-судебное решение?), поскольку и сами купчие на землю в правление преемников Хаммурапи (1792—1750) исключительно редки.

Градоначальник-шапирум Дильбата выступает в качестве свидетеля и в другой купчей (VAS 18 19; середина таблетки разбита) на землю. Хотя купчая и была составлена, но вряд ли передача земли была осуществлена, поскольку таблетка не датирована. Начало перечня свидетелей разбито, однако очевидно, что перечисленные в начале списка лица были старейшинами. Пятым (среди сохранившихся имен) в списке следует имя градоначальника-шапирума Дильбата Идди-Лагамалия, за ним (последовательно): имена чиновника-варкума Иддин-Ураша, сына Абам-ла-иди, и земельного регистратора Бэльшуну, сына Эрибам-Ураша, а далее — Бэльшуну, сына Иддин-Лагамалия, и Куббурума, сына Иддин-Лагамалия (последние двое чиновников, по-видимому, братья). Покупатель земли — пастух Ибни-Амуррум, сын Шумма-илу.

Итак, документы YOS 13 60 и VAS 18 19 показывают, что в исключительных случаях (примером служат купчие на землю в правление преемников Хаммурапи) в известной нам паре градоначальник-шапирум «подменял» чиновника-варкума или уже указывались имена обоих чиновников, т. е. чиновник-варкум по существу был заместителем градоначальника шапирума.

О *варкумах* известно очень мало. Обычно должность выписывалась по-шумерски (аккадский эквивалент установлен по упоминанию некоего Абум-вакара: eger — в тексте СТ 85а¹¹, однако в тексте СТ 215¹² — wa-ag-ku-um: означает «следующий за...», «заместитель»). Только в Дильбате и близлежащем Куннуме зафиксированы должности «заместителя жреца (бога Ураша)» (eger sanga, выступает в качестве свидетеля после самого «жреца бога Ураша» в документе YOS 13 422) и «представителя карума (т. е. „торговой колонии“) Урука» (eger kar UNU^{ki} — свидетель документа VAS 7 43). Однако в тех случаях, когда в документах встречается просто идеограмма eger, предполагалось всем известное лицо, которым и был «заместитель», или «представитель», градоначальника-шапирума города Дильбата. Причем таких заместителей у градоначальника могло быть несколько, судя по табличке VAS 7 99, где одним из арендаторов выступает «заместитель» Иддин-Ураш, сын Абам-ла-иди, а первым свидетелем указан «заместитель» Утуль-Иштар (не возглавляли ли они разные кварталы города?).

В свете вышеизложенного становится понятным, почему первым свидетелем аренды земли у Варад-Ташметума, сына Ураш-даяна, согласно таблетке VAS 7 130, выступает сам градоначальник-шапирум Дильбата: ведь арендатором является мать правящего царя! Именно поэтому сторону царской администрации, в ведении которой находились служебные наделы, вместо пары «заместитель» — земельный регистратор представлял сам градоначальник.

¹⁰ Кошурников. Городские старосты...

¹¹ Pinches Th. G. Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum 8. L., 1899.

¹² Idem. Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum 2. L., 1896.

Известен и еще один арендный договор из Дильбата (на землю того же Варад-Ташметума), по которому арендатором выступает царица Шамухтум (VAS 7 88), а свидетелями уже упоминавшийся Иддин-Лагамаль, сын Или-иддиннама (он, видимо, был видным лицом в городе), с двумя сыновьями Карду и Бэльшуну, а также некий Ибни-Амуррум, сын Ибни-Ураша.

Из окрестностей Куннума нам известен другой арендный договор, согласно которому арендатором является представительница царской семьи — царица Анна-абум (VAS 7 100). Весьма примечательно, что здесь первым свидетелем указан «староста» — *рабианум* Ибни-Мардук, очевидно, в знак почтения к царской дочери.

Оба последних арендных договора наводят на мысль, что в конце правления I Вавилонской династии в Дильбате вообще не было *рабианумов* (нет ни одного упоминания в собственно дильбатских текстах), а «городским головой» был назначаемый царем чиновник *шапирум*, при котором состояли «заместители», как некогда при градоправителях *шакканаккумах* (eger šagin) эпохи III династии города Ура¹³. *Рабианумы* же остались лишь в более мелких городках и близлежащих поселениях¹⁴.

Сведений о заместителях градоначальников старовавилонской эпохи (XX—XVII вв. до н. э.) исключительно мало. Они фактически исчерпываются дильбатским материалом. В Дильбате же зафиксирована и карьера одного из «заместителей». Некий Этель-пи-Син, правнук Иддин-Лагамали и внук Нахи-илума¹⁵, в 7-м году правления Самсу-илуны (1749—1712) был офицером (пи-banda₃; очевидно, младший офицер интендантской службы), согласно документу VAS 7 40, а в 29-м году — «заместителем» (VAS 18 16). Вот только не ясно, чьим. Возможно, уже градоначальника *шапирума*.

С. Г. Кошурников

¹³ Falkenstein A. Die neusumerische Gerichtsurkunden. Bd 3. München, 1957. S. 106.

¹⁴ Подробнее об этом см. Кошурников. Городские старосты...

¹⁵ Об архивах этого семейства см.: Кошурников С. Г. Семейный архив старовавилонского времени из города Дильбата // ВДИ. 1984. № 2. С. 123—133; он же. Социально-политическая история Дильбата в правление I Вавилонской династии // ВДИ. 1986. № 4. С. 3—14; Desrochers M. J. Aspects of the Structure of Dilbat During the Old Babylonian Period: Unpublished Ph. D. Diss. (UCLA). 1978.

CITY GOVERNORS AND «EGER»-OFFICIALS IN THE SPHERE OF THEIR CONTROL OVER SERVICE ALLOTMENTS

S. G. Koshurnikov

This article deals with the «šāpir Dilbat^{ki}» and «eger» officials (and also the «sa₁₂-du₃» and «dumu.é.dub.ba.a» from Dilbat) in the aspect of their control over service allotments. The prosopographic analysis helps to define the «eger»-official (the Akkadian equivalent being «warkûm») as the šāpirum's «deputy» (compare the «eger šagin» officials of the Ur III period). The governor of Dilbat (šāpir Dilbat^{ki}) might have a number of such «deputies» at a time.

МОНЕТНО-ВЕСОВОЙ ДУАЛИЗМ СЕЛЕВКА I

В нумизматической литературе прочно утвердилось мнение, будто в основе монетного дела первых селевкидских правителей лежала исключительно аттическая монетно-весовая система с теоретическим весом драхмы около 4,36 г. Единственным общепринятым исключением из этого правила признавался чекан бактрийского серебра Селевка I¹, осуществлявшийся по так называемой индийской системе². Однако еще М. Ростовцев отмечал, что в селевкидском государстве продолжали широко использоваться и различные локальные метрические системы³, что, на наш взгляд, несомненно, должно было в какой-то степени повлиять на развитие монетного дела первых селевкидских царей, главным образом Селевка I и его ближайших преемников. Это предположение послужило причиной статистического анализа весовых характеристик золотых и серебряных монет первых селевкидских царей, проведенного автором⁴. На наш взгляд, результаты этого анализа позволяют пересмотреть вопрос о весовых нормах раннеселевкидского чекана без привлечения побочных источников.

Помимо упомянутого бактрийского чекана Селевка I и Антиоха I наше внимание привлекли следующие эмиссии: двойные серебряные «львиные статеры» Вавилона, Суз и Экбатан⁵, двойные серебряные «статеры со слонем» Суз⁶, двойные и одинарные «дарики» Экбатан⁷, «триумфальные» тетрадрахмы Селевкии на Тигре и Суз⁸, а также тетрадрахмы с Никой из Персеполя и Суз⁹, чеканенные в годы правления Селевка I. Эти эмиссии царской монеты, как мы видим, были выпущены исключительно в восточных центрах государства и отличаются от серий монет «александрийского» типа, чеканенных Селевком I как от своего имени, так и от имени Александра Македонского в различных мастерских государства, не только по своим типологическим признакам, но и по своим весовым данным: средние веса серий этих монет (назовем их — «оригинального» типа) оказались несколько ниже веса эмиссий «александровского» типа (табл. 1), что неприемлемо для чекана типологически различных монет одинакового номинала в единой монетно-весовой системе.

Участие селевкидского государства в международной торговле греко-македонского мира со странами Востока и ключевое значение этой торговли в экономике государства, с одной стороны, обусловили смешанный характер состава денежного обращения в различных областях страны; с другой стороны, селевкидский чекан получил довольно широкое распространение и вне пределов государства, что в обоих случаях хорошо подтверждается материалами многочисленных монетных кладов. Более того,

¹ *Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. NS. I. N. Y., 1938. № 664—675* типа: голова Зевса — Афина на квадриге (биге) слонов. Серия II, около 285—280 гг. по Ньюэллу (далее — ESM).

² ESM. P. 28. Об «индийской» системе см.: *Lohiri A. N. The Indo-Greek Standart and its Impact on Successive Indian Coins // JNSI. 1969. 31.2. P. 113—121.*

³ *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941. P. 450 f.*

⁴ Результаты этого анализа частично сведены в прилагаемые таблицы. Автор пользуется возможностью выразить свою благодарность А. В. Стрелкову, С. В. Новикову и А. Б. Никитину за помощь в осмыслении данной проблемы.

⁵ ESM, № 261 f., 319—322, 461—462.

⁶ Ibid. № 323.

⁷ Ibid. № 460; SNG, Berry. Part II. Megaris to Egypt. N. Y., 1962. № 1331.

⁸ ESM. № 29 f., 307—308, 314—317, 324 f.

⁹ Ibid. № 413 f., 300—302.

не подлежит сомнению, что значительная часть тяжелого селевкидского серебра была предназначена в первую очередь для различных политических и внешнеторговых целей. Это, несомненно, требовало от царской казны мер по поддержанию полновесности селевкидского чекана. Весовые нормы для тетрадрахм аттического стандарта строго соблюдались не только в чекане александровского серебра Селевка I, но и в царском чекане ее преемников, которые также поддерживали весовые характеристики своих эмиссий на общееллинистическом уровне. Так, при Антиохе I средний вес в сериях тетрадрахм колеблется в пределах 16,95—16,90 г и лишь редкие серии весят около 16,80 г. При Антиохе II царское серебро также отличается исключительной полновесностью: 17,05—16,90 г (лишь эмиссии ряда городов имеют средний вес серий не ниже 16,80 г). Однако при Селевке II, Селевке III и в первые годы правления Антиоха III в связи с обострением политической ситуации в государстве, когда основные серебряные рудники в Малой Азии находились поочередно в руках Антиоха Гиеракса, Аттала I и Ахея, когда при сокращении внешней торговли возросли расходы на политические цели, государство идет на временную редукцию металлического содержания своих эмиссий, средний вес серий которых порой падает до 16,60 г. В этой связи показательно, что серебро мятежного Антиоха Гиеракса обладает значительной полновесностью — 16,80—16,95 г в среднем для серии. После подавления мятежей Антиохом III и в процессе подготовки восточной кампании последнего происходит немедленное восстановление весовых норм селевкидского чекана до прежних 16,98—16,85 г.¹⁰ Однако из общей картины резко выделяются «оригинальные» эмиссии Селевка I и бактрийское серебро Антиоха I, хотя их пониженный вес нельзя, как мы видим, объяснить нестабильностью весовых норм для чекана серебра по аттическому стандарту.

Основы весомообразования эмиссий из благородных металлов были проанализированы С. Боулином¹¹, метод которого лежит в основе предлагаемой работы (мы не будем здесь рассматривать теорию Боулина, к тому же ей посвящена статья А. В. Позднякова¹², и уточнять, насколько выводы Боулина применимы к монетному делу эллинистического мира в целом, мы лишь используем основные положения его метода для более полной постановки вопроса о весовых нормах селевкидского чекана). Как убедительно доказал С. Боулин, античные монеты не являлись монетами полного металлического стандарта¹³ и имели вес ниже эталонного (далее — «теоретического»), что, в частности, отмечал еще в начале века известный русский исследователь А. Л. Бертъе-Делагард¹⁴. Благодаря гарантиям государства отчеканенный благородный металл приравнивался по стоимости к слитку неотчеканенного металла с несколько большим весом, поскольку при чеканке государство изымало часть металла, составлявшего его прибыль от производства монеты¹⁵. Несоблюдение

¹⁰ Более того, пока нет оснований утверждать, что Антиох III, обложенный огромной контрибуцией, пошел на снижение металлического содержания заключительных серий своего серебра.

¹¹ *Bolin S. State and Currency in the Roman Empire to 300 A. D.* Stockholm, 1958 (далее — SCRE).

¹² *Поздняков А. В.* Изучение монетной политики ранней Римской империи и теория денежного обращения в трудах С. Болина // *Проблемы истории античности и средних веков.* М., 1979. С. 30—46.

¹³ SCRE. P. 100.

¹⁴ *Бертъе-Делагард А. Л.* Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // *ЗООИД.* 1906. XXVI. С. 227—231.

¹⁵ SCRE. P. 101 ff.

границ допустимого колебания веса большинства монет в серии, математически определенных С. Боулином, вело, однако, к увеличению изымаемой части металла из серии монет уже с редуцированным относительно эталона весом, что влекло за собой действие закона Грешема—Коперника для металлически лучших или худших монет. Короче говоря, увеличение прибыли государства путем снижения среднего веса всей серии ниже гарантированного государством предела приводило к порче не отдельных монет (ибо внутри серии допустимо колебание весовых данных отдельных экземпляров), а всей серии. Применительно к монетному делу ранних Селевкидов можно утверждать, что государственная казна не могла произвольно менять металлическое содержание своих эмиссий ниже общепринятых норм, не рискуя понизить курс своей монеты на внешнем рынке, нарушить баланс платежных средств на внутреннем рынке, способствовать тезаврации и ускоренному оттоку за пределы государства металлически лучших монет; более того, смешанный характер денежного обращения Селевкидского государства и отсутствие в целом замкнутости денежного хозяйства его областей не представляли возможности безболезненно вводить принудительные курсы царской монеты. Теоретический расход на чекан царской монеты¹⁶, таким образом, должен был быть приблизительно одинаковым для всех мастерских, чеканящих монету по определенному весовому стандарту.

Исследователи давно обратили внимание на заниженный вес так называемых львиных статов, чеканенных в Вавилоне Селевком I в 306—281 гг. Э. Т. Ньюэллом, в частности, отмечено, что их вес ниже веса аналогичных «львиных статов» Мазака, чеканенных как по аттической, так и по персидской системам¹⁷. Вавилонские статы Мазака, как подчеркивал Ж. Ле Ридер, схожи со статами, чеканенными им ранее в Месопотамии по персидской системе¹⁸. Предположение Хилла, согласно которому «львиные статы» Селевка I могли быть чеканены как тройные персидские сикли с весом одного сикля 5,60 г в серебре, Ньюэлл осторожно отверг, ссылаясь на невозможность бытования подобного номинала¹⁹; чекан этих статов он объяснил их предназначением для внутреннего обращения, что обусловило их чекан по аттической системе с понижением веса. Однако метод С. Болина опровергает подобное предположение, поскольку средний вес «львиных статов» вавилонского чекана Селевка I составляет только 16,03 г при наибольшем пике веса 16,40—15,60 г (около 47% монет). Подобные весовые нормы крайне низки для монет, чеканенных в этот период по аттической системе; более того, около 75% монет весят ниже 16,60 г и лишь 25,5% превышают

¹⁶ В этой связи трудно согласиться с подходом О. Мёркхольма к весовым нормам эллинистического чекана (*Mørkholm O. The Attic Coin Standard in the Levant during the Hellenistic Period // Studia Paulo Naster Oblata. I. Numismatica Antiqua. 1982. P. 143*). Так, если возможно допустить коренное изменение теоретических норм чекана селевкидских тетрадрахм после 172 г., то говорить об отдельных колебаниях теоретического веса тетрадрахм аттического стандарта в предшествующий период нам представляется неверным, особенно когда речь идет о чекане первых селевкидских правителей и преемников Александра. В этом конкретном случае мы имеем дело не с изменением весового эталона, а с увеличением расхода металла на чекан, изымаемого как прибыль государства от производства монеты. Колебание размеров этой прибыли и возможность подобной операции рассматривались С. Боулиным (*S.CRE. P. 121—124*).

¹⁷ Освещение этой проблемы: *ESM. P. 105*.

¹⁸ *Le Rider G. Tetradrachmes «au lion» et imitation d'Athènes en Babylonie // GNS. 1972. 22. P. 2*.

¹⁹ *ESM. P. 105*.

16,60 г. Трудно допустить, чтобы Селевк I начал один из видов своего чекана, который в данном случае распознается по селевкидскому якорю, с выпуска низковесного серебра, в то время как тетрадрахмы, чеканенные им от имени Александра в различных мастерских государства в период 306—300 гг., а также серебро александровского типа 306—280 гг. отличаются своей полновесностью: их средний вес находится в пределах 16,90 г при колебании веса наибольшей части серии от 17,10 до 16,75 г. Ж. Ле Ридер высказал предположение, что чекан «львиных статеров» Селевка мог начаться и в период вскоре после 311 г.²⁰, продолжаясь до его смерти, однако за весь этот период весовые нормы этих монет Вавилона остались неизменными. Более того, не ясны причины, которые могли способствовать появлению подобного чекана с сильно заниженным весом, в то время как предыдущие вавилонские выпуски аттического стандарта — посмертные тетрадрахмы Александра Македонского — имеют вес большинства монет в серии в пределах 17,29 — 17,00 (в период 331—317 гг.) и 17,19 — 16,90 г (в период 316—306 гг.)²¹. Даже если чекан этих «статеров» и начался в период после 311 г., то после принятия Селевком титула базилевса в их типологии практически не происходит никаких изменений — не появляется ни имени царя (хотя Мазак подписывал ряд своих аналогичных эмиссий), ни дополнительных элементов, сколько-нибудь отражающих политические успехи царя. В целом чекан вавилонских «львиных статеров» продолжается в типологически неизменном виде в течение всего царствования Селевка I. Это еще более подкрепляет вывод Э. Т. Ньюэлла, что мы имеем дело с исключительно локальным чеканом, и это, в частности, подтверждается редкими случаями выхода «львиных статеров» Селевка I за пределы центральных областей государства (в основном они найдены в кладах Вавилонии и Сирии)²²; далее Сирии на запад они не проникают, что крайне нехарактерно для монет аттического стандарта Селевка в этот период.

На наш взгляд, объяснение столь низких весовых данных «львиных статеров» следует искать в самих монетах. Так, помимо фигуры восседающего Ваала-Зева на лицевой стороне этих статеров, верховного божества Вавилона, в поле оборотной стороны помещено изображение льва, которое в древневавилонский период неоднократно помещалось и на весовых гирях²³. Не исключено, что на «статерах» Мазака и Селевка I оно также указывало на использование в чекане одного из вариантов вавилонской весовой системы. Так, вавилонский гражданский стандарт, основанный на золотом сикле, в начале XX в. был теоретически определен приблизительно как 8,186 г для сикля в золотом выражении. Однако критический анализ источников этого стандарта позволяет говорить, что теоретический вес золотого сикля, базирующегося на легкой гражданской мине, мог иметь пределы 8,18—8,36 г и даже несколько выше (до 8,40 г²⁴). Ограниченная источниковедческая база и хронологический разброс основных источников не позволяют точно определить, какая именно теоретическая норма сикля в золотом выражении превалировала

²⁰ *Le Rider*. Op. cit. P. 6.

²¹ *Mørkholm*. Op. cit. P. 149. Tabl. I.

²² Например: *Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M.* An Inventory of Greek Coin Hoards. N. Y., 1973 (далее — IGCH). № 1522, 1757, 1760.

²³ Подробнее см. *Head B. V.* Historia Numorum. L., 1963. P. XXXIV—XXXVI.

²⁴ HN. P. XXXIV—XXXVII; *Brandis J.* Das Münz-, Mass- und Gewichtswesen in Vorderasien bis auf Alexander dem Grossen. B., 1866; *Hultsch F.* Griechische und römische Metrologie. B., 1882; *Viedebandt O.* Antike Gewichtsnormen und Münzfüsse. B., 1923; *Guepin J. P.* Greek Coinage and Persian Bimetallism // JМ P. 1962. 49. P. 1—19;

в рассматриваемый период. Принимая во внимание возможность колебания теоретического веса золотого сикля в пределах 8,18—8,36 г, можно определить, что при радио 1 : 13,3 ему должен был соответствовать серебряный сикль весом около 10,88—11,12 г. Однако не подлежит сомнению, что к рассматриваемому периоду соотношение золота к серебру составляло уже 1 : 10 и именно это соотношение лежало в основе селевкидской финансовой политики. Таким образом, золотому сиклю отныне должен соответствовать серебряный сикль с теоретическим весом в пределах 8,18—8,36 г, или 16,36—16,72 г для двойного серебряного «статера». Именно это обстоятельство, на наш взгляд, послужило причиной полемики в определении весовых норм «львиных статеров» Селевка I. Более того, при теоретическом весе серебряного сикля в пределах 8,18—8,36 г границы колебания веса большинства монет в серии составят соответственно 16,18—15,82 г и 16,35—15,64 г. В целом при весе сикля около 8,40 г пик веса должен находиться в пределах 16,40—15,60 г (в этом диапазоне находится около 50% «львиных статеров» Селевка). Подобное колебание веса большинства монет серии более подходит под вавилонскую систему, нежели под нормы аттического стандарта с теоретическим весом тетрадрахмы 17,44 г, поскольку пик веса ее при условиях селевкидского чекана будет приходиться на интервал между 17,20—16,60 г. Более того, при использовании в чекане «львиных статеров» вавилонского стандарта во всей широте его диапазона прибыль государства составит около 2,2—4,3%, или в среднем 3,3%, от первоначального веса монеты. Аналогичная пропорция характерна и для чекана селевкидского серебра «александровского» типа, хотя, несомненно, данные статистического анализа лишь приближены к абсолютной истине.

Таким образом, есть основания предполагать, что «львиные статоры» Селевка I чекана Вавилона основывались на локальной монетно-весовой системе. В этом случае двойной «львиный статор» должен соответствовать 4 сиклям с теоретическим весом 16,36—16,72 г; «дидрахма» — 2 сиклям (8,18—8,36 . . . 40 г), «драхма» — сиклю (4,09—4,20 г), «гемидрахма» — половине сикля (2,04—2,10 г), если допустить их обмен как один золотой «статор» на 20 серебряных драхм. В этой связи следует подчеркнуть, что среди номиналов «львиной» эмиссии мы не встречаем обол, поминала, столь характерного для аттической монетно-весовой системы. На основании вышеизложенного легко объясняется и пропорционально изменяющаяся «неполновесность» более мелких фракций «львиных статеров» Селевка I.

Какими же причинами мог руководствоваться Селевк I, возрождая в Вавилоне чекан серебра по вавилонскому стандарту? Ж. Ле Ридер высказал мысль, что до Селевка I локальные вавилонские эмиссии могли предназначаться для внутреннего обращения, в то время как посмертный александровский чекан Вавилона выполнял роль интерлокальной монеты²⁵. В целом с этим трудно не согласиться. Так, в Вавилоне мы не знаем случаев чекана царского серебра Селевка, потребность в котором могла позже пополняться за счет эмиссий соседней Селевкии на Тигре,

Breglia L. Questioni ponderali. Centennial Publication of the ANS. N. Y., 1958. P. 147—166; *Lang M.* Five Hellenistic Lead Weights // ANSMN. 1968. 14. P. 1—3; *Naster P.* La méthode en métrologie numismatique // Numismatique Antique. Problemes et Methodes. Nancy — Louvain, 1975. P. 65—74; *Raymond D.* Macedonian Regal Coinage to 413 B. C. // NNM. 1953. 126. P. 18—38; *Burns A. R.* Money and Monetary Policy in Early times. N. Y., 1927. P. 197 ff.

²⁵ *Le Rider.* Op. cit. P. 6. Это предложение было также высказано Н. Уагоннер (*Wagonner N.* The Alexander Mint at Babylon. Diss. Columbia University. N. Y., 1968).

что, в частности, подтверждается материалами монетных кладов региона. Как мы знаем, Селевк, будучи еще сатрапом Вавилона, пользовался поддержкой местного населения и жречества²⁶, причем последнее играло значительную роль в политической и экономической жизни региона. Даже после переселения в Селевкию на Тигре населения Вавилона, храмы и жречество последнего не были затронуты²⁷. Поэтому возрождение оригинального чекана на базе локального весового стандарта в первую очередь следует расценивать как политическую уступку жречеству, как стремление развивать внутренний рынок, который, несомненно, опирался на привычную метрическую систему. Безусловно, это должно было способствовать усилению популярности Селевка I среди местного населения, поскольку по политической значимости подобный шаг можно сравнивать лишь с предоставлением права муниципального чекана, даровавшегося, как правило, отдельным греческим полисам. Не исключено, что чекан «львиных статеров» Селевка I в Вавилоне (а также в Сузах и Экбатанах) носил храмовый характер, что в виде рабочей гипотезы уже однажды высказал Э. Т. Ньюэлл²⁸. В этом случае чекан статеров мог осуществляться от имени храмов и жречества под контролем царской власти, о чем, в частности, говорит обязательное употребление селевкидского якоря в поле оборотной стороны. Более того, выпуск этих серий мог проводиться в государственных мастерских наряду с царским чеканом, что в определенной степени подтверждается предположительной локализацией чекана одной из серий «львиных статеров» в мастерской Селевкии на Тигре²⁹. Характером чекана этих монет, вероятно, объясняется и типологическая замкнутость «львиных статеров». Оставаясь, несомненно, узкорегинальным явлением, этот чекан мог использоваться в торгово-экономической деятельности негреческого населения и в ряде областей государства. Однако уже при Антиохе I, с переходом основных функций столицы к Селевкии на Тигре и, как мы увидим ниже, с полной унификацией монетного дела государства, чекан «львиных статеров» не возобновляется.

Прежде чем временно отвлечься от вавилонского чекана Селевка I, следует подчеркнуть, что узкорегинальный характер этого чекана ни в коем случае не может служить объяснением его «неполновесности» относительно аттического стандарта «львиных статеров», поскольку широкое обращение полновесного александровского и селевкидского серебра, подтверждаемое материалами кладов Вавилонии 311—280 гг.³⁰, делает невозможным длительное совместное обращение полновесных и «неполновесных» монет. С другой стороны, наличие единичных экземпляров «львиных статеров» с повышенным металлическим содержанием (более 16,80 г, но не выше 16,99 г) также не позволяет относить весь чекан к аттическому стандарту, поскольку возможность чекана отдельных экземпляров монет с весом, превышающим даже теоретическую норму, подтверждается нумизматической практикой. Скорее можно предполагать, что часть эмиссии могла тяготеть к стандарту, основанному на более тяжелой, так называемой царской, мине, что, несомненно, позволяло в отдельных

²⁶ *App. Syr.* 54; *Diod.* XIX. 55. 91.

²⁷ *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 132.

²⁸ *ESM.* P. 106. Not. 14.

²⁹ *Waggoner N.* Early Alexander Coinage at Seleucia on the Tigris // *ANSMN.* 1969. 15. P. 25.

³⁰ Например: *IGCH.* № 1752—1754; 1756—1761.

случаях использовать «львиные статеры» по весу как монету персидского стандарта.

Обратившись теперь к весовым данным «львиных статеров» Селевка I, чеканенных в Экбатанах и Сузах ³¹, заметим, что, несмотря на их типологическое сходство с аналогичными «статерами» Вавилона, их средний вес (16,60—16,50 г) превышает вес вавилонских эмиссий. Хотя нам известно всего несколько экземпляров этих монет, что не позволяет составить развернутую гистограмму, тем не менее можно с уверенностью утверждать, что их большая часть имеет вес в пределах 16,92—16,40 г. Эти границы слишком высоки для вавилонского стандарта, основанного на гражданской мине, и несколько низки для аттического, поскольку большинство монет в серии, как мы уже отмечали, должно весить в пределах 17,20—16,60 г. Однако в монетном деле Селевка I известен редкий случай чекана в Экбатанах двойных и одинарных коммеморативных статеров, условно названных «дариками», несущих изображения Александра и Ники ³². Как полагал Э. Т. Ньюэлл, они были чеканены Селевком I для увековечения его кампаний на Востоке ³³. Их средний вес лежит в пределах 16,70—16,50 г, однако Ньюэлл воздержался от комментариев их весовых данных, хотя средний вес двух обычных селевкидских статеров не будет ниже 17,24—17,04 г.

Все это заставляет нас вернуться к анализу локальных весовых систем, в данном случае к вавилонской царской мине или к персидскому стандарту. В основе этого стандарта лежит «дарик» в золотом выражении, теоретический вес которого также может колебаться в определенных пределах, которые составят 8,42—8,52—8,59 и даже 8,86 г ³⁴. Зная (исходя из среднего веса статеров Селевка I) количество изымаемого металла при чекане золота, которое составляло в целом по государству около 2,178%, можно определить, какой теоретической нормой пользовались при чекане «дариков» Экбатан. Так, при среднем весе серии «дариков» около 16,50 г эталоном будет «дарик» около 8,43 г, при весе 16,70 г — 8,54 г. Все эти данные отличаются от эталонного веса аттического статера (около 8,72 г), что позволяет отнести «дарики» Селевка I к одному из вариантов царской золотой мины. Однако при радио 1 : 10 селевкидским «дарикам» должна соответствовать серебряная монета с теоретическим весом около 8,43—8,54 г, или 16,86—17,08 г для двойного серебряного «дарика». В этом случае большая часть серии для этого номинала будет весить при 8,43 г — 16,68 = 16,32 г, а при весе 8,54 — 16,89 = 16,51 г. При теоретическом весе «дарика» около 8,59 г ему будет соответствовать двойной серебряный «дарик» с теоретическим весом около 17,18 г. В данном случае пик серии при среднем весе около 16,55 г будет располагаться в пределах 16,92—16,24 г, при этом степень уценки серебра не превысит 3,5%. Таким образом, можно предполагать, что «львиные статеры» Экбатан и Суз, а также серия сузианских статеров «со слоном» ³⁵ чеканены по одному из вариантов персидского стандарта и соотносятся с золотыми «дариками», чекан которых известен только ³⁶ в Экбатанах. Выбор сюжетов для «львиных статеров» Экбатан и Суз, очевидно, связан с употреблением статеров

³¹ ESM. № 461—462, 318—322.

³² Ibid. № 460.

³³ Ibid. P. 174.

³⁴ HN. P. XXXVII.

³⁵ ESM. № 323, 330.

³⁶ Как мы увидим ниже, в предселевкидский период им предшествовал чекан золотых вавилонских (?) «дариков».

вавилонского чекана в предселевкидский период, что иллюстрируется материалами кладов ³⁷.

Однако при Селевке I, как мы уже отмечали, в Вавилоне происходит переход на вавилонскую весовую систему с более легкой миной, что тем не менее не могло не отразиться на денежном хозяйстве Месопотамии, Мидии и Сузианы, поскольку вавилонский чекан перестал выходить далеко за пределы региона, а его нехватку успешно пополнил денежный материал новых эллинистических правителей.

Если признать ход рассуждения верным, то обращает на себя внимание и тот факт, что так называемые тетрадрахмы «триумфальных» типов Селевка I, чеканенные исключительно в восточных центрах государства — в Селевкии на Тигре, Сузах, Персеполе и Бактрах ³⁸ — имеют средние веса ниже веса тетрадрахм александровского типа с именами Александра Македонского и Селевка I, чеканенных порой одновременно с указанными «оригинальными» эмиссиями Селевка в большинстве монетных дворов, в том числе в Селевкии на Тигре (до начала чекана «триумфальных» тетрадрахм), Сузах и Экбатанах. Тетрадрахмы Селевкии и Суз, несущие изображения Зевса и Афины на квадриге (биге) слонов ³⁹, и тетрадрахмы Персеполя и Суз с изображением Селевка и Ники, венчающей трофей ⁴⁰, имеют средние веса соответственно 16,70; 16,55; 16,65 г. По мнению исследователей, чекан всех этих тетрадрахм, кроме бактрийских, основан на аттической весовой системе. Однако следует отдать должное Э. Т. Ньюэллу, который все же обратил внимание на пониженный вес «триумфальных» тетрадрахм Селевкии на Тигре ⁴¹. Их неполновесность он объяснил, однако, тем, что большая часть из известных ему монет этого типа происходит из двух кладов, монеты которых подверглись значительной коррозии. Тем не менее без учета этих монет средний вес эмиссий Селевкии на Тигре не превысил 16,70 г, а с учетом порченных экземпляров составил около 16,45 г. То же относится и к тетрадрахмам Суз, средний вес которых составил 16,60—16,55 г (или 16,31 г). С другой стороны, серебро александровского типа, чеканенное Селевком в Селевкии на Тигре, Сузах, Экбатанах, весит соответственно 16,94; 16,94—16,92; 16,90—16,80 г, что полностью соответствует весовым данным аналогичных эмиссий в остальных мастерских государства, а также синхронному неселевкидскому посмертному чекану Александра и эмиссиям других эллинистических правителей. Трудно допустить, что процесс коррозии затрагивал в большей степени лишь «оригинальные» эмиссии Селевка I, типологически отличные от серебра александровского типа. С другой стороны, невозможно предположить, что оригинальный царский чекан нового суверенного правителя — продолжателя политики Александра, который одновременно служил и целям политической пропаганды, осуществлялся с заниженным весом при параллельном чекане полновесного серебра. Более того, этот чекан нельзя назвать локальным, поскольку эти монеты имели бы ограниченное хождение, что опровергается материалами кладов. Наиболее вероятным объяснением этого явления служат отличие серий «триумфальных» тетрадрахм от серебра александровского типа и специфически законы их обращения. Как мы уже отмечали выше, теоретический вес двойного серебряного статера — «да-

³⁷ IGCH. № 1792.

³⁸ ESM. № 29 f., 307, 413 ff., 657. ff. etc.

³⁹ Типа: ESM. № 29. 307.

⁴⁰ Типа: ESM. № 413, 301.

⁴¹ ESM. P. 105. Not. 13.

рика» или тетрадрахмы при использовании персидского стандарта будет находиться в пределах 16,84—17,18 при пике веса большинства монет в серии соответственно 16,68—16,32 и 16,89—16,51 г. Так, лишь 11,5% «триумфальных» тетрадрахм Селевкии на Тигре (без учета материалов упомянутых кладов) весят более 17,05 г (табл. II), а более 60% монет имеют вес от 17,00 до 16,50 г. В целом количество монет с весом менее 17,00 г составляет около 75%. В то же время более 33% монет александровского типа с именем Селевка, чеканенных в Селевкии на Тигре, весят более 17,00 г, а чуть более 81% имеют вес в пределах 17,41—16,80 г. Аналогичная картина наблюдается и среди «триумфальных» тетрадрахм Суз, где лишь около 10% монет весят около 17,05 г, а около 60% монет имеют вес в пределах 16,90—16,50 г. В серии персепольских тетрадрахм в этих весовых пределах чеканено более 70% монет. С другой стороны, «триумфальные» драхмы также имеют более низкий вес по сравнению с драхмами александровского типа, чеканенными Селевком I. Таким образом, есть основания полагать, что упомянутые серии чеканены по одному из вариантов персидского стандарта, который можно примерно определить при помощи следующего простого метода. Зная средний вес тетрадрахм александровского типа, чеканенных Селевком I в различных мастерских государства, можно определить, какая часть металла изъята государством при чекане монеты. В среднем по государству при весе около 16,90—16,86 г она составит 3,3—3,5% от теоретического веса аттической тетрадрахмы. Если допустить, что при чекане крупных номиналов серебра изымалось 3,3—3,5% для всех эмиссий серебряных монет, зная средний вес интересующей нас серии, можно определить весовую норму, которой пользовался монетный двор при чекане. Для примера возьмем средний вес эмиссии «триумфального» типа чекана Персеполя, поскольку весовые данные аналогичных тетрадрахм Селевкии и Суз по указанным причинам трудно назвать полностью объективными. Он составил около 16,60 г, или x минус 3,3—3,5% от x , где x составит 17,166—17,200 г, что даст теоретический вес статера около 8,58—8,60 г, а драхмы — около 4,29—4,30 г. Статеры Селевка I на практике весят около 8,50—8,60 г, и, поскольку трудно предполагать, что государство чеканило их бесплатно, чекан «триумфальных» тетрадрахм вряд ли мог опираться на практический вес именно этих статеров, поскольку им соответствует по своим весовым пропорциям серебро александровского типа. В том, что оригинальному серебру Селевка I соответствовали только единичные и крайне немногочисленные золотые эмиссии (коммеморативные «дарики» чекана Экбатан), нет противоречия, поскольку при ахеменидских правителях золотая монета практически не участвовала в денежном обращении и служила главным образом эталоном, мерой стоимости и веса ⁴².

Обратимся теперь к бактрийскому чекану Селевка I и Антиоха I ⁴³, эволюция которого требует ныне более подробного анализа. Чекан серебряной монеты с теми же сюжетами, что и на «триумфальных» тетрадрахмах иных восточных центров по так называемой индийской системе, начинается в Бактрах после 292 г., поскольку в легенде этой серии монет мы встречаем наряду с именем Селевка I имя его соправителя, управлявшего «верхними» сатрапиями — Антиоха I. Однако этому чекану пред-

⁴² В большинстве случаев финансовые расчеты в Персидском государстве велись не в чеканной монете, а в весовом серебре: *Naster P. Were the laborers of Persepolis Paid by Means of Coined Money // Anc. Soc. 1970. V. I. P. 129—134.*

⁴³ ESM. № 657 ff., 664 ff., 677 ff.

пешествовал выпуск «триумфальных» тетрадрахм и драхм Селевка ⁴⁴, чеканившихся по иной весовой системе, в которой исследователи склонны видеть аттическую. Однако немногочисленные тетрадрахмы этой серии позволяют утверждать, что их средний вес лежит в пределах все тех же 16,60—16,58 г, что, как мы уже отмечали, нехарактерно для тетрадрахм аттического веса Селевка. Это также позволяет воссоединить их с остальными тетрадрахмами «триумфального» типа.

Чекан бактрийских тетрадрахм «индийского» стандарта прекращается со смертью Селевка I, тем не менее последующие выпуски Антиоха I в этом центре ⁴⁵ отличаются рядом особенностей. Несмотря на стремление к унификации монетного дела и неукоснительное соблюдение полновесности эмиссий серебра, которыми отличается монетное дело Антиоха I, бактрийское серебро резко отличается не только своими типологическими признаками, но и более низким весом серии, который составляет около 16,56 г против 17,00—16,80 г по государству (кроме ряда типов тетрадрахм — см. прим. 67). Эта особенность соблюдается в бактрийском чекане вплоть до эмиссий Диодота с именем Антиоха II. Более того, бактрийские эмиссии практически не выходят западнее пределов восточных областей государства. Все это позволяет также отнести их к персидскому стандарту ⁴⁶.

При критическом анализе всех высказанных в настоящем сообщении предположений можно сослаться на то обстоятельство, что дошедшие до нас веса античных монет ниже первоначальной нормы, что не позволяет использовать их для вычисления теоретических норм, поскольку для воссоздания первоначального веса крупных номиналов серебряной монеты необходимо увеличивать их вес порой до 1,5% ⁴⁷. Однако в наших вычислениях мы по мере возможности старались не использовать монеты, состояние и весовые данные которых вызывали сомнения. И тем не менее тезис о необходимости увеличения реального веса монет при исчислениях не имеет решающего значения, поскольку при этом пропорционально изменяется не эталон веса, а лишь уменьшается та часть металлической стоимости монеты, которую государство изымало как прибыль от чеканки. Высокая весовая норма относительно персидского стандарта «триумфальных» тетрадрахм Селевка, среди которых отдельные экземпляры приближены к теоретическому весу, более понятна для чекана нового суверенного правителя, нежели неполновесность этой же серии относительно аттического стандарта. С другой стороны, эта полновесность в отдельных случаях, по-видимому, облегчала их внешнее обращение, поскольку при весовом обмене полновесные экземпляры могли размещиваться наравне с аттическим серебром. Вероятно также, что отсутствие иного синхронного чекана, основанного на персидском стандарте, в некоторой степени смягчало действие закона Грэшема — Коперника для отдельных, наиболее полновесных монет. На практике при обмене этих тетрадрахм на монету аттического стандарта, возможно, происходила доплата из расчета обола на две «оригинальные» тетрадрахмы (исходя из практического веса обола).

На основании вышеизложенного особую актуальность приобретает вопрос об эволюции раннеэллинистического монетного дела и его пре-

⁴⁴ Ibid. № 657—663. P. 233.

⁴⁵ Тетрадрахмы типа: Антиох I — голова коня (ESM. № 677 ff.).

⁴⁶ Пока не вполне ясно назначение бактрийских золотых статеров Антиоха I, вес которых, однако, редко превышает 8,55 г.

⁴⁷ *Mørkholm. Op. cit.* P. 142.

емственности. Одним из важнейших аспектов этой проблемы является определение роли афинских тетрадрахм в денежном хозяйстве областей ахеменидского государства накануне македонского завоевания и роли восточных подражаний афинским тетрадрахмам, а также ряда локальных эмиссий серебра в предселевкидский период.

Общепризнан факт слабого и неравномерного развития товарно-денежных отношений в Персидском государстве, а также не массового и иррегулярного царского чекана серебра. Последним обстоятельством обусловлены, в частности, широкое проникновение и распространение разнообразного греческого чекана, среди которого афинским тетрадрахмам старого стиля принадлежала ведущая роль. Однако этот факт не может предполагать упрочение аттической весовой системы в хозяйственной деятельности населения Персидского государства накануне походов Александра Македонского поскольку это опровергается тем, что наряду с аттическим серебром здесь обращаются греческие монеты, чеканенные по различным весовым системам. Короче говоря, несмотря на популярность, греческая монета принимается здесь по весу (необходимо подчеркнуть, что указанные тетрадрахмы Афин V—IV вв. отличаются своей полновесностью и их индивидуальные веса редко опускаются ниже 17,00 г). Чекан серебра, начатый Александром Македонским в том числе и в ряде вошедших в его державу восточных центров, также первоначально отличается своей исключительной полновесностью. Так, в прижизненных и первых посмертных эмиссиях Александра в крупнейшей восточной мастерской державы — Вавилоне — монеты весят в среднем около 17,12 г (70,8% имеют вес в пределах 17,29—17,00 г⁴⁸), что в целом соответствует прижизненным нормам тетрадрахм Александра.

Предселевкидский период существования восточных областей будущего государства Селевка I отмечен рядом локальных эмиссий, которые трудно поддаются как локализации чекана, так и его датировке. Эти тетрадрахмы и их фракции, а также золотые эмиссии уже на протяжении десятилетий привлекают к себе внимание исследователей. В первую очередь среди них следует выделить подражания тетрадрахмам Афин, составляющие три группы: с именем Мазака, с легендой АΘΕ и легендой ΑΙΓ, а также так называемые предселевкидские «львиные статеры» с именем Мазака и без такового и ряд восточных эмиссий мелкого серебра. Не вдаваясь в дискуссию, которая не прекращается вокруг них, мы лишь ограничимся короткой характеристикой, которую им дают два ведущих специалиста — Ж. Ле Ридер и П. Бернар. Вавилонский чекан подражаний афинским тетрадрахмам с именем Мазака, выделенный Э. Т. Ньюэллом⁴⁹, начался предположительно после подчинения Александром Вавилонии в 331 г. и продолжался до смерти Мазака (328 г.), вероятно, назначенного управителем части Вавилонии. При Мазаке также чеканятся «львиные статеры» Вавилона, несущие его имя, начертанное по-арамейски. После его смерти их чекан не прекращается, и они продолжают выпускаться безымянными. Предположительно около 311 г. их сменяют эмиссии «львиных статеров» с селевкидским якорем⁵⁰, которые чеканятся вплоть до смерти Селевка I. Подражания афинским тетрадрахмам с легендой АΘΕ происходят главным образом из клада, опубликованного

⁴⁸ Ibid. Tabl. I.

⁴⁹ Newell E. T. *Miscellanea Numismatica: Cyrene to India* // NNM. 1938. 82. P. 72—75, 82—88.

⁵⁰ Le Rider. *Op. cit.* P. 6.

Ж. Ле Ридером⁵¹. Он предположительно связывает их либо с вавилонской мастерской, либо с местом, расположенным «где-либо еще» в период до вторжения Александра, а подражания с легендой АГГ относятся им предположительно к вавилонскому чекану⁵². В своей недавней работе П. Бернар также высказался в пользу ближневосточного происхождения этих тетрадрахм⁵³, чекан которых некоторые исследователи локализовали в Бактриане⁵⁴. Им выделены три группы монет, подражающих афинским, среди которых есть тетрадрахмы, драхмы и их фракции, которые могли быть чеканены в долине Окса, в районе современной границы с Пакистаном⁵⁵. Критично относясь к своим датировкам, П. Бернар не допускает их чекан до походов Александра, но только в период между этими походами и экспедицией Селевка I около 303 г.⁵⁶ Не вдаваясь в перечисление многочисленных аргументов, приводимых автором, мы лишь обратим внимание на некоторые из них, обрисовывающие основные проблемы подобных эмиссий. Вес тетрадрахм принимается как аттический (поскольку вес монет находится в пределах 16,07—16,84 г), при этом допускается возможность чекана мелких номиналов по более легким эталонам — местным бактрийским или индийскому (вес драхм стремится к 3,50 г), а также предполагается и македонский стандарт.

Несмотря на известную сложность локализации и датировки различных вариантов подражаний афинским тетрадрахмам, их объединяют весовые данные, которые значительно отличаются от данных копированных монет. Так, серия с легендой АΘΕ при колебании индивидуальных весов монет от 16,07 до 16,84 г⁵⁷ (насколько можно судить по известным немногочисленным экземплярам) в среднем весит около 16,45 г, подражания с именем Мазака — 16,40 — 16,35 г, аналогичные весовые данные имеют и подражания с легендой АГГ. Однако поскольку ряд монет из этих серий обладает отнюдь не идеальной сохранностью, то, учитывая немногочисленность известных исследователям монет, средний вес этих серий предположительно можно поднять хотя бы до 16,50 г. С другой стороны, «львиные статеры» Вавилона предселевкидского чекана в среднем весят также около 16,60 г, а вес уникальных золотых двойных «даршков», чеканенных в этот же период по персидской системе, колеблется в пределах 16,71—16,65 г. Немного забегаая вперед, отметим, что в вавилонских и месопотамских кладах крайне редки случаи совместного сокрытия александровского серебра и монет упомянутых серий⁵⁸. Как правило, клады состоят либо из серебра Александра IV и Филиппа III, чеканенных по аттической системе, либо из подражаний афинским тетрадрахмам и «львиных статеров»⁵⁹. Исходя из всего этого, на наш взгляд, есть основания утверждать, что подражания тетрадрахмам Афин с ле-

⁵¹ Ibid. P. 4; IGCH. № 1752.

⁵² *Le Rider*. Op. cit. P. 7.

⁵³ *Bernard P.* Les monnaies hors trésors question d'histoire Gréco-Bactrienne // *Fouilles D'Ai Khanoum*. IV. MDAFA. T. XXVIII. P., 1985. P. 19. Not. 2.

⁵⁴ *Head B. V.* The Earliest Greco-Bactrian and Greco-Indian Coins // *NC*. 1906. P. 7.

⁵⁵ *Bernard*. Op. cit. P. 20.

⁵⁶ Ibid. P. 21 suiv.

⁵⁷ Ibid. P. 20; *Nicolet H., Pierre H.* Monnaies Grecques trouvees en Afganistan // *RN*. 1973. XV. P. 42.

⁵⁸ Например: *Coin H. I.* № 38.

⁵⁹ Ср. IGCH. № 1749—1751, 1754 и 1752—1753, 1757. Позже, и при Селевке I, также встречаются случаи раздельного заклада монет различных типов в кладах Вавилонии (IGCH. № 1759 и 1760).

гендами АОЕ АИГ и с именем Мазака, а также предселевкидские «львиные статеры» Вавилона чеканены по персидской системе при радио 1 : 10 и опираются на золотые «дарики» переходного периода, которые если не на практике, то в теории служили эталоном веса.

Гораздо сложнее обстоит дело с мелкими номиналами подражаний, поскольку, с одной стороны, мы не знаем их весового стандарта, а с другой — принятое деление на номиналы, несомненно, условно. Количество известных экземпляров настолько мало, что построение любой системы сопряжено со значительными неточностями. Признание македонского стандарта, несомненно, приукрашивает скудную картину политической жизни этого региона в предселевкидский период, однако против него есть ряд аргументов, которые ставят больше вопросов, чем утверждений. Если они чеканены греко-македонскими поселенцами, то следует предполагать, что эти эмиссии предназначены исключительно для этого населения, поскольку иначе трудно объяснить выбор македонского стандарта. Выбор сюжетов для подражаний можно с равной уверенностью объяснить и популярностью афинской монеты, и даже намеком на стремление к независимости, однако последнее заключение, несомненно, умозрительно. В любом случае новая монета должна была служить и целям политической пропаганды, тем не менее, кроме подписных монет Софита, ни одно из подражаний не преследует этих целей. Хотя слабая развитость товарно-денежных отношений в этом регионе и требовала введения определенной системы денежных средств (ибо невозможно предположение о полной экономической замкнутости греческого населения Бактрианы), она, несомненно, должна была опираться на местные системы, что заставляет нас выбирать между персидской и «индийской». Последняя, вероятно, также имела немаловажное значение, ибо в этот период Индия играла значительную роль в политическом и экономическом развитии региона. В частности, выбор Селевком I «индийской» системы для бактрийского чекана, несомненно, также должен был иметь под собой реальную основу. В то же время скудная источниковедческая база мелких номиналов подражаний не позволяет сделать на их основании определенные выводы.

О системе номиналов в «оригинальных» сериях Селевка I также трудно сказать что-нибудь определенное. Так, если среди «триумфальных» тетрадрахм Селевкии на Тигре мы не встречаем номинала ниже «гемидрахмы»⁶⁰ (условно. — В. Г.), а в чекане «львиных статеров» пока не зафиксировано «оболов», то в чекане «львиных статеров» Суз известны единичные «диоболы или легкие триболы?»⁶¹, а среди номиналов «триумфальной» серии Персеполя помимо гемидрахм встречаются «оболы»⁶², все с весовыми характеристиками ниже норм для аналогичных номиналов аттического стандарта. Крайне бедная источниковедческая база и возможное значительное отклонение от первоначального веса этих мелких номиналов (когда значение имеет изменение даже в 0,10—0,20 г) не позволяют проводить их полноценный анализ, а механическое деление на половину, треть и производные от них дробы относительно основного номинала, которые могли быть использованы при формировании более мелких фракций во всех рассматриваемых системах, не дают возможности делать определенные выводы, поскольку нам неизвестен пока полный шаг при

⁶⁰ ESM. № 83, 86, 98, 116.

⁶¹ Ibid. № 320.

⁶² Ibid. № 416, 423.

построении шкалы номиналов. Так, например, подражания «драхмам» Афин бактрийского чекана с весом около 3,50 г можно в равной степени отнести к следующим номиналам: драхма македонского стандарта, каршапана индийского стандарта, пентобол аттической системы и «пентобол» от «драхмы» (условно) персидской системы (при теоретическом весе одинарного «дарика» около 8,42—8,56 г). Тем не менее создается впечатление, что при чекане монеты по персидской системе Селевк I механически использовал принятую для монет аттического стандарта систему номиналов, которая на практике (имеются в виду только «оригинальные» эмиссии Селевка) сводилась к чекану редких гемидрахм и оболлов. Несомненно, эта система могла до Селевка I быть и более разветвленной, однако похоже, что первые селевкидские правители больше уделяли внимания чекану медной монеты, нежели мелким фракциям серебра. Это, в частности, подтверждается и довольно скромным объемом чекана номиналов ниже драхмы и для монет Селевка I аттического стандарта. При кажущейся абсурдности переноса «аттических» номиналов на чекан монеты по местным стандартам он имел определенное значение, поскольку подготавливал почву для введения единой монетной системы.

В нашем сообщении мы не ставим целью построение строго аргументированной, хронологически определенной системы развития денежного хозяйства восточных областей будущего государства Селевкидов в период между правлением Александра Македонского и сложением державы Селевка. Тем не менее в настоящее время мы можем обозначить наметившиеся тенденции. С одной стороны, в Вавилонии с началом александровского чекана либо продолжается, либо возникает чекан золотых и серебряных монет, основанный на персидском стандарте, среди которых выпускаются подражания наиболее популярным сериям с весовыми нормами, отвечающими местным требованиям, а также местные эмиссии персидского стандарта — «львиные статеры» и двойные «дарики». Помимо подражаний афинским тетрадрахмам в ряде центральных областей, и в Бактриане в частности, чеканятся более мелкие номиналы-подражания, рассчитанные на региональное обращение и основанные на локальных весовых системах. Все эти эмиссии, несомненно, преследовали сугубо экономические цели и в меньшей степени были актом какого-то определенного политического значения. Таким образом, можно говорить о возникновении в этих частях державы Александра в переходный период монетно-весового дуализма⁶³, который был дополнен и введен в ранг официальной денежной политики Селевка I.

Однако нельзя сказать, что «оригинальные» эмиссии Селевка I (кроме «львиных статеров» Вавилона) начались с первых лет его правления, что было бы механическим перенесением практики локального чекана Александра. Принимая во внимание сложившуюся в настоящее время систему датировок этих серий, можно обратить внимание на то, что их чекан был начат не ранее восточных кампаний Селевка и битвы при Ипсе, хотя в ряде восточных центров выпуск александровского серебра с именем Александра начался Селевком до принятия им титула базилиевса, т. е. около 311—310 гг. Иными словами, между началом чекана «львиных статеров» Вавилона Селевка и выпуском иных «оригинальных» серий наблюдается определенный хронологический разрыв, который пока невозможен

⁶³ Хотя неверно полагать, что монетно-весовой дуализм как Александра Македонского, так и Селевка I ставил целью подрыв позиций эллинистического серебра аттического стандарта в денежном обращении восточных регионов державы и ее восточных партнеров.

но заполнить конкретным материалом. Это позволяет говорить о том, что дуализм в денежной системе Селевка I не был простым копированием практики Александра, а сложился под влиянием определенных исторических условий первых лет правления Селевка. Топография чекана «оригинальных» эмиссий явно указывает на их прямое предназначение, поскольку все они чеканены в мастерских, расположенных на основных торговых магистралях. Из этой системы, на первый взгляд, выпадает монетный двор Экбатан, поскольку основная масса чеканившейся здесь монеты (кроме редких «дариков» и «львиных статеров») принадлежит александровским типам и чеканена по аттической системе. Чекана широко распространенных «триумфальных» тетрадрахм мы здесь не встречаем. Это объясняется следующими причинами. Александровский чекан Селевка с именем Александра начинается в Экбатанах довольно рано — около 311 г.⁶⁴, продолжая кратковременный чекан самого Александра. Экбатаны, бывшие, кстати, одной из основных сокровищниц Александра (Арг. III.19.7), до основания мастерской в Селевкии на Тигре наряду с монетным двором Вавилона могли служить первоначально основной мастерской Селевка. Этим, возможно, объясняется довольно большой объем ее продукции, представленной на протяжении более четверти века практически только чеканом восточных «александров». В этой связи весьма показательны, что имя Селевка на этих монетах появляется, если принимать во внимание датировку Э. Т. Ньюэлла⁶⁵, только около 293 г. Назначение экбатанского монетного двора еще более подчеркивает тот факт, что в Сузах, где александровский чекан Селевка I начинается также около 310 г.⁶⁶, после 305—301 гг. мы встречаем полный набор «оригинальных» эмиссий: «Ника и трофей», «Афины и квадрига», двойные «статеры» со сломом и «львиные статеры».

В заключение следует отметить, что Селевк I если и не поддержал полностью традиций монетного дела Александра, то, несомненно, продолжил его финансовую политику в отношении восточных областей государства, наполнив ее новым содержанием. Помимо многочисленных политических целей, которые в интересах создания общегосударственной системы товарно-денежных отношений преследовал этот чекан, с экономической точки зрения он безусловно обеспечивал валюту как торговлю с восточными партнерами, так и торговлю между восточными регионами государства и, несомненно, препятствовал постепенному оттоку благородных металлов за пределы государства (ареал обращения этих эмиссий был более ограниченным, чем у монет традиционных александровских типов). Более того, отток серебра на Восток в большей степени компенсировался или должен был компенсироваться за счет ввоза дорогостоящих товаров, вторичный экспорт которых приносил огромную прибыль. Важно отметить, что при продолжении традиционного александровского чекана, первоначально рассчитанного, вероятно, для нужд греко-македонского населения и для торговли с греческим миром, были заложены и основы собственно селевкидского монетного дела. Позже, при Антиохе I, когда, очевидно, произошло оформление общегосударственного рынка и наметился переход к единой аттической системе, в Бактрах тем не менее производится чекан оригинальных серий серебряной монеты по персидскому

⁶⁴ ESM. P. 162.

⁶⁵ Ibid. P. 181.

⁶⁶ Ibid. P. 107.

Сравнительная таблица средних весов тетрадрахм «александровского» и «оригинальных» типов

Типы	Правители, мастерские, типологические признаки, легенды	Средний вес, г	
«Александровский»	Александр Македонский. Вавилон	17,12	
	Он же. Вавилон. Посмертный чекан	17,04	
	Филипп III. Вавилон	16,91	
	Антигон I. Антигонейя на Оронте	16,92	
	Селевк I. Селевкия на Тигре. ΣΕΛΕΥΚΟΥ	16,94	
	Он же. Карры ΣΕΛΕΥΚΟΥ.	16,90	
	Он же. Экбатаны ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ	16,94	
	Он же. Экбатаны ΣΕΛΕΥΚΟΥ	16,92	
	Он же. Сузы ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.	16,91	
	Он же. Сузы ΣΕΛΕΥΚΟΥ	16,86	
	Он же. Тарс ΣΕΛΕΥΚΟΥ	16,87	
	Он же. Сарды ΣΕΛΕΥΚΟΥ	16,85	
	«Оригинальные»	Он же. Селевкия на Тигре. «Квадрига»	16,70+
		Он же. Сузы «Квадрига/бига»	16,60+
Он же. Бактры. 1-я серия. «Квадрига»		16,60	
Он же. Экбатаны. «Львиные статеры»		16,60	
Он же. Сузы «Львиные статеры»		16,50	
Он же. Вавилон. «Львиные статеры»		16,03	
Он же. Персеполь. «Ника и трофей»		16,66	
Он же. Экбатаны «Дарики»		16,60	
Он же. Сузы «Статеры со слоном»		16,73	
Антиох I. Бактры. «Голова коня»		16,52	

Примечание. Крестиком помечены серии, при подсчете веса которых специально не учитывались материалы кладов IGCH, № 1761, 1764; «дарики» Экбатан — золотые.

Таблица II

Процентное соотношение веса монет внутри серий тетрадрахм «александровского» типа и «оригинальных» типов чекана Селевка I

Вес, г	Селевкия на Тигре, «александровский» тип	Экбатаны, александровский тип	Сузы, «александровский» тип	Селевкия на Тигре, «квадрига»	Сузы, «квадрига/бига»	Персеполь «Ника и трофей»
Более 17,29	1,25	—	—	1,50	—	—
17,29—17,20	7,50	3,75	5,55	3,00	4,76	—
17,19—17,10	25,00	25,00	11,11	4,50	4,76	—
17,09—17,00	27,50	28,75	33,34	18,20	14,28	11,53
16,99—16,80	20,00	27,50	22,23	27,60	33,34	23,08
16,79—16,00	10,00	7,50	5,55	16,70	14,28	23,08
16,59—16,40	3,75	1,25	5,55	7,50	4,76	34,61
16,39—16,20	1,25	3,75	16,66	3,00	9,53	3,85
16,19—16,00	3,75	1,25	—	4,50	9,53	—
Менее 15,99	—	1,25	—	13,50	4,76	3,85

стандарту⁶⁷. Важно также отметить, что значительную роль в сохранении и развитии монетно-весового дуализма Селевка I сыграло и то обстоятельство, что он возлагал определенные надежды на связи с Востоком, в частности с Индией.

Подобное явление в монетном деле эллинистического времени не следует, на наш взгляд, расценивать как явление, из ряда вон выходящее, поскольку аналогичная, но более конкретная практика перехода на локальную систему широко известна в монетном деле эллинистического Египта, который тем не менее продолжал играть значительную роль в политической жизни эллинистического мира.

В. К. Голенко

COIN WEIGHT DUALISM UNDER SELEUCUS I

V. K. Golenko

From the results of a statistical analysis of the weights of tetradrachmas of Seleucus I Nikator and his immediate successors, the author notes that the average series—weight of a number of Seleucid issues (Newell, ESM, 261f, 319—322, 461—462, 323, 460; SNG, Berry, II, 1331, ESM, 29, 307—308, 314—317, 324f, 413ff, 300—302), struck exclusively in the eastern mints of the state (Babylon, Seleucia-on-the-Tigris, Ecbatana, Susa, Persepolis, and Bactria) typologically different from the traditional Alexander-type tetradrachmas, issued parallelly in most centres of this state, had an average series mint weight below the silver coins minted to the Attic weight standard.

Rejecting the possibility of the simultaneous minting of royal silver with different weight norms within a single standard, and using the method of S. Bolin (SCRE) to determine the permissible limits of fluctuation of coin weight, within a series, the author doubts that the issues concerned were minted according to the Attic weight standard. In view of the fact that the gold—silver ratio finally established in coinage in the period under review was 1 : 10 and that a critical analysis of sources of weight standards indicates a wider fluctuation of the generally adopted theoretical norms for Babylonian civic and royal standards, the author concludes that the emissions concerned were based on certain variants of the Babylonian standards. Statistical analysis of the weight data also suggests that fluctuation of their weight characteristics was more typical of these standards than of the Attic weight norms. Moreover, coin hoards data confirm that these coins had a limited area of dissemination, which is not observed with Seleucid silver of the Alexander type.

A number of proto-Seleucid issues of coins («lion staters» and local imitations of Athenian silver coins), presumably minted within the future state of Seleucus I are also examined in the light of these conclusions. Analysis of their weights has also made it possible to conclude that they were minted according to the Persian weight standard.

The author briefly surveys possible reasons for rise of such dualism in early Hellenistic numismatics, and concludes that it was dictated by the concrete financial policy

⁶⁷ В рамках этого сообщения следует заметить а priori, что редкие серии тетрадрахм «александровского» типа (как с именем Селевка I, так и Антиоха I) в первые годы его правления (около 280—278 гг., по Э. Т. Ньюэллу) в ряде восточных и центральных мастерских государства (в Сузах, Эббатанах, Селевкии на Тигре, Каррах, Апамее и т. д.) отныне, вероятно, также чеканятся по персидскому стандарту. Насколько можно судить по малочисленным известным экземплярам, их средний вес не превышает 16,69—16,73 г. Для сравнения отметим, что средний вес основных типов царского серебра Антиоха II колеблется в пределах 16,98—16,85 г. Однако, если при Антиохе I этот чекан быстро прекращается, то в ряде восточных центров (Сузы) он продолжается вплоть до первых лет правления Антиоха III, с аналогичными весовыми характеристиками. Несомненно, чекан этих тетрадрахм был обусловлен сложившейся популярностью серебра александровского типа среди местного населения и предназначался для обращения в его среде.

of Alexander the Great and later of Seleucus I and his successors, which had the aim on the one hand, of forming a state — wide market by drawing broad sections of the local population into commodity-money relations, and creating the conditions for establishing a single coin-weight system; on the other hand, this policy provided currency for the state's eastern trade.

After the death of Seleucus I minting of a number of issues by the Persian standard was continued on a much more modest scale in the separate eastern centres by his successors.

© 1991 г.

УЧЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ И ИМПЕРАТОРСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: АДРИАН И ИУДЕИ ЕГИПТА

Иудейская община Египта не умерла естественной смертью. Она погибла в буре восстания, которое к концу царствования Траяна подняли против римской власти иудеи Кирены, Египта и Месопотамии. Внимательный анализ документальных данных, находящихся на пересечении наследственного права и учета государственных земель, открывает путь, который позволяет высветить до сих пор неизученный аспект этой катастрофы: ее юридический охват. Именно это мы и попытаемся в данной статье показать¹.

I. Отправной точкой нашего исследования является решение Веспасиана, сохранившееся в § 18 «Гномона идиолога»². Речь идет о фидеикомиссах между римлянами и перегринами. Перегрины, как известно, не обладали правом принимать отказанное по завещанию или наследовать римлянину, но последний мог оставить свое имущество фиктивному наследнику (фидуциарию), обязывая его передать наследство третьему лицу (фидеикомиссарию). Если это третье лицо было перегрином (греком или кем-нибудь другим), трудность, вытекающая из его наследовательной не-

¹ Французский вариант этого исследования выйдет в «Symposion 1985 (VI Colloque international d'histoire du droit grec et hellénistique. Ringberg en Bavière, juillet 1985)», где я изложил в первый раз основные его положения. Здесь я заимствую заглавие второго моего сообщения (по этому вопросу), сделанного за «круглым столом» по теме «Les actes de la pratique» (Париж, октябрь 1987 г.). Что же касается существа дела, то статья развивает положение моего доклада на предыдущем коллоквиуме по греческому праву, который состоялся в сентябре 1982 г.: см. *Modrzejewski J. Entre la cité et le fisc — le statut grec dans l'Égypte romaine* // Symposion 1982. Valencia, 1985. P. 241—280, особенно 254—256, и итальянский сокращенный вариант в «Studi in onore di C. Sanfilippo». V. VII. Milano, 1987. P. 465—486, особенно 473 sg.

² BGU V. 1210, ll. 56—58 (я использую мое издание в *Les lois des Romains. T. IX/V. Camerino, 1977. P. 520—557, особенно 530*): τὰς κατὰ πίστιν γεινομένας κληρονομίας ὑπὸ Ἑλλήνων εἰς Ῥωμαί[[ων]]οὺς ἢ ὑπὸ Ῥωμαίων εἰς Ἑλληνας ὁ θεὸς Οὐεσπασιανὸς [ἀ]νέλαβεν, οἱ μὲντοι τὰς πίστει εἰρημολογησά[[ντες]] μὲνοι τὸ ἦμισ[σ] εἰλήφασιν. «Наследство, завещанное в виде фидеикомисса греками в пользу римлян или римлянами в пользу греков, было конфисковано божественным Веспасианом; однако те, кто призвался в фидеикомиссе, получили половину наследства».

правомочности, могла быть обойдена таким образом. Согласно Гаю, в этой уловке следует даже искать истоки фидеикомисса (Gai. II.285). Являясь первоначально простой просьбой, при Августе фидеикомисс стал институтом, обеспеченным легальной санкцией. После того как этими операциями стали злоупотреблять, они были запрещены: в дальнейшем всякий фидеикомисс, совершенный в нарушение этого запрета, становится *bonum vacans* и переходит в собственность государства — сначала эрария, а потом фиска, как об этом сообщает Гай; замечание в псевдоэпиграфическом учебнике, известном под названием «Правила Ульпиана», дает понять, что это происходило как с имуществом римлянина, который хотел передать наследование по фидеикомиссу в пользу peregrина, так и с имуществом peregrина, пожелавшего передать наследство в пользу римлянина³.

Из «Гномона» мы узнаем, что этот обоюдоострый запрет применялся в Египте при Веспасиане: император приказал конфисковать (*ἀνέλαιβε*) наследство по фидеикомиссам, сделанным греками в пользу римлян и римлянами в пользу греков, оставляя, однако, в качестве «награды» половину наследства тому наследнику (фидуциарию или фидеикомиссарию?), который донес на самого себя. Нет противоречия между этими конфискациями, отмеченными «Гномоном», и текстом Гая, который приписывает Адриану (*oratio*, ратифицированное сенатусконсультом) передачу от эрария к фиску имущества запрещенных фидеикомиссов. В Египте фиску передавалось бесхозное имущество со времен царствования Августа. Естественно, что так было и при Веспасиане в рассматриваемом случае, в то время как в Риме пришлось дожидаться царствования Адриана, чтобы фиск заменил в этом деле эрарий⁴. Не стоит по этому поводу ставить в упрек Веспасиану введение принципа, который подчинил тому же режиму фидеикомиссы римлян и фидеикомиссы peregrинов: эта обоюдность содержалась, вероятно, в самой нормативной мере (сенатусконсульт I в. н. э.?), которая, очевидно, обосновывала недействительность наследственных фидеикомиссов в соответствии с предписаниями *testamenti factio* как в отношении распорядителя, так и фидеикомиссария⁵.

³ *Tituli ex corpore Ulpiani*. XXI. 4. Завещания солдат могли не подвергаться запрету: *Kurylowicz M.* Heres fiduciarius. Bemerkungen zum römischen Erbrecht in den lateinischen Grabinschriften // ZPE. 1985. 60. S. 189—198, особенно 194 f.

⁴ Так справедливо утверждает В. Укскулл-Гиллебранд в своем комментарии (см. *Der Gnomon des Idios Logos*. II (BGU. V/2)/W. Uxkull-Gylleband. B., 1934. S. 33), возражая Т. Рейнаку (*Reinach Th.* Un code fiscal de l'Égypte romaine: le Gnomon de l'Idiologue // NRHD. 1919. 43. P. 583—636; 1920. 44. P. 5—134). Ср.: *Modrzejewski J.* La dévolution à l'État des successions en déshérence dans le droit hellénistique // RIDA. 1961. 8. P. 79, 110, 113; *idem.* La dévolution au fisc des biens vacants d'après le Gnomon de l'Idiologue // Studi in onore di E. Volterra. V. VI. Milano, 1971. P. 91—125, особенно 104 и прим. 48 (эта статья посвящена исключительно анализу § 8 «Гномона», касающегося наследования лиц, скончавшихся ab intestato и не имевших законных наследников; в ней не упоминается особый случай, о котором говорится в § 18).

⁵ Это вытекает из сопоставления текста Гая II. 295 с текстом «Правил Ульпиана» (см. выше, прим. 3). Гай упоминает, по-видимому, только фидеикомиссы римлян в пользу peregrинов: peregrini poterant fideicommissa capere ... sed postea in prohibitum est. Автор «Правил Ульпиана» имеет в виду обратную ситуацию: fideicommissum relinquere possunt qui testamentum facere possunt; это аннулирует, как отмечает Т. Рейнак (op. cit.), наследственные фидеикомиссы, сделанные в пользу римлян peregrинами, не обладающими правом на *testamenti factio*. Обе ситуации дополняют одна другую, и можно допустить решение, объявляющее недействительными фидеикомиссы при отсутствии *testamenti factio* как *activa* (peregrины в пользу римлян), так и *passiva* (римляне в пользу peregrинов). Такая гипотеза совместима с прочтением текста Гая, принятым Юлианом Рейнаком (*Gaius Institutes / Ju. Reinach. P.*, 1950. P. 89) на основании § 18 «Гномона»: *fidem commissam facere et ferre* (иностранцы могли «представлять и

Но кто такие «эллины», упомянутые в § 18 «Гномона идиолога»? Это, напоминаю, единственный случай, когда «Гномон» употребляет слово «Ἑλληνας» — расплывчатое обозначение, которое во времена империи сохраняется в Египте только в нескольких специальных значениях (арсиноитские катэки, «новые эллины» — граждане Антиноуполя); в других местах, когда речь идет о персональном статусе, автор «Гномона» пользуется точными юридическими понятиями «Ρωμαῖοι, Λατῖνοι, Ἀλεξανδρεῖς (ἄστοι), Αἰγύπτιοι»⁶. Папирус из собрания Уоррена, в котором усмотрели случай применения отмеченного в нашем тексте принципа, не дал решения загадки⁷. Идет ли речь об арсиноитских катэках, «эллинах из числа 6475»? С социальной точки зрения такая гипотеза возможна⁸. Но действия, за которые Веспасиан наказывал конфискацией имущества, вполне можно было бы себе представить применительно к отношениям как между римлянами и александрийцами, так и между римлянами и верхушкой метрополий вне пределов Арсиноитского нома: во всех этих случаях речь идет о членах местной элиты, принадлежащих к той же среде и разделенных только тем барьером юридического статуса, который ставило между ними римское гражданство⁹. Наоборот, трудно себе представить наследственный фидеикомисс между римлянином и земледельцем хоры, «настоящим египтянином», как скажет позднее император Каракалла в печально знаменитом эдикте¹⁰.

По-видимому, редактор «Гномона» хотел подчеркнуть отличие греческих собственников от массы аборигенов: «египтяне» (peregrini Aegyptii) при жизни, члены греческой верхушки Египта становились перед лицом смерти «эллинами», когда речь шла об их наследстве в интересах императорского фиска. Пойдем по следу! Он дает возможность бросить новый взгляд на события, которые в конце царствования Траяна и в момент воцарения Адриана пропели отходную эллинизированному иудаизму в Египте.

II. Прежде всего, необходимо сопоставить § 18 «Гномона» с некоторыми документами эпохи Антонинов, где «Ἑλληνας» упоминаются в том же контексте, одновременно фискальном и наследственном, вместе с Ἰουδαῖοι,

принимать фидеикомиссы). Во всяком случае, я не вижу оснований, чтобы согласиться с Теодором Рейнаком (op. cit. P. 114), что «требование testamenti factio для распорядителя действительно исходит от Веспасиана». Считаю необходимым изменить в этом смысле высказанное мною мнение в моем докладе: «Entre la cité et le fisc...» (см. выше, прим. 1), где я принимаю точку зрения этого ученого. Я не касаюсь здесь размера «награды за донос» и его соотношения с quarta s.-c. Pégasianum, также принятого при Веспасиане (Gai. II. 254 sq.). По данному вопросу см. Johnston D. The Roman Law of Trusts. Oxf., 1988. P. 37. f., 56 f.

⁶ По поводу терминологии см. комментарий Т. Рейнака (op. cit. P. 68 suiv.).
⁷ P. Warren 1 / Ed. A. S. Hunt // BIFAO. 1930. 30. P. 477. f. = SB. IV. 7472 (164 г. н. э.). Rez.: *Taubenschlag R.* // JJP. 1946. 1.

⁸ Но я ошибочно приписал ее в статье «Entre la cité et le fisc...» (с. 256, прим. 52) Орсолине Монтевекки (*Montevocchi O. Aegyptios-Hellen in età romana // Studi in onore di E. Bresciani. Pisa, 1985. P. 339—353*), работу которой я смог цитировать до ее публикации благодаря любезности автора. Итальянская исследовательница сопоставляет (с. 349) решение Веспасиана § 8, 34, 86, где прилагательное Ἑλληνικός относится к греческому языку и культуре πινакίδες Ἑλληνικάι, Ἑλληνικάι διαθήκαι, Ἑλληνικά ἱερά). По ее мнению, греки из § 18 это «все те, кто соблюдает греческие правовые нормы независимо от того, являются ли они александрийцами или греками из chora». Напротив, отождествление с «греками из числа 6475» сохраняется в административных документах (которые я исследую ниже) по отношению к «эллинам, скончавшимся без наследников».

⁹ Отсылаю к работам И. Бержуньской-Маловист, процитированным в моей статье «Entre la cité et le fisc...». P. 258. Not. 64 (см. выше, прим. 1).

¹⁰ P. Giss. I. 40. Col. II, l. 16—29 = Sel. Pap. II. 215 (215 г.). См. *Montevocchi. Op. cit. P. 345.*]

иудейскими повстанцами, имущество которых стало собственностью римского государства в результате восстания 115—117 гг. н. э. Здесь не место рассматривать шаг за шагом развитие повстанческих движений, которые между Иудейской войной 66—72 гг. и восстанием Бар Кохбы в 132—136 гг. обозначают переломный момент в истории иудейских общин эллинизированных провинций Римской империи, в частности Египта. Суммирую кратко основное.

Восстание начинается в Кирене в 115 г. с появлением царя по имени Лукуас или Андреас (возможно это двойное имя); оно быстро распространяется на Египет и Кипр, позднее также на Месопотамию. Иудеи одерживают несколько побед, но вмешательство римских вооруженных сил, возглавляемых в Египте Марцием Турбоном и в Месопотамии Луцием Квиетом (отсюда название «война Квиета» — *polemos šel Qitos* — в равнинистических текстах), кладет конец волнениям, которые приняли вид — мы к этому вернемся — настоящей войны, противопоставившей иудеев императорской власти. Последняя одерживает победу. В Египте мир восстановлен к концу августа 117 г., в начале второго года царствования Адриана по египетскому календарю ¹¹.

Подробности событий в основном удалось проследить ¹². Археологические и эпиграфические данные для Кирены и свидетельства греческих папирусов для Египта позволили заполнить лакуны информации, которую до этого можно было почерпнуть в немногочисленных литературных источниках. Время от времени появляются новые документы, проливающие свет на уже учтенные материалы ¹³.

В этом контексте следует рассмотреть оксиринхский папирус Р. Оху.

¹¹ Первый год Адриана начинается в Египте со смерти Траяна 8 августа 117 г. (15 *месоре*) и длится три недели; второй год начинается 29 августа (1 *тота*) 117 г. О хронологии восстания см. *Fuks A. Aspects of the Jewish Revolt in A. D. 115—117 // JRS. 1961. 51. P. 100—104.*

¹² См. *Pucci M. La rivolta ebraica al tempo di Traiano. Pisa, 1981* и ее статьи, перечисленные в обзорах: *RHD. 1981. 59. P. 512; 1982. 60. P. 490; 1983. 61. P. 463—470; 1984. 62. P. 478* (ср. *SDHI. 1983. 49. P. 671—672*). В отношении Кирены см. *Appelbaum S. Jews and Greeks in Ancient Cyrene. Leiden, 1979* (дополненный английский вариант труда, вышедшего в 1969 г. на иврите), главы V—VII (автор подчеркивает роль социальных и экономических факторов в возникновении этих движений). Папирологическое досье по состоянию на 1960 г. собрано А. Фуksom в *C. P. Jud. II (1960), часть XI: The Jewish Revolt in Egypt (A. D. 115—117). P. 225—260* (№ 435—460); см. также его исследования: *Fuks A. The Jewish Revolt in Egypt (A. D. 115—117) in the Light of the Papyri // Aegyptus. 1953. 33. P. 131—158* (вариант на иврите в сб.: *Jewish Rebellions in the Time of Trajan 115—117 C. E. / D. Rokcah. Jerusalem, 1978*); *idem. Aspects of the Jewish Revolt... // JRS. 1961. 51. P. 98—104*. Эти статьи были переизданы: *Fuks A. Social Conflict in Ancient Greece / Ed. M. Stern, M. Amit. Jerusalem — Leiden, 1984. P. 322—349. № 350—356*. Напомню также: *Kasher A. Some Comments on the Jewish Uprising in Egypt in the Time of Trajan // JJS. 1976. 27. P. 147—158*, и обзорный труд *Smallwood E. M. The Jews under Roman Rule from Pompey to Diocletian. Leiden, 1976, reed. 1981. P. 389—487*. Сборник текстов (талмудические отрывки, папирусы, греческие и латинские авторы) на иврите был издан в «*Documenta tumultus Iudaici tempore Trajani imperatoris (Documents sur la guerre de Quitus)*» / Ed. D. Rokeah. Jerusalem, 1977.

¹³ Так, после выхода в свет *C. P. Jud. II* изданы папирусы в 1967 г.: *P. Mil. inv. 1968/379*, см. *Cazzaniga I. Una dedica del prefetto M. Rutilio Lupo? Un papiro dell'Università statale di Milano, proveniente dagli scavi di Medinet Madi // Aegyptus. 1967. 47. P. 213—216* (первая половина II в. н. э.) = *SB. X. 10502* — фрагмент посвящения, возможно, в честь восстановления префектом М. Рутилием Лупом (засвидетельствован с января 113 до января 117 г.) зданий, разрушенных или поврежденных во время восстания (ср. *RHD. 1971. 49. P. 171*); в 1968 г.: *BGU. XI. 2085 (119 г. н. э.)* — клятва, содержащая, возможно, отзыв запрета владеть оружием, изданного тем же префектом (*RHD. 1969. 47. P. 134*); в 1971 г.: *P. Berol. inv. 8143 ABC ÷ 7397 recto* (немного позже 188 г.) и *7440 recto* (II в. н. э.); см. *Swiderek A. «Ιουδαϊκὸς λόγος» (P. Berol*

III.500 (= С.Р. Jud. II.448), значение которого мы попытаемся ниже объяснить. Речь идет о предложении, адресованном 2 октября 130 г. н. э. (5 *φαιφι*, 15 египетский год Адриана) Гиераку, стратегу Атрибитского нома. Вот его текст по изданию А. Фукса ¹⁴.

(вторая рука)

ϛγ

[Ἐρά]κι στρατηγῶ Ἀθριβε[ίτου]
 [παρ]ὰ Ὠρου Ἐνοβιάσθι[ος] κ[αί]
 [Νεκ]φερῶς Θαισουτος κα[ι...]
 5 [...]. Πετ[.....]ς καὶ τῶν λ[ο]υ[πῶν]
 [...].ιπ[.....]κεφα[.....]

Остатки трех строк

10 [12 букв]ου[.....]

ἀ[π']Ιουδαίων ἀνειρη[μ]ένων καὶ

Ἑλλήνων ἀ[κλ]ηρονομῆτων περὶ

Ἐτάφου δημοσί(ας) γῆς ἀνά (πυρου) (ἀρτάβας) β
 (ἀρούρας) κδ'καὶ ὑπὲρ ἐπι[θ]έματος

15 τῶν ὄλων (πυρου) (ἀρτάβας) ε καὶ περὶ Ἑ[ε--
 ναρι(ῆσιν) του Θώστου ἀπηλ(ιώτου) δημοσία:
 γῆς ἀνά (πυρου) γ (ἀρουραν) α, ας καὶ με[ε]τρή--
 σουμεν ἐξ ἀλληλεγγύης εἰς τὸ
 [δη]μόσιον ἐγ νέων [γε]νημάτων

20 του αὐ(του) ιε (έτους) Ἀδριανου Καίσαρ[ο]ς
 του κυρίου.

(έτους) ιε Αὐτοκράτορος Καίσαρος
 Τραιανου Ἀδριανου Σεβαστοῦ

Φαῶφι ε.

4. I.[Νεκ]φερῶτος. 11. I. ἀνειρημένων.

inv. 8143 ABC + 7397 recto et P. Berol. inv. 7440 recto) // JJP. 1971. 16/17. P. 45—62 = SB. XII. 10892 и 10893 (эти тексты будут рассмотрены ниже); в 1978 г.: 1) P. Heid. lat. 7, см. Seider R. Eine Heidelberger lateinische Militärurkunde // ZPE. 1978. 29. S. 241—251 (уже частично изданный тем же автором в Paläographie der lateinischen Papyri. I. Stuttgart, 1972, № 22; критическое переиздание R. Marichal в ChLA. 1979. XI. 500) — латинский отрывок, относящийся, возможно, к плану мобилизации или перевозки, или снабжения войск для подавления восстания (ср. RHD. 1979. 57. P. 138 и 1980. 58. P. 111); 2) P. Köln. IV. 97 (II в. н. э.) — новое упоминание Ioudaïkos Logos. Наоборот, нельзя считать «отзвуком» восстания еврейский пергамен (V/V1 в. н. э.) из Кельнской коллекции inv. № 5941 оксиринхского происхождения, опубликованный Klein-Franke F. A Hebrew Lamentation from Roman Egypt // ZPE. 1983. 51. S. 80—84. Tafel Va (ср. Sirat C. Les papyrus en caractères hébraïques trouvés en Egypte. P., 1985. P. 27. Pl. IV.) Согласно мнению издателя этого документа, выражение «во времена наших преследователей» в стк. 7 этой молитвы (seliha) является намеком на несчастье египетских иудеев, в особенности в Оксиринхском номе во время восстания 115—117 гг. Но, как я уже отметил в своем обзоре (RHD. 1983. 61. P. 470), претендентов на звание «преследователей иудеев» слишком много от Амана до Адриана (и позже!), чтобы можно было принять эту гипотезу. Мой скептицизм в данном вопросе разделяет Ж. Шварц (Schwartz J. Note sur un article de la ZPE 51 (A Hebrew Lamentation from Roman Egypt) // ZPE. 1984. 55. P. 141—144), который, однако, заходит слишком далеко, утверждая, что «до сих пор не нашли в Египте ни папируса, ни пергамена с еврейским письмом» (с. 141); на это справедливо обращает внимание Brashear W. M. Trifles 1 // ZPE. 1985. 60. S. 237—239.

¹⁴ Corpus Papyrorum Judaicorum. V. II / Ed. A. Fuks. Camb. Mass., 1964. № 448. А. Фукс переиздает только сткк. 1—24; подчеркивание ключевого отрывка принадлежит мне (сткк. 11—12).

Перевод: «Гиераку, стратегу Атрибитского нома от Гора, сына Псенобастиса, и от Некферота, сына Таисута, п... Пет... и остальных... от иудеев, которые были убиты, и от „греков без наследников“ (мы собираемся снять в аренду) в районе Тетафа 24 аруры государственной земли за 2 артабы пшеницы за каждую аруру и за дополнительную оплату в 5 артаб пшеницы за весь участок в целом, и в районе Псенарнесиса в восточной части Тостского района 1 аруру государственной земли за 3 артабы пшеницы, и мы внесем арендную плату в государственную казну на условиях взаимной ответственности с нового урожая того же самого 15 г. нашего господина Адриана Цезаря. В 15 г императора Цезаря Траяна Адриана Августа. 5 фаофи».

Итак, несколько земледельцев, объединившиеся для этого, предлагают взять в аренду, вероятно на год, за более высокую арендную плату, чем та, которую платили прежние арендаторы, какое-то количество государственной земли (ἡ δῆμοσία); часть этой земли, 24 аруры, около деревни Тетафу, обозначена как принадлежавшая ранее иудеям и эллинам: ἀ(=πρότερον) Ἰουδαίων...καὶ Ἑλλήνων¹⁵. Эллина обозначены ἀλλογενόμενοι: это землевладельцы, скончавшиеся ab intestato и не оставившие наследников; их земли были переданы фиску в качестве bona vacantia в соответствии с действующими правилами¹⁶. Единственный вопрос, который возникает, — это почему покойные завещатели названы «эллинами», как и завещатели, которые имеются в виду в § 18 «Гномона идиолога».

Решение вопроса следует, возможно, искать в том, что эти эллины объединены в одну группу с иудеями (стк. 10). Причастие, которое обозначает последних, с трудом поддается дешифровке. В editio princeps Гренфелл и Хант первоначально прочитали α[.ι]ουδαίω[ν] εἰρη[μ]έων (Р. Оху. III. Р. 219), затем, следуя предложению В. Крёперта¹⁷, они приняли чтение ἀ[π'Ι]ουδαίω[ν] εἰρη[μ]έων (=ἡρημένων)¹⁸. А. Фукс попросил Х. Герстингера, профессора Университета в Граце, проверить оригинал папируса, который там сейчас находится; последний допустил возможность чтения ἀνεἰρημένων (т. е. ἀνηρη[μ]έων), и именно это чтение и было принято: следовательно, речь идет о иудеях, убитых во время восстания; их имущество вроде бы было изъято фиском, как bona caduca без проверки, имеется ли завещание или законный наследник¹⁹.

Конъектура в принципе приемлема, хотя способ ее интеграции в CРJud. вызывает формальные возражения (мы к этому вернемся ниже). Однако она создает много трудностей. Одни касаются юридической техники, другие филологического характера. Начнем с последних. Глагол ἀναίρειν имеет в греческом языке много значений: «похищать, заставить исчезнуть, уводить». В среднем залоге глагол ἀναίρεισθαι означает «похищать для себя, унести, одержать победу»²⁰. Некоторые специальные

¹⁵ В начале стк. 11 вместо восстановления ἀ[π'] предпочтительнее сокращение: α(=πρότερον) как в Р. Berol., изданном А. Швидерек, где это сокращение повторяется много раз (Op. cit. P. 47. Not. 6).

¹⁶ См. *Modrzejewski*. La dévolution au fisc... P. 91—125. Я не думаю, что эта мера применялась только к арсианоитским катэкам, как полагает О. Монтевеки (Op. cit. P. 343—344). Наше исследование показывает, что этот термин обладал более широким значением.

¹⁷ *Krönert W.* Zur Kritik der Papyrustexte // Stud. Pal. 1905. 4. S. 82—107, особенно 94. Ср. BL. I. 1922. S. 324.

¹⁸ См. С. Р. Jud. II. P. 256, комментарий к сткк. 11—12. Ср. Р. Оху. V. P. 314.

¹⁹ *Fuks A. C.* Р. Jud. II. P. 255, преамбула к С.Р. Jud. 448 (= Р. Оху. III. 500) и ранее в *Aegyptus*. 33, 1953 (см. выше, прим. 12). P. 148 (not. 1), 154.

²⁰ См. LSJ, s. h. v.

употребления довольно далеки от дословного смысла: «схватить» (αἰρεῖν) «поднимая, неся кверху» (глагольный префикс ἀν-). Таким образом, в действительном залоге ἀναίρεῖν означает приказание оракула («приказать, предписать, дать оракул»). В среднем залоге ἀναίρεῖσθαι употребляется по поводу детей, подброшенных своими родителями и подобранных третьим лицом; «Гномон идиолога» говорит о них в двух своих статьях, по поводу которых израсходовано много чернил²¹. Надо напомнить и о другом специальном употреблении ἀναίρεῖν и ἀναίρεῖσθαι в техническом значении «аннулировать»²²: «снимается» написанное — текст закона или договора, высеченного на стеле или написанного на папирусе; таким образом, при помощи этого глагола выражается действие, заключающееся в «отмене» закона, в «аннулировании» договора, в «расторжении» соглашения, в «отмене» завещания. К многочисленным примерам из классической литературы, в особенности из защитительных речей Демосфена по гражданским делам²³, можно добавить P. Yale inv. № 1606, изданный Н. Льюисом в 1972/73 гг., где в эдикте префекта времен Адриана упоминается рубрика π(ε)ρί ἀγγρημένων [δι]αθρηῶν, передающая латинскую формулу de testamentis rescissis²⁴.

Последнее значение глагола ἀναίρεῖν охватывает случаи, когда материальное уничтожение акта сочетается с погашением его юридической дееспособности. Оксирихский папирус, согласно интерпретации А. Фукса, иллюстрирует параллельный случай: физического уничтожения людей, в частности иудеев, убитых во время войны 115—117 гг. Это значение глагола хорошо засвидетельствовано в греческом языке; и в папирусах Египта оно встречается с птолемеевского до византийского времени²⁵. Но те три примера, которые цитирует наш покойный друг (С. P. Jud. II. P. 257), вводят в заблуждение: в них идет речь не просто об убитых людях, а о лицах, которые были убиты насильственно! Так, в жалобе (P. Brem. 37, ст. 7) из архива стратега Аполлония, — который, кстати, содержит основную массу папирологической документации, относящейся к восстанию 115—117 гг., — речь идет об убийстве декуриона (τοῦ ἀγγρημένου δεκαδάρχου); то же самое относится к протоколу судебного дела, рассмотренного около 135 г. префектом Египта М. Петронием Мамертином, в котором говорится о женщине, задушенной пекием Сарапионом, ее

²¹ Ἀναίρεῖσθαι ἀπὸ κοπρίας. См. из последних работ: *Montevocchi O.* I paragrafi 41 e 107 dello Gnomon dell'Idios logos implicazioni socio-culturali e demografiche // Atti XVII Cong. di Papir. (Naples, 1983). Napoli, 1984. P. 965—975; ср. *Manca Masciadri M., Montevocchi O.* I contratti di balatico (Corpora Papyrorum Graecarum, I). Milano, 1984, P. 16—20. Там основная библиография. Напомню только: *Bieżuńska-Matowist J.* L'esclavage dans l'Égypte gréco-romaine. P. II: Période romaine. Wrocław — Warszawa, 1977. P. 22. См. также *Pomeroy S. B.* Copronyms and the Exposure of Infants in Egypt // Studies in Memory of A. Arthur Schiller. Leiden, 1986. P. 147—162, которая отделяет антропимы κοπρ- от практики подкидывания детей.

²² Это значение сохранилось в новогреческом языке в глаголе ἀναίρω (эквивалент ἀίρω) — «аннулировать» и в существительном ἀναίρεσις — «аннулирование» для приговоров, объявленных недействительными кассационным трибуналом.

²³ См. *Démosthène.* Plaidoyers civils. T. IV. P., 1960. (Collection des Universités de France); Index des termes du droit et des institutions / Par. R. Weil. P. 131, s. h. v.

²⁴ *Lewis N.* Un nouveau texte sur la juridiction du préfet d'Égypte // RHD. 1972. 50. P. 5—12; *idem.* Complement / Ibid. 1973. 51. P. 5—7 = SB. XII. 10929, l. 11. По поводу дискуссии о характере этого текста — эдикт префекта или императорская конституция? — см. точки зрения, изложенные в нашем обзоре — SDHI. 1977. 43. P. 768, а также *Katsoff R.* Law as'katholikos? // Studies in Memory of A. Arthur Schiller. Leiden, 1986. P. 119—126, особенно 120—121.

²⁵ См. *Wb.*, s. h. v.: I/1. 1924. Sp. 89—90(4); Suppl. I/1. 1969. S. 18; IV/1. 1944. Sp. 124—125(7).

мужем или родственником, из-за презренной суммы денег — другими словами: убийство с целью ограбления²⁶; третий текст, на сей раз византийского времени, также касается попытки умышленного убийства (Р. Оху. XVI. 1885, стк. 9. 509 г. н. э.).²⁷

Лексическое выражение смерти отнюдь не однозначно. Когда грек в завещании имеет в виду роковой исход, являющийся причиной его последнего волеизъявления, он говорит не «если я умру», а «если со мной случится нечто человеческое»: ἐάν δέ τι ἀνθρώπινον πάθω²⁸. Предпочитается не называть событие своим именем. Ту же самую стеснительность мы встречаем в выражении μεταλάσσειν (или μεταλλάξαι) τὸν βίον или просто μεταλάσσειν — «сменить жизнь» на состояние, которое не названо²⁹. На надгробном камне не напишут, что близкий человек просто умер, но чаще всего что он был «отнят», ἀνελήμφθη (богом, судьбой) у любящих его³⁰. Но в нормативном тексте, в официальном донесении или в соглашении прибегнут к словам τελευτᾶν или ἀποθνήσκειν, т. е. к нейтральным глаголам без эмоциональной окраски³¹. Поэтому в предложении об аренде, адресованном администрации, как и в нашем оксирипском папирусе, следовало бы ожидать применения причастия одного из «административных» глаголов — τετελευτηκότῳ или τεθνεώτῳ. Языческий автор II в. н. э., которого Евсевий Кесарийский использует в своем рассказе о восстании, говорит, что Траян «уничтожил» (διαφθείρει) большое количество иудеев; глагол того же корня употребляется по поводу киренских иудеев, которые «опустошают» (φθείροντες) под руководством Лукуаса номы Египта; грекам, которые бежали в Александрию, временно находившуюся во власти иудеев, удалось захватить своих врагов и «умертвить» (ἀπέκτειναν) их. Римские военачальники менее нежны в отношении иудеев: Лузий Квиет убивает их в большом количестве (φονεύει), а Марций Турбон истребляет их тысячами (ἀναίρει — мы снова сталкиваемся с нашим глаголом!)³². Все это вполне допустимо в художественном повествовании. Но упоминание об «убиенных» или «истребленных» иудеях в административном языке, на котором земледельцы ведут разговор, обращаясь к провинциальным властям, отнюдь не подходит к положению побежденных мятежников, поднявших оружие против Рима и по-

²⁶ Р. Оху. XVII. 2111 (около 135 г. н. э.), стк. 20—50, особенно стк. 47 (ἀνηρῆσθαι). См. диссертацию: *Anagnostou-Cannas V. Juge et sentence dans l'Égypte romaine* (Université de Paris II). P., 1983. (машинопись, в печати).

²⁷ О роли *defensor civitatis*, который упоминается в этой петиции, см. *Mannino R. Ricerche sul «defensor civitatis»*. Milano, 1984. P. 147 sg.

²⁸ Множество примеров (начиная с III в. до н. э. до византийского времени) см. *Wb.*, s. v. ἀνθρώπινος. Аналогичное выражение: ἐάν ἀνθρώπινόν τι συμβῆ (ibid.). Другой подобный случай: клаузула о возможной смерти младенца встречается в контрактах по найму кормилицы: см. *Manca Masciadri, Montevecchi*. Op. cit. № 4 (BGU. 1058. Александрия. 13 г. до н. э.), стк. 20; 5 (BGU. IV. 1106, Александрия, 13 г. до н. э.), стк. 21; 9 (BGU. IV. 1108. Александрия, 5 г. до н. э.); 14 (SB. V. 7619. Оксиринх. 26 г. н. э.), стк. 21.

²⁹ См. *Wb.*, s. v. βίος.

³⁰ Примеры, относящиеся к иудеям, см. *Lieberman S. Martyrs of Caesarea // Annuaire de l'Institut de philologie et histoire Orientales et slaves*. 1944. 7. P. 437 sg. (протипитовано: *Berger A.* // *JJP*. 1946. I. P. 29).

³¹ Показательный пример — постоянное употребление глагола τελευτᾶω в донесениях о смерти, за исключением трех случаев из Оксиринха (исключение, подтверждающее правило), где вместо ἐτελεύτησεν говорится μετέλλαξεν τὸν βίον. См. *Casarico L. Il controllo della popolazione nell'Egitto romano*. I. Le denunce di morte (*Corpora papyrorum Graecarum*. 2). Azzate, 1985. P. 17.

³² *Eus. Caes. Hist. eccl. IV. 2. 1—5*; текст перепечатан: *Stern M. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism*. T. III. (Appendixes). Jerusalem, 1984. P. 26—30

гибших в боях. Конъектура ἀνηρημένον семантически сомнительна и идеологически шокирует.

Она также неудобна с юридической точки зрения. Наши «убиенные» или просто «убитые» иудеи не входят ни в одну категорию людей, в отношении которых можно было бы говорить о bona caduca. Очевидно, не может идти речь об имуществе, которое приходится на долю heredes patres и legatarii patres в соответствии с законодательством Августа (leges caducariae), применение которого хорошо засвидетельствовано в Египте³³. Равным образом здесь не может идти речь о выморочном имуществе, bona vacantia, которое, согласно Lex Iulia, передается государству в качестве caduca: для передачи имущества фиску посредством процедуры vindicatio caducorum³⁴ необходимо предварительно установить отсутствие завещания и законного наследника. То, что имущество иудеев не было обозначено тем же терминами, что и имущество греков, объясняется тем, что при всей их близости в фискальном плане имущество иудеев входило в особую категорию. Напрашивается вывод: речь идет о bona damnatorum, т. е. об имуществе, конфискованном в уголовном порядке и на этом основании переданном императорскому земельному фонду. Ряд соображений позволяет подкрепить это положение.

III. Вернемся к P. Оху. 500. Изложение, данное в C.P. Jud., вводит в заблуждение: оно не учитывает лауну в середине стк. 11 и воспринимает восстановленный текст так, словно идет речь о бесспорном чтении Ἰουδαίων ἀνηρημένον (см. выше, прим. 14). В действительности же конечное ν в слове Ἰουδαίων не видно, так же как и глагольная приставка, предложенная Герстингером (следовательно надо бы написать Ἰουδαίων ἀνηρημένον). Конъектура сама по себе допустима, так как лауна достаточно большая, чтобы вместить по крайней мере две буквы после ν в слове Ἰουδαίων. Рассмотрение оригинала по хорошей фотографии, которой я обязан любезности Джона Рея, подтверждает комментарий первых издателей. Допуская, что свободное пространство разделяло эти два слова (как в других местах в том же документе), они не предполагали наличие глагольной приставки причастия, следующего за словом Ἰουδαίων³⁵. Но чтение εἰρημένον, причастие глагола λέγω, было не очень удачным: применение этого причастия (с артиклем: ὁ εἰρημένος и т. д.) в смысле «вышеназванный» или «вышеупомянутый» относится к византийскому словоупотреблению и плохо согласуется с текстом времени Адриана³⁶.

Исправление, предложенное В. Крёнертом, εἰρημένον (вместо ἡρημένον), причастие глагола αἰρεῖν, давало более удовлетворительный смысл: тут перед нами были иудеи, конечно не «избранные» или «назначенные», но мятежники, захваченные с оружием в руках³⁷. Это исправ-

³³ См. *Besnier R.* L'application des lois caducaires d'Auguste d'après le Gnomon de l'Idiologus // RIDA. 2 (Mélanges F. de Visscher II). 1949. P. 93—118. См. также тексты, цитируемые в докладе: *Modrzejewski J.* La règle de droit dans l'Égypte romaine // Proceedings Ann Arbor. Toronto, 1970. P. 317—377, особенно 377, прим. 129.

³⁴ См. *Modrzejewski.* La dévolution au fisc... Для общей ориентировки: *Astolfi R.* La lex Iulia et Papia. 2e éd. Padova, 1986. P. 231 sg.

³⁵ P. Оху. III. P. 220, комментарий к сткк. 11—12.

³⁶ Wb., s. v. λέγω.

³⁷ Крёнерт (op. cit. P. 94) не уточняет, имеется ли в виду пассивное или среднее причастие. Он только констатирует: «Es handelt sich also um Güter von aufständischen Juden und erbenlos gestorbenen Griechen». Среднее причастие глагола ἡρη: αἰ в значении «тот, который восстал, тот, который поднял оружие» представляется мне странным; правильнее думать скорее об иудеях, «захваченных» в качестве мятежников. Что

ление было бы достаточно для доказательства нашего толкования: поражение мятежников предполагает применение к ним санкций, включающих конфискацию имущества в качестве *bona damnatorum*. Но мы не можем полностью исключить гипотезу, что речь идет о глаголе *ἀίρειν* с приставкой в лакуне после слова *Ἰουδαίω[ν]* —]. Отдадим ему предпочтении.

Выше были отмечены трудности, которые создает — учитывая состояние текста — восстановление — *ἀν]ειρη[μ]ένων*. Можно было бы, добавив приставку к первоначальному чтению Гренфелла и Ханта, подумать о *ἀπ]ειρη[μ]ένων*, что передало бы в греческом языке латинское понятие *interdictio*, примененное к мятежникам «вне закона»³⁸. Но такая перестановка была бы анахронизмом для данной эпохи и выглядела бы странно в тексте, относящемся к провинции³⁹. Поэтому представляется предпочтительным последовать по пути, подсказанном Анной Швидерек⁴⁰, и восстановить *Ἰουδαίω[ν ἀφ]ειρη[μ]ένων* (= *ἀφρημένων*). Вместе «убитых» или «побежденных» иудеев пред нами иудеи, подвергнутые «конфискации имущества», решение так же приемлемое с точки зрения палеографии, как и предыдущие, но обладающее по сравнению с ними рядом преимуществ в плане филологическом и юридическом⁴¹.

Первое преимущество заключается в том, что оно вписывается в засвидетельствованный папирусами узус, который можно возвести к птоломеевской эпохе. Я напому в этой связи (вслед за своим польским другом) о собрании шести декретов Птолемея II Филадельфа, относящихся к постоянным войнам⁴². В двух случаях причастие *ἀφειρημένων* (= *ἀφρημένων*) появляется в тексте для обозначения лиц, подвергнутых конфискации (имущества). Прежде всего речь идет о воинах, у которых царская администрация отняла право на постой для передачи его другим⁴³. Затем та же формула применяется по отношению к некоторым катэкам, у которых отняли земельное держание: их квартиры тогда возвращаются царю, если только их не передали другим пользователям⁴⁴.

В III в. до н. э., когда клерух умирал, перемещался или подвергался какому-нибудь наказанию, его *klêros* и его *stathmos* возвращались в царскую казну. Чаще всего эта акция обозначалась глаголом *ἀναλαμβάνειν*

касается формы *εἴρημα* вместо *ἡρημα*, см. теперь: *Gignac Fr. T. A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods. II. Morphology. Milano, 1981. P. 238—239.*

³⁸ Предположение Джона Рея (письмо от 3 октября 1972 г.). Хочу поблагодарить Джона Рея за любезную помощь в получении фотографии Р. Оху. III. 500 и за высказанные им наблюдения, которые подкрепляют мою интерпретацию.

³⁹ См. *Devilla V. Aqua et igni interdictio // Studi in onore di Sassari. 1950. 23. P. 1—41.*

⁴⁰ *Swiderek. Op. cit. P. 60. Not. 23* (к этой статье вернусь ниже). *Ср. BL. 1976. VI. S. 98.*

⁴¹ Единственная трудность, которая еще остается (но она присуща всем рассмотренным восстановлениям), заключается в том, что лакуна, в которую вставляют греческую *μ*, слишком велика для одной буквы. Не было ли в тексте *ἀφ]ειρη[μ]μένων*? Во всяком случае, Гренфелл и Хант восстановили только *μю*.

⁴² *C. Ord. Ptol. 5—10* (между 273 и 262 г. до н. э.). Об этом сборнике см. диссертацию: *Müller B.-J. Ptolemaeus II. Philadelphus als Gesetzgeber. Köln, 1968. S. 103 ff.*

⁴³ *C. Ord. Ptol. 5 (P. Petr. III 20 recto, col. IV = W. Chr. 450; по изданию: Lenger M.-Th. // CdE. 1952. 27. P. 220—221 = SB. VI. 9454/1), 1. 3: βασιλέα προστάξει τοὺς σταθμοὺς [τῶν ἀφειρημένων*

⁴⁴ *C. Ord. Ptol. 10 (P. Petr. III 20 verso, col. III, ll. 8—12 = W. Chr. 450 = SB. VI. 9454/6), II. 2—3: τῶν τοὺς κλήρους ἀφειρημένων ἰππέων οἱ σταθμοὶ περιέστωσαν τῶν βασιλεῖ, κτλ.*

(ἀναλαμβάνεσθαι) царь «забирал обратно» свое имущество⁴⁵. Но оба упомянутые выше текста показывают, что равным образом можно было прибегнуть к глаголу ἀφαιρεῖν, более выразительному, обозначающему «отнять». Несомненно, таким образом подчеркивался противозаконный характер ситуации, оправдывавшей такую меру. Подобным же образом Платон в своих «Законах» употребляет другое пассивное причастие (аориста) того же глагола ἀφαιρεθείς для обозначения лица, незаконно обладавшего рабом, который отнимается у него посредством vindictio in libertatem на греческий манер, даже в том случае, если процедура не была совершена с соблюдением необходимых формальностей⁴⁶. Эта двойственность ἀναλαμβάνειν/ἀφαιρεῖν подтверждается другими текстами птолемеевского времени⁴⁷.

Во времена империи происходит стабилизация словаря, глагол ἀναλαμβάνω становится синонимом «конфисковать» (confiscare, in fiscum auferre). В «Гномоне идиолога» его используют около двадцати раз, с одной стороны, в значении конфискации, последовавшей как мера наказания в уголовном порядке, с другой — для обозначения различных видов caduca: тут снова речь идет по существу о наказании, которому подвергаются coelibes и orbi, и «Гномон» сближает «гражданскую» vindictio caducorum с «административной» confiscatio⁴⁸. Разумеется, уже не ставится вопрос, как при Птолемах, о «забирании обратно» имущества, которое юридически никогда не переставало быть царским⁴⁹. Императорский фиск забирает на основании норм гражданского или уголовного права имущество, которое ранее ему не принадлежало: глагол ἀναλαμβάνειν (дословно: «брать обратно») стал общеупотребительным. Только в одном случае «Гномон» избегает его: в § 4, где идет речь о выморочном имуществе, применяемая процедура для его востребования была та же, что и в отношении caduca, выморочность не являлась проступком. Поэтому в данном случае нельзя говорить о «конфискации»⁵⁰.

Став греческим эквивалентом confiscare, глагол ἀναλαμβάνω мог бы быть применен и к иудейским мятежникам. В § 36 «Гномон идиолога» используется этот глагол по поводу дела, связанного с bona damnatorum, речь идет о лицах, которые были приговорены или сами предпочли изгнание, будучи обвиненными в убийстве (φόνος) или в серьезной про-

⁴⁵ Wb., s. v. ἀναλαμβάνω (I/1, Sp. 93, № 8): «Ptolemäisches Lehenland zurücknehmen, heimfallen lassen». Ср.: *Préaux Cl. L'économie royale des Lagides*. Bruxelles, 1939. P. 468.

⁴⁶ *Platon. Leg. XI. 915a*. Благодарю А. Швидерек за то, что она обратила мое внимание на эту параллель (письмо от 22.XII. 1971).

⁴⁷ BGU. VI. 1212 D = C. Ord. Ptol. 83, l. 26 — декрет, приписываемый Птолемею IV Филопатору, в копии конца птолемеевской эпохи (в защиту гусятников).

⁴⁸ *Modrzejewski. La dévolution au fisc...* P. 117.

⁴⁹ Я подчеркиваю договорный характер отношений между царем-арендодателем и клеруком-арендатором и их эволюцию (*Modrzejewski J. Régime foncier et statut social dans l'Égypte ptolémaïque // Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques. Act. du colloque Besançon, mai 1974. Paris — Lyon, 1979. P. 163—188, особенно 171 сл.*); ср. *Annuaire EPHE. IV-e Section. 1977/1978. P., 1978. P. 351—372, особенно 360 сл.*). Следовало бы еще более нюансировать: см. *Cardascia G. Sur une fonction de la sous-location en droit romain // Studi in onore di A. Biscardi. II. Milano, 1982. P. 365—388, особенно 366*). Но думаю, что в *Wörterbuch, IV/1, 1944, s. v. ἀναλαμβάνω* № 2 Э. Кисслинг ошибочно объединяет птолемеевский «возврат» и «конфискацию» римского времени, стирая различие, которое было сделано Ф. Прайзигке в I томе (см. выше, прим. 45).

⁵⁰ *Modrzejewski. La dévolution au fisc...* P. 114 suiv.

винности (ἀμάρτημα)⁵¹. Квалифицируя иудеев-мятежников, можно было бы сказать, что они были ἀναλημπτοί — «те, имущество которых было конфисковано»⁵². Вместо этого, возрождая птолемеевское словоупотребление, было оказано предпочтение пассивному перфектному причастию глагола ἀφαίρειν, более подходящему, который в других папирусах императорского времени применяется в контекстах, где идет речь о насильственном лишении владения⁵³. Употребленная без прямого дополнения, уточнявшего в декретах Лагидов сущность наказания (τοὺς σταθμούς, τοὺς κλήρους), римская формула подчеркивает серьезность проступка, вменяемого в вину иудеям, и тяжесть наказания. Они не только лишаются права на постой или держание, а всего своего имущества — одним словом: ἀφηρημένοι.

IV. Включим в наше рассмотрение некоторые документы, касающиеся фискального учета. Они помогут нам наполнить содержанием наши рассуждения и позволят прийти к тем выводам, которые они подразумевают.

Как известно, различные египетские императорские владения были объединены при Веспасиане, вероятно в начале 70 г., в общее административное ведомство οὐσιακὸς λόγος (ratio patrimonii), состоявшее из двух патримониальных комплексов: «владения Веспасиана» (οὐσίαι Οὐεσπασιανού) и «владения Тита» (οὐσίαι Τίτου), вторые, по-видимому, менее многочисленные, чем первые; во главе этого ведомства был поставлен procurator usiacus (ἐπίτροπος οὐσιακῶν)⁵⁴. Эта реформа не положила конец существованию других категорий императорских земель, упоминаются βασιλική γῆ, царская земля Лагидов, присвоенная Августом как доменная земля, сохранившая при империи свое птолемеевское наименование, и δημοσία γῆ, являвшаяся, как кажется, греческим эквивалентом римского ager publicus, статус которой не окончательно выяснен⁵⁵. Несмотря на отличительные черты, свойственные каждой из этих категорий, у них много общего в том, что касается их использования путем сдачи в аренду, положения земледельцев, управления и взимания

⁵¹ Об этой терминологии см. диссертацию: *Helmis A. Crime et châtement dans l'Égypte ptolémaïque. Recherches sur l'autonomie d'un modèle pénal.* Université de Paris — Nanterre, 1986 (машинопись, в печати). О Gnomon § 36 см. комментарий: *Reinach Th. Op. cit. P. 161—165; Uskull-Gyllenband. Op. cit. S. 47—48.*

⁵² См., например, PSI. I. 104 (II в. н. э.), l. 14; P. Mich. inv. 148 verso / Ed. H. C. Youtie // *ZPE.* 1977. 27. P. 121—124 = SB. XIV. 12139. Sp. 1 (155 г. н. э., копия II/III вв. н. э.), ll. 10—11; ср. RHD. 1979. 57. P. 137—138, и диссертацию: *Anagnostou-Canas. Op. cit. P. 50.*

⁵³ См., например, из недавно опубликованных текстов P. Coll. Youtie. II. 77 (= P. Col. 171, 324 г. н. э.), l. 12 — по поводу скота; P. Oxy. LI. 3627 (конец IV в. н. э.), l. 6 — по поводу дома. Особый случай: отцовская ἀφαίρεσις — см. *Anagnostou-Canas. Op. cit. P. 57 suiv., 84 suiv., 108 suiv.*; ср. *Mélèze-Modrzejewski J. La structure juridique du mariage grec // Scritti in onore di O. Montevicchi.* Bologna, 1981. P. 231—268, особенно P. 258—261. Для Афин см. *Lewis N. Aphairesis in Athenian Law and Custom // Symposium 1977.* Köln — Wien, 1982. P. 161—178; *Rosivach V. J. Aphairesis and Apoleipsis. A Study of the Sources // RIDA.* 3-e sér. 1984. 31. P. 193—230.

⁵⁴ *Kunke H.-Chr. Οὐσιακή γῆ Domänenland in den Papyri der Prinzipatszeit.* Diss. Köln, 1971 (ср. RHD. 1972. 50. P. 533); *Parássoglou G. M. Imperial Estates in Roman Egypt.* Amsterdam, 1978 (American studies in Papyrology. 18).

⁵⁵ *Tomsin A. Βασιλική γῆ et δημοσία γῆ dans l'Égypte romaine // Mélanges R. Echalle. Gembloux, 1970. P. 271—280:* автор излагает некоторые результаты незавершенного исследования. Известный прогресс достигнут в работе: *Lo Cascio E. Patrimonium, ratio privata, res privata // Ann. ital. per gli studi stor.* 1971/72 (1975). P. 55—121, особенно касательно римского Египта с. 85—94. Автор показывает, что различия между βασιλική γῆ и δημοσία γῆ, с одной стороны, и οὐσιακή γῆ, в основном касаются системы земельного учета и не отражают юридическое различие (ср. RHD. 1978. 56. P. 523).

поступлений с этих земель. Таким образом, можно отметить определенное единство с точки зрения юридической и фискальной и дифференциацию в том, что касается происхождения и использования этих разных земельных категорий. Система отличается гибкостью, позволяющей находить быстрые решения в новой ситуации, например, при неожиданном увеличении владения вследствие непредвиденных событий, требующем установления на некоторое время особого вида хозяйственного управления.

Это именно та ситуация, с которой мы здесь имеем дело. В результате боев, которые велись в течение двух с половиной лет, часто с большой жестокостью, многочисленные хозяйства оказались заброшенными. Требовались срочные меры. Императорская власть решила облегчить условия аренды домениальных земель, отменив старое *πρόσταγμα* (весьма вероятно, царский декрет), которое до этого времени было еще в силе⁵⁶. Администрация государственных земель берет под свой контроль земли, оставленные теми, кто их ранее обрабатывал и пал в бою. Были составлены реестры по каждому ному. Так, в переписке, относящейся к четырем номам — Гераклеопольскому, Оксирихскому, Кинопольскому и Ликонопольскому, говорится о «списке имущества, принадлежавшего иудеям» (*γραφὴ τῶν τοῖς Ἰουδαίοις ὑπαρξάντων*)⁵⁷. В то же время, и это важное новшество, создается два «специальных счета»: «иудейский счет», *Ἰουδαϊκὸς λόγος*, счет, называемый «имуществом греков, скончавшихся без наследников» — *πεκοῦλιον Ἑλλήνων ἀκληρονομητῶν*⁵⁸.

Этой новой информацией мы обязаны берлинскому папирусу — P. Vindol. inv. 7440 recto, изданному в 1971 г. А. Швидерек⁵⁹. Вот текст, согласно SB. XII. 10893 (ср. SB. XIII. S. 138), сткк. 1—11.

1	1. Hd. ...	[— — —]
2	θαί	[— — —]
3	- + + εχ-	[— — —]
4	2. Hd. θεοῦ Τίτου Δορυφοριανῆς	[— — —]
5	Ἀγριπτιανῆς οὐσίας	[— — —]
6	Ἀκτηριανῆς οὐσίας δηλουμένης εἶνα[ι ἐν τῇ Ἀλε-]	
7	ξανδρέων χώρα	[— — —]
8	Ἰουδαϊκοῦ λόγου	.σν[— — —]

⁵⁶ P. Giss. 4. (= W. Chr. 351), ll. 9—10. Ср. *Taubenschlag R. The Imperial Constitutions in the Papyri* // JJP. 1952. 6. P. 121—142, особенно 129 (= *Opera minora*. II. Warszawa, 1959. P. 3—28); *Lenger M.-Th. Corpus des Ordonances des Ptolemées*. All. 117. P. 270. О дате см. ниже, прим. 81.

⁵⁷ P. Oxy. IX. 1489 = C. P. Jud. II. 445. Речь идет о переписке, имевшей место после восстания, т. е. осенью 117 г., может быть, в начале 118 г., во всяком случае до июля 118 г., когда стратег Аполлоний, адресат письма, уже не находился в должности; см. комментарий Гренфелла и Хафта (P. Oxy. IX. 1912. P. 207) и А. Фукса (C. P. Jud. II. P. 251—252); ср. *Whitehorne J. E. G. A Checklist of the Oxyrhynchite Strategi* // ZPE. 1972. 29. S. 172—173; *Bastianini G., Whitehorne J. Strategi and Royal Scribes of Roman Egypt*. Firenze, 1987. P. 91.

⁵⁸ Слово *πεκοῦλιον* редко упоминается в папирусах. В III в. н. э. оно фигурирует в двух документах для обозначения пекулия освобожденного раба: BGU. I. 96, l. 14; PSI. IX. 1040, l. 20; см. *Bieżuńska-Matowist. L'esclavage dans l'Égypte gréco-romaine*. II. P. 134. Not. 105. О значении *peculium* — *patrimonium* см., например, Dig. 15.1. 5.3 (Ulpianus); 36. 1. 17 pr. (Ulpianus); CJ. 12.57.7.1.

⁵⁹ *Šwiderek*. Op. cit. См. обзор в RHD. 1972. 50. P. 152—158 (= SDHI. 1975. 41. P. 508—509), где я впервые высказал изложенные здесь соображения. Эти замечания ускользнули от внимания М. Пуччи, которая учитывает документ, опубликованный А. Швидерек, но продолжает говорить о более или менее массивных «конфискациях», не вникая в юридические тонкости (*Puccini*. Op. cit. P. 145—151).

9	πεκουλίου[‘Ε]λλήνων ἀκκληρονομί(των) .[— — —]
10	διανομῆς στεμμάτων .[— — —]
11	ἐκτὸς λόγων .[— — —]

Речь идет о списке, касающемся, вероятно, доходов или поступлений с различных категорий государственной земли: три *οὐσΐαι*, принадлежащие к «части Тита», т. е. *Dogurphorianê*, *Agrippianê* и *Akteianê*, последняя расположена в середине хоры александрийцев, так же как и участки, включенные в эти два новых счета; имеются также участки, которые не относятся ни к какому счету, ἐκτὸς λόγων⁶⁰. Очевидно, «иудейский счет» соответствует имуществу, конфискованному у мятежников-иудеев, Ἰουδαῖοι ἀφρηγμένοι из Р. Оху. 500, согласно нашему предположению. Упоминание греков, погибших без наследников, — Ἑλλήνες ἀκκληρονομῆται в том же Р. Оху. 500, так же как и в берлинском тексте, подтверждает эту идентификацию.

Выявленное Р. Berol 7440 recto существование *Ioudaikos logos* подтверждается кельнским папирусом, изданным в 1978 г. Д. Хагедорном (Р. Köln. II. 97 сткк. 8 и 15, II в. н. э.): в нем также при перечне доменных доходов, *ousiai* Веспасиана и *ousiai* Тита отличаются от дважды упомянутого «иудейского счета». Возможно, как предполагает немецкий коллега, другое упоминание этого специального счета имелось в папирусе II в. н. э. Р. Bouriant 44 verso, давно известном, но плохо сохранившемся⁶¹.

Эти два специальных счета исчезают к концу II в. н. э. Участки земли, которые относятся к их ведению, поделены между различными категориями государственных земель. Доказательство этому мы находим в другом берлинском папирусе — Р. Berol. inv. 8143 ABC + 7937 (= SB XII. 10892), опубликованном А. Швидерек в той же статье, которая открыла нам существование *Ioudaikos logos*. Текст, который датируется немного позднее, чем 188 г. н. э.⁶², содержит список земельных участков, расположенных, вероятно, в Гераклидовой мериде Арсиноитского нома; многие из этих участков обозначены как некогда принадлежавшие иудеям α' (=πρότερον) Ἰουδαίων, но в настоящее время они принадлежат к «царской» земле и к двум *ousiai* — *Philodamiane* и *Dogurphoriane*. Их обработка поручена жителям деревни Филопатор на условиях принудительной аренды (ἐπιμερισμός); в списке также упоминается несколько участков, ранее принадлежавших грекам, которые сейчас обрабатываются индивидуальными сьемщиками, несомненно собственниками соседних участков. Следовательно, ситуация очень близка к той, с которой мы столкнулись в Р. Оху. 500, где также были участки, «ранее принадлежавшие» (πρότερον) иудеям и грекам. Но в отличие от этого документа берлинский список более не использует квалификативы, которые сопровож-

⁶⁰ Об императорских *ousiai* см. *Parassoglou*. Op. cit. P. 68—83, где приводятся списки, включающие данные Р. Berol., в частности, для *Akteianê* (с. 75) учитываются предложения А. Швидерек (Op. cit. P. 62. Not. 26). Об Ἰουδαῖοι ἀφρηγμένων χώρα см. *Jähne* A. Die Ἰουδαῖοι ἀφρηγμένων χώρα // *Klio*. 1981. 63. S. 63—103.

⁶¹ Р. Bouriant. 44. verso = С. Р. Jud. III. 458 (II в. н. э.). II. 1—2: Ἰουδαῖοι [λόγου] ἐδηλω[θη]σαν ἐ[σπεπρά]χθαι (конъектура Д. Хагедорна в Р. Köln. II. S. 133). На основе этой конъектуры С. Р. Jud. III. 458 следовало бы поместить в IX раздел сборника, посвященного восстанию 115—117 гг. и его последствиям (см. выше, прим. 12 и 13).

⁶² Относительно даты см. комментарий издательницы (с. 46). В своей рецензии на SB. XII (SDHI. 1977. 43. P. 517) Э. Зайдль писал: «Nähere historische Untersuchung verdient Nr. 10892». Настоящая статья является попыткой выполнить это пожелание.

дали слова Ἰουδαίων и Ἑλλήνων в оксиринхском тексте, они стерлись в течение полувека.

Произошло следующее. После восстания на домениальную администрацию было возложено управление имуществом, за счет которого внезапно увеличился императорский патримоний: имуществом греческих воинов, павших на поле боя, не оставив наследников, и имуществом побежденных иудеев-мятежников. Создаются два специальных счета, возможно, с единым управлением в рамках *ousiakos logus (ratio patrimonii)*. Постепенно земли, которые были отнесены к ведению этих специальных счетов, включаются в состав традиционных земельных категорий. В Атрибитском номе в 130 г. они уже являются частью *δημοσία γῆ*, согласно Р. Оху. 500. Пятьдесят лет спустя в Фаюме они разбросаны между различными *οὐσίαι* и так называемой «царской» землей *βασιλική γῆ*. Квалификативы, относящиеся к специальным счетам, исчезли. Продолжает существовать только указание «прежде», *πρότερον*, сохраняющие следы происхождения этих земель, «принадлежавших» грекам и иудеям⁶³.

Следовательно, это временное распадение — все происходит между царствованиями Адриана и Домициана, которое вроде бы затрагивало только вопросы учетно-административной техники. В действительности же речь идет о данных, представляющих исторический интерес: создание двух специальных счетов соответствует юридическому отличию, разделяющему имущество иудеев и греков. Последнее переходит в собственность государства в качестве выморочного имущества *bona vacantia*, первое же было конфисковано в уголовном порядке как результат победы над мятежниками. Противоположность, которую устанавливает в нашей интерпретации Р. Оху. 500, между «греками, скончавшимися без наследников», *Ἑλλήνες ἀκληρονόμητοι*, и «иудеями, наказанными конфискацией» — *Ἰουδαῖοι ἀφῆρημένοι*, передает это отличие. Изучение домениальной отчетности подводит нас, таким образом, к проблеме легальных основ разрушения иудейской общины в Египте. Попытаемся рассмотреть этот последний вопрос.

V. Для римских властей иудейское восстание (*κίνησις* — Eus. Caes. Hist. eccl. IV. 2.1) — прежде всего местные беспорядки, местные волнения: *tumultus (τάραχος)*⁶⁴. Являясь продолжением «сведения счетов» между иудеями и греками Александрии, которое с начала I в. н. э. беспокоило римскую власть⁶⁵, оно представляло отнюдь немаловажную угрозу нарушения экономического баланса империи, основанного на поставке египетского зерна Риму и Италии⁶⁶. Таким образом, римское вме-

⁶³ Швидерек (Op. cit. P. 47. Not. 8) цитирует статью: Zucker F. Beobachtungen zu den permanenten Klerosnamen // Studien zur Papyrologie und antiken Wirtschaftsgeschichte. Fr. Oertel zum achtzigsten Geburtstag gewidmet. Bonn, 1964. S. 101—106.

⁶⁴ BGU. III, 889. = C. P. Jud. II. 449 (151 г. н. э.), I. 23: ἐν τῷ Ἰουδαίῳ ταραχῶ. Это единственный случай, когда слово *τάραχος* (синоним *ταραχή*) упоминается в папирусах в связи с восстанием 115—117 гг.; оно передает латинский термин *tumultus*, хорошо засвидетельствованный источниками: см. прим. А. Фукса в C. P. Jud. II. P. 257 по поводу этого текста.

⁶⁵ См. свидетельства папирусов в C. P. Jud. II. Section VIII. The Jewish Question in Alexandria (№ 150—159). Анализ одного эпизода этого конфликта см. *Méleze-Modrzejewski J. Le procès d'Isidoros // Praktika tes Akademias Athenon. 1986. 61. P. 245—275* (на новогреческом с французским резюме). Что же касается возможного политического смысла этой борьбы, см. диссертацию: *Kasher A. The Jews in Hellenistic and Roman Egypt. Tübingen, 1985* (английский перевод диссертации, изданной на иврите в Тель-Авиве в 1978 г.) и мои замечания в RHD. 1980. 58. P. 514 (= SDHI 1983. 49. P. 665—666).

⁶⁶ Напомним знаменитое высказывание Тацита (Ann. II. 59) о решении Августа «изолировать» Египет, дабы «кто-нибудь, захватив эту провинцию и ключи к ней на

шательство первоначально представляет собой операцию «усмирения», преследующую цель установить покой в стране. Но сопротивление иудеев превращает восстание (στάσις) в настоящую войну (πόλεμος — Eus. Caes. Hist. eccl. IV). Экспедиционный корпус под руководством Марция Турбона вступает с мятежниками во многие сражения (πολλὰ μάχαι — ibid. IV. 2.4). Греки и египтяне поддерживают римскую армию: в Гермопольском номе «массы деревенских жителей» (ἄθροιοι χωμῆται) присоединились к грекам, чтобы вступить в борьбу с иудеями-безбожниками (πρὸς τοὺς ἀνοσίουσ Ἰουδαίους)⁶⁷, «победы и успехи» (νείκη καὶ προκοπή) Марция Турбона радуют греков, находящихся на службе стратега Аполлония⁶⁸. В самом конце II в. н. э. население Оксиринха все еще отмечало ежегодным праздником память о «войне», во время которой оно «сражалось с римлянами против иудеев» (κατὰ τὸν πρὸς Ἰουδαίους πόλεμον συμμάχησαντες)⁶⁹.

Взяв в руки оружие против римской власти, иудеи оказались виновными в мятеже (восстании против установленной власти), что подпадает под закон crimen maiestatis, как он был определен постановлениями Цезаря и Августа в интерпретации римских юристов в текстах, объединенных в Dig. 48.4: покушение на безопасность римского народа, которое во времена империи превращается в покушение на личность и безопасность принцепса⁷⁰. Определение, которое дает Ульпиан на сей счет, не вызывает сомнения: maiestatis crimen... illud est, quod adversus populum Romanum vel adversus securitatem eius committitur, а среди преступников, которых он перечисляет, находятся те, «которые поднимают оружие против государства» (contra rem publicam arma ferre) и подстрекатели к восстаниям (seditio tumultusve adversus rem publicam — Dig. 48.4.1). Такое преступление наказывается смертной казнью, влекущей за собой конфискацию имущества (publicatio, confiscatio bonorum), мерой, которая сопровождает всякое преступление против государства⁷¹. Ἰουδαῖοι ἀφθαρμένοι из Р. Оху. 500 являются, по нашему мнению, damnati — мятежниками, поднявшими войну против Рима, повинными в crimen maiestatis, именно поэтому, а не потому, что они разграбили языческие храмы, они официально объявлены «безбожными» ἄνοστοι⁷². Их безбожность

суше и на море и удерживая ее любимы ничтожно малыми силами против огромного войска, не обрек Италию голоду» (русский перевод А. С. Бобовича, см. *Корнелий Тацит*. Соч. в 2-х т. Т. I. М., 1969. С. 71).

⁶⁷ Р. Brem. 1 = С. Р. Jud. II. 438 (между июнем 116 г. и январем 117 г. н. э.). Ср. ниже, прим. 72 и 73.

⁶⁸ Р. Giss. 1. 27 = С. Р. Jud. II. 439, II. 6—7. Речь идет о поражении иудеев у Мемфиса.

⁶⁹ Р. Оху. IV. 705 (W. Chr. 153) = С. Р. Jud. II. 450 (199/200 г. н. э.), II. 33—35. Очевидно, не может быть и речи о союзе в прямом смысле: как справедливо отмечает А. Фукс (*The Jewish Revolt // Aegyptus*. 1953. 33. P. 154), оксиринхиты не могли заключить договор о симмахии с Римом.

⁷⁰ Обобщающая работа: *Vauman R. A. The crimen maiestatis in the Roman Republic and Augustan Principate*. Johannesburg, 1967. См. также *Gaudemet J. Maiestas populi Romani // Synteleia V. Arangio — Ruiz*. Napoli, 1964. P. 699—709 (= *Etudes de droit romain*, II. Camerino, 1977. P. 31—43). Недавно Ж.-Л. Феррари (*Ferrary J.-L. Les origines de la loi de majesté à Rome // CRAI*. 1983. P., 1983. P. 556—571) напомнил (с. 556), что во времена империи «maiestas принцепса заняла место maiestas народа».

⁷¹ См. фрагменты, объединенные в Dig. 48.20: de bonis damnatorum и императорские конституции в CJ. 9. 49: de bonis proscriptorum seu damnatorum.

⁷² См. *Fuks A. С. Р. Jud. II. P. 249* (комментарий к № 443, стб. III, сткк. 4—5) и его статьи (цитированные выше, прим. 12) в *Aegyptus*. 1953. 33. P. 158 и в *JRS*. 1961. 51. P. 104, где он объясняет введение официального эпитета ἄνοστοι «иконобор-

являлась не чем иным, как *impietas in principem* присущая оскорблению величества⁷³. Они лишены своего имущества, которое в качестве *bona damnatorum* конфисковано и, учитывая его ценность, передается специальному счету Ἰουδαϊκὸς λόγος.

Понятие *maiestas* обширно и может оправдать любую реакцию римской власти на любую форму мятежа⁷⁴. Однако *damnatio* предполагает процедуру императорской юрисдикции. Как раз накануне восстания в эдикте префекта Египта М. Рутилия Лупа говорится о суде, который будет в случае необходимости послан императором, и напоминает, что правитель провинции не может приговорить к смерти без судебного процесса, а процесс и наказание должны состояться в должное время с соблюдением обычных формальностей⁷⁵. Правда, это предупреждение относится к александрийцам. Но, очевидно, оно применялось также к иудеям: процессы над мятежниками могли состояться в Египте перед самим префектом Лупом или перед судьями, им уполномоченными, если только не перед Марцием Турбоном в качестве прямого представителя императора, облеченного особыми полномочиями⁷⁶. Массовое участие египетских иудеев в восстании и значительность конфискаций, последовавших за поражением, побуждает склониться к мысли, что имела место всеобщая репрессия на основе решения высшей власти: императорский декрет, осуждающий мятежников (*seditiosi*) и их руководителей (*actores*) за преступление, связанное с восстанием, наносящее ущерб императорскому величеству.

Маловероятно, чтобы такой декрет был издан Траяном. Ввязавшись в долгую и трудную войну с парфянами, Траян ограничился только военными действиями через своих полководцев. Прежде чем вершить правосудие, надо было сперва подавить восстание. Талмудические источники сохранили нам отзвуки процесса над двумя иудейскими мятежниками из Кирены родом из Александрии — Лулианом и Паппом, осужденными на смерть и казненными; ответственность за это была возложена на Трая-

ческим аспектом» действий мятежников (разрушение храмов и статуй богов, засвидетельствованное археологическими данными в Киренаике), но ссылка на римское право представляется мне более удовлетворительной.

⁷³ См. *Bauman R. A. Impietas in principem*. München, 1974 (Münchener Beiträge. 87). Этот вопрос заслуживает более углубленного изучения, так как «нормальным» греческим эквивалентом *impietas* была ἀσέβεια, а не ἀνοσιότης (*Bauman*. Op. cit. S. 1f.); выбор слова ἀνοσιότης, подготовленный уже широким узусом, несомненно указывал, что речь идет не только об отказе в признании божественности императора, очевидном для иудеев (ср., например, *Dio Cass.* 57.9). См. в данной связи: *Monteveschi O. Opinione pubblica e «rumores» nei papiri greci // Aspetti dell' opinione pubblica nel mondo antico* (Contributi dell'Istit. di storia ant. Univ. Catt. di Milano, t. V). Milano, 1978. P. 85—97 (cf. *RHD*. 1978. 56. P. 518), особенно с. 92—94, наблюдения которой нашли отклик у М. Пуччи (*Pucci*. La rivolta ebraica... P. 81 sg.).

⁷⁴ В отношении иудеев см., например, *Saulnier Chr.* Rome et la Bible. Supplément au Dictionnaire de la Bible. P., 1983. Col. 938.

⁷⁵ P. Mil. Vogl. II. 47 = C. P. Jud. II. 435. Col. III, II. 16—20: ἔχει δικαστή[ν] ὑπὸ Καίσαρος ἐπὶ τοῦτο περφεύοντα. οὐδὲ γὰρ ἡγεμόσιν ἐξέστιν ἀκρίτους ἀπο[χ]τείνειν, ἀλλ[λ]α καὶ χρεῖς ἴδιον ἔχει χρέον[ο]ν, ἴδιον τόπον ὡς ἴδιον τόπον κόλα[σ]ις. Дату документа удалось уточнить: речь идет о Траяне — 16 *φαιφι* 19 года = 14 октября 115 г. н. э. (а не «13 октября» — дата, ошибочно принятая издателями и комментаторами; египетский год в 115 г. начался 30 августа). Я принимаю интерпретацию текста, предложенную М. Пуччи в статье, опубликованной в 1983 г.: *Pucci M. C. P. Jud. II. 153. 435 e la rivolta ebraica al tempo di Traiano // ZPE*. 1983. 51. P. 93—103 (ср. *RHD*. 1983. 61. P. 469), где она исправляет выдвинутую ранее гипотезу: см. *La rivolta ebraica...* P. 121 sg.

⁷⁶ Не известно, в каком качестве выступал Кв. Марций Турбон. От предположения, что он был префектом Египта в интервале между М. Рутилием Лупом и Кв. Раммием Марциалом (так волагал еще А. Фукс в статьях, процитированных выше в

на ⁷⁷. Но это изолированное и неподтвержденное сообщение. Наоборот, во всем, что касается военного подавления, языческие авторы и иудейские источники сходятся в оценке катастрофы. Аппиан (BC. II. 90. 380), живой свидетель восстания, считает, что Траян «уничтожил иудейский народ в Египте» (ἐξολλόυντα τὸ ἐν Αἰγύπτῳ Ἰουδαίων γένος). Его свидетельству, которое подтверждается языческими источниками, использованными Евсевием Кесарийским, процитированными выше, соответствует образ Траяна, который нам передает в связи с иудеями Египта иерусалимский талмуд: образ «Траяна злого» (hagasha), виновного в разрушении большой синагоги Иерусалима, одной из «жемчужин Израиля», и в резне, во время которой римские легионы убивали иудеев и их жен, так что их кровь образовала реку, которая потекла по морю до Кипра ⁷⁸. Сначала наносят удар, а потом судят. Или, говоря словами эдикта М. Рутилия Лупа, «еще не наступило время для судебного разбирательства» (см. эдикт, процитированный в прим. 75).

Судебное разбирательство смогло состояться только после воцарения Адриана в августе 117 г. Восстание подавлено, новому императору надлежит принять ряд мер для нормализации обстановки. В Кирене он отстраивает общественные здания и восстанавливает порядок, чем заслуживает ластивые титулы «основателя, кормильца и законодателя» ⁷⁹. Согласно армянской версии «Хроники» Евсевия, Адриан отстроил также и Александрию, разрушенную иудеями; эту информацию мы находим также у Иеронима, где допущен великолепный ляпсус — виновниками разрушений выступают вместо иудеев... римляне ⁸⁰!

Даже если не сразу, но Адриан не мог не позаботиться о земледелии. Выше уже упоминались решения, принятые Адрианом в целях облегчения условий аренды государственных земель. Мы можем сейчас почти с полной уверенностью утверждать, что эти решения в виде *procuratorum* были приняты в сентябре-октябре 117 г.: вполне очевидно, речь идет о законодательстве, которое должно было справиться с последствиями восстания ⁸¹. Декрет, осуждающий иудеев, и создание двух специальных

прим. 12), приходится отказаться; см. *Reinmuth O. W.* // *BASP.* 1967. 4. P. 92—93. Не исключено, что ему были даны «особые полномочия», как это случилось позже с *duces* (*στρατηλάται*) М. Аврелием Зеноном Януарием в 231 г. и Гн. Домицием Филиппом в 241 г.: см. P. Оху. XLII. 3077; XIX. 2231 и другие источники в интерпретации: *Parsons P. J.* М. Aurelius Zeno Januarius // *Proceedings Ann Arbor.* P. 389—397; *Rea J. Gn. Domitius Philippus, praefectus vigilum, dux* // *Ibid.* P. 427—429 (о последнем см. также статьи М. Сорди, процитированные в моем обзоре в *SDHI.* 1983. 49. P. 631).

⁷⁷ См. *Pucci.* La rivolta ebraica... P. 109 sg., где приводятся ссылки.

⁷⁸ T. J. Soukka V. 1. 55 b. Об этом тексте см. также: *Mélèze-Modrzejewski J.* Trajan et les Juifs: propagande alexandrine et contre-propagande rabbinique // *Propagande et contre-propagande religieuses (Problèmes d'histoire du christianisme.* 17). Bruxelles, 1987. P. 7—31.

⁷⁹ SEG. IX. 54, с учетом восстановлений Ж. и Л. Роберов, см. *Robert J. et L. Bull.* épigr. 1960. № 438 // REG. 1960. 73. P. 207—208. См. *Appelbaum.* Op. cit. P. 269 f., особенно 283 и прим. 137. См. также в этой связи *Loewe R.* Salvation is not of the Jews // *Journal of Theological Studies.* N. S. 1981. 32. P. 341—368, в особенности «Appendix: Hadrien and the Honorific Title Σωτήρ». P. 364 f.

⁸⁰ *Hieronym.* Chron. P. 197 (ed. Helm): Hadrianus Alexandriam a Romanis [I.: a Iudaeis] subversam publicis instauravit expensis. Согласно P. Mil. inv. 1966/379 (SB. X. 10501) (см. выше, прим. 13), работа по восстановлению, возможно, началась еще до Адриана по инициативе префекта Рутилия Лупа.

⁸¹ См. выше, прим. 56. О дате: *Sijpesteijn P. J.* Eine Bemerkung zu P. Giss. I. 7 // *ZPE.* 1982. 49. S. 210 (в примечании автор цитирует все документы, относящиеся к этому законодательству).

счетов *Ioudaïkos logos* и «патримония греков, скончавшихся без наследников», взаимосвязаны.

Различие, которое египетская провинциальная администрация проводит между имуществом греков и имуществом иудеев, отражает в терминологии учета государственных земель противоположность между мятежниками, осужденными за восстание, и верными Риму соратниками (*συμμαχῆσαντες*, см. выше, прим. 69). В отношении последних применяется процедура, относящаяся к выморочному имуществу (*vindicatio bonorum*), которая существовала с начала римского господства (см. выше, прим. 16). Что же касается иудеев, то, очевидно, речь идет о приведении в исполнение императорского декрета. Чтобы его опубликовать, Адриану не было необходимости ехать в Египет. Он мог это сделать в Сирии, где находился, когда узнал о смерти Траяна в начале августа 117 г. н. э. Для этого не нужно было вызывать к новому императору всех ответственных лиц. Даже если верно, что подавляющее большинство мятежников погибло во время боев, то это не имело значения — не надо забывать, что процесс по оскорблению величества можно было возбудить и против умерших⁸². Несомненно, текст декрета не дошел до нас непосредственно; только заметка Георгия Синкелла, византийского хрониста (конец VIII — начало IX в.), в которой говорится об «Адриане, подвергшем наказанию иудеев, восставших против Александрии», сохранила об этом дальний отзвук⁸³. Но последствия наказания очевидны. Перед нами одна из «*verschollene Kaiserkonstitutionen*»⁸⁴, т. е. утерянных императорских законов, которые можно восстановить по их ставшим вдруг заметными последствиям.

Следуя данному ходу мысли, можно предложить удовлетворительный ответ на вопрос, который послужил нам исходной точкой. Египетская земельная администрация, учитывая императорский декрет, должна была четко отделить побежденных и осужденных мятежников от погибших воинов. Официальные юридические категории не подходили: если исключить александрийских граждан, которые, впрочем, могли быть только греками, то мятежники и воины принадлежали к той же группе «египтян» (*Aegyptii*), перегринов без права гражданства⁸⁵. Поэтому пришлось прибегнуть к культурным и религиозным понятиям: «иудеям, подвергнутым конфискации имущества» (*Ioudaïoi ἀφρηγμένοι*) во исполнение императорского декрета, осуждающего их за оскорбление величества, были противопоставлены «греки, скончавшиеся без наследников» («*Ἑλλῆνες ἀκληρονόμοι*»), имущество которых также отошло к фиску как выморочное имущество. Противоположность *bona damnatorum* и *bona vacantia* придает термину «эллин» техническое значение в фискальной и наследственной лексике. Эпитоматор «Гномона» в царствование Антонина Пия использует этот термин, говоря о наследственном фидеи-комиссе⁸⁶. Этим объясняется небольшая загадка в § 18 «Гномона».

⁸² См. *Volterra E.* I processi penali contro i defunti in diritto romano // RIDA. 1942. 3 (= *Mélanges F. De Visscher.* 2). P. 485—500. Из более новых работ: *Fanizza L.* Il crimine e la morte del reo // MEFRA. 1984. 96. P. 671—695.

⁸³ *Georg. Sync.* 348 d: Ἀδριανὸς Ἰουδαίους κατὰ Ἀλεξάνδρειαν στασιάζοντας ἐκόλασεν.

⁸⁴ Имею в виду работу *Wenger L.* *Verschollene Kaiserkonstitutionen* // *Histor. Jahrb.* 1940. 60 (R. von Heckel zum 60. Geburtstag). S. 353—390.

⁸⁵ *Modrzejewski.* Entre la cité et le fisc... P. 257 (см. выше, прим. 1). В развитие см.: *Bickerman E.* Beiträge zur antiken Urkundengeschichte. II // *AfP.* 1930. 9. S. 24—46, особенно 40—41. Следует учесть замечание *Montevecchi.* *Aegyptos-Hellen in età romana* ...

⁸⁶ О структуре текста «Гномона» в *BGU. V.1210* и его дате с учетом фрагмента (§ 35—41) в *P. Оху. XLII. 3014*, см. *Modrzejewski.* *La dévolution au fisc...* P. 102—103

Фискальное право принципата является, таким образом, этапом, который от Септуагинты до отцов церкви и соборного законодательства превращает «эллина» в противоположность иудея, а затем христианина. В данном случае имеется далекий птолемеевский antecedent⁸⁷. Что же касается иудеев, то меры, принятые Адрианом, завершили в плане материальном разрушение поредевшей (это слово — эвфемизм) иудейской общины в результате восстания. Действуя в интересах императорского фиска, чиновники Ἰουδαϊκὸς λόγος имели право востребовать имущество осужденных даже при наличии возможных наследников среди тех очень немногих иудеев, оставшихся в живых⁸⁸. Это — бросающееся в глаза отличие от греков, имущество которых могло быть востребовано только при отсутствии наследников (по закону и по завещанию). Это различие объясняет численное соотношение, нашедшее отражение в берлинском папирусе: восемнадцать упоминаний земель, «некогда принадлежавших иудеям», против четырех упоминаний земель, «некогда принадлежавших эллинам»⁸⁹. В таких условиях иудейская община Египта не имела никаких шансов на скорое восстановление⁹⁰. Пропать, которая отделяет уничтожение эллинизированного иудаизма в Египте от возникновения александрийской церкви, становится от этого только глубже.

Таким образом, изучение технических сторон наследственного права и учета государственных земель может способствовать выяснению значения важных исторических событий*.

Ж. Мелез-Моджеевский

COMPTABILITÉ DOMANIALE ET LEGISLATION IMPÉRIALE: HADRIEN ET LES JUIFS D'ÉGYPTE

J. Méléze-Modrzejewski

Qui sont les Ἕλληνας visés par la décision de l'empereur Vespasien dont le *Gnomon* de l'*Idiologue* se fait l'écho dans son § 18? C'est le seul cas où ce mot apparaît dans le texte du *Gnomon*, qui ailleurs ne connaît que des notions juridiquement précises: Ῥωμαῖοι, Λατῖνοι, Ἀλεξανδρεῖς (οὐ ἄστοι), Αἰγύπτιοι. Le cas qui a provoqué la décision de Vespasien

и введение к изданию *Les lois des Romains*. Camerino, 1977. P. 13—15. Ср. грецизированную интерпретацию того же эпитоматора в § 36 (*bona damnatorum*); см. комментарий *Uxkull-Gyllenband*. Op. cit. S. 47.

⁸⁷ P. Petr. I. P. 43 (= W. Chr. 55), пересмотренное издание: С. P. Jud. I. 33 (Psenyris, III в. до н. э.). Об этом тексте, который противопоставляет в фискальном плане иудеев грекам, см. *Méléze-Modrzejewski J.* Le statut des Hellènes dans l'Égypte Lagide // REG. 1983. 96. P. 241—268, особенно 267, прим. 113.

⁸⁸ *Ulpian*, Dig. 48. 4. 11: nam hoc crimine [-maiestatis] nisi a successoribus prugetur, hereditas fisco vindicatur.

⁸⁹ SB. XII. 10892 (см. выше. прим. 54 и 55) (Πρότερον) Ἰουδαίων; сткк. 12; 15, 21; 25; 28; 31; 35; 39; 43; 44; 48; 52; 55; 60; 76; 80; 83; 87; (Πρότερον) Ἕλλήνων; сткк. 8, 16; 31; 39.

⁹⁰ Возрождение, даже частичное, иудеев в Александрии при Адриане после восстания, как это предполагали на основании эдикта префекта, цитируемого в С. P. Jud. II. 158a (= Musurillo. № IX), стб. VI (P. Louvre), сткк. 13—15, представляется в наши дни весьма сомнительным: см. *Pucci M.* С. P. Jud. II. 158. 435 e la rivolta ebraica al tempo di Traiano. S. 95—103 (см. выше, прим. 75); *Schwartz J.* Quelques réflexions à propos des Acta Alexandrinorum // ZPE. 1984. 57. S. 130—132. О политике Адриана по отношению к иудеям и его образе в раввинистической литературе см. *Hengel M.* Hadrians Politik gegenüber Juden und Christen // JANES. 1984—1985. 16/17 = Ancient Studies in Memory of Elias Bickerman. N. Y., 1987. P. 153—182.

* Редколлегия благодарит И. Ф. Фихмана, любезно взявшего на себя труд перевести эту статью.

concernait-il une opération relative à des fidéicommiss héréditaires entre Romains d'Égypte et Hellènes «du nombre de 6475», catoèques arsinoïtes? L'hypothèse n'est pas impossible sur le plan social, s'agissant des élites locales. Mais la règle posée par cette décision semble avoir une portée plus générale. La solution du problème est peut-être à chercher dans les textes qui parlent de terres ayant appartenu à des «Hellènes morts sans avoir laissé d'héritiers»: Ἑλλήνων ἀκληρονομήτων ou πρότερον Ἑλλήνων. Le fait est qu'ici les Hellènes décédés sont opposés aux Juifs dont les terres ont été confisquées à la suite de la révolte de 115—117 de n. é.: Ἰουδαῖοι ἀφηρημένοι (plutôt ἀνηρημένοι); leurs biens sont dévolus au fisc impérial, les uns comme *bona vacantia*, suivant le régime normal, les autres comme *bona damnatorum*, en vertu d'une mesure spéciale: une constitution attribuable à l'empereur Hadrien; cette mesure ne nous est pas connue par ailleurs, mais elle est impliquée par la création d'un compte séparé, Ἰουδαϊκός λόγος. L'administration fiscale, à laquelle revenait la gestion de ces biens, a probablement voulu marquer ainsi une distinction entre deux groupes d'anciens propriétaires, Juifs et Grecs, appartenant les uns et les autres à la même catégorie juridique de pérégrins non citoyens (*Aegyptii*). Curieusement, cette distinction rejoint l'opposition qui, à la suite des Septante, sépare les païens des juifs et des chrétiens chez les Pères de l'Église et dans la législation conciliaire.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1991 г.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ: ЗАГАДКИ И ОТКРЫТИЯ

*(Чехословацкий институт египтологии:
30 лет деятельности в Египте)*

Возникновение древнеегипетской цивилизации во второй половине IV тыс. до н. э. — факт столь же поразительный, как и самое ее существование на протяжении трех с половиной тысячелетий. Выявление как общих, так и специфических черт ее развития является важной и, судя по всему, весьма долгосрочной задачей египтологии — особой дисциплины, связанной с изучением истории Древнего Египта и его культурного наследия. Как известно, начало египтологии как науки было положено дешифровкой Ж.-Ф. Шампольоном египетских иероглифов в 1822 г. Что касается чешской египтологии, то ее истоки лежат во временах не столь от нас отдаленных, притом — что хотелось бы отметить особо — становление ее не было связано с какими-либо колониальными интересами, скорее напротив — явилось следствием прогрессивных традиций нашего общества.

Первым чешским египтологом в середине XIX в. был Ян Кминек-Седло. Он родился в Пльзене (Пильзене), учился в Праге; за участие в политических событиях в Праге в 1848 г. был выслан и жил в Италии. Именно здесь в университете Болоньи и ее музее он начал свои занятия египтологией. Однако истинным основоположником чешской египтологии в начале нашего века стал Франтишек Лекса. Будучи учителем физики и математики в классической гимназии, он настолько увлекся древнеегипетской историей и письменностью, что в конечном счете египтология стала делом всей его жизни. В период, предшествующий первой мировой войне, Лекса продолжал изучение египтологии, посещая лекции известнейших египтологов в университетах Берлина и Страсбурга. Но уже в 1919 г. после образования независимой Чехословакии он начал читать курс лекций на философском факультете Карлова университета. Эти первые чешские лекции по египтологии завоевали вскоре широкое признание образованной части общества. Слушатели приезжали и из-за рубежа, поскольку в период между двумя мировыми войнами Лекса получил мировое признание как специалист в области древнеегипетской религии и демотики — поздней фазы древнеегипетского языка. Двое из его студентов оказали впоследствии значительное влияние на развитие как чешской, так и мировой египтологии — Ярослав Черны в межвоенный период и Эбинек Жаба после второй мировой войны.

Основание в 1958 г. Чехословацкого института египтологии в Праге, а в 1959 г. — его филиала в Каире стало поворотным моментом в развитии нашей египтологической науки: начиная с этого времени чехословацкие ученые получили широкую возможность осуществлять раскопки в самом Египте, а также участвовать в международных программах. Открытие нашего филиала следует рассматривать прежде всего как свидетельство той поддержки, которую наше общество оказывало традициям отечественной науки, а также как несомненное признание ее достижений и со стороны самого Египта.

Следует особо подчеркнуть, что без помощи со стороны египетских властей самое создание Чехословацкого института египтологии в Каире, а также сколько-нибудь успешная его деятельность были бы невозможны. Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что всего лишь около десятка иностранных исследовательских институтов сумели получить разрешение на проведение постоянных работ в Египте, хотя общее число экспедиций, приезжающих на ограниченный срок, разумеется, много больше — в настоящее время их не менее полутора сотен.

Сразу же после основания Каирского филиала нашего института перед ним была поставлена важная научная задача — участие в начавшейся кампании ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии, которые строившаяся высотная плотина в Асуане подвергала угрозе затопления. Впоследствии египетские власти выразили свою признательность Чехословакии за участие в этом международном проекте не только передачей ей части археологических находок (которые ныне хранятся в коллекции Музея Напрстека в Праге), но также разрешением ведения раскопок в Абу-Сире, части Египта, где располагаются наиболее выдающиеся древнеегипетские памятники. Работы Чехословацкой экспедиции в Абу-Сире начались в 60-е годы у огромной гробницы Птахшепсеса, великого визиря времени правления фараонов V династии. В середине 70-х годов, когда работы по расчистке этой гробницы были завершены, основные полевые исследования переместились в так называемое «абусирское Южное поле» — часть некрополя, которая оставалась все еще совершенно нетронутой. Наш институт получил от Египетской Службы древностей обширную концессию на проведение раскопок на весьма выгодных условиях, включающих право на долю в находках. Поразительно богатые археологические находки, сделанные с тех пор на территории «южного поля», привлекают уже в течение длительного времени специалистов из многих стран.

Проведение раскопок в Египте и публикации вновь обнаруженных материалов составляют главное, но не единственное направление деятельности нашего института. Кроме них существует много иных задач — например, работа по сохранению и публикации памятников древнеегипетской культуры, находящихся в музеях и коллекциях Чехословакии. Еще одной ответственной и трудосемкой сферой деятельности является преподавание: силами сотрудников нашего института ведется курс лекций по египтологии на философском факультете Карлова университета. Институт имеет обширнейшую египтологическую библиотеку — единственную в своем роде в Чехословакии и одну из самых больших в мире. Библиотека была основана Ф. Лексой и значительно пополнена Я. Черны, который в течение долгих лет работы в Египте и преподавательской деятельности в Лондонском и Оксфордском университетах собрал огромную личную библиотеку, переданную в наш институт в 1974 г. в соответствии с его завещанием. В настоящее время институтская библиотека вмещает в себя около 6000 книг и журналов и примерно 4000 отдельных оттисков. Из числа этих изданий особо хотелось бы выделять ценнейшие полные серии публикаций древнеегипетских текстов, музейных коллекций, археологических находок и др. Библиотека постоянно обновляется и пополняется за счет интенсивного обмена научной продукцией с другими исследовательскими египтологическими учреждениями, находящимися за пределами нашей страны. Чехословацкий институт египтологии имеет длительную и добрую традицию распространения египтологических знаний среди широкой публики. Результаты наших археологических исследований, а также сообщения о богатейшем культурном наследии древнего Египта часто публикуются средствами массовой информации как у нас в стране, так и за рубежом. Немалые успехи были достигнуты также в области перевода лучших образцов египтологической литературы. Кроме того, нашим институтом совместно с Музеем Напрстека в Праге, а также с Египетской Службой древностей было организовано несколько египтологических выставок.

Международная кампания по спасению памятников Нубии

Для основания Чехословацкого института египтологии трудно было бы найти

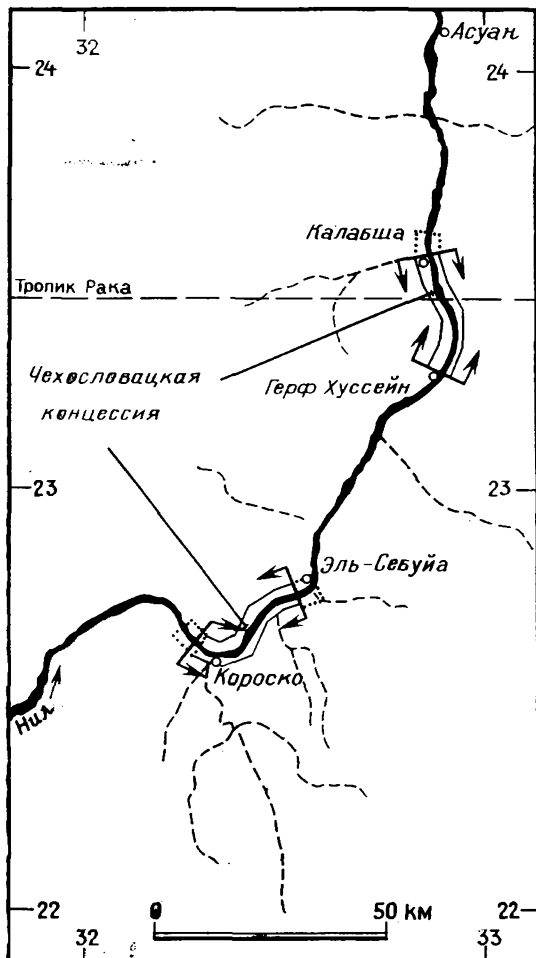

Рис. 1. Чехословацкие археологические концессии в Нубии. Карта

одной из первых стран, включившихся в эту кампанию; осуществление этой задачи было возложено на только что созданный Чехословацкий институт египтологии (в Праге и Каире).

Многие страны, подобно Чехословакии, приняли участие в объявленном ЮНЕСКО мероприятии. Некоторым из них — прежде всего имевшим сложившиеся египтологические традиции — правительством Египта было предоставлено право отправлять в Нубию собственные экспедиции. При распределении конкретных заданий между иностранными экспедициями в Нубии египетские власти приняли во внимание то обстоятельство, что руководителем Чехословацкого института египтологии был профессор З. Жабá — общепризнанный авторитет в области древнеегипетской филологии. По этой причине главной задачей нашей экспедиции стало обследование памятников эпиграфики на территории, занимающей примерно треть нильской долины в Нижней Нубии. Эта территория состояла из двух приблизительно 50-километровых участков долины, которым для удобства присвоили названия соответственно «Северной» и «Южной» чехословацких концессий (рис. 1). Северная концессия располагалась на широте

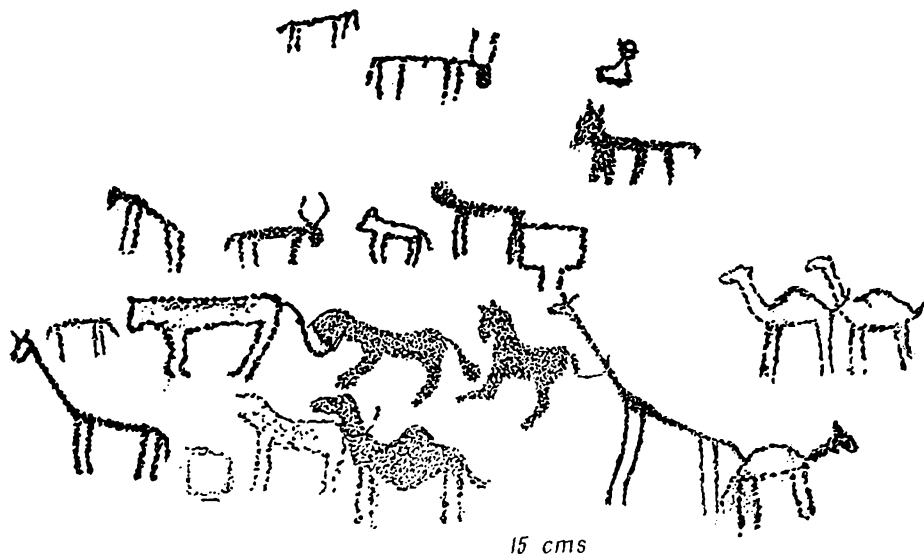
более подходящее время, чем конец 50-х годов, когда египетским правительством в рамках общего плана экономического и социального развития страны было принято решение о строительстве высотной Асуанской плотины. Это грандиозное сооружение влекло за собой создание обширного искусственного водохранилища, которое, вдаваясь далеко на территорию Северного Судана, должно было неминуемо затопить собой всю долину Нила к югу от дамбы — со всеми ее скромными деревушками и грандиозными монументами древности. Начало сооружения плотины было намечено на январь 1959 г., наполнение водохранилища — на сентябрь 1964 г. Переселение жителей из районов предполагаемого затопления в течение указанных сроков представлялось задачей вполне выполнимой, что же касается спасения или же по крайней мере изучения многочисленных исторических памятников, то это, разумеется, собственными силами было выполнить невозможно. По этой причине в апреле 1959 г. правительство Египта обратилось к ЮНЕСКО с просьбой оказать помощь в деле спасения имеющих мировую славу памятников Нубии, «врат Африки». В ответ на этот призыв ЮНЕСКО объявило о проведении международной кампании по спасению находящихся под угрозой затопления памятников мировой культуры. Чехословакия была

тропика Рака на обоих берегах реки. Северные ее границы совпадали с южными окраинами Нага эль-Бирба — важного в археологическом отношении поселения в районе Калабши. На юге она ограничивалась северной частью храма Рамсеса II в Герф Хуссейне. Южная концессия располагалась примерно 70-ю километрами южнее, там, где Нил делает изгиб и течет в южном направлении, между селением Нага эд-Дом эд-Дакар на севере и селениями эль-Куруд на левом берегу и Нага Абу Шанак на правом берегу — на юге. На этой обширной и заброшенной территории Чехословацкая экспедиция должна была выявить и скопировать памятники эпиграфики — наскальные надписи и рисунки, оставленные здесь древними обитателями Нубии. Задача осложнялась тем обстоятельством, что исследование необходимо было выполнить в период самого низкого стояния воды в реке, когда ее скалистые берега наиболее обнажены, т. е. в течение пика летнего сезона. Хотелось бы тут пояснить, что Нубия — одно из самых жарких и сухих мест на Земле. Летом температура воздуха достигала, по нашим измерениям, 60° С в тени, а внутри экспедиционного вездехода — до 73° С! Кроме трудностей географического и климатического характера работу нашей экспедиции осложняли также и то обстоятельство, что именно в начале 60-х годов начался процесс «депопуляции» Нубии, т. е. переселения ее обитателей в районы к северу от Асуана, прежде всего — на новую родину в округе Ком Омбо. В этом почти совершенно безлюдном ландшафте лишь изредка могли мы встретить группу нильских рыбаков и купить у них немного свежей рыбы, чтобы хоть немного разнообразить наш экспедиционный рацион, состоящий в основном из консервов.

Чехословацкие египтологи привезли с собой в Нубию в разобранном виде катамаран, который собрали в асуанском порту Шелал и спустили на воду, дав ему имя «Садик эн-Нуба» — «Друг Нубии». На нескольких квадратных метрах катамарана члены экспедиции умудрялись находить место для жилья, сна, хранения карт и документов и даже втиснули туда мини-фотолабораторию.

Результаты эпиграфических исследований экспедиции весьма впечатляющи. Удалось обнаружить и зафиксировать (в рисунках, фотографиях и даже оттисках) 243 наскальные надписи¹, датируемые от протодинастического периода вплоть до римского (мероитского) времени, т. е. обнимающих собой три с половиной тысячелетия. Надписи эти в большинстве своем египетские, часто выполнены так называемой полуератикой — упрощенным курсивным вариантом иероглифического письма; были открыты также другие надписи — мероитские, карийские, арамейские, греческие, латинские. Арабские надписи (за исключением самых интересных) не копировались. Наибольший интерес представляет группа наскальных рельефов и надписей, найденных Южной концессией у Короско, в деревне у входа в обширное вادي, пересекающее Восточную пустыню в южном направлении и используемое издревле как кратчайший путь к излучине Нила. Надписи, среди которых есть большой текст визиря Антефокера, относящийся к 9-му году совместного правления фараонов XII династии Аменемхета I и его сына Сенусерта I, сообщают о завоевательных походах египтян в Нубию. В результате этих войн Нубия была покорена первыми правителями XII династии и стала египетской колонией; южные границы Египта были отодвинуты от Первого порога ко Второму, т. е. примерно на 300 км. Позднее, во времена Нового царства, в результате дальнейших завоеваний граница была передвинута еще дальше на юг. Вверх и вниз по долине Нила происходило перемещение не только солдат и богатой добычи (включавшей поработанных военнопленных), но и торговцев, чиновников, жрецов, паломников; их автографы — порой состоящие только из имен — также сохранились на скалах Нубии. Сколь ни коротки и просты на первый взгляд эти надписи, в совокупности своей они являются чрезвычайно ценным историческим источником.

¹ *Zába Z.* The Rock Inscriptions of Lower Nubia (Czechoslovak concession). Prague: Charles University, 1974.

15 см

Рис. 2. Серия наскальных рисунков из района Нага Халос в Нижней Нубии (Чехословацкая концессия) (№ 32L39)

Большую историческую ценность представляют также наскальные изображения, запечатлевшие жизнь древнейших обитателей Нубии (рис. 2). Две чехословацкие экспедиции сумели обнаружить и скопировать около пяти тысяч таких рисунков². Большая их часть вырезана на камне в различной технике. Рисунки изображают не только охотников, рыбаков, пастухов и земледельцев, но также животных (слонов, жирафов, носорогов, гиппопотамов, львов, страусов, газелей, редкостных окапи), сцены охоты. Множество изображений домашних животных — крупного рогатого скота, верблюдов, ослов, лошадей, а также других объектов — ладей, племенных знаков и символов³. Среди этих изображений мы повсюду находим фигурки наездников, мужчин и женщин, отдельные персонажи и группы людей, иногда — эротические сцены. Некоторые наскальные рисунки являют собой образцы высокого искусства, не менее велика и их историческая ценность, поскольку зачастую именно они выступают единственными свидетельствами некоторых периодов в истории Нубии.

Кроме разыскания памятников эпиграфики двумя чехословацкими концессиями в Нубии были проведены работы по сбору подъемного материала, которые также принесли интересные результаты, хотя, может быть, и не столь блестящие, как упомянутые выше. Археологическое обследование осуществлялось на большой территории, включавшей не только прибрежные скалы, но и прилегающие районы пустыни. Мы обнаружили и зафиксировали разнообразные находки — от фрагментов керамики и остатков каменной сторожевой башни римского времени до скальной гробницы, датируемой эпохой Нового Царства. В рамках этой программы мы осуществили также переход на верблюдах в глубь Восточной пустыни, в Сахригат, где, по свидетельствам кочевников одного из местных арабских племен, находились руины какого-то строения, а также надписи. Действительно, там нами были обнаружены вырубленные в скалах резервуары для воды римского времени.

² Váhala B. The Catalogue of Rock Drawings from Nubia (Czechoslovak Concession) (in preparation).

³ Verner M. Some Nubian Petroglyphs on Czechoslovak Concessions // Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Monographie XLV. 1973. Praha: Universita Karlova, 1975.

Наши археологические изыскания были продолжены в районе долины Вади Китна, к западу от селения Нага вади Сийала эль-Куибли, где было обнаружено неизвестное ранее обширное кладбище с каменными насыпями, относящееся к поздне-римскому или ранневизантийскому времени⁴. Эта работа дала нам редкую возможность более полно ознакомиться с социальной, экономической и экологической ситуацией в Нубии в период между второй половиной III и концом V в. н. э., т. е. в несложную эпоху заката римской и мероитской культур, начала распространения христианства и крупномасштабных этнических передвижений и политических конфликтов.

Северная концессия Чехословацкой экспедиции столкнулась с чрезвычайно трудной и довольно необычной задачей в Тафе, важном археологическом объекте, известном своими памятниками римского времени — двумя храмами и скальной часовней. Египетские власти поставили перед экспедицией, казалось бы, весьма простую задачу: локализовать и обследовать так называемый Южный храм. Трудность, однако, заключалась в том, что какие-либо наземные следы этого храма, разрушенного еще в период между 1860 и 1880 гг., отсутствовали. Можно было предполагать, что его остатки погребены под слоем ила, покрывшего район Тафы после сооружения первой дамбы в Асуане в начале нашего века. Таким образом, нам предстояло отыскать — в лучшем случае! — лишь следы строения под пятиметровым слоем грязи на территории в полгектара — задача, вполне сравнимая с вошедшими в поговорку поисками иголки в стоге сена. Решение проблемы пришло в конце концов в находкой в библиотеке дагерротипов храма, сделанных в 1848—1851 гг. французскими путешественниками Ф. Тейнаром и М. дю Кампом. Ориентируясь на запечатленные на заднем плане снимка зубчатые скалы, мы сумели найти точку, с которой производилась съемка, и, соответственно, наметили предполагаемое местонахождение храма. Впоследствии пробные раскопки подтвердили правильность наших расчетов, а также то обстоятельство, что храм был разрушен и разобран, так что уцелели только остатки стен.

Наряду с археологическими работами в Тафе Чехословацкая экспедиция производила также геодезическую съемку в Кертасси — располагающемся неподалеку к северу от Тафы поселении. Там наши усилия были сконцентрированы на исследовании строения римского времени, которое, вероятно, служило лагерем для рабов, занятых в близлежащих каменоломнях. Мы также предприняли небольшие раскопки в самих каменоломнях в Восточной пустыне — в Клавдианских и Порфириновых горах — для получения дополнительных сведений относительно организации работ в этих карьерах в римское время.

В рамках деятельности Чехословацкой экспедиции в Нубии в первой половине 60-х годов был осуществлен еще один цикл исследований памятников эпиграфии. Несмотря на свои более скромные размеры, он тем не менее внес важный вклад в египтологию.

Ежегодно на несколько месяцев экспедиция прилетала из Праги в Каир и оттуда на двух автомашинах продвигалась к Асуану, где погружалась на борт катамарана. Машины следовали по идущей вдоль Красного моря малоиспользуемой дороге до ее конечной южной точки — Марса 'Алам, а отсюда поворачивали обратно, на запад, и через Восточную пустыню вновь спускались к нильской долине. Этот путь, идущий через пустынные, дикие ущелья Вади Мийа, был самым опасным в путешествиях по Нубии. Египтологическая литература упоминает наличие в этой долине старых золотоносных копей в вади Барамийа, а также скального храма Сети I в Канайсе. Тщательное исследование идущей вдоль скал дороги позволило обнаружить более трех десятков граффити, относящихся к различным периодам — от I династии до птолемеевского времени, но в большинстве своем принадлежащих Новому царству.

⁴ *Strouhal E. Wadi Qitna and Kalabsha-South. Late Roman — Early Byzantine Tumuli Cemeteries in Egyptian Nubia. V. I. Archaeology. Prague: Charles University, 1984.*

Открытие этих надписей выявило не только значение данного пути, но и вообще этой части Восточной пустыни для древних египтян.

Обзор научной деятельности Чехословацкой экспедиции был бы неполон без упоминания антропологической программы, осуществляемой Чехословацким институтом египтологии при участии Университета им. Я. Коменского (Братислава). Целью программы являлось проведение антропологического изучения отдельных групп нынешнего населения Нубии в связи с их переселением в район к северу от Асуана.

Экспедиции нашего Института египтологии, участвовавшие в международной кампании по спасению памятников Нубии, привезли, кроме всего прочего, обширную научную документацию, связанную с памятниками, которые Чехословакия обязалась обследовать и подвергнуть научному анализу. Полевая работа была закончена, как уже упоминалось, в первой половине 60-х годов, однако осуществление полного научного описания, анализа и публикации всех обследованных монументов потребовало гораздо большего времени. Подавляющее количество эпиграфического и археологического материала (за небольшим исключением) в настоящее время либо уже опубликовано, либо подготовлено к печати. Наиболее важные материалы — такие, как наскальные надписи, рисунки и археологические находки из Вади Китна, — опубликованы в виде обширных монографий, другие введены в научный обиход в виде кратких публикаций, статей и научных докладов. Все упомянутые выше публикации были переведены на другие языки, что сделало их более доступными для международной научной общественности. Экспедиции в Нубию не только внесли вклад в развитие чехословацкой науки и культуры: наша страна также получила в дар от египетского правительства — как выражение благодарности за оказанную помощь — часть найденных нами на территории Нубии памятников. Они включают в себя не только находки из раскопок в Вади Китна, но также фрагменты каменных и глиняных саркофагов из Нага эль-Фарик, Нага эль-Батих и других мест. Памятники были переданы частично в Музей Напрстека, частично — в Национальный музей в Праге, где из них сформирована особая экспозиция. И, наконец, должен быть еще раз упомянут один из главных результатов нашей работы в Нубии: высоко оценен бескорыстный и эффективный вклад чехословацких участников кампании ЮНЕСКО, правительство Египта удовлетворило просьбу Чехословакии о передаче ей долгосрочной концессии на ведение раскопок в царском припирамидном некрополе V династии в Абу-Сире. Территория царских припирамидных некрополей в районе Мемфиса, древнейшей столицы Египта (Абу-Сир — один из таких «городов мертвых»), считается одной из наиболее ценных с археологической точки зрения; вследствие этого она практически целиком зарезервирована за египетскими археологами. Исключения из этого строго соблюдаемого правила крайне редки: чехословацкая концессия — одно из таких исключений.

МАСТАВА ПТАХШЕПСЕСА В АБУ-СИРЕ

На грандиозные развалины на границе Абу-Сира обратили внимание уже участники экспедиции Лепсисуса (1842—1843 гг.). Полагая, что это остатки пирамиды, они внесли объект в составляемый ими список древностей под номером XIX (т. е. 19-я пирамида, считая от самого северного припирамидного некрополя, Абу-Роаша). Раскопки объекта были начаты лишь полустолетие спустя, летом 1853 г., французским археологом Ж. де Морганом. Проведенные им исследования не были систематическими; они ограничились лишь разведочными работами на части территории. Раскопки сразу же показали, что исследуемое сооружение не являлось обычной пирамидой, однако истинного характера объекта выявить все же не смогли. Фактически де Морган расчистил только два помещения (и отдельные части еще нескольких) большой гробницы типа «мастаба» (арабск. «скамья»). В одном из раскопанных помещений были обнаружены две шестистебельчатые лотосообразные колонны, в другом — три ниши.

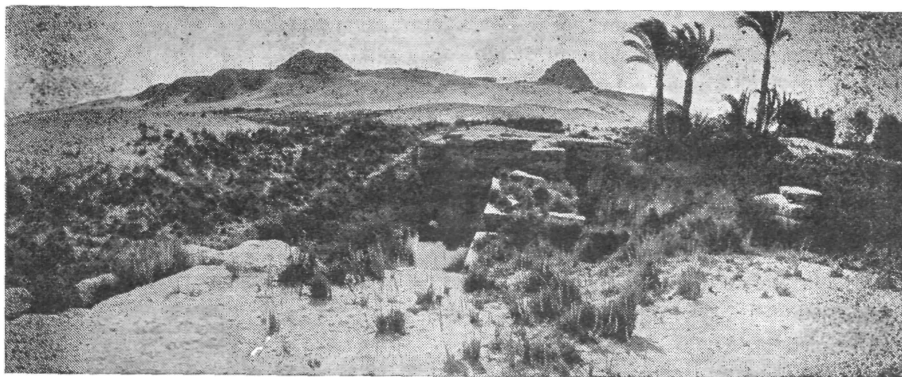

Рис. 3. Абу-Сир. Общий вид

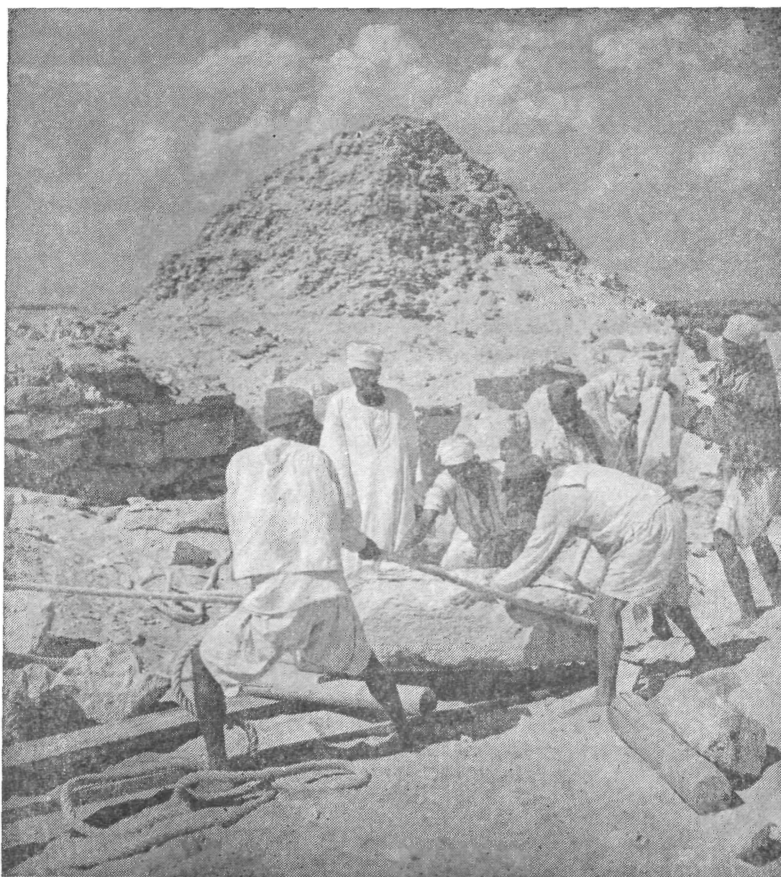

Рис. 4. Абу-Сир. Раскопки мастабы Птахшесеса

Был частично также расчищен портик, ведущий в ограниченный колоннами внутренний двор, который де Морганом по ошибке был принят за часть прохода между гробницами. Содержание надписей на стенах расчищенных помещений (кстати, как впоследствии оказалось единственных надписей среди довольно многочисленных рельефов и росписей) привело его к заключению, что раскапываемая гробница принадлежала вельможе Птахшепсесу, жившему в правление V династии, современнику фараонов Сахура, Нефериркара, Ранеферефа и Ниусерра — строителей абусирских пирамид.

Де Морган, однако, ошибся как в определении размеров раскопанного им объекта, так и в его характере. Ошибка не была выявлена и при последующих работах других египтологов, которые, впрочем, носили характер скорее «наездов», чем планомерных раскопок. Вскоре после де Моргана архитектура мастабы стала предметом изучения Л. Борхарда, главы экспедиции «Deutsche Orientgesellschaft», работавшей в Абу-Сире в 1902—1904 гг. Еще один немецкий востоковед — Н. Шафер — скопировал надписи, сопровождающие изображения в гробнице Птахшепсеса. В начале 1904 г. в ходе длительной стажировки в Египте гробницу посетил чешский египтолог Я. Черны, который еще раз выполнил копирование всех доступных надписей. Анализ этих данных привел его к выводу, что памятник должен быть гробницей очень важного исторического лица и что объект лишь частично раскопан де Морганом. Когда во вновь организованном Чехословацком институте египтологии происходила выработка долгосрочной программы работ в Египте (помимо участия в кампании ЮНЕСКО), именно мнение Я. Черны, оказавшее влияние на Ф. Лексу и З. Жабу, в конечном счете определило место и объект будущих работ — мастабу Птахшепсеса. Кроме чисто научных интересов в выборе объекта учитывались соображения экономического и организационного характера, а также то обстоятельство, что место раскопок располагалось вблизи Каира, что, таким образом, делало возможным ежедневный контакт ведущих раскопки археологов с Институтом. Кроме того, немалую роль в этом сыграл также чрезвычайно высокий престиж абусирского пирамидного поля у археологов-египтологов.

Чехословацкая экспедиция начала свои исследования мастабы Птахшепсеса в мае 1960 г. (рис. 3, 4). Характер разрешенных ей тогда работ в Египте классифицировался как «расчистка» (cleaning). В отличие от более низкой ступени археологических работ — «обследования» (survey) — «расчистка» предполагала проведение раскопок и составление научной документации. От более высокой категории работ — «раскопок» (excavation) она отличалась тем, что не включала в себя возможность получения части находок. Допуск к «расчистке» выдавался египетскими властями тем иностранным экспедициям, которые получили разрешение на проведение работ в Египте, но не обладали пока практическими навыками ведения полевых исследований в специфических условиях этой страны. По прошествии времени и с учетом полученных результатов характер данной лицензии мог быть изменен.

Главная цель наших работ в мастабе Птахшепсеса состояла в выявлении особенностей развития египетского общества в середине III тыс. до н. э. Древнеегипетское государство той поры, т. е. периода Старого царства, достигло своего наивысшего расцвета. Это была эпоха строителей пирамид, эпоха процветания сельского хозяйства, ремесел, торговли, древнеегипетской литературы. В то же самое время Египет переживал глубокие социальные изменения, стоял на пороге экономических и политических потрясений. Сооружение гигантских гробниц правителями IV династии с неизбежностью влекло за собой глубокий экономический кризис, обусловленный отвлечением огромных материальных ресурсов и бесчисленной рабочей силы в непродуцибельную сферу, каковой являлось обустройство заупокойного культа. Попытки устранить растущие противоречия путем реорганизации административного управления успехов не имели. В то же самое время источники фиксируют важные сдвиги в области идей — начиная от появления изоциренных теологических спекуляций относительно приоритета тех или иных религиозных концепций вплоть до распространения пред-

ставлений, связанных с заупокойным культом, который, будучи генетически связан исключительно с царской особой, становился теперь достоянием и более широких социальных слоев. Централизованная власть в государстве начала ослабевать, в то время как власть жречества, чиновничества и особенно провинциальной знати усиливалась. Все эти сложные процессы получили свое полное выражение в правлении V династии, а в правление следующей, VI, достигли своего апогея и привели к экономическому упадку, социальным конфликтам и, в конечном счете, к падению Старого царства. К сожалению, осветить полностью эту важнейшую фазу истории человечества — крушение древнейшего в мире государственного образования — на базе уже имеющихся источников пока не представлялось возможным. Необходим был систематический поиск новых данных, которые могли быть получены лишь с помощью археологических раскопок в районах, связанных с историей Старого царства. Учитывая технические трудности проведения раскопок в долине Нила — наиболее плотно заселенной части страны — археологические работы должны быть сконцентрированы на больших некрополях эпохи Старого царства, расположенных на границе с пустыней, в основном на западном берегу реки — от Дельты на севере до I порога на юге. Среди этих некрополей по своей значимости выделяется комплекс царских захоронений в районе староцарской столицы Египта — Мемфиса — Абу-Роаше, Гизе, Заивет эль-Эрйане, Абу-Сире, Саккаре, Дахшуре, а также в Медуме. В Абу-Сире расположен единственный некрополь правителей V династии.

Раскопки гробницы Птахшепеса были начаты в 1960 г. Из-за участия в напряженной кампании ЮНЕСКО в Нубии вплоть до 1974 г. они велись в течение семи коротких полевых сезонов⁵. Эти многолетние исследования, выполненные силами немногочисленной Чехословацкой экспедиции, вынужденной к тому же зачастую работать в труднейших условиях, принесли богатый урожай. Исследования показали, что вопреки заключению де Моргана мастаба Птахшепеса представляет собой обширный и сложный архитектурный комплекс. Гробница имела прямоугольную форму ($\approx 40 \times 50 \text{ м}^2$); ее продольная ось ориентирована в направлении север — юг. Сложное из известняковых блоков строение состоит из двух частей — надземной и подземной. Надземная часть имеет весьма сложную структуру, включая более четырех десятков помещений — часовен, кладовок, переходов, лестничных маршей, а также большой открытый внутренний двор и уникальную по форме — ладьеобразную — комнату (до сих пор в Египте не было найдено ничего подобного). Подземная часть — субструктура мастабы — состоит из погребальной камеры с маленькой нишей для каноп, в которую можно попасть по наклонному коридору. Некоторые части мастабы (или — некоторые элементы ее архитектуры) разительно отличаются от обычных для частных гробниц этого времени стандартов. Первым сюрпризом для нас стало обнаружение того факта, что мастаба не была построена по единому плану, но сооружалась в течение трех больших строительных периодов (не считая нескольких мелких субпериодов). В каждый из этих периодов монументальность строения, равно как и уровень художественного исполнения, возрастали. Это «развитие» гробницы находилось в прямой зависимости от социального статуса ее владельца, иначе говоря — от головокружительной карьеры, которую Птахшепес сделал в беспокойную эпоху древнеегипетской истории — правление V династии. Другим сюрпризом стала расчистка входа в мастабу, где размещался портик с двумя шестиметровыми колоннами из известняка, которые поддерживали массивные архитравы и потолочные перекрытия. Общая высота портика достигала 8 метров. Совершенно великолепно была форма колонн: это наиболее ранний из ныне найденных образцов восьмистебельчатых колонн, воспроизводящих форму нераскрывшегося бутона лотоса. Еще одной неожиданностью

⁵ Preliminary Report on Czechoslovak Excavations in the Mastaba of Ptahshepes at Abusir / Ed. M. Verner. Prague: Charles University, 1976.

для нас явилась погребальная камера, \wedge -образный потолок которой выполнен из массивных плит, аналогичных находимым в царских гробницах этого времени. Исследование мастабы Птахшепсеса привело нас к заключению, что она являет собой самый большой и самый сложный по архитектонике погребальный комплекс среди всех известных ныне не-царских захоронений Старого царства. Фактически это уже некий «гибридный», переходный тип сооружения — нечто среднее между частной гробницей и царским заупокойным храмом.

Все стены наземной части гробницы (за исключением кладовых и, возможно, незаконченного «ладьеобразного» помещения) были изначально богато украшены рельефными изображениями и надписями. В помещениях, не предназначенных для посещений, они были выполнены в технике низкого рельефа с применением богатой раскраски; в открытых для обзора комнатах изображения были врезанными («негативными»), эффектность которых увеличивалась за счет игры света и тени. Приходится с сожалением констатировать, что лишь малая часть (примерно одна шестая) изображений сохранилась, но и то немногое, что уцелело, заставляет отнести рельефы (как по их сюжетам, так и по уровню исполнения) к высочайшим образцам этого вида искусства, дошедшим до нас от Старого царства⁶. Выбор сюжетов был тесно связан с погребальными обрядами древних египтян и их представлениями о загробном существовании. Изображение в том или ином помещении зависело от его функциональной предназначенности в пределах данного погребального комплекса и заупокойного культа в целом. На стенах помещений, примыкавших ко входу, располагались, по всей видимости, надписи биографического характера, которые, несмотря на сохранность лишь нескольких их фрагментов, представляют собой огромную историческую ценность. В двух следующих за входной частью помещениях мы можем видеть изображения нильских ладей, которые доставляют продукты из хозяйства Птахшепсеса, выделенного на обеспечение нужд его заупокойного культа; резчиков, разделяющих предназначенный для жертвоприношений скот; скульпторов, литейщиков, столяров, работающих в мастерских; садовников, ухаживающих за садами и огородами и подносящих владельцу гробницы корзины, полные фруктов и овощей; работников, занятых уходом за птицей — журавлями, гусями, индюками, голубями и др. В соответствии с представлениями древних египтян все эти продукты, заготовленные которых запечатлено на стенах гробницы, становятся реальными после того, как жрец зачитает из соответствующих папирусных свитков магические формулы. Таким образом, эти «изображения, заключенные в камень» и сопровождаемые надписями, дают усопшему возможность возвратиться из иного мира в гробницу, использовать приношения и продлить свое существование на вечные времена.

Под лучами солнечного бога Ра жертвоприношения доставлялись на внутренний двор, обрамленный колоннами. Последние несли на себе изображение Птахшепсеса, выполненное в полный рост в технике «негативного» рельефа, и как бы указывали приходящему путь от большого каменного алтаря в южной части двора к месту погребения — камере в северо-западной части гробницы. Погребальная камера, пол которой был на три метра ниже уровня пола наземной части гробницы, содержала два прямоугольных саркофага из красного асуанского гранита. Один из них предназначался для самого Птахшепсеса, другой — для его супруги, царевны Хамерернебти, дочери фараона Ниусерра (рис. 5).

Систематическое разрушение гробницы Птахшепсеса началось уже в древности, сразу же после эпохи Нового царства. Подобно многим другим усыпальницам в округе — как частным, так и царским, она стала служить своеобразным «карьером», где «добывали» известняк, гранит, базальт, алабастр и другие материалы для сооружения новых гробниц или иных строений в нильской долине. Разрушения при этом косну-

⁶ Verner M. The Mastaba of Pthahshepses. V.I/1. Reliefs. Prague: Charles University, 1977.

Рис. 5. Визирь Птахшепес и его супруга царица Хамерернепти

лись главным образом облицовки стен, на которую был употреблен прекрасный белый известняк, добываемый в каменоломнях Туры на восточном берегу Нила. Что касается самих стен, на сооружение которых пошел желтоватый известняк из близлежащих к гробнице разработок на западном берегу, то они интереса местных жителей не вызвали. Гробница Птахшепеса еще раз подтвердила справедливость житейской сентенции «никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь»: на стенах, лишенных покрывавшей их облицовки, после очистки от многометрового слоя песка и осколков

камней были обнаружены так называемые mason's graffiti⁷, оставленные здесь строителями гробницы. Они были нанесены кистью красной, черной или желтой краской и выполнены беглым курсивом. Эти надписи, общее число которых превышает четыре сотни, являют собой наибольшую по численности совокупность подобного рода памятных писемности, дошедших до нас от времен Старого царства. Научная ценность их огромна. Они включают в себя не только конкретные данные о ходе работ по сооружению мастабы, но также освещают тот административный и организационный фон, на котором они протекали. Таким образом, эти надписи представляют собой новый, пока малоизвестный, но очень ценный исторический источник, который может снабдить нас сведениями об организации работ, технических навыках и мастерстве строителей пирамид.

Кроме сведений по архитектуре, рельефам и граффити, раскопки мастабы Птахшепеса принесли огромное количество (около 10 тыс. единиц) археологических артефактов. В ходе работы мы смогли обнаружить не только такие находки, как фрагменты рельефов, скульптуры, керамики, предметы культа, орудия труда, но также и вторичные захоронения, произведенные в последующие исторические периоды, и др. Все эти находки помогли нам воссоздать «портрет» (благодаря эпиграфическим данным — очень живой и подробный) владельца гробницы, узнать о стремительном взлете его карьеры — от должности царского парикмахера и холителя ногтей до высших должностей в древнеегипетской администрации и в конечном счете — царского собственного сына. Они также дают нам некоторые косвенные свидетельства, относительно противоречий, существовавших внутри правящей династии, а также об углублении экономического кризиса в стране. Раскопки мастабы Птахшепеса принесли ценные исторические результаты и оправдали возлагаемые на них с самого начала надежды. Они предоставили возможность для более глубокого проникновения в эпоху, отстоящую от нас на четыре с половиной тысячелетия, погружения в сложные и все еще мало разрабатываемые социальные и экономические проблемы самого раннего государственного образования в Египте — Старого царства.

АБУ-СИР. ЮЖНОЕ ПОЛЕ

К середине 70-х годов раскопки мастабы Птахшепеса были завершены и наступил период некоторой неопределенности в отношении дальнейших планов Чехословацкого института египтологии. После кончины профессора З. Жабы и вскоре после него — его преемника доктора Ф. Вагала в деятельности института можно было наблюдать известный спад. В этой довольно сложной ситуации в конечном счете возобладали концепция продолжения работ в Египте, базирующихся на раскопках в Абу-Сире. Анализ сведений, полученных в результате раскопок мастабы Птахшепеса, а также переосмысление некоторых старых находок, сделанных в Абу-Сире Немецкой археологической экспедицией в начале века, их сопоставление с иными современными им эпиграфическими и археологическими данными (особенно с папирусами из заупокойного храма Нефериркара) привели нас к уверенности, что важные свидетельства об истории Египта в середине III тыс. до н. э. — вершине расцвета и начале крушения Старого царства — могут быть обнаружены именно на крайней южной, все еще нетронутой археологами, части абусирского некрополя. В 1976 г. египетские власти щедро предоставили институту обширную концессию на археологическую разработку района, лежащего к югу от пирамидного комплекса Нефериркара. Этой концессии было дано предварительное название «Абу-Сир — Южное поле» (рис. 6). Учет продолжительности действия концессии, а также осознание предстоящих трудностей — как чисто научного плана, так и материальных, связанных с финансовыми и физическими возможностями Института, заставили нас с самого начала выработать точную

⁷ *Idem.* Baugraffiti der Ptahschepes-Mastaba (in preparation).

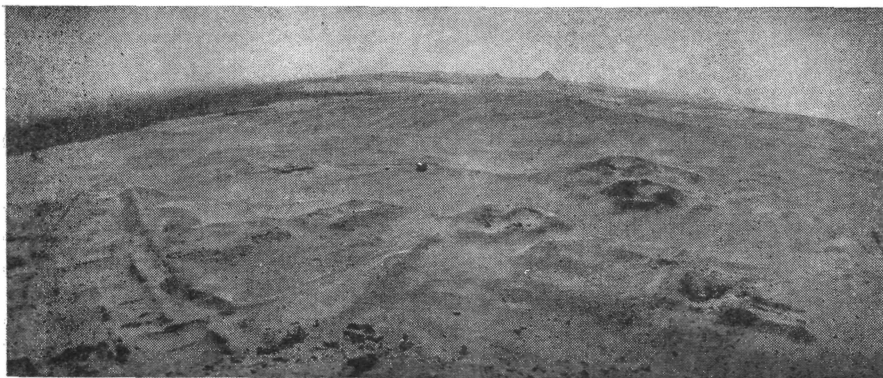

Рис. 6. Абу-Сир. «Южное поле» в начале раскопок 1976 г.

стратегию будущих исследований, изыскивать новые и эффективные их методы, оптимальные формы технического оснащения и организации. Разумеется, все это было сопряжено с немалым для нас риском.

Работы концессии «Абу-Сир — Южное поле», начатые в октябре 1976 г., проводились по четырем взаимосвязанным направлениям: археологическая разведка местности; раскопки (закладка пробных траншей и поисковые раскопки); описание (включающее данные лабораторных анализов) и публикация находок; реставрация и экспонирование наиболее важных из обнаруженных археологических артефактов.

Планируемый объем работ превышал, конечно, возможности нашего института и мог быть выполнен только совместными усилиями специалистов из нескольких исследовательских центров Чехословакии. Следует также отметить, что исследования, осуществлявшиеся под надзором соответствующих египетских должностных лиц, должны были проводиться в строгом соответствии с правилами, регламентирующими археологическую деятельность в стране, — прежде всего «законом о древностях». Первая стадия обследования отведенной для работы местности в сочетании с геофизической разведкой⁸ дала нам общие, но весьма важные данные относительно локализации и характера находящихся в ее пределах памятников. Благодаря этим работам удалось также еще до начала самих раскопок разделить всю территорию в археологическом отношении на три сектора: Восточный, Центральный и Западный (рис. 7).

Восточный сектор Южного поля охватывал собой обширную равнину, имеющую уклон к северо-востоку, от заупокойного храма Ниусерра к долине Нила, к садам и полям деревни Абу-Сир. Южной границей этого сектора была неглубокая долина, простиравшаяся в северо-восточном направлении. У восточной границы сектора на ровной поверхности был весьма приметен небольшой, одиноко стоящий холм. В свое время он привлек внимание участников экспедиции Лепсиуса, которые приняли его за остатки пирамиды (№ 28); позже, в начале нашего века, холм стал объектом разведочных раскопок экспедиции Л. Борхардта. Выводы последней трудно признать убедительными, но так или иначе Борхардт поддерживает гипотезу об искусственном происхождении холма, видя в нем руины пирамиды, относимой им ко времени Среднего царства. Геофизические обследования (с использованием магнетометрических и геоэлектрических методов) Восточного сектора скорее посеяли сомнения в справедливости этого предположения, чем подтвердили его. Полученные данные позволяют предположить, что сам холм имеет, возможно, естественное происхождение, а на его склонах имеются остатки строений из сырцовых кирпичей. Однако окончательное решение

⁸ Hašek V., Verner M. Die Anwendung geophysikalischer Methoden bei der archäologische Forschung in Abusir // ZÄS. 1981. 108. S. 68—84.

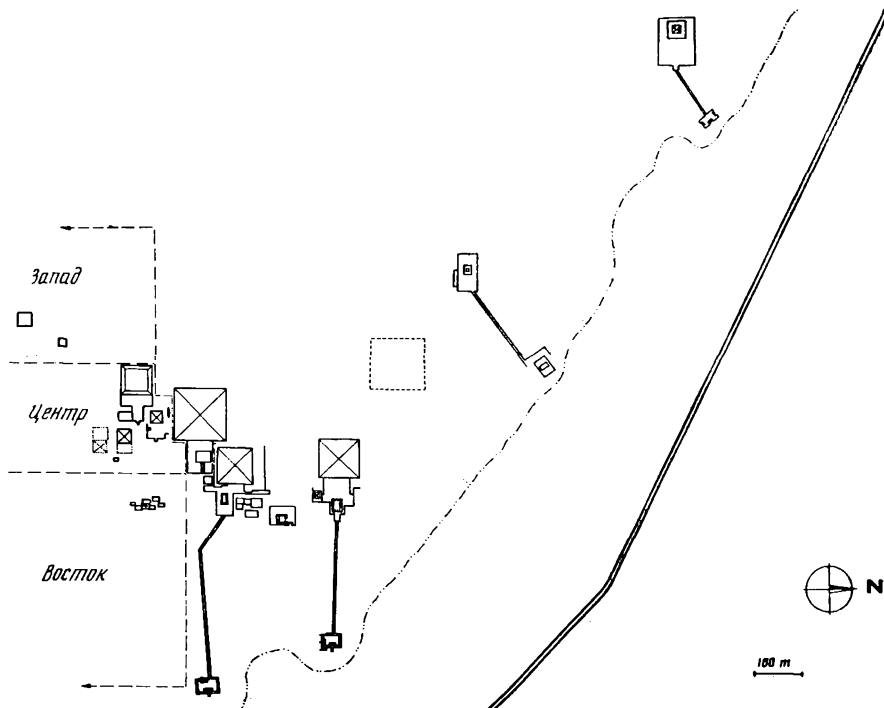

Рис. 7. Абу-Сир. «Южное поле». План

проблемы могут дать лишь последующие археологические раскопки. Геофизическое исследование кроме всего показало, что на территории Восточного сектора имеется обширное скопление небольших прямоугольных по форме строений из сырца или известняка. Принимая во внимание данные, полученные при археологическом обследовании поверхности, можно было предположить, что это обширный некрополь, вмещающий десятки гробниц типа «мастаба». Последующие раскопки полностью подтвердили эту гипотезу.

Археологические работы проводились на западных границах Восточного сектора⁹, в местности, где, судя по всему, должна была располагаться центральная часть некрополя с наиболее древними и, видимо, важными захоронениями. Уже раскопки первой из обнаруженных гробниц привели нас к нескольким сюрпризам. Прежде всего выяснилось, что это была *мастаба царицы Хекеретнебти*, дочери Джедкара Исеси, одного из последних правителей V династии, который сам был захоронен не в Абу-Сире, но в близлежащем некрополе в Саккаре. Находка этой гробницы позволила прояснить датировку некрополя в Восточном секторе, но вместе с тем породила новый вопрос: почему фараон Джедкара, избрав для своего захоронения некрополь в Саккаре, основал усыпальницы для членов своей семьи, которым надлежало быть погребенными в непосредственной от него близости, в Абу-Сире? *Мастаба Хекеретнебти* дошла до нас в необычно хорошем состоянии. Ее наземная часть в значительной степени сохранила свою изначальную высоту, притом в нескольких местах потолочные перекрытия были найдены *in situ*. Эта часть *мастабы* была построена в два приема: к первоначально сооруженным помещениям была вскоре сделана с северной стороны пристрой-

⁹ Verner M. Excavations at Abusir. Season 1976. Preliminary Report // ZAS. 1978. 105. S. 155—159. Предварительные отчеты о результатах предшествующих полевых сезонов см.: ZAS. 1980. 107. S. 158—169; ZAS. 1988. 115. S. 163—171.

ка. В этой части гробницы находилось захоронение женщины по имени Тисетхор — возможно, дочери Хекеретнебти. Наземная часть гробницы включает в себя вестибюль, часовню, где совершались жертвоприношения для царевны, и сердаб (арабск. слово, имеющее значение «камера»; в древнеегипетской гробнице — лишенное окон помещение, где устанавливалась статуя ее владельца). В пристроенной северной части располагалась часовня Тисетхор. На стенах помещений, связанных с культовыми отправлениями для Хекеретнебти, были открыты многочисленные росписи, сюжет которых связан с загробной трапезой и включает изображение музыкантов, мясников, продуктов, приносимых в жертву, и т. д. Композиция росписей и техника их исполнения довольно скромны, однако тот факт, что они остались незавершенными, чрезвычайно важен и показателен с искусствоведческой точки зрения. Дело в том, что росписи были оставлены на различной стадии завершенности и сегодня они достаточно наглядно представляют нам сам процесс и методику проведения этого рода работ в древнем Египте. В часовне были найдены фрагменты незавершенной стелы — так называемой ложной двери, принадлежавшей Хекеретнебти, в сердабе — фрагменты двух деревянных статуй царевны. Сердаб преподнес еще одну, на этот раз совершенно неожиданную находку — останки мужчины, погребенного там сравнительно недавно — лет 40 тому назад. Возникает неизбежный вопрос: не связана ли эта находка с тем обстоятельством, что, по-видимому, в то же самое время, т. е. в 40-х годах нашего века, один из фрагментов «ложной двери» Хекеретнебти оказался сначала в одной из частных коллекций в Европе, а потом — в Бруклинском музее (США)?

Подземная часть мастабы — погребальная камера Хекеретнебти (аналогичное помещение в северной пристройке, принадлежавшее Тисетхору, полностью разрушено) преподнесла еще больший сюрприз. Архитектор, строивший гробницу, допустил, видимо, ошибку в расчетах величины давления на потолочные перекрытия камеры, и в результате один из известняковых блоков рухнул вскоре после того, как гробница была завершена и приняла саркофаг с телом царевны. Из-за обвала погребальная камера оказалась заполненной фрагментами наземных конструкций и строительным мусором. Воры, которые проникли в гробницу уже, по-видимому, в I Переходный период, прекрасно осознавали опасность, которая подстерегала их в этом помещении — одно неосторожное движение могло привести к дальнейшему обвалу и их гибели. По этой причине они ограбили лишь ту часть саркофага, которая не была скрыта под обломками; что же касается погребального инвентаря, засыпанного при обвале, — например, миниатюрных ритуальных медных и каменных сосудов, используемых при обряде «отверзания уст», алабастровой дощечки для масел, поврежденного алабастрового подголовника, превосходных изделий из керамики и др., то он сохранился до наших дней в неприкосновенности. Что касается мумии царевны, то от нее были найдены лишь лоскуты покрытых письменами погребальных пелен, а также неполный скелет (как и в соседней камере Тисетхор). Антропологическое обследование показало, что Хекеретнебти умерла примерно в возрасте 35 лет, Тисетхор, возможно, ее дочери, было около 16 лет.

Неподалеку от гробницы Хекеретнебти, гранича с ней на юго-востоке, располагалась *мастаба царевича Несеркаузора*. В данном случае скорее стратиграфия, чем эпиграфика, заставляет нас датировать этот памятник временем несколько более поздним, чем предыдущий. В сущности ни планом наземной части, ни типом строительного материала (сырцовый кирпич и грубо обработанные известняковые блоки) мастаба царевича не отличается от гробницы Хекеретнебти (разве что сырцовый кирпич несколько более низкого качества). Эта мастаба сохранилась гораздо хуже, чем описанная выше, что в общем не удивительно, учитывая ее местоположение (на наклонной местности, в нижней части склона, ближе к краю некрополя), в большей степени открытое воздействию эрозии и разрушения. Подземные части гробницы, т. е. погребальная камера и вертикальный ход, были найдены пустыми. Поскольку не были обнаружены даже следы саркофага, мы пришли к заключению, что либо таковой

был сделан из дерева и полностью разрушился, либо царевич по неизвестной причине не был вообще захоронен в гробнице. В число египтологических загадок, связанных с этой мастабой, входит известняковая притолока, которая несет на себе имя Несеркаухора, его титулы и так называемую заупокойную формулу. Изначально эта деталь конструкции размещалась над входом в гробницу Несеркаухора, но нами она была обнаружена в ходе раскопок в строительном мусоре, заполнявшем вертикальный ход, ведущий в погребальную камеру пристройки к мастабе Хекеретнепти. Уже самое имя «Несеркаухор», построенное по образцу имени фараона Менкаухора, позволяло строить некоторые догадки относительно датировки памятника. Теперь же гипотеза о том, что царевич мог быть сыном царя Менкаухора, получила серьезную археологическую поддержку: находки свидетельствуют, что мастаба Несеркаухора была построена либо в одно время с гробницей Хекеретнепти, либо несколько позднее ее.

Мастаба писца царских детей Иду и его жены Хенит, расположенная к югу от гробницы Хекеретнепти, также была ограблена уже в древности. Несмотря на то, что сохранились лишь остатки наземной конструкции, было возможно восстановить ее план. Это была мастаба так называемого «коридорного» типа, с единым длинным и узким помещением для жертвоприношений в ее восточной части. У северного предела этого помещения мы обнаружили *in situ* остатки «ложной двери» Иду, у северного — остатки стелы, принадлежащей Хенит. Наши исследования показали, что мастаба претерпела значительную перестройку в связи с более поздним созданием погребальной камеры для Хенит, которая пережила своего супруга и пожелала быть захороненной вместе с ним. Разрушенная и «бедная» в археологическом смысле мастаба позволила тем не менее сделать одно весьма важное открытие — иератическую надпись, выполненную красной краской на северной стенке грубо отесанного саркофага из известняка, найденного в погребальной камере Иду. Надпись, поврежденная при попытке ее уничтожения, снабжает нас ценными сведениями относительно истории абусирского некрополя, при котором Иду состоял в должности начальника череды жрецов царской матери Хенткау (см. ниже).

У юго-западного угла мастабы Хекеретнепти была построена (с использованием аналогичного ей плана) еще одна гробница — *царевны Хеджетнебу*. Хотя обе гробницы структурно связаны между собой, с помощью стратиграфических данных нами было доказано, что пристройка в северной части мастабы Хекеретнепти, сделанная в то время, когда там создавалась отдельная погребальная камера для Тисетхор, принадлежит времени более позднему, чем мастаба Хеджетнебу, которая была сооружена либо одновременно с гробницей Хекеретнепти, либо вскоре после нее. Эта гробница, построенная из сырцового кирпича и грубо оббитых известняковых блоков, также была разорена и разграблена в древности. Это, однако, делает еще более интересной нашу находку в ее сердабе деревянной статуэтки царевны с полихромной раскраской. Останки скелета, найденные в разграбленной погребальной камере, позволили сделать одно интересное наблюдение антропологического характера: Хеджетнебу и Хекеретнепти были родственницами, возможно сестрами. Эти данные получили еще одну антропологическую «привязку», обнаруженную нами в другой мастабе, расположенной к северо-востоку от захоронения Хеджетнебу. Это сооружение находилось в еще более поврежденном состоянии; поскольку каких-либо эпиграфических сведений относительно ее принадлежности найдено не было, памятник получил условное археологическое обозначение «*мастаба L*». Так вот, в ограбленной и в значительной степени разрушенной погребальной камере этой мастабы были обнаружены части скелета женщины, которая, будучи гораздо старше царевен Хекеретнепти и Хеджетнебу (ее возраст — между 50 и 60 годами), состояла тем не менее с обеими в родстве. Эти, казалось бы, весьма скромные антропологические находки имеют чрезвычайную ценность. Дополняя собой имеющиеся эпиграфические и археологические данные, они вне всякого сомнения свидетельствуют о том, что в исследованной до сих пор части Восточного сектора абусирского некрополя были захоронены члены царских семей

Джедкара и, возможно, Менкаухора — правителей второй половины V династии. Поскольку до сих пор не удавалось найти костных останков ни одного из царей Старого царства, новый антропологический материал из Абу-Сира чрезвычайно важен.

Последней раскопанной к настоящему времени гробницей в Восточном секторе стала *мастаба Мернефу* — управляющего царским дворцом. Эта мастаба расположена к северо-востоку от захоронения Хекеретнебти и по своему плану заметно отличается от всех до сих пор обнаруженных гробниц. В ней отсутствует сложная система камер и часовен; была найдена лишь ниша на восточной стене. На восточной же стене этой ниши, видимо, располагалась «ложная дверь», а напротив — круглый каменный жертвенный столик, на который во время церемоний, связанных с заупокойным культом, возлагались жертвоприношения. В сердабе неподалеку от ниши были найдены фрагменты пяти деревянных статуй Мернефу. Иероглифические надписи на их базах содержат не только его имя, но и титулы, подобающие его социальному положению. Погребальная камера в подземной части гробницы была проломлена сверху, разграблена и совершенно разрушена. Из числа сделанных здесь археологических находок лишь немногие достойны упоминания — такие, например, как мумифицированный фаллос, изначально закрепленный с помощью бинтов на теле умершего, а также фрагмент полотняной, покрытой штукатуркой и расписанной маски, которая должна была лежать на лице мумии.

В то время, когда все упомянутые выше гробницы царского некрополя использовались по их прямому назначению, т. е. в конце V — начале VI династии, в просторстве, образующем как бы внутренний двор между гробницами Хекеретнебти, Несеркаухора и Мернефу, было возведено необычное сооружение из сырцового кирпича. Оно состояло из трех помещений: два из них располагались в юго-западном углу двора, одно — в северо-западном. Кроме того, там имелось несколько круглых жертвенников, а также — в центре двора — водоем для возлияний. В одном из помещений уцелел раскрашенный красной краской сводчатый потолок — один из наиболее древних и редких образцов такого рода конструкций, известных в египетской археологии. Как расположение, так и устройство этого комплекса строений из сырцового кирпича не оставляют сомнений относительно его предназначения. В силу исторических причин гробница Хекеретнебти заняла в этой части некрополя доминирующее положение и в то же самое время двор напротив ее восточной стены стал средоточием деятельности, связанной с заупокойным культом. Возможно, что это был некий расширенный и специфический вариант почитания самой Хекеретнебти, которая, весьма вероятно, могла стать своеобразной «покровительницей» этой части кладбища. Вполне допустимо также предположение, что именно здесь могла быть сконцентрирована деятельность по обслуживанию заупокойного культа владельцев близлежащих гробниц, поскольку практика отправления индивидуального культа в пределах отдельной гробницы становится в силу причин экономического характера все менее доступной. Таким образом, сделанные открытия вносят важный вклад в наше понимание ситуации — религиозно-культовой, экономической и политической, сложившейся в царском некрополе к концу Старого царства.

Центральный сектор Южного поля располагался к югу от пирамиды Нефериркара. И в этом случае археологическая и геофизическая разведки позволили еще до начала раскопок уточнить наши представления об основных археологических объектах, их структуре и ориентации. Некоторые из этих объектов были хорошо видимы простым глазом; частично они были прежде локализованы и даже подвергнуты некоторым предварительным исследованиям. Экспедиция Ленсиуса в середине XIX столетия зафиксировала местонахождение четырех пирамид (№ 23—26), однако следует заметить, что предложенная ею идентификация объектов небезупречна. Так, ряд памятников был ошибочно принят членами экспедиции за пирамиды и наоборот. На нескольких объектах были отчетливо видны следы археологических пробных раскопок, однако определить, кем и когда они были оставлены, ныне не представляется возможным.

Чехословацкий институт египтологии начал работы в Центральном секторе Южного раскопа в 1976 г., выбрав для раскопок большой прямоугольной формы объект, располагавшийся вблизи южной стороны пирамиды Нефериркара. В начале нашего века беглое обследование памятника произвел Л. Борхардт; придя к заключению, что это двойная мастаба, он потерял к объекту какой-либо интерес. Однако ориентация строения (в направлении восток — запад), а также качество обработки его поверхности заставили видеть в нем скорее небольшой пирамидный комплекс, т. е. пирамиду и примыкающий к ее восточной стороне припирамидный храм. В соответствии с имеющейся у нас к началу работ рабочей гипотезой этот комплекс должен был принадлежать супруге фараона Нефериркара — царице Хенткаус¹⁰. Однако уже первые эпиграфические находки опрокинули все наши предположения. Из песка — в прямом и переносном смысле — начинала проступать совершенно новая и неожиданная картина тех событий, которые происходили в середине правления V династии. Памятник действительно начал строиться к концу правления Нефериркара как пирамидный комплекс для Хенткаус, его главной жены. На одном из блоков рухнувшей внутренней части пирамиды, примерно на уровне потолка погребальной камеры, была обнаружена выполненная красной краской иератическая надпись, содержание которой дает основание предполагать, что строительство комплекса, видимо, прерывалось. Эта возможная приостановка работ произошла на 10-м году правления неидентифицированного царя — возможно, Нефериркара (с точки зрения археологии и хронологии это предположение кажется гораздо более вероятным, чем другое, в соответствии с которым упомянутая выше дата имеет в виду возобновление работ в правление Ниусерра). В соответствии с первоначальным планом обе части царицыной гробницы — пирамида и пристроенный к ее восточной стороне поминальный храм — должны были быть окружены с запада, юга и востока массивной каменной стеной из известняковых блоков. Период смут, последовавших за смертью Нефериркара, кратковременным царствованием его старшего сына Ранеферефа и несомненно еще более эпизодическим правлением все еще плохо известного нам Шепсескара, явился причиной того, что сооружение смогло быть завершено лишь в правление Ниусерра, следующего по возрасту сына Нефериркара. Сначала Ниусерра завершил строительство пирамидного комплекса в соответствии с планом, однако позднее перестроил и расширил его, используя в основном более дешевый строительный материал — сырцовый кирпич вместо известняка. В завершенном виде сторона пирамиды Хенткаус равнялась 50 октям, т. е. примерно 25 метрам. При угле наклона граней пирамиды к плоскости ее основания, равном 52° (что совершенно точно устанавливается по положению обнаруженных нами облицовочных плит, а также по фрагменту найденного пирамидона), она достигала в высоту примерно 15 метров. Субструктура сооружения состояла из погребальной камеры, в которую можно было попасть с севера по наклонному коридору. К общему удивлению в ходе раскопок не было найдено ни следов саркофага (в гробнице подобного типа его можно было ожидать сделанным из гранита или известняка), ни каких-либо костных останков. Вторичное захоронение ребенка, которое мы обнаружили в прикрытой яме в полу камеры, может быть датировано более поздним временем — Средним или даже Новым царством.

Наши исследования, производимые в течение нескольких коротких полевых сезонов, с одной стороны, принесли огромное число археологических и эпиграфических находок, с другой — выявили размеры повреждений объекта. Добыча строительного материала из этой легко достижимой «каменоломни» привела к тому, что примерно 75% пирамиды и 90% храма оказались разрушенными. Однако несмотря на то обстоятельство, что в некоторых частях храма от стен не осталось и следа, реконструкция заупокойного комплекса Хенткаус представляется в целом возможной путем сопостав-

¹⁰ См. например: *Verner M. Die Königsmutter Chentkaus von Abusir und einige Bemerkungen zur Geschichte der 5. Dynastie // SAK. 1980. 8. S. 243—268.*

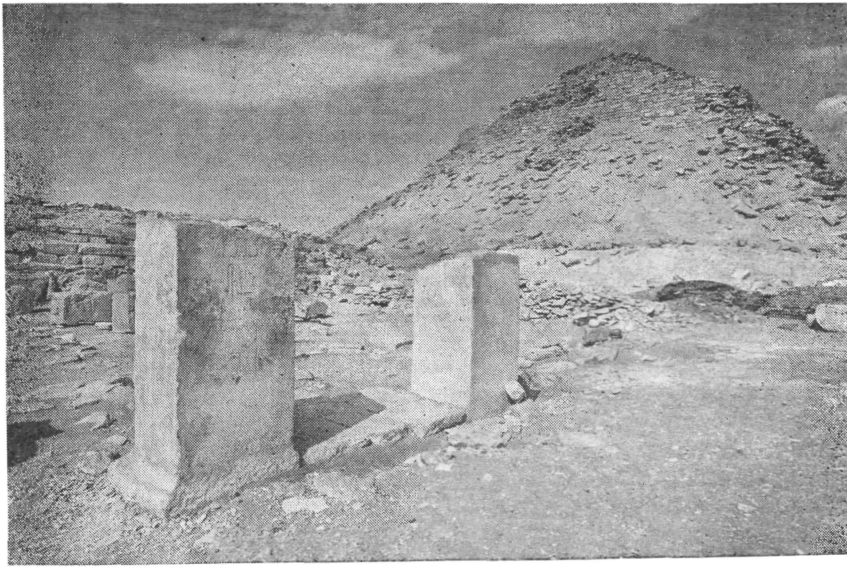

Рис. 8. Пирамидный комплекс Хенткаус: внутренний дворик, окружённый колоннами

ления всех имеющихся в настоящее время данных, включая аналогии с другими пирамидными комплексами эпохи Старого царства. Наиболее ранний этап строительства припирамидного храма, в какой-то мере соответствующий первоначальному замыслу Нефериркара, но завершённый только при Ниусерра, включал прежде всего помещение для жертвоприношений со стелой и жертвенником, а также три малые камеры для статуй. Стены этих помещений, расположенных в западной части храма, сохранили поразительно богатые росписи. Помимо центральной по значимости сцены заупокойной трапезы росписи запечатлевают приношения жертв, заклание животных, сельскохозяйственные работы, процессии подносительниц даров, являющихся олицетворением частей владений усопшей, выделенных на нужды ее заупокойного культа, ловлю птиц, а также шествие членов царской семьи Ниусерра перед «матерью царя Верхнего и Нижнего Египта Хенткаус, (правящим) царем Верхнего и Нижнего Египта» и т. д. Тот же самый титул, что и в подписи к описанному выше изображению, и для древнеегипетской истории — уникальный, можно видеть также на фрагменте так называемой «ложной двери» в помещении, предназначенном для жертвоприношений. Восточная половина ранней, т. е. каменной, части храма была занята внутренним двором, окруженным колоннадой (рис. 8). Из первоначально существовавших восьми колонн были найдены фрагменты двух, притом лишь в одном случае — *in situ*. На обеих сохранились остатки титулов царицы и ее имя. Здесь же было сделано еще одно — поистине сенсационное — открытие: на лбу женской фигуры, изображение которой входило в иероглифический знак «женщина, сидящая на троне и держащая *удж*-скипетр», служащий детерминативом при царицыном имени, была в одном случае так называемая «коршуновья» диадема, а в другом — кобра с поднятой головой, урей. Подобным образом, т. е. *носящими урей, изображались лишь цари и боги.*

Позднейшая пристройка с севера и юга была выполнена из сырцовых кирпичей. В южной части пирамидного комплекса царицы впервые была обнаружена так называемая культовая пирамида, которая до сих пор встречалась лишь в комплексах правящих царей. Юго-восточная часть храмовой пристройки включала в себя пять кладовок, в северо-восточной размещался «колонный зал» (с одной-единственной колон-

ной), который впоследствии был превращен в жилые помещения для жрецов. Еще одной пристройкой стал вход с портиком, ограниченным колоннами, и коротким S-образным входным пандусом. Во время одной из последних перестроек в центральной части храма была сооружена гончарная мастерская с печью для обжига.

Из огромного числа археологических и эпиграфических находок, сделанных в ходе раскопок пирамидного комплекса Хенткауc, здесь могут быть упомянуты лишь наиболее важные. Самыми многочисленными из них были фрагменты рельефов (порой даже целые блоки, покрытые рельефами), надписи, оставленные строителями, оттиски глиняных печатей, украшения из фаянса, керамика, каменные сосуды, орудия труда и т. п. Однако с исторической точки зрения наиболее ценным следует считать обнаружение папирусного архива, состоящего примерно из 200 фрагментов. Эти документы содержат кроме всего прочего точные данные относительно не сохранившейся ныне архитектуры храма. Стратифицированные находки оттисков печатей дают возможность восстановить как хронологию, так и этапы функционирования храма. Так, например, мы можем узнать из них, что отправление заупокойного культа в храме было прервано в период правления VI династии, при Пепи I. Другие данные заставляют предположить, что вскоре после этого, в конце Старого царства или в начале I Переходного периода, гробница была ограблена. В начале Среднего царства культ Хенткауc, вероятно, пережил кратковременное возрождение, однако к концу Нового царства начинается постепенное разрушение самого пирамидного комплекса. Более того, принадлежащая ему территория начинает использоваться как кладбище, где жители близлежащих селений погребались в простых деревянных саркофагах антропоморфной формы.

Итак, что же нового внесли в науку наши раскопки пирамидного комплекса царской матери Хенткауc в Абу-Сире? Обнаруженные археологические и эпиграфические свидетельства показали, что строительство заупокойного комплекса, подготовляемого царем Нефериркара для *своей супруги Хенткауc*, было завершено лишь царем Ниусерра, который основал здесь культ *другой Хенткауc* — *обожествленной прародительницы всей V династии, царицы-регентши, «матери царя Верхнего и Нижнего Египта, (правящего) царя Верхнего и Нижнего Египта»*. Огромную гробницу этой знаменитой и легендарной в древнеегипетской истории личности обнаружил полвека назад в царском некрополе Гизы египетский археолог Селим Хассан. Удивительные находки в Абу-Сире и открытия новых исторических источников дают возможность подойти к решению одной из наиболее сложных генеалогических и исторических загадок древнеегипетской истории III тыс. до н. э., которую египтологи иногда именуют — кратко, но точно — «проблемой Хенткауc», связанной со все еще плохо известным концом правления IV и началом V династии.

Незавершенная пирамида (№ 26 по списку экспедиции Лепсиуса) на западной границе Центрального сектора Южного раскопа всегда считалась наиболее загадочной не только в абусирском, но и вообще во всем мемфисском некрополе. Ряд исследователей приписывали ее сооружение Ранеферефу, другие — Шепсескара или иным правителям, однако все эти предположения за рамки гипотез так и не выходили. Все исследователи, однако, были согласны в том, что вскоре после начала строительства пирамиды работы были прерваны и сооружение никогда не использовалось по своему прямому назначению, т. е. для захоронения. Во время своих работ в Абу-Сире Л. Борхардт попытался обследовать открытый лаз, который он принял за начало коридора, ведущего внутрь пирамиды, но не получил никаких археологических результатов. Обследование пирамиды, проведенное Чехословацкой экспедицией в 1986 г. заново в том же самом месте, показало, что не прервы Борхардт по злой иронии судьбы работ, уже через несколько часов его мог бы ждать успех. Лишь метром ниже того уровня, на котором он в свое время остановил раскопки, мы натолкнулись на остатки некоего строения из гранита, которое перекрывало ведущий в погребальную камеру проход. На боковой стенке этого коридора ученый мог бы также найти выполненную

черной краской надпись, содержащую имя Ранеферефа. Археолог столь опытный, как Борхардт, не мог бы не сделать из всего этого совершенно очевидного вывода, что Незавершенная пирамида была построена упомянутым выше царем, что подземная ее часть была закончена в далеком прошлом и что она была использована по своему назначению — как царская усыпальница.

Археологический объект, обозначаемый обычно как Незавершенная пирамида, является фактически «первым этажом» внутренней части гробницы, которая, будь она достроена до конца, могла бы стать второй по размерам (после усыпальницы Нефериркара) в абусирском некрополе. Уже результаты археологических обследований поверхности, геофизические исследования, а также переосмысление некоторых сделанных прежде археологических и эпиграфических находок привели нас к гипотезе, которая противоречила общепринятому тогда в египтологии мнению о том, что сооружение было незавершенным, покинутым и никогда не используемым. Наше предположение базировалось к тому же на вполне определенном факте: напротив восточной стены Незавершенной пирамиды располагается большое строение из сырцового кирпича, план которого в общих чертах соответствует заупокойному храму V династии. Некоторые уже известные нам письменные памятники, например папирусы из архива заупокойного храма Нефериркара, совершенно недвусмысленно указывают на существование в абусирском некрополе заупокойного храма Ранеферефа, который археологами обнаружен не был. Все эти соображения явились основанием для создания нами определенной рабочей гипотезы, с которой мы и приступили к раскопкам Незавершенной пирамиды в 1980 г.¹¹ и которая была подтверждена уже в начальной стадии работ.

В ходе раскопок, продолжавшихся в течение пяти полевых сезонов, было собрано огромное количество археологических и эпиграфических данных, совокупность которых позволяет нам приступить к реконструкции — хотя бы предварительной — исторических событий, имевших место в середине правления V династии. Ранефереф, старший сын Нефериркара, взшел на трон сразу же после смерти своего отца и начал строительство своей собственной гробницы неподалеку от захоронения своего предшественника. Однако он умер очень молодым, процарствовал всего два или три года, когда был готов лишь первый ярус внутренней части пирамиды, включающий ее субструктуру. Его преемник — некоторые из обнаруженных нами оттисков печатей заставляют думать, что им был скорее Шепсескара, чем Ниусерра, младший брат Ранеферефа, — совершил захоронение юного фараона в уже законченной погребальной камере. Напротив восточной стены Незавершенной пирамиды им был наспех сооружен маленький заупокойный храм из известняковых плит. Этот первоначальный храм был очень прост по конструкции: он состоял из помещения для жертвоприношений с алтарем и двух узких камер по его бокам, где, возможно, размещались культовые деревянные модели ладей. Пологий пандус вел от входа в храм к вестибюлю с маленьким резервуаром для возлияний. Тот факт, что первоначальный храм располагался на части фундамента пирамиды (об этом свидетельствуют облицовывающие ее известняковые плиты), подтверждает поспешность, с которой он был возведен. После захоронения Ранеферефа Незавершенная пирамида была облицована белым известняком из турецкой каменоломни. В результате она просто превратилась в большую прямоугольной формы мастабу. Сверху она была «запечатана» тонким слоем глины, в которую впредссыпался крупнозернистый гравий, которым полна окружающая пустыня.

Лишь в правление Ниусерра погребальный комплекс принял свой окончательный вид. Он был перестроен и расширен в несколько этапов, однако теперь уже работы велись с использованием более дешевого материала — кирпича-сырца и дерева.

¹¹ Verner M. Excavations at Abusir. Season 1980/1981. Preliminary Report // ZÄS. 1982. 109. S. 157—166. Предварительные отчеты о дальнейших раскопках гробничного комплекса Ранеферефа см.: ZÄS. 1984. III. S. 70—78; ZÄS. 1986. 113. S. 154—160; ZÄS. 1988. 115. S. 77—84.

Лишь в исключительных случаях — например, при облицовке стен и вымостке пола в одном из культовых помещений, изготовлении колонн портика, в дренажной системе и т. п. — применялся камень. Одновременно с первым значительным расширением конструкции вдоль всей восточной стены Незавершенной пирамиды (= царской мастабы) был выстроен большой прямоугольный в плане храм из кирпича-сырца. Его продольная ось была ориентирована в направлении север — юг, что необычно для царских заупокойных храмов. Вход в храм был украшен двумя четырехстебельчатыми лотосообразными колоннами. Северное крыло храма занимали прежде всего десять однокамерных кладовок, сгруппированных по две. С другой стороны, значительная часть храма была занята просторным залом с колоннами — гипостилем, украшенным 20 шестистебельчатыми лотосообразными колоннами, поддерживающими плоский деревянный потолок, раскрашенный синей краской и декорированный, возможно, золотыми звездами. Это помещение, которое имитировало тронный зал земного обиталища царя — дворца, имело очень важное культовое значение. Именно по этой причине удалось сделать и здесь, и поблизости такие ценные находки, как деревянные скульптурные изображения (возможно, прежде украшавшие царский трон) так называемых «пленных врагов Египта» (рис. 9, 10), а также торсы статуй самого правителя. И фигуры «пленных врагов», и царские изображения могут быть отнесены к числу шедевров древнеегипетского искусства. Конечно, и находка самого гипостильного зала имеет исключительно важное значение для истории архитектуры, поскольку он являет собой самый ранний образец конструкций такого рода из числа найденных до сих пор в Египте!

В результате серьезной перестройки храм значительно увеличил свою площадь в восточном направлении. Прежде всего, здесь был создан большой внутренний двор, ограниченный деревянными колоннами пальмообразного типа. На открытом внутреннем дворе обычно располагался алтарь, у которого проводились определенные действия, связанные с заупокойным культом. Впоследствии, когда храм стал приходить в упадок, внутренний двор был застроен примитивными сырцовыми строениями — обиталищами жрецов. В то же самое время, что и внутренний двор, был возведен монументальный вход в храм, находящийся на восточной его стороне и украшенный парой шестистебельчатых колонн из прекрасного белого известняка.

Раскопки внутреннего двора показали, что его южная внешняя стена являлась частью другого, более раннего строения. Это открытие стало еще более интересным и загадочным, когда выяснилось, что наружные углы последнего имеют округлую форму. От времени III тыс. до н. э. дошло лишь несколько памятников, имеющих подобную особенность конструкции. Дальнейшие раскопки этого объекта принесли нам еще одно уникальное для египетской археологии открытие — *Святылище Ножа*¹². Святылище — фактически ритуальная бойня — было построено из сырцовых кирпичей; его продольная ось, подобно оси одновременно с ним возведенной храмовой пристройки, ориентирована в направлении север — восток. Внешняя поверхность наружной стены имеет некоторый уклон; изначально высота ее достигала 4 м. Святылище имело единственный вход с севера. Жертвенные животные — главным образом мелкий рогатый скот, а также горные козлы, газели и пр. — сваливались на землю, привязывались к большим вделанным в пол каменным блокам и закалывались — исключительно кремневыми ножами! — на небольшой открытой площадке. Туши забитых животных расчленялись в располагающемся рядом разделочном блоке. Здесь же, в Святылище Ножа, мясо жарилось, варилось, высушивалось на солнце и хранилось. Письменные источники — папирусы, найденные в заупокойном храме Ранеферефа, — сообщают нам, что по случаю одного лишь праздника, длившегося 10 дней, ежедневно забивалось 13 быков. Если учесть, что на надобности лишь одного-единственного празднества для одного правите-

¹² Verner M. A Slaughterhouse from the Old Kingdom // MDAIK. 1987. 42. S. 181—189.

Рис. 9. Нубийский пленник. Дерево
(№ 773/1/84-а)

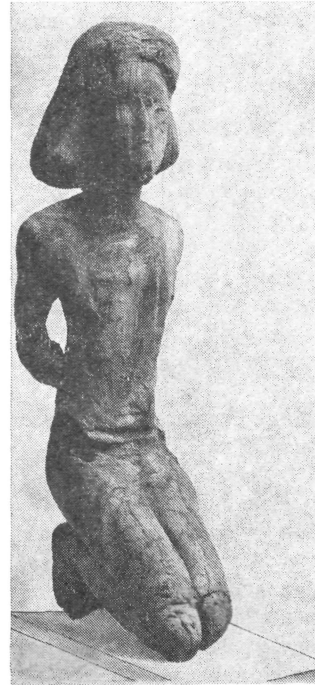

Рис. 10. Азиатский пленник.
Дерево (№ 773/1/84-б)

ля было забито 130 быков, то общее число всех принесенных в жертву животных на всех некрополях и особенно на царских припирамидных комплексах должно было быть поистине огромным! Следует также добавить, что мясо, поставляемое для ка усопшего в составе ежедневного ритуала, связанного с его заупокойным культом, в конечном счете потреблялось многочисленным обслуживающим персоналом кладбищ — жрецами, торговцами, охранниками и др.

Заупокойный культ Ранеферефа продолжал процветать и при Джедкара Исеси. Основная часть документов, обнаруженных в архиве заупокойного храма Ранеферефа, принадлежит как раз этому времени. Однако с началом правления VI династии он начинает приходить в упадок. Северо-западная часть храма, где располагались кладовые, была уничтожена пожаром; отдельные помещения, как, впрочем, и вообще большая часть строения, постепенно переставали использоваться и закрывались. В правление Тети I закрывается навсегда и само Святилище Ножа. Несколько жрецов, поселившихся во внутреннем дворе храма, продолжают жить здесь и в течение длительного правления Пепи I. К концу правления этого фараона Египет вошел в полосу глубоких социальных и экономических кризисов; возможно, именно в это время гробница Ранеферефа была ограблена. В период консолидации государства, в начале эпохи Среднего царства, культ ненадолго возрождается в малой части храма, который, как и Святилище Ножа, стоял уже в руинах и заносился песком. В покинутых же развалинах Святилища уже в то время начинают производиться вторичные захоронения. Даже здесь — как и в других близлежащих царских пирамидных комплексах — начинается эпоха так называемых «вторичных кладбищ» рядовых насельников нильской долины, которые желали найти место своего последнего упокоения вблизи памятников, связанных с богами и героями прошлого.

Хотелось бы еще раз — хотя бы бегло — остановиться на самых важных находках

археологических и письменных памятников, сделанных в ходе все еще не завершённой работы нашей экспедиции в гробничном комплексе Ранеферфа. С точки зрения исторической значимости наиболее важен папирусный архив¹³, найденный в заупокойном храме царя. Объемом он намного больше, а содержанием — гораздо богаче, чем серия мелких фрагментов папирусов, обнаруженных в упоминаемом выше припирамидном храме Хенткау; по своей значимости архив может быть сравним с совокупностью документов, найденных феллахами и кладбищенскими грабителями в конце прошлого века около пирамиды Неферикара. Архив Ранеферфа — уже третий по счету, найденный в Абу-Сире и второй — экспедицией Чехословацкого института египтологии при Карловом университете, состоит примерно из 2000 фрагментов, включая несколько целых свитков. Его наиболее ранняя часть датируется правлением Джедкара, наиболее поздняя — эпохой Пепи I. В архив входят царские декреты, перечни храмового имущества, счета, связанные с хозяйственной деятельностью храма, расписанием жреческих служб и т. д. Учитывая роль, которую некрополи играли в религиозной и экономической жизни Египта, указанные документы можно рассматривать как часть государственного архива эпохи Старого царства.

Чрезвычайно большую ценность имеет находка в заупокойном храме Ранеферфа неожиданно большого числа царских статуй¹⁴. Нам удалось обнаружить несколько десятков фрагментов фигур этого правителя, выполненных из базальта, диорита, известняка, алабастра, красноватого кварцита и дерева, среди них — шесть его полностью сохранившихся скульптурных портретов (рис. 11, 12). Статуи были изначально установлены в различных частях храма и играли важную роль в религиозных обрядах. По своему типу они являются разнообразными изображениями правителя — сидящего на троне или идущего, увенчанного верхнеегипетской короной или головным убором *немес* и пр. На двух статуях царя позади его головы изображен сокологоловый бог Хор, простирающий свои крылья в жесте защиты — совсем так же, как в знаменитой диоритовой статуе Рашефа — единственной известной нам царской статуе подобного типа, дошедшей от эпохи Старого царства и экспонируемой ныне в Египетском музее в Каире. Одно из этих скульптурных изображений Ранеферфа с Хором представляет собой вообще новый, неизвестный прежде тип царской статуи эпохи Старого царства. Найденные статуи несомненно должны быть причислены к шедеврам древнеегипетского искусства. Это — третья по счету большая находка статуй правителей Старого царства, которая заполняет собой существенный пробел в наших представлениях относительно развития этого вида искусства в III тыс. до н. э. в Египте.

Представляя находки, сделанные в заупокойном храмовом комплексе Хенткау, мы уже говорили о важности таких предметов, как оттиски печатей на глине (рис. 13). Подобного рода пломбы были обнаружены также и в заупокойном храме Ранеферфа, но в несравнимо большем количестве. Таких находок сотни; в некоторых частях помещений было найдено много заполненных ими корзин. Можно утверждать уже сейчас, что находки Чехословацкой экспедиции более чем вдвое увеличили общее число ныне известных и опубликованных предметов такого рода, дошедших до нас от времени Старого царства.

Фрагменты фаянсовых украшений и глазурованных пластин — находки, возможно, и не столь впечатляющие, как царские статуи, и не столь многочисленные, как оттиски печатей, но тем не менее они вносят очень ценный вклад в наши исторические знания. Здесь мы тоже имеем дело с уникальным археологическим открытием, смысл которого еще не вполне ясен, во всяком случае в отношении изначального местонахождения и предназначения этих миниатюрных, хрупких эпиграфических памятников.

¹³ См., например, *Posener-Kriéger P. Décrets envoyés au temple funéraire de Rêneferéf // Mélanges Gamal Eddin Mokhtar II. Le Caire, 1985. P. 195—211.*

¹⁴ *Verner M. Les sculptures de Rêneferéf découvertes à Abousir // BIFAO. 1985. 85. P. 267—280; idem. Supplément aux sculptures de Rêneferéf découvertes à Abousir // BIFAO. 1986. 86. P. 361—366.*

Рис. 11. Статуя Ранеферефа. У головы — фигурка Сокола, «защищающего» фараона. Розовый песчаник. (№ 845/1/84-а)

Рис. 12. Статуя Ранеферефа, изображенного в головном уборе немес (№ 855/1/84)

Некоторые из них, вероятно, помещались в больших, имеющих символическое значение деревянных сосудах, которые использовались в храмовых обрядах. Другие, прежде всего голубые глазурованные пластины с нанесенными на них изображениями царя, бога и иероглифическими надписями, декорированные белой пастой и покрытые слоем золотой фольги, — все еще являются предметом догадок.

Выделяя особо несколько перечисленных выше предметов, мы несколько не хотим преуменьшить историческую ценность прочих находок, сделанных в заупокойном комплексе Ранеферефа. Каждая из них — орудие труда, надписанный черепок, каменный сосуд — несет свою собственную информацию и — подобно отдельному камешку в мозаике — участвует в создании сложной картины исторических событий в Египте второй половины III тыс. до н. э.

В западном секторе абусирского Южного поля был известен лишь один археологический объект — так называемая пирамида № 27, открытая экспедицией Лепсиуса. Однако уже предварительное обследование поверхности показало, что, хотя конструкция имела в плане очертания квадрата, пирамидой она не была. Более того, геофизическое исследование выявило наличие в непосредственной близости от нее еще пяти аналогичных по размерам и плану объектов. Раскопки, начатые в 1980 г.¹⁵, вскоре принесли нам неожиданное открытие: мнимая пирамида № 27 была не чем иным, как большой гробницей шахтового типа, принадлежащей Уджахорреснету (рис. 14), жившему

¹⁵ Verner M. Excavations at Abusir. Season 1980/1981. Preliminary Report // ZAS 1982. 109. S. 163—165. Относительно полевого сезона 1984/1985 гг. см.: ZAS. 1986. 113. S. 158—160

Рис. 13. Оттиск печати на глине с картушем Менкаура
(№ 340/A/78-f)

в конце правления XXVI династии, примерно в 525 г. до н. э. Этот вельможа — «великий врачеватель», «начальник морских кораблей царя», начальник над греческими торговцами в Египте и пр. — был приближенным первого персидского царя Камбиза и наиболее влиятельным лицом в стране в конце так называемой саисской эпохи и начале периода персидского завоевания. В контексте египетской археологии структура гробницы Уджахорреснета представляется явлением пока единственным в своем роде. Ее подземную часть составляла большая шахта ($5 \times 5 \text{ м}^2$), окруженная по периметру системой сообщающихся между собой шахт, которые в плане образовывали квадрат. Эти шахты были заполнены чистым, лишенным крупных камней песком. Замысел создателя строения очевиден: система сообщающихся шахт дает возможность песку свободно перетекать и таким образом перекрывать все доступные входы в подземелье, к погребальной камере, расположенной на дне центральной шахты. Более того, заполнивший ходы песок увеличивал прочность всей внутренней конструкции, вырубленной в массивном слое отвердевшей глины. Своими раскопками — чрезвычайно трудоемкими и опасными — мы достигли к настоящему времени глубины в 17 м.

Суперструктура погребального шахтового комплекса состоит из массивной, сложенной из известняка стены трехметровой толщины и такой же высоты, не имеющей ни единого входа. Внутри отгороженного стеной прямоугольного пространства, над входами в шахты, как кажется, был возведен искусственный холм из песка — имитация так называемой «гробницы Осириса» (Osiris-Hügel).

Неожиданное открытие шахтового погребения Уджахорреснета не только дало возможность датировать обширное и во многих отношениях все еще загадочное кладбище в Западном секторе, но и рассматривать в новом контексте некоторые из сделанных там прежде археологических находок, до сих пор не получивших сколько-нибудь удовлетворительного истолкования. Эти находки включают в себя, например, редкостный тип шлема греческого происхождения, греческие литературные папирусы, захоронения греков в пирамидном комплексе Ниусерра и др. Во многих местах заметны следы мно-

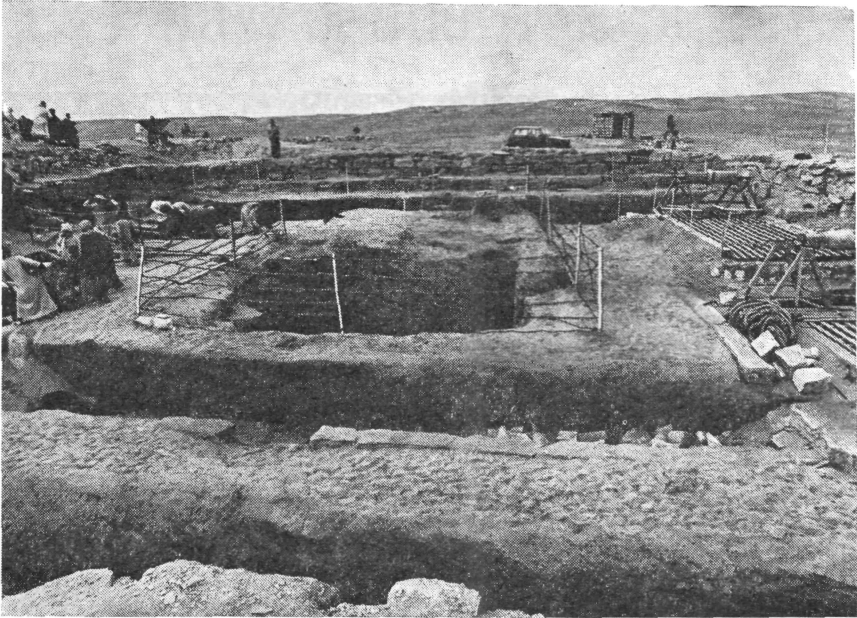

Рис. 14. Раскопки в шахтовой гробнице Уджахорреснета

гократных попыток грабителей проникнуть в подземную часть усыпальницы; по этой причине надежды на находку нетронутого захоронения в гробнице Уджахорреснета, а также в предполагаемом позднеасаисском — раннеперсидском некрополе Западного сектора Южного раскопа в Абу-Сире весьма малы. С другой стороны, нельзя совершенно исключать возможности того, что в будущем нас могут ждать здесь неожиданные археологические открытия. Во всяком случае окончательный исход извечной борьбы между изобретательностью строителей гробниц и отчаянностью кладбищенских грабителей — борьбы столь же древней, как и сам Египет — в Абу-Сире еще также не пред-
решен*.

М. Вернер, директор Института египтологии
при Карловом университете, Прага

* Перевод статьи выполнен В. А. Головиной.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1991 г.

В. Ю. Зуев

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ М. И. РОСТОВЦЕВА

*(К созданию «Исследования по истории Скифии
и Боспорского царства»)**

Подробнее остановимся здесь только на одной из главных проблем, поставленных М. И. Ростовцевым при изучении эллинизма, а именно на проблеме взаимодействия эллинской культуры с местными «варварскими» культурами стран Средиземноморья. Эта традиционная для антиковедения тема в работах М. И. Ростовцева получает принципиально новое освещение. Прежде всего новаторство ученого проявляется в его исследовательской программе, над выполнением которой М. И. Ростовцев работал до конца своей жизни. «Немыслима политическая история, — писал он в 1913 г., — без определенного представления о той культуре, которая была базой народной жизни в бесконечно разнообразных странах ... немыслима она и без представления о социальной и экономической структуре этих стран. Правда, получить такое представление из литературных обрывков, сгруппированных по лицам, невозможно... Но, думаю, если соединить обрывки литературного, особенно историко-географического предания, с материалами эпиграфическими, и притом не только греческими, если, наконец, обдумать весь этот материал на базе археологического знакомства с каждой данной страной, знакомства с эволюцией форм быта, предметов обихода, особенностей архитектуры и изобразительных искусств, если присоединить к этому знакомство с особенностями религиозного развития данной страны, то вся серия наших сведений соединится в картину, может быть неполную, как неполно все наше знакомство с античным миром, но выдвигающую главное и основное... Конечно, допустима а priori точка зрения, согласно которой можно и должно излагать только то, что написали древние историки... Существом исторической работы, однако, является не этот пересказ, а нечто другое, более ценное и более важное. Предвидя обогащение наших материалов и изощрение исторического метода, мы обязаны теперь же, сгруппировав весь доступный нашему пониманию материал, постараться выяснить особенности и значение основных процессов, совершающихся в данной геогра-

* Продолжение. Начало см. ВДИ, № 4, 1990.

фической области и в данную эпоху, связать эти процессы с прошлым и будущим и... на этом фоне нарисовать политическую историю государства «и эпохи»⁹.

Выработанная в целом для изучения истории эллинизма программа стала для М. И. Ростовцева путеводной и в области исследования истории Скифии. Основные исследовательские приемы изучения эллино-варварских взаимоотношений в странах Средиземноморья, разработанные ученым с учетом международного научного опыта, были перенесены им и на анализ материалов из Южной России. Такой вариант трактовки археологического и исторического материала Северного Причерноморья был принципиально новым для русской науки того времени, которая имела свои прочные традиции в изучении греко-варварских взаимоотношений.

Анализируя взгляды М. И. Ростовцева этого времени, приходится констатировать, что в начале 10-х годов нашего века ученый интересовался Скифией всего лишь как одной из стран, местное население которой вошло в тесный культурный контакт с греческими поселенцами, принесшими в эти страны эллинские традиции социально-экономического устройства жизни. Противопоставление эллинского и варварского начал в общей панораме культурной жизни Средиземноморья и Причерноморья, а также их постепенное слияние в своеобразное греко-варварское единство рассматривалось М. И. Ростовцевым как закономерный процесс, который в различных странах имел свою специфику, объясняемую главным образом той местной основой, на которую наложилась культура эллинов. Стремление изучить эту местную среду как единое и одновременное эллинскому началу явление побудило М. И. Ростовцева в середине 10-х годов по-новому органично взяться за исследование археологии и истории Скифии. При этом ученый ограничился поначалу только эллинистической эпохой, что в условиях слабой изученности античного периода Юга России в целом неизбежно привело его к ряду конкретных (главным образом хронологических) ошибок в трактовке материала. Но такой подход, имевший свои недостатки, дал ученому все же гораздо больше преимуществ по сравнению с исследовательскими позициями других скифологов того времени. Он позволил М. И. Ростовцеву при работе с материалами Юга России ориентироваться на достаточно широкие горизонты научных знаний о древнем мире, которые не давали ему замкнуться в специфике материала и обеспечивали возможность сопоставления конкретных выводов с главными тенденциями развития эллинистической эпохи в масштабах всего Средиземноморья.

Первое, в чем М. И. Ростовцев решительно пошел дальше своих современников в понимании скифской истории и археологии, было его определение понятия «варварство скифов». Выступая в 1913 г. в Лондоне на Конгрессе историков, М. И. Ростовцев указывал: «Мы привыкли говорить о варварских соседях греческих городов северного побережья Черного моря. Чем больше, однако, накапливается в наших руках материала, чем шире становится район археологического расследования, тем яснее становится, что варварство степных соседей черноморских греков есть термин чисто условный. Варварами были скифы и сарматы только в том смысле, в каком варварами были для греков и египтяне, и ассирийцы,

⁹ *Ростовцев М. И.* Рец. на кн.: Bouché-Leclercq. Histoire des Seleucides. P., 1913 // Новый исторический журнал, издаваемый Н. И. Кареевым. Т. I. 1913. С. 42.

и Вавилон, и Персия, не варвары, а люди другой, неоднородной с греками культуры»¹⁰.

Таким образом, мы видим, что М. И. Ростовцев постарался дать этому понятию принципиально новое культурно-историческое содержание, решительно выступая при этом против той культурологической трактовки, на которой настаивала буквально вся историческая наука XIX столетия, заимствовавшая в Век Просвещения у античной эпохи традицию излагать историю человечества как процесс сменяющих друг друга и сосуществующих периодов дикости, варварства и цивилизации.

Такая трактовка варварства скифов шла вразрез с мнением целого ряда русских и зарубежных исследователей, которые видели в скифах идеальных варваров с примитивной культурой и невысоким уровнем социально-экономического развития, тех варваров, которые в буквальном и переносном смысле слова стояли на пороге цивилизации.

Основную причину своего расхождения с традиционными взглядами представителей культурологического направления в изучении истории и археологии Скифии М. И. Ростовцев видел прежде всего в принципиальном различии методов работы с исходным материалом. Крупнейшим недостатком своих оппонентов он считал невнимательное отношение к источноведческой работе, порождавшее у исследователей излишнюю доверчивость к письменным источникам, данные которых в их работах попросту иллюстрировались археологическими материалами во имя получения искусственно смоделированной этнографической картины варварского быта скифов¹¹.

Однако привнося нечто принципиально новое в подход к изучению материала и его концептуальное восприятие, М. И. Ростовцев вовсе не шел при этом на разрыв с существующими в науке его времени исследовательскими традициями классической археологии. В этом отношении показательна его статья «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре».

Идею, выражающую характер царской власти у кочевников Скифии, М. И. Ростовцев целеустремленно искал в религиозных представлениях народов Малой Азии, культуры которых с очень раннего времени оказывали большое влияние на обитателей Северного Причерноморья. «Совершенно несомненно, — писал он, — что скифские царства, по большей части независимые от Боспора, не только по национальному своему составу, но — что важнее — и по строению своему, были царствами иранского персидского типа, как большинство остальных, только эллинизированных царств побережья Черного моря и даже внутренней Малой Азии. Иранскою была и религия этих царств, чему особенно способствовало

¹⁰ *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд // МАР. № 34. Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. СПб., 1914. С. 80. Следует отметить, что М. И. Ростовцев был не одинок среди русских ученых, отстаивавших принципиально новую трактовку «варварства» скифов. Так, еще в 1911 г. в статье «Скифы и Гальштат» А. А. Спицын писал: «Мы ... углубились в скифские дали и выработали новую постановку вопроса о характере и происхождении скифской культуры. Скифия стала перед нами обширной, богатой и многолюдной страной, с особой варварской культурой, воспринявшей греческие элементы лишь позднее и то в ограниченных размерах, так как скифы вполне могли обойтись и без них. Греки находились в большой зависимости от скифов, получая от них значительную часть своего хлеба. Скифы жили в исконной земледельческой стране...» (Сб. в честь гр. А. А. Бобринского. СПб., 1911. С. 162).

¹¹ См. об этом в рец. М. И. Ростовцева на кн.: E. Minns. Scythians and Greeks // ЖМНП. 1913. Ноябрь. Отд. II. С. 181 с.

и то, что религия скифов искони принадлежала к тому же типу, что и религия Персии»¹².

Оставляя в стороне слабость археологической аргументации, приведенной Ростовцевым в этой этапной работе¹³, мы должны помнить, что в 1910—1914-х годах ученый стремился к принципиально иным целям — сугубо обзорного исторического охвата эллинистической эпохи, предпринимаемого в масштабах всего Средиземноморья. Главным для М. И. Ростовцева было в эти годы (рис. 3) стремление уловить наиболее важные характерные черты греко-варварских взаимоотношений, и он двигался к этой цели, порой сознательно упуская многие конкретные детали воссоздаваемой им исторической панорамы. Априорность его восприятия Скифии раннеэллинистической эпохи обуславливалась, кроме того, полной неподготовленностью русской археологической науки дать для конкретно-исторической работы необходимый материал по Скифии (сказывалось прежде всего отсутствие каких-либо продуманно систематизированных сводов памятников, абсолютная неразработанность вопросов единой хронологической шкалы для археологической культуры скифов). Но даже на таком слабом, с современной точки зрения, уровне подготовки материалов М. И. Ростовцев сумел все же ответить достаточно правильно (с позиций историка) на вопрос о характере культуры скифов, вопрос, определявший тот исторический контекст, в котором немые археологические остатки обретали способность превращаться в полноценный исторический источник. Работая в начале 10-х годов нашего века над археологическими памятниками Скифии и Боспора (в основном еще посредством искусствоведческих методов анализа и интерпретации древних памятников), ученый пришел к выработке своего, опять-таки нетрадиционного понимания иранства скифов. Этот термин, изначально лишенный у Ростовцева конкретного этнического содержания и подразумевающий только тип характера скифской культуры, стал одним из важнейших терминов в его концептуальном восприятии эллинизма, с одной стороны, и истории Скифии — с другой¹⁴.

Работы ученого над проблемами концептуальной характеристики эллинистической эпохи, тесно связанные на первом этапе исследований с методологическими вопросами, разработкой научной программы исследования и изучением памятников данной эпохи, привели М. И. Ростовцева к необходимости проверить правильность намеченного им пути на примере одного из регионов древнего мира. После выхода в свет его исследования по античной декоративной живописи Юга России, после детального знакомства в эти же годы с основной проблематикой боспорской истории, столь неразрывно связанной с пестрым «варварским миром» этой страны, таким регионом для ученого могла стать только Скифия, судьба которой к тому же загадочным образом была переплетена с культурой и историей России.

В 1915 г. М. И. Ростовцев приступил к созданию своего монументального «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»,

¹² Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. С. 5, 17 с.

¹³ См. комментарии И. А. Левинской и В. Ю. Зуева к статье М. И. Ростовцева «Иранский конный бог и Юг России» (ВДИ. 1990. № 2).

¹⁴ Определение иранского характера скифской культуры побудило М. И. Ростовцева воспринимать скифов, взятых в качестве самостоятельного исторического народа, в общем ряду «варваров» Малой Азии и Ирана, давших всемирной истории хорошо известные и очень яркие образцы культурного синтеза эллинистической эпохи.

Рис. 3. М. И. Ростовцев. Фото начала века с дарственной надписью П. И. Вейнбергу, известному русскому поэту-переводчику, преподавателю Высших женских курсов, почетному члену Российской Академии наук. Архив ИРЛИ, фонд П. И. Вейнберга

над которым он упорно работал впоследствии в течение трех с половиной лет.

Главная особенность общего замысла новой книги М. И. Ростовцева заключалась в том, чтобы рассмотреть историю Скифии (в основном эллинистического времени) на фоне широкой панорамы культурной жизни Северного Причерноморья начиная с энеолитической эпохи. Такой подход к теме был далеко не случаен, о чем можно судить хотя бы по упоминавшимся уже словам ученого о его научной программе исследования эллинизма.

Для освещения глобальных исторических проблем, встающих при таком подходе, М. И. Ростовцев разработал своеобразную систему подачи, критики и обобщения археологических, нумизматических, эпиграфических и литературных источников, которой подчинил всю композицию своего «Исследования». Основные же теоретические усилия при работе со столь гигантским разнородным материалом ученый сконцентрировал вокруг важнейшей проблемы методологического порядка — проблемы синтеза разнородных исторических источников. Сделанное им в этой области надолго обогнало его время, чем, вероятно, и объясняется в наши дни актуальность многих ростовцевских построений. Вся композиция книги была рассчитана ученым на два тома и несколько атласов к ним. Первый

том, посвященный критическому рассмотрению литературных и археологических источников, был разделен М. И. Ростовцевым на две части. Начало книги содержало историко-филологический разбор дошедших до нас сведений античной литературы о Скифии и Боспорском царстве. В этом внимании к литературным источникам в полной мере сказалась приверженность ученого к традиционному направлению в исторической науке того времени, уделявшей изучению античных литературных свидетельств огромное внимание. К моменту, когда М. И. Ростовцев приступил к написанию своего «Исследования», изучение литературных источников о Скифии переходило на качественно иной уровень. Перед учеными, изучающими Северное Причерноморье античного времени, после публикации Свода В. В. Латышева¹⁵ встала большая и трудная задача систематизации разновременных разрозненных свидетельств в единую панораму античной литературной традиции о Скифии и Боспорском царстве. Нелегкий труд воссоздания этой традиции и взял на себя М. И. Ростовцев. Последовательно разбирая упоминания о Скифии и Боспоре в античной литературе, М. И. Ростовцев выделил целый ряд этапов возрастания и угасания интереса греков и римлян к далекой стране, которые он связал с различными периодами истории Скифии и Боспора и их постепенно меняющимися позициями на политической арене древнего мира. Кроме того, начиная с гомеровских времен и кончая эпохой позднего Рима, М. И. Ростовцев проследил в античной литературе две сосуществующие тенденции в передаче сведений о скифской стране. В те периоды, когда греческий и римский мир достаточно тесно соприкасался с жизнью народов Северного Понта, в античной литературе, по мнению М. И. Ростовцева, преобладающими становились тенденции реалистического описания истории, природы и жизни варварской страны. Когда же связи между странами и народами по какой-либо причине надолго прерывались, сведения о Скифии в литературе Средиземноморья начинали повторяться, а образ страны, особенно в эллинистическую эпоху под воздействием Стои, начинал все более и более идеализироваться в угоду морализирующей идее противопоставления естественной жизни первобытных варваров и порочного образа жизни цивилизованных эллинов и римлян. Разбирая отдельно каждого писателя, М. И. Ростовцева стремился показать, к какому из этих двух направлений античной литературной традиции был более близок писатель, с тем, чтобы увереннее использовать его сведения для воссоздания максимально приближенного к действительности образа Скифии и Боспора в тот или иной период.

Все эти разработки М. И. Ростовцева практически без серьезных корректив приняты современной наукой¹⁶. Долгое время исследователи, правда, считали, что М. И. Ростовцев игнорировал труд Геродота как источник по истории Скифии, но благодаря находке продолжения его книги этот тезис теперь можно пересмотреть¹⁷.

¹⁵ *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I, II. СПб., 1893—1903.

¹⁶ *Скрябинская М. В.* Источниковедческие исследования М. И. Ростовцева в книге «Скифия и Боспор» и их развитие в советской историографии // Скифия и Боспор. Археологические материалы к Конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 22—23.

¹⁷ *Зуев В. Ю.* Академик М. И. Ростовцев и Геродот (анализ критики литературного источника) // Там же. С. 23—26.

Вторая часть I тома была посвящена М. И. Ростовцевым обзору археологических находок с Юга России, относящихся к истории Скифии и Боспорского царства. Используя опыт своей работы в архиве ИАК при собирании сведений о памятниках декоративной живописи, М. И. Ростовцев последовательно, шаг за шагом рассказал на страницах книги об истории археологических исследований на Юге России, дал характеристику основных периодов существования некрополей главных греческих центров северного побережья Понта и столь же последовательно изложил историю изучения скифских и сарматских курганов. При характеристике скифских курганов М. И. Ростовцев впервые в русской археологической науке предпринял попытку разделить всю массу памятников по территориально-хронологическим группам. Весьма примечательно, что его деление с незначительными изменениями существует в скифологии до сих пор. Кроме рассмотрения погребальных памятников М. И. Ростовцев коснулся в своем изложении и вопросов изучения античных и варварских городских центров, сделав при этом ряд существенных наблюдений, важных для истории развития страны в целом. Описание и разбор археологических памятников во второй части I тома «Исследования» М. И. Ростовцева имеют большое значение для современной науки. По сути дела *Corpus tumulorum*, составленный этим ученым в 1917—1918 гг., до сих пор является единственным по объему и широте охвата сводом археологических памятников Скифии и Боспора. Внимание ученого к истории изучения археологических памятников и его стремление к максимальной полноте в подборе материала сделали его работу по обзору археологических источников о Скифии и Боспоре поистине классической.

В наше время довольно трудно охарактеризовать композицию II тома «Исследования» М. И. Ростовцева, поскольку до нас дошли только три его главы (II, V, VI). Но внимательный разбор этих глав все же дает основание для предположения о том, что этот труд был призван раскрыть три большие темы.

В первых двух главах этого тома М. И. Ростовцев подробно остановился на обзоре предскифской эпохи в Северном Причерноморье с целью выяснения начального этапа собственно скифской истории и присущей ему археологической культуры. Обобщая достижения русской археологической науки в области изучения так называемой «предыстории», он рассматривал различные типы памятников («культуры площадок, спирали и меандра», «культуры ямных погребений», «культуры комнатных погребений», «срубной культуры» — терминология М. И. Ростовцева), которые характеризуют сменяющиеся друг друга культурно-исторические эпохи в Северном Причерноморье предскифского времени. Систематизируя этот материал и намечая основные направления дальнейшего изучения, ученый приходит к выводу о том, что все эти памятники не имеют никакого отношения к первым упомянутым в античной литературной традиции народам — киммерийцам и скифам. Памятники эти намного старше скифской эпохи, начинающейся в Причерноморье в VIII—VI вв. до н. э., когда в эти края надвигаются с востока орды воинственных «иранских» кочевников. Рассмотренные в этих главах памятники М. И. Ростовцев связывает с культурной традицией местных народов, населявших эту страну с глубокой древности, подчеркивая во II главе этого тома: «Сменяющиеся и сосуществующие в западной части степей юга России формы культурного уклада — культура так называемых площадок, культура погребений со скорченными и окрашенными костяками и культура раннего железного века, тесно связанная с поздним бронзо-

вым периодом средней Европы, — органически входят одна в другую, влияют одна на другую и создают к тому времени, когда с востока надвигается ирано-эллинская культура, носителями которой, несомненно, были скифы, а с юго-запада культура ионической Греции, могучий культурный фон населения, жившего частью вполне земледельческой формой уклада жизни, частью полукочевого и скотоводческого и полуседлого и земледельческого быта).

В следующей части II тома М. И. Ростовцев переходит к истории скифов и сарматов и к характеристике их культуры. В особой главе он дает краткое изложение своих взглядов на политическую историю скифов и сарматов. Далее, последовательно привлекая письменные и археологические источники, исследователь старается выяснить особенности государственного устройства «Скифской державы», объединяющей, по его мнению, ряд царств, а также рассматривает особенности государственности у сарматов. Завершал скифо-сарматский раздел очерк о культуре скифов и сарматов. По аналогии с этим разделом М. И. Ростовцев охарактеризовал в следующей части II тома историю, особенности государственного устройства и культуру Боспорского царства, где подробно проследил процесс слияния эллинского начала со скифо-сарматской («иранской») культурой, давший особенно яркие результаты в эллинистическую эпоху¹⁸.

Такое строгое, продуманное композиционное построение «Исследования» давало ряд значительных преимуществ автору при работе над текстом книги. Текстологический анализ показывает, что М. И. Ростовцев трудился над рукописью в несколько приемов, работая одновременно над разными ее разделами¹⁹.

Особенно много внимания М. И. Ростовцев уделил во время работы над книгой сарматской проблеме. Во многом этому способствовало стечение обстоятельств. Летом 1915 г. он по семейным делам поехал в Оренбург, где с 1890 г. жили его родители. В Оренбурге он познакомился с деятелями местной Ученой архивной комиссии (А. В. Поповым, И. А. Кастанье и др.), которые вели на Южном Урале активную археологическую деятельность. Председатель комиссии, городской врач А. В. Попов обратился к М. И. Ростовцеву с просьбой прокомментировать находки последних лет, сделанные в результате активных охранных действий комиссии в районе сел Прохоровки и Покровки. М. И. Ростовцев был буквально потрясен увиденными материалами: яркие интересные вещи из этих мест всецело относились к эпохе эллинизма. М. И. Ростовцев сразу же сопоставил их с памятниками Прикубанья, исследовавшимися в эти же годы Н. И. Веселовским, и связал с судьбой сарматов. Отдавая себе отчет в важности осмотренных им находок, М. И. Ростовцев сразу же по возвращении в Петроград взялся за организацию экспедиции для исследования Прохоровских курганов. Во главе экспедиции по просьбе М. И. Ростовцева в 1916 г. встал приват-доцент Петроградского университета С. И. Руденко. С этого момента в отечественной археологии открывается новое направление, всецело ориентированное на изучение сарматских древностей. Поздней осенью 1916 г. М. И. Ростовцев, получив дополнительные сведения о прохоровских находках от А. В. Попова и

¹⁸ См. ВДИ. 1989. № 1—4; 1990. № 1.

¹⁹ См. мои комментарии к VI главе в ВДИ. 1989. № 4.

С. И. Руденко, начал работать над книгой «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», где впервые в отечественной археологии дал серьезно обоснованную периодизацию сарматских памятников Южной России. Завершая работу над книгой «Исследование по истории Скифии и Боспорского царства», в начале 1918 г. М. И. Ростовцев включил итоги своего изучения оренбургских находок в текст второй части I тома книги. В это же время он завершает и полный текст книги о находках в Прохоровке и Покровке, которая стараниями академика В. В. Латышева выходит в свет в конце 1918 г. Эта последняя работа, написанная М. И. Ростовцевым в России, завершила на 36-м номере серию «Материалов по археологии России», издававшуюся Археологической Комиссией многие годы.

Но вернемся к судьбе «Исследования». Текст книги был написан М. И. Ростовцевым, как он это указывает и сам в предисловии ко второму изданию I тома в Берлине, в течение 1917 и первой половины 1918 г. По сообщению С. А. Жебелева²⁰, рукопись книги М. И. Ростовцев сдал В. В. Латышеву в начале июня 1918 г. По-видимому, С. А. Жебелев говорит только о I томе рукописи книги, так как до конца своей жизни этот ученый был уверен, что М. И. Ростовцев не написал II тома своего исследования. В действительности же дело обстояло совсем по-другому. В начале 1918 г. М. И. Ростовцев завершил свою работу над рукописью «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Понимая, что в условиях революционного кризиса ему вряд ли удастся издать свой труд целиком, он в январе 1918 г. по предложению издательства «Огни» берет за переделку вторую (историческую) часть книги в популярный конспект. Так появляется его книжка «Эллинизм и иранство на юге России», содержащая в себе краткое изложение всех основных выводов «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Весной 1918 г., подготовив к сдаче в издательство I том «Исследования», М. И. Ростовцев берется за продолжение работы по завершению всей книги в целом. Вот что об этом известно: «М. И. Ростовцев закончил в рукописи большой труд по истории Скифии и Боспора, приступил к изданию атласа под заглавием „Памятники Скифии и Боспора“. Издание рассчитано на три тома, и таблицы уже подготовлены к печати: I том будет содержать в себе важнейшие памятники некрополей греческих городов Боспорской державы, II и III тома будут заключать в себе памятники Скифии. Издание это должно восполнить пробел в научной литературе, которая до сих пор не имеет общего сводного издания древностей, из которых многие вообще еще не были опубликованы. Настоящий труд является результатом работы последних лет М. И. Ростовцева»²¹.

Развернув такую широкомасштабную деятельность по завершению издания книги, М. И. Ростовцев решил использовать предоставленный ему университетский отпуск и время, когда от него мало что зависело в техническом процессе публикации книги и атласа, для поездки в Швецию по приглашению О. Монтелиуса и Т. Арпе. Вместе с женой М. И. Ростовцев, оставив весь свой архив, библиотеку и большую часть своих средств в Петрограде, выехал 30 июня 1918 г. в Стокгольм. Срок поездки был определен в два месяца, и еще 1 августа 1918 г. М. И. Ростовцев из Борнсберга писал Б. В. Фармаковскому о скором своем возвращении и

²⁰ См. предисловие С. А. Жебелева к книге М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор».

²¹ Отчет о деятельности Российской Академии Наук... за 1918 г., составленный непременно секретарем Академии С. Ф. Ольденбургом. Пг., 1919. С. 35 сл.

своих планах дальнейшей научной работы. Но за это время многое изменилось в России. Разразилась непредсказуемая по своим последствиям Гражданская война. Возвращение в Россию стало для Ростовцевых невозможным. Так началась для них почти 40-летняя одиссея эмигрантской жизни. В России остались друзья, квартира на Большой Морской, личные сбережения, архив, библиотека и в том числе рукопись «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Отныне ее судьба таит в себе много загадок, с которыми можно встретиться даже на титульном листе издания в 1925 г. в Ленинграде I тома «Исследования»²². Задумываясь о судьбе этой книги, невольно вспоминаешь слова академика С. Ф. Ольденбурга: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, кропотливый и упорный труд, все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды „первых томов“, „первых выпусков“, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, незаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начина-

²² Если внимательно просмотреть издания, в которых даны ссылки на книгу М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор», то можно удивиться разнообразию того, как это делается. Наиболее распространенной является форма: *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. Однако встречаются и другие варианты указания места и времени издания книги. Казалось бы, здесь мы имеем дело только лишь с неточностями справочного аппарата, но это не совсем так. Взглянем на обложку книги. Титул ее дает следующую форму: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. РАИМК, 1925. Первое, что бросается в глаза — отсутствие города (Ленинград) на титульном листе. Явление это вроде бы случайное, но откроем с. VII книги. Там за перечнем опечаток мы найдем довольно странную фразу: «Попадающиеся кое-где начертания по новой орфографии читатель благоволит исправить на старую». Принадлежит она редактору издания С. А. Жебелеву. Какова же связь между отсутствием названия города на титуле книги и этой фразой? Дело в том, что единственное предложение, написанное в книге по новой орфографии, приведено на обороте титульного листа: «Ленинградский Гублит... Типография I Трудовой Артели Печатников. Моховая, 40». Таким образом, мы имеем дело не с небрежностью издателей книги и многочисленных невнимательных ее читателей, а с любопытным историческим документом той непростой эпохи, когда книга вышла в свет. Загадка титульного листа объясняется следующим образом. Начатое печатанием в 1918 г. издание было приостановлено в 1919 г. из-за Гражданской войны. Печаталось оно по старой орфографии и к концу года было выпущено уже 22 листа из 36. В 1924 г., когда появилась возможность издать труд М. И. Ростовцева, Н. Я. Марр, Б. В. Фармаковский и С. А. Жебелев приложили все силы, чтобы закончить издание по старой орфографии, хотя, например, от известного путешественника П. К. Козлова уже в 1920 г. при издании его книги «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото», не вышедшей в 1914 г., по набранной и отпечатанной целиком, книгоиздательская организация потребовала переработки текста со старой на новую орфографию (*Житомирский С. В.* Исследователь Монголии и Тибета П. К. Козлов. М., 1989. С. 155). В случае с изданием книги Ростовцева мы имеем яркое свидетельство скрытой фронды Н. Я. Марра, Б. В. Фармаковского и С. А. Жебелева по отношению к новой орфографии, которое демонстрирует нам как стойки были в академической среде настроения 1918 г., когда шла упорная борьба вокруг вопроса о новой орфографии, в которой на стороне академической науки выступали многие деятели русской культуры (напомним хотя бы позицию А. А. Блока). Кстати, несколькими годами позже случая с изданием книги М. И. Ростовцева приверженностью к старой орфографии фрондировали (правда, не без последствий) и молодые деятели советской культуры, в числе которых был и ныне здравствующий академик Д. С. Лихачев. Не менее интересно и то, что если действительно «соблаговолил исправить» написанное по новой орфографии, то вместо Гублита и Артели... мы получим «Типографию Главного Управления Уделов. Моховая, 40», т. е. именно ту типографию, в которой выходили все издания ИАГ и где были напечатаны многие труды М. И. Ростовцева.

ний, несбывшихся мечтаний...»²³. Слова эти написаны все в том же 1918 г., когда умирали от голода ученые, останавливали свою работу лаборатории и типографии. Положение было столь тягостным, что и два года спустя, в статье на смерть А. С. Лаппо-Данилевского С. Ф. Ольденбург вновь возвращается к той же мысли: «Нигде, кажется, кладбище незаконченных научных трудов не достигает таких страшных размеров, как именно у нас в России... Русский ученый работает обыкновенно с громадным увлечением, планы его громадны, он верит в свои силы, в свою способность совершить чудо — одному сделать работу троих...»²⁴. Как знать, может быть, записывая эти мысли, С. Ф. Ольденбург вспоминал и своего друга М. И. Ростовцева, человека, действительно способного совершить в одиночку работу «троих»? Этого мы никогда не узнаем, но, обращаясь к судьбе научного наследия академика М. И. Ростовцева, все же должны согласиться, что слова С. Ф. Ольденбурга весьма подходят к ней. Во всяком случае, они правомерны для русского периода творческой деятельности М. И. Ростовцева. А ведь это 47 лет жизни.

THE CREATIVE PATH OF M. I. ROSTOVTSSEFF
WHEN WRITING 'STUDIES IN THE HISTORY OF SCYTHIA
AND THE BOSPHORUS KINGDOM'

V. Yu. Zuev

This paper traces (from the large amount of data in the personal archives of M. I. Rostovtseff) the course of the writing of *Studies in the History of Scythia and the Bosphorus Kingdom* — one of the first of his fundamental works, devoted to the history of Graeco-barbarian relations in the northern littoral of the Black Sea. Rostovtseff's gradual transition from the historical-artistic aspects of the theme studied by him in the early stages of his work, to the historical problems proper, which he tried to solve though a synthesis of sources of various kinds (literary, epigraphic, and archaeological) is traced. A close link is traced between Rostovtseff's study of the history of Scythian-Bosphoran relations and the beginning of the shaping of his conception of Hellenism as an independent epoch in the history of antiquity.

²³ *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева // ИРАН. 1918. VI серия. Т. XII. № 7. С. 351.

²⁴ *Он же.* Работа А. С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 167.

© 1991 г.

ОПИСАНИЕ АРХИВА М. И. РОСТОВЦЕВА
В ЙЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В документах архива Михаила Ивановича Ростовцева засвидетельствована профессиональная карьера ученого-археолога, профессора древней истории, руководителя археологических исследований в Йельском университете. Архив М. И. Ростовцева, хранящийся в 34 коробках, со-

ставляют рукописи, заметки, лекции, фотографии и прочие материалы М. И. Ростовцева, относящиеся к 1914—1952 годам, причем большая их часть не имеет дат. Примечательно отсутствие в архиве Ростовцева переписки с коллегами, членами семьи и другими лицами.

Архив Ростовцева классифицирован по четырем разделам:

I. Рукописи и заметки — 1922—1944, б. д.

II. Фотографии — ок. 1914—1938, б. д.

III. Лекции — 1920—1944, б. д.

IV. Записки и разное — 1914—1952

I раздел — «Рукописи и заметки» — состоит из рукописных и машинописных черновиков и подготовительных заметок по многим книгам Ростовцева. Эти материалы написаны на разных языках, в том числе на английском, французском и греческом. Этот раздел подразделяется на следующие части: рукописи и заметки по эллинистическому периоду, социально-экономическая история эллинистического периода, общее.

Рукописи по эллинистическому периоду содержат ряд эссе размером со статью или книжную главу; они посвящены разным аспектам греческой культуры в эллинистический период, начиная с империй Александра Македонского, Антигонидов, Селевкидов и Птолемеев, до завоевания Востока Римом. Работы снабжены большим числом примечаний; среди работ эссе «Эллинистический мир и его экономическое развитие» (ед. хр. 3—4) и «Ментальность эллинистического мира и загробная жизнь» (ед. хр. 6). Многочисленные черновики и переделки в рукописях дают основание предполагать, что этот материал был, возможно, многократно использован в книгах, статьях, лекциях и т. п.

Заметки по эллинистическому периоду, собранные М. И. Ростовцевым на протяжении своей научной деятельности, касаются многих народов и государств, игравших активную роль в эллинистический период, включая Египет (ед. хр. 19—21), Италию (ед. хр. 25), Македонию (ед. хр. 26), царство Птолемеев (ед. хр. 35—41) и державу Селевкидов (ед. хр. 43—48). Большая часть этих заметок составлена на иностранных языках и, по-видимому, представляет собой сведения, которые М. И. Ростовцев отбирал из литературы.

Часть «Социально-экономическая история эллинистического времени» включает черновики и примечания Ростовцева к одной из его главных книг — «Социально-экономической истории эллинистического мира», опубликованной в 1941 г. Ед. хр. 64—71 содержат данные, относящиеся к иллюстрациям, использованным в этом томе. Ростовцевская подборка фотографий для этой работы отнесена в раздел II.

Часть «Общее» содержит расположенные в исправном порядке подборки материалов по таким темам, как Дура-Европос, Египет, Китай, настенная живопись, Парфия, Римская империя, самаритянский период, Селевкидская Вавилония, Скифия, социально-экономическая история Римской империи.

Раздел II — «Фотографии» — разбит на две части: *A* и *B*. В нем сохраняется первоначальный порядок расположения материала. В обеих частях содержатся фотографии древностей, предметов искусства, зданий, монет, рисунков, раскопок, ювелирных изделий, различных предметов и пр. Большую часть составляют профессиональные фотографии артефактов. Заметки М. И. Ростовцева к тем или иным фотографиям хранятся вместе с самими материалами. Имеются перекрестные отсылки к тем материалам, которые встречаются и в части *A*, и в части *B*.

Фотографии в этом разделе классифицированы по рубрикам, сходным

с теми, что были использованы в разделе I. Так, подборки по эллинистическому периоду (часть А, ед. хр. 18—37) содержат фотографии различных объектов этой эпохи и соответствуют рукописям и заметкам М. И. Ростовцева по этой теме, классифицированным в разделе I. В этой части больше всего иллюстраций к сочинениям по Италии и Риму (ед. хр. 44—49), Римской империи (ед. хр. 63—68), по социально-экономической истории эллинистического мира (ед. хр. 73—75) и по Южной России (ед. хр. 128—136).

Раздел III — «Лекции» — содержит собрание академических и публичных лекций М. И. Ростовцева (ок. 1920—1944 гг.). Лекции, прочитанные в Университете штата Висконсин (ед. хр. 165—168), датированы 1920—1924 годами. Среди них есть наброски и программы курсов. Лекции эти посвящены главным образом древней истории, особенно истории Римской империи и Южной России.

Лекции, собранные под названием «Йельский университет и другие учреждения» (ед. хр. 169—195), датируются 1925—1944 годами (есть и недатированные) и затрагивают широкий круг исторических и археологических проблем. Чаще всего темами лекций избирались Восток, Греция, Иран и иранское искусство, декоративное искусство, Дура-Европос. В этом же разделе находится ряд заметок к восьми лекциям, прочитанным в Норвежской Академии наук в 1928 г. (ед. хр. 175).

Раздел IV — «Записки и разное» — содержат ряд работ, написанных М. И. Ростовцевым и другими лицами. Эти материалы, кажется, не имеют прямого отношения к опубликованным Ростовцевым книгам. В разделе собраны мелкие статьи, библиографические заметки, рецензии на книги (ед. хр. 200—207). В этот же раздел включены дополнительные подборки записей по Дура-Европос (ед. хр. 211—213), Ирану (ед. хр. 219—220), Ближнему Востоку (ед. хр. 234—235) и Пальмире (ед. хр. 236).

Архив Ростовцева был подарен Йельскому университету самим Михаилом Ивановичем в 1942 и 1947 гг. Назовем также другие фонды, о которых известно, что в них находятся материалы М. И. Ростовцева или о нем: Ellsmorth Huntington Papers (Mss. Gr. № 1), Wallace Notestein Papers (Mss. Gr. № 544), Clarence W. Mendell (Mss. Gr. № 799).

В Йельской галерее искусств хранятся отчеты о раскопках Дура-Европос; в 1928—1938 гг. М. И. Ростовцев возглавлял там археологическую экспедицию.

У. Э. Браун

Редакция благодарит Архив Йельского университета за предоставленные материалы.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1991 г.

Н. Л. ЧЛЕНОВА. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1984. 100 с. с илл.

Хотя изучением киммерийцев занимались многие исследователи, в науке до сих пор нет единого мнения по вопросам, связанным с их территорией, историей, культурой и языком. Какая археологическая культура оставлена киммерийцами? Одни считают, что киммерийцы — носители позднесрубной культуры¹, другие связывают их с кобанской культурой Северного Кавказа², третьи отрицают существование киммерийцев в Северном Причерноморье³ или где бы то ни было⁴. Эта третья точка зрения была подвергнута критике в книге Н. Л. Членовой.

Представляется бесспорным наличие киммерийской топонимики на Керченском полуострове и в районе Керченского пролива (Эсхил, Геродот). Достоверность пребывания киммерийцев в Северном Причерноморье не вызывала сомнений у такого знатока античных источников, как Б. Н. Граков⁵. С. Р. Тохтасьев напомнил, что сведения и Эсхила, и Геродота восходят к ионийской исторической литературе⁶, что подкрепляет достоверность пребывания киммерийцев на этой территории. А. А. Нейхардт также считает, что киммерийская топонимика в восточной части Крымского полуострова свидетельствует о пребывании здесь киммерийцев⁷.

Столь же выразительно указание Геродота, что скифы заняли земли, ранее принадлежавшие киммерийцам. Так как земли скифов — по Геродоту — ограничены Северным Причерноморьем, этот факт всегда был слабым местом гипотезы о северокавказской локализации киммерийцев. Однако с 70-х годов на основании данных Диодора была выдвинута гипотеза о первоначальном пребывании скифов на Северном Кавка-

¹ *Городцов В. А.* К вопросу о киммерийской культуре // ТСА РАНИОН. II. М., 1928; *Граков Б. Н.* Скифы. Київ, 1947; *он же.* Скифы. М., 1971; *он же.* Ранний железный век. М., 1977; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976; *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 177; *он же.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1975; *Равский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 142—145.

² *Ельницкий Л. А.* Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. № 3. С. 15, 23; *Hančar F.* Hallstatt und der Ostraum. Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems // Сб. Гаврил Кацаров. Ч. I. София, 1950. С. 265—274.

³ *Куклина И. В.* Ранние известия о скифах и киммерийцах // ВДИ, 1981. № 2: *она же.* Этногеография Скифии. Л., 1985. С. 56, 60—63, 192.

⁴ *Дьяконов И. М.* Выступление на дискуссии: Круглый стол. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // НАА. 1980. № 6. С. 92—93; *он же.* К методике исследования этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 94. 98 сл.

⁵ *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. 36. С. 11; *он же.* Ранний железный век. С. 103—107.

⁶ *Тохтасьев С. Р.* «Киммерийская топонимия» I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М. 1984. С. 144.

⁷ *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 74.

зе⁸. Эта гипотеза может использоваться как еще один довод в пользу северокавказской локализации киммерийцев.

В этой связи книга Н. Л. Членовой важна тем, что она вводит новый источник в изучение киммерийской проблемы. Исследовательница исходит из того, что киммерийцы были вполне реальным народом как в Северном Причерноморье, так и на Северном Кавказе, оставившим археологические памятники, относящиеся к близкородственным культурам (каменномоетско-березовская — на Северном Кавказе, кизил-кобинская — в Крыму, чернолеская — на Украине, так называемый фракийский гальштат — в Молдавии)⁹. В книге Н. Л. Членовой приводятся новые доказательства — археологические и лингвистические — в пользу обитания киммерийцев на Северном Кавказе. Подробно рассмотрен новый источник изучения киммерийской культуры на Северном Кавказе — так называемые оленные камни.

Вообще оленные камни известны на очень широкой территории, от Монголии и Тувы до Болгарии и ФРГ. Н. Л. Членова дает подробное описание стел из ст. Усть-Лабинской, Зубовского хутора, Армавира и Кызбуруна, устанавливает отличия их от остальных групп оленных камней и приводит серию убедительных параллелей, подтверждающих принадлежность изображенных на этих камнях оружия и снаряжения воина к кругу северокавказских памятников (Кобан, Каменномоетское, Прикубанье).

В книге решаются вопросы хронологии северокавказских оленных камней. Рассмотрены такие важные памятники этой эпохи, как курган у Лермонтовского разъезда, погребения у хуторов Алексеевский и Кубанский, погребения могильника «Мебельная фабрика» на Северном Кавказе, Тарасова гора, курганы у Жаботина, Мошны, Малой Цимбалки, Константинова на Украине, курганы у хутора Обрывского (Подонье) и погребения № 136 и 509 Старшего Ахмыловского могильника (Поволжье), курганы в Ендже (Болгария), могильники Тагискен и Уйгарак в низовьях Сырдарьи и др. Давно обсуждается вопрос о дате комплекса у Лермонтовского разъезда (А. А. Иессен, А. И. Тереножкин, А. М. Лесков, В. Ю. Мурзин и др.). В. Б. Виноградовым и С. Л. Дударевым была предложена дата этого комплекса — не ранее 650 г. до н. э.¹⁰ При этом они опираются на материалы из Абхазии: бронзовый наконечник копья из Чинталука и железные наконечники копий из Куланурхва-12. Но бронзовый наконечник из Чинталука не старше конца VII в. до н. э.¹¹, а наконечникам из Куланурхва-12 есть аналогии в основном среди памятников VII—VI вв. до н. э.¹² Следовательно, Н. Л. Членова справедливо включает комплекс у Лермонтовского разъезда в круг памятников второй половины — конца VII в. до н. э.

Автором убедительно доказана синхронность ряда комплексов, содержащих удила с двукольчатыми и стремечковидными окончанием и относившихся ранее к двум или трем последовательным периодам (камышевахо-черногоровский, новочеркасский,

⁸ *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Приднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. 13; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 34—43; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М. 1975. С. 42, 204—206; *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. 23. С. 56; *Ильинская В. А.* *Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 51—86, 357.

⁹ *Членова Н. Л.* Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана. Всесоюз. конф. 1969 г. М., 1971: *она же.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 134. Табл. 67—68. Разделы XVII—XIX; *она же.* О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // *Studia Thracica*. I. Sofia, 1975.

¹⁰ *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья // АСГЭ. 1983. 23. С. 50 сл.

¹¹ *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми 1969. С. 50. Табл. XXXVIII, 15.

¹² *Трапш М. М.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Труды в 4-х томах. Т. I. Сухуми 1970. С. 131 сл.

жаботинский). Теперь эти комплексы пополнились еще двумя — из могильников у г. Абинск и у станицы Новосвободная на р. Фарс¹³. В них представлены удила — одноколычатые, двуколычатые и стремечковидные. Эти новые факты увеличивают количество случаев совместной встречаемости удил разных типов и подтверждают их синхронность, так же как и близость и идентичность вещей в комплексах с двуколычатыми и стремечковидными удилами. В этот перечень комплексов можно добавить в Николаевский могильник, материалы которого положены в основу разделения памятников на черноговорскую и новочеркасскую ступени¹⁴. В погребении 31 Николаевского могильника найден конец костяного псаля с изображением копыта¹⁵, подобным изображению на конце бронзового псаля из хутора Алексеевский. Комплекс же из хутора Алексеевский в настоящее время всеми авторами единодушно датируется VII в. до н. э.¹⁶ Крайне важен и экскурс Н. Л. Членовой в хронологию раннескифских стрел, где на ряде примеров (Гумарово, Оренбургской обл., совхоз «Красное Знамя» на Ставропольщине, хутор Обрывский в Подонье и др.) показано сосуществование стрел новочеркасского и жаботинского типов в рамках VII в. до н. э. Таким образом, автор на большой серии комплексов показала синхронность удил с двуколычатыми и стремечковидными концами и стрел новочеркасского типа с жаботинскими и установила датировку их в пределах VII в. до н. э. В группу памятников VII в. до н. э. автором включены Малая Цимбалка, Высокая Могила (могила 5), относимые ранее к памятникам черноговорской группы и датированные IX—VIII вв. до н. э. или второй половиной VIII — началом VII в. до н. э.¹⁷

Подводя итоги, автор обращает внимание читателя на то, что «ведущие предметы, которыми А. А. Иесен датирует предкелермесские памятники, относятся во многих случаях к VII в. до н. э. Вопрос правильнее поставить так: относятся ли хоть некоторые из них к VIII в. до н. э.?». На поставленный вопрос Н. Л. Членова сама ответа не дает. Можно указать очень немного памятников, которые в какой-то мере могут быть связаны с VIII в. до н. э. Это Носачевский курган, где найдены бронзовые бляшки, аналогичные изображенным на рельефах дворцов ассирийских царей Саргона II (722—705) и Ашурбанишала (668—627) — конец VIII—VII в. до н. э. О датировке некоторых из предкелермесских памятников концом VIII в. до н. э. может свидетельствовать и связь их с черноморскими городищами (например Залевкинский клад), на которых жизнь прекращается к началу VII в. до н. э. Кроме того, даты по C_{14} для кургана Аржан (850 ± 50 ; 820 ± 50 ; 800 ± 50)¹⁸ создают известные сложности на пути «омоложения» некоторых комплексов Северного Причерноморья, имеющих сходные с аржанскими вещи. Однако были приведены аргументы о датировке Аржана VII в. до н. э.¹⁹ Пока же трудно точно датировать такие комплексы, как камышевахский и черноговорский. Трубочатые бронзовые псаля из Хаслау-Регельсбрунн с большой шляпкой на од-

¹³ Анфимов Н. В. Древнемеотский могильник у г. Абинска // ВВА. Майкоп. 1981; Лесков А. М. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 147—152.

¹⁴ Тереножкин. Киммерийцы. С. 73.

¹⁵ Анфимов Н. В. Протогеотский могильник с. Николаевского // СМАА. Т. II. Майкоп, 1961. С. 112. Табл. III, 1.

¹⁶ Петренко. Ук. соч. С. 44.

¹⁷ Лесков. Заключительный этап... С. 62 сл.

¹⁸ Грязнов М. П. Аржан. Л., 1980. С. 54.

¹⁹ Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977. № 2. С. 61—78; Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 90—92.

ном конце (подобные камышевахским) Г. Мюллер-Карпе датировал временем HaB_2 — HaB_3 (IX—VIII вв. до н. э.)²⁰, но К. Килиан — HaB_3 , не ранее 700 г. до н. э.²¹

Таким образом, имеется значительная серия памятников, убедительно датированных Н. Л. Членовой и некоторыми другими исследователями VII в. до н. э. Очень возможно, что к этой группе примыкают и некоторые комплексы, относящиеся еще к самому концу VIII в. до н. э. Установленная Н. Л. Членовой синхронность большой серии разнообразных памятников вносит принципиально важный момент в представление о развитии памятников предкеклермесского времени. Прделанная автором работа определенно свидетельствует о том, что существующее представление о двух этапах развития памятников — камышевахско-черногоровском и новочеркасском — оказывается неправильным. Памятники, относимые к этим двум этапам, в большинстве случаев синхронны, а не сменяют друг друга.

Одновременное бытование двух различных групп комплексов исследовательница объясняет принадлежность их к разным этническим группам населения. Новочеркасский комплекс она трактует как киммерийский, комплекс же с удилами, имеющими стремечковидные окончания, — как скифский. А. М. Лесков уже высказывал мысль о принадлежности их к разным этническим группам: новочеркасские памятники он считал скифскими, черногоровские — киммерийскими. Новая гипотеза Н. Л. Членовой представляется более обоснованной, так как ранний скифский комплекс ближе к черногоровскому, чем к новочеркасскому.

Затем исследовательница выделяет серию закавказско-малоазийских, главным образом фригийских, параллелей отдельным элементам северокавказских оленных камней (сердцевидные подвески, орнамент из прорезных колец, бронзовые пояса, меандровидный орнамент и др.). Обращается внимание и на сходство в изображениях мечей на армавирской стеле и клазоменском саркофаге. Однако фрагментарность армавирского меча (сохранилась лишь верхняя его часть), на наш взгляд, не дает оснований для безоговорочной возможности такого сопоставления.

Широкое привлечение фригийских, урартских и иранских параллелей для осмысления кавказских материалов в свете новых исследований²² представляется для этой эпохи особенно продуктивным. При этом черты смешанного урарто-фригийского стиля на северо-кавказских оленных камнях Н. Л. Членова справедливо связывает с участием киммерийцев в урартских походах против Фригии в первой половине — середине VII в. до н. э. (прежде всего поход 676 г. до н. э.). Особенно любопытно сопоставление северокавказских стел с известняковой статуей из Гордиона: у них такие важные общие черты, как посадка головы, круглая низкая шапка, скошенная к затылку, головная повязка, серьги и др. Показателен и анализ комплексов, сопровождавших оленные камни Северного Кавказа. Так, с усть-лабинской стелой связано два колчаных набора, в первом состав наконечников аналогичен краснознаменскому и малоазийским наборам середины VII в. до н. э. (Богазкёй, Самария, Алишар, Гордион и др.), а второй, к которому непосредственно относилась стела во вторичном положении, содержал наконечники, дата которых — не позже конца VII — рубежа VII—VI вв. до н. э. Общий вывод автора о том, что северокавказские оленные камни должны датироваться второй половиной — концом VII в. до н. э., представляется верным.

Очень интересна и мысль Н. Л. Членовой о бытовании в рассматриваемый период смешанных киммерийско-скифских памятников с заметной (добавим от себя — в отношении Северного Кавказа) примесью ближневосточных черт, характеризующих не

²⁰ Müller-Karpe H. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Bd I. В., 1959.

²¹ Kilian K. Zum Beginn der Hallstattzeit in Italien und im Ostalpenraum // JRGZM. 1971. Jg. 17.

²² Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М. 1984. С. 47—161.

только оленные камни, но и ранние Келермесские курганы²³, курганы у хутора «Красное Знамя» и др. Присутствие ближневосточных компонентов автором справедливо объясняется их внедрением «в быт киммерийцев, совершивших малоазиатские походы, и их потомков». Сравнение оленных камней со скифскими изваяниями — «каменными бабами» выявило много принципиальных различий. Это заставило исследовательницу сделать вывод, что оленные камни — не локальная разновидность скифских изваяний и не их непосредственные предшественники.

В книге Н. Л. Членовой рассмотрены и вопросы этнической принадлежности создателей оленных камней. Приводятся мнения многих авторов (И. А. Джавахишвили, М. И. Артамонова, Л. И. Лаврова, В. П. Шилова, С. А. Токарева и др.) о связи киммерийцев и синдов с предками абхазо-адыгов. Здесь же рассматриваются гипотезы, связывающие киммерийцев с индоариями (О. Н. Трубачев), иранцами (И. М. Дьяконов, В. И. Абаев, А. И. Попов и др.) и вообще степняками (А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, Н. В. Анфимов, Е. П. Алексеева и др.). Далее автор совершает интересный экскурс в этимологию названия «киммерийцы», которое она вслед за многими исследователями (В. Ф. Миллером, В. И. Абаевым, М. Р. Фасмером, А. И. Поповым и др.) связывает со словом «кумир» (идол), сохранившим в осетинском, грузинском и ряде других языков значение «великан», «герой» и т. д. Отметив, что наличие в осетинском (Нарты) и исландском (Эдда) эпосах героя Гумира (Хюмира), вероятно, связано с проникновением в Прибалтику в первые века н. э. сарматского элемента, исследовательница приводит ряд аргументов, определяющих время появления образа великана Гумира VIII—VI вв. до н. э. и подтверждающих жизненность гипотезы, согласно которой киммерийцы были предками абхазо-адыгов. Среди этих аргументов: совпадение территории нынешнего расселения последних, бывшей, по мнению большинства исследователей, отправным пунктом киммерийских походов, с распространением памятников колхидско-кобанской и каменноостско-березовской культур; обеспеченная этими обстоятельствами легкость прохождения киммерийцев через Колхидское побережье Черного моря; локализация «страны Гамир» на северо-востоке Малой Азии, прибрежная часть которой (Орду, Сазак-кале и др.) входила в ареал колхидско-кобанской культуры и была заселена в эпоху поздней бронзы племенами кашков и абешайцев, по мнению большинства исследователей, родственных абхазо-адыгам. Важное значение придает Н. Л. Членова и широкому распространению в топонимике и ономастике Западного Кавказа основ «гум», «кемурго» и др. Здесь необходимо особо отметить, что идея об участии представителей племен Западного и Центрального Кавказа в рассматриваемых переднеазиатских походах весьма плодотворна, но она, к сожалению, пока не получила достаточной разработки. Между тем о реальности такого участия свидетельствует наличие в древностях колхидско-кобанского круга множества ближневосточных, в первую очередь урартских, элементов VIII—VII вв. до н. э. (шлемы из Фаскау и Приморского, пекторали из Бештау, Султангоры, Эшеры и Анухвы, бронзовые пояса из Тли, бляхи из Бештау, Хуцубани и др.). Вместе с тем желательнее провести работу по выявлению соответствующих северо-западнокавказских элементов в культуре Западного и Центрального Закавказья и прилегающих областей Ближнего Востока, поскольку из-за отсутствия таковых некоторые исследователи²⁴ вообще отрицают факт прохождения киммерийцев на юг вдоль Черноморского побережья Кавказа.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что книга Н. Л. Членовой, несмотря на спорность отдельных положений, является важным вкладом в разработку киммерийской проблемы, так как вводит в научный оборот новый, чрезвычайно интересный источ-

²³ Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (По материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. 24. С. 32—55.

²⁴ Кеирквелия Г. Т. Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981. С. 11 сл.

ник — северо-кавказские оленные камни, вносит много новых позитивных моментов в исследование раннего железного века Кавказа как в аспекте хронологии, так и в отношении культурных связей и этнических передвижений.¹

И. В. Яценко, Ю. Н. Воронов

© 1991 г.

Н. Н. ТРУХИНА. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М.: Изд-во МГУ, 1986, 184 с.

Монография Н. Н. Трухиной охватывает период с Ганнибаловой войны и до движения Гракхов, т. е. эпоху расцвета Рима-полиса. Главная задача автора — выявление и реконструкция политических течений и характера политической борьбы Поздней республики «в период стабильной полисной структуры и в начале первых ее колебаний» (с. 3). Решение этой задачи способствует более глубокому пониманию предыстории эпохи гражданских смут, а следовательно, и ключевой в истории Римской республики проблемы кризиса Рима-полиса. Рассматриваемый в рецензируемой монографии вопрос оживленно дебатировался как в советской, так и, особенно, в зарубежной историографии, однако общепризнанного решения он пока еще не получил.

Монография Н. Н. Трухиной состоит из вступления и двух частей, разделенных на главы, а также приложения, в котором даны сохранившиеся фрагменты речей Катона Цензора в переводе автора. Первая часть книги посвящена характеристике римского общества и государства II — начала I в. до н. э. Столь широкие хронологические рамки этого раздела обусловлены особенностями источниковой базы. Некоторые аспекты истории римского общества догракханской эпохи приходится восстанавливать на основе данных, относящихся к I в. до н. э. Автор дает общую характеристику «золотому веку» Римской республики, анализирует сословия римского гражданства, рассматривает механизм деятельности основных государственных институтов: магистратур, народного собрания и сената. Впервые в советской историографии проводится такое разностороннее исследование нобилитета, который определяется автором как состоящая из нескольких десятков фамилий замкнутая политическая корпорация, обладающая неписанным преимущественным правом на консулат и осуществляющая свое господство в сенате, комициях (при обычном течении дел) и суде (с. 40). Н. Н. Трухина убедительно показывает, что понятия аристократии и сенаторского сословия не являлись в Риме синонимом.

В отличие от нобилитета сенаторское сословие не было замкнутым, оно постоянно пополнялось представителями всаднического сословия. Это объясняется в значительной мере, тем, что низшие магистратуры не окунали огромных расходов их соискателей. Наследственные сенаторские семьи, по наблюдению автора, прослеживаются лишь на уровне претуры, дававшей доступ к доходам, связанным с управлением провинцией и командованием армией. Вывод о наличии в сенате наследственных привилегированных преторских семей, практически лишенных доступа к консулату, представляется нам очень интересным и перспективным с точки зрения исследования особенностей политической борьбы в эпоху Поздней республики.

Опираясь на результаты новейших исследований, Н. Н. Трухина рассматривает роль и место всаднического сословия в социально-политической структуре Римской республики. Она отвергает устаревшее, но все еще распространенное в литературе определение всадников как торгово-денежной знати и квалифицирует их как рабовладель-

цев-помещиков, происходивших из среды зажиточных муниципальных землевладельцев и представлявших собой основной источник пополнения сената. Автор показывает, что к всадникам были во многих отношениях близки, с одной стороны, рядовые незначительные сенаторы, а с другой — широкие круги мелких и средних рабовладельцев-помещиков, входивших в первый имущественный класс. Все они принадлежали к средним слоям, противостоящим как малоимущему плебсу, так и нобилитету.

На основании комедий Плавта Н. Н. Трухина доказывает, что именно «потомственный помещик-рабовладелец средней руки», хозяин виллы в 100—200 югеров, был главной социальной персоной рассматриваемой эпохи, типичнейшим римлянином в представлении современников. Этот вывод хорошо согласуется с исследованиями сельского хозяйства древнего Рима, авторы которых отмечают, что в III—II вв. до н. э. основной производственной ячейкой римского земледелия становится рабовладельческая вилла средних размеров¹. Н. Н. Трухина обосновывает не только вывод относительно ключевой фигуры римского общества, но и введение в научный оборот нового термина — помещик-рабовладелец. Она справедливо, на наш взгляд, отмечает необходимость использования термина «помещик», поскольку «историк античности нуждается в слове, фиксирующем классовую границу между состоятельным неработающим землевладельцем и крестьянином-тружеником» (с. 60, прим. 10). Вместе с тем в монографии стоило бы отметить, что слова, фиксирующего такую границу, нет ни в древнегреческом, ни в латинском языках. Видимо, это связано с тем, что в античной гражданской общине не существовало столь четкой грани между крестьянином и «помещиком», как в феодальном обществе. И тот и другой формально обладали равными правами, поэтому, разбогатев, крестьянин автоматически становился «помещиком». С другой стороны, как неоднократно замечает автор, римские помещики были преимущественно горожанами, нередко соединявшими в одном лице качества сельского хозяина и активного дельца (с. 12, 18, 24)². Поэтому, вводя новый термин, следовало бы специально оговорить, что между «помещиками» античности и феодализма трудно найти даже отдаленное внешнее сходство.

Основываясь на своей реконструкции социально-политической структуры Поздней республики и на скрупулезном анализе широкого круга источников и прежде всего произведений Цицерона, Н. Н. Трухина подвергает критике господствующие в современной историографии концепции борьбы в Риме II—I вв. родовых группировок и (или) лидерских партий, оторванных от крупных общественных интересов, и впервые как в советской, так и в зарубежной историографии аргументированно постулирует наличие трех основных политических течений или «партий»: «партии» нобилитета, «партии» средних слоев («порядочных» — *boni*) и «партии» мелкого плебса (популярной). Борьба этих течений в значительной мере определяла, по мнению автора, характер внутривнутриполитической истории Рима в период Поздней республики, причем основным содержанием догракханского периода была борьба нобилитета и «порядочных». Концепция, выдвинутая Н. Н. Трухиной, обогащает современные представления о социальной структуре позднереспубликанского Рима и позволяет ответить на многие спорные вопросы политической истории этой эпохи и уточнить наши представления о характере и особенностях Рима-полиса.

Созданная автором картина политической жизни Рима представляется нам убедительной и интересной. Вместе с тем стоило бы, видимо, внести некоторые дополнитель-

¹ *Сергеев М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М. — Л., 1958; *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964; *Кузицин В. И.* Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.

² Аналогичное явление в афинском обществе V—VI вв. до н. э. отмечает В. Н. Андреев, указывая при этом, что «видимо, недаром в аттической литературе по сути дела нет такой фигуры, которая хотя бы внешним образом напоминала помещика». (*Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. // *Античная Греция.* Т. 1. М., 1983. С. 274 сл.).

ные штрихи, для того чтобы сна была полностью завершённой. Автор вслед за Н. А. Машкиным рассматривает римские партии как неорганизованные, но устойчивые политические течения и отмечает, что в Риме в отличие от современных государств не было оформленных организаций с четкими программами (с. 46). С этим трудно не согласиться, однако отсутствие в Риме организаций современного типа вовсе не означает, что политическая борьба протекала там вообще вне каких-либо организационных форм. По поводу последних можно найти отдельные интересные замечания и в рецензируемой монографии. Так, например, указывается что термин, партия (*partes*) использовался римлянами не только для обозначения крупных политических течений (с. 60, прим. 27), говорится о партиях как о соперничающих сенатских группировках (с. 87, 155, 166), отмечается наличие в политической жизни Рима «товарищеских деловых союзов» (с. 137), «кружков» (с. 155), «родственных компаний» (с. 145), подчеркивается всевластие узкого круга вождей как одна из закономерностей массовых движений античной эпохи (с. 55). Судя по этим замечаниям, у автора имеется собственное представление по вопросу о специфике организационных форм политической борьбы в республиканском Риме. Очевидно, на этом вопросе, являющемся предметом оживленных дискуссий в современной историографии, следовало бы специально остановиться в книге, посвященной характеру политической борьбы в эпоху Поздней Республики.

Во второй части книги Н. Н. Трухина, опираясь на изложенную концепцию, рассматривает политическую историю «золотого века» Римской республики сквозь призму деятельности видных политиков этого времени — Сципиона Африканского, Катона Цензора и Сципиона Эмилиана. Исходя из принципа, что «конкретное историческое исследование не терпит абстракции» (с. 63), автор сначала излагает биографию своих героев, а затем реконструирует политический курс каждого из них. Н. Н. Трухина проявляет незаурядное мастерство, воссоздавая на основе нередко разрозненных отрывочных данных различных источников исторически убедительные и художественно полноценные образы двух Сципионов, давая краткие и вместе с тем яркие запоминающиеся характеристики как отдельным политикам, так и целым аристократическим родам, например, Клавдиям Пульхрам, Цецилиям Метеллам, Сервилиям Цепионам. Благодаря этому история далеких лет облекается плотью, а книга читается на едином дыхании. Исторические портреты, созданные Н. Н. Трухиной, получились столь живыми и полнокровными во многом потому, что она, не ограничиваясь ролью сурового, не доступного эмоциям судьи, позволяет читателю почувствовать свое отношение к историческим деятелям; уважение к Сципиону Африканскому, горячую симпатию к Катону Цензору и Сципиону Эмилиану. Однако такой подход имеет и оборотную сторону. Как нам представляется, автору не удалось избежать некоторой идеализации при характеристике Катона. Занятие своего героя самым гнусным (по определению Плутарха) видом ростовщичества — ссудой денег под залог кораблей — автор мягко именует «малопрестижными деловыми операциями» (с. 98); о скарденности Катона и его жестокости по отношению к своим рабам не упоминается вообще, хотя свидетельства такого рода можно найти и у Плутарха и в сохранившемся сочинении самого Катона «О земледелии» (*Plut. Cat. Mai. IV—V, X; Cat. De agr. 2.4; 2.7*).

Рассматривая политическую деятельность своих героев, Н. Н. Трухина дает оригинальную трактовку «партийной принадлежности» каждого из них. Сципиона Африканского она вслед за Т. Моммзеном определяет как вождя самой влиятельной сенатской группировки 90-х годов II в. до н. э., правящей в традициях аристократической клики. Принципиальным неустанным противником Сципиона являлся Катон Цензор — «выразитель настроений политически активного слоя богатых землевладельческих фамилий, недовольных засильем знатных группировок» (с. 114). Он боролся за права «незнатной доблести», стремился добиться эмансипации сенатского авторитета от влияния знати, опираясь при этом на незнатных сенаторов и прежде всего на потомственных преторов. Продолжателем дела Катона был, по мнению автора, Сципион Эмилиан, борющийся как против всевластия нобилитета, так (в конце жизни) и против мелкоплебейской демократии.

Выводы Н. Н. Трухиной позволяют увидеть в политических схватках этой эпохи не только борьбу за власть и влияние отдельных честолюбцев, но также и противоборство лидеров широких общественно-политических течений. Эти выводы хорошо аргументированы. По каждому вопросу автор рассматривает всю совокупность данных античной традиции, разбирает с помощью просопографических изысканий дружеские и деловые связи своих героев, исследует систему их ценностей как в политической сфере, так и в области культуры и в повседневной жизни. Характер используемой Н. Н. Трухиной системы доказательств можно продемонстрировать на примере реконструкции политической линии Сципиона Эмилиана. Автор разбирает на основе цicerоновского диалога «О государстве» теоретические воззрения Сципиона, направленность его политических симпатий, очерчивает круг его общения, охватывающий, главным образом, недавних нобилей, «новых людей» и «почтенных мужей» из всаднического сословия, показывает его роль в политических баталиях «золотого века», а затем демонстрирует единство культурно-воспитательной политики Сципиона и Катона, разрушая тем самым традиционное представление о разделении римских политиков II в. до н. э. на два враждебных лагеря — эллинофилов и эллинофобов. Таким образом, конечный вывод органично вытекает из единодушного свидетельства всей совокупности источников.

Следует отметить, что не все в рецензируемой монографии в равной мере убедительно обосновано. Встречаются отдельные спорные моменты и неточности. Трудно согласиться с автором в том, что границы олигархической клики «были довольно четко очерчены, а состав однороден и компактен» (с. 54), поскольку она сама на примере группировки Сципиона Африканского Старшего демонстрирует обратное. В описании битвы при Заме более предпочтительной нам представляется версия Полибия, а не Ливия (с. 83—84)³. Говоря о наказании воинов Сципионом Эмилианом под Нуманцией, Ливий, как нам кажется, имел в виду не италийцев и заморских союзников, а римских граждан и италийцев (с. 143)⁴. Н. Н. Трухина правомерно критикует «двухпартийную» схему Саллюстия, но оставляет без внимания «двухпартийную» схему Цицерона, уверявшего в одной из своих речей, что оптиматы и популяры всегда противостояли друг другу в Римском государстве (Sest. 96—98)⁵.

Отмеченные мелкие недочеты, разумеется, никак не связаны с общей концепцией рецензируемой работы и не умаляют ее несомненных достоинств. Монография, в которой дана оригинальная хорошо аргументированная концепция политических течений и политической борьбы позднереспубликанского Рима, представляет собой серьезный вклад в изучение социально-политической истории Рима II—I вв. до н. э. Стиль исследования соответствует лучшим традициям университетской науки. Автор доступно и просто разбирает сложные вопросы. Изложение материала живое и яркое. Книга Н. Н. Трухиной пользуется популярностью не только у специалистов-антиковедов, но и у широкого круга студентов и аспирантов. Она успешно применяется в учебном процессе.

О. В. Сидорович, А. Л. Смышляев

³ Аргументы в пользу версии Полибия см.: *Walsh P. G. Livy. His historical aims and methods. Cambr., 1961. P. 158*, а также: *Scullard H. H. Scipio Africanus: Soldier and Politician. L., 1970. P. 143*.

⁴ Аргументы в пользу такой интерпретации соответствующего фрагмента Ливия (Per. 57) см.: *Lintott A. W. Provocatio: From the Struggle of the Orders to the Principate // ANRW. I. Bd 2. P. 251*.

⁵ *Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. P., 1963. P. 501 f.*

M. GUTGESELL. Die Datierung der Ostraka und Papyri aus Deir el Medineh und ihre ökonomische Interpretation. Hildesheim, 1981 (Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 18—19);

M. L. BIERBRIER. The tomb-builders of the Pharaohs. New York: Charles Scribner's sons, 1984. 160 p. 100 figs.;

D. VALBELLE. «Les ouvriers de la tombe». Deir el-médineh à l'époque ramesside. Paris, 1985. 414 p. X pl. 3 fig. 5 tabl. (= Institut français d'archéologie orientale du Caire. Bibliothèque d'étude, t. XCVI);

R. VENTURA. Living in a city of the dead. A selection of topographical and administrative terms in the documents of the Theban necropolis. Universitätsverlag, Freiburg, Schweiz; Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen, 1986. 227 p. 3 figs. (= Orbis biblicus et orientalis, Bd 69)

Перечисленные выше книги при всем разнообразии исследуемых тем и жанровых особенностей (только книга М. А. Биэбрайера является научно-популярной, остальные представляют собою диссертационные исследования разного типа и уровня) объединяет главное — их источниковедческая база. Все книги написаны на основе материалов из Дер эль-Медина.

Книга М. Гутгезелла несомненно окажет наибольшее по сравнению с другими рассматриваемыми здесь трудами влияние на развитие науки. В ней разработано наблюдение Я. Черны о последовательности дежурств и возможности датировать по дежурным работникам (подобно тому как специалисты по истории Греции датируют по архонтам-эпонимам) тексты из службы царского некрополя¹, большая часть которых датирована издателями по палеографическим особенностям лишь с точностью до века из-за отсутствия египетской даты в заголовке. Попытку установить порядок дежурств и состав подразделения в целом предпринимал В. Хелк², но в масштабах одной статьи это сделать было невозможно, поэтому он и поручил разработку темы своему ученику М. Гутгезеллу, который прекрасно справился с работой. М. Гутгезелл обследовал ряд крупных собраний египетских древностей, но основной материал для книги почерпнул из остающихся неизданными записных книжек Я. Черны, в которых иногда скопированы, а чаще — транскрибированы сотни неопубликованных текстов. Особенно ценную часть составляют транскрипции иератических папирусов и острака, ведь Я. Черны был непревзойденным знатоком египетской скорописи. Записные книжки Я. Черны хранятся в Институте Гриффиса в Оксфорде. Они дали М. Гутгезеллу такой богатый материал, что он счел возможным ограничиться почти только им, пренебрегая публикациями других единичных и даже массовых источников и результатами исследований других ученых. М. Гутгезелл установил подённые графики дежурств работников, их цикличность и заменяемость. Это, в свою очередь, позволило датировать массу списков работников и дневниковых записей с точностью до дня, а иногда — до десятилетия. Правда, не все работники дежурили и далеко не все тексты касаются дежурств, поэтому датировка большого числа источников остается слишком широкой, но тут уж вины М. Гутгезелла нет. Для других источников нужно разрабатывать другие методы датировки. В некоторых случаях, определяя время написания недатированных источников, М. Гутгезелл слишком абсолютизирует значение установленных им временных рамок, забывая, что целый ряд работников известен нам из одного источника. Это значит, что

¹ Černý J. Datum des Todes Ramses' III: und der Thronbesteigung Ramses' IV:// ZÄS. 1936. Bd 72. S. 109—118.

² Helck W. Zur Geschichte der 19. und 20. Dynastie // ZDMG. 1955. Bd 105. Ht 1. S. 28—38.

некоторых работников мы вообще не знаем, поэтому необходимо соблюдать осторожность при наложении жесткой сетки разработанных датировок. Тем не менее его работа — большое продвижение вперед в систематизации источников XII—XI вв. до н. э., и ее огромное значение переоценить невозможно.

Единственным существенным недостатком этой основательной книги является противоречивость датировок. Работа сделана явно слишком поспешно, поэтому одни и те же лица, в разных местах книги укладываются в разные временные промежутки. Целый ряд давно и хорошо изданных источников объявляются неизданными (например, папирусные дневники из Египетского музея в Турине ³), некоторые тексты цитируются по безнадежно устаревшим публикациям ⁴. В конце концов, это не позволяет рассматривать книгу М. Гутгезелла как надежную просопографию, но важность и ценность разработанной им методики от этого не уменьшается.

В самой книге датой выпуска стоит дата защиты ее М. Гутгезеллом в качестве диссертации — ноябрь 1981 г. В действительности эта дата поставлена только для того, чтобы не учитывать исследования, вышедшие ранее ее реальной публикации. Ни в 1981, ни в 1982, ни в 1983 г. я не мог добиться получения этой книги, необходимой для учета в написанной в 1977 г., но вышедшей из печати в 1983 г. монографии ⁵. Сейчас понятно — почему. К. Келлер сообщает, что в действительности книга М. Гутгезелла вышла из печати в 1983 г. ⁶, а Р. Вентура, выпустивший книгу в 1986 г., не успел учесть книгу М. Гутгезелла по той же причине (он тоже называет 1983 г.) ⁷. Не учла содержания книги М. Гутгезелла в вышедшей из печати в 1985 г., но законченной в конце 1982 г. книге и Д. Вальбель.

Исследования по источникам из Дер эль-Медина стали выходить так часто и много, что коллеги не успевают учитывать работы друг друга по техническим причинам. Можно ли было об этом подумать 20 лет назад, когда я начал силовую роспись текстов! Ведь тогда существовала только масса публикаций да несколько исследовательских статей.

Замечательная книжечка М. А. Биэбрайера, обильно иллюстрированная фотографиями, значительная часть которых публикуется впервые, первоначально издана в Лондоне в 1982 г. С тех пор она уже получила заслуженное признание и была издана не только в США, но и во Франции ⁸.

Основным достоинством этой книги является то, что она живо и вместе с тем без упрощения показывает состояние нашей отрасли египтологии на конец 70-х — начало 80-х годов нашего столетия. М. А. Биэбрайер очень тщательно отделяет то, что решено

³ *Botti G. Peet T. E. Il Giornale della Necropoli di Tebe. Torino, 1928. Tav. 8—13, 27—49, 14—26, 44—48 50—63. Cp. Gutgesell. Op. cit. S. 153. 340—342, 344.*

⁴ Например, *Spiegelberg W. Ägyptische und andere Graffiti (Inschriften und Zeichnungen) aus der thebanischen Necropolis. Heidelberg, 1921. S. 92—93* — в работе М. Гутгезелла это граффито названо неизданным. Последний перевод и интерпретация см. *Keller C. How Many Draughtsmen Named Amenhotep? A Study of Some Deir el-Medina Painters // JARCE. 1984. V. XXI. P. 124.*

⁵ *Богословский Е. С. Древнеегипетские мастера. М. 1983.*

⁶ *Keller. Op. cit. P. 123. № 46.*

⁷ *Ventura. Op. cit. P. XII. № 1. В «Annual Egyptological Bibliography». 1983. Leiden, 1987. P. 105.* также указан как год выхода из печати 1983 год.

⁸ Во Франции между тем успела двумя тиражами выйти совершенно неудовлетворительная книжка: *Della Monica M. La classe ouvrière sous les pharaons. Etude du village de Deir et Médine. P., 1975; 2e ed.— P., 1980, основанная на пересказе устаревших сведений 20—30-х годов, когда большая часть письменных источников о Дер эль-Медина еще только начинала издаваться и не вошла в широкий научный оборот. Перевод прекрасной книги М. Л. Биэбрайера на французский язык исправил положение.*

определенно от того, о чем окончательные выводы пока делать рано. Он описывает места работ, структуру и состав подразделений царских работников, процесс труда, повседневную жизнь поселка работников, их интересы и уровень образованности, верования, судопроизводство и делает это с блестящим знанием дела, очень насыщенно по содержанию, но в то же время просто и общедоступно.

Чрезвычайно интересна и содержательна глава 7; она гораздо полнее, чем известная итоговая статья Б. Брюйера⁹, освещает историю исследования Дер эль-Медина за счет коллекционерских исследований. Правда, и эта важная глава не лишена субъективных оценок. С одной стороны, в ней говорится о коллекционере (С. Лидман), от которого дошла единственная ничем не примечательная стела, а с другой — ни слова не говорится о враче Мохаммеде Али А.-Б. Клотбее, собравшем целый Египетский Музей (сейчас в составе Археологического музея) в Марселе (замок Борели), среди памятников которого, привезенных в 1860 г., целая серия находок из Дер эль-Медина. Вообще нет речи о генерале Х. фон Минуттоли, привезшем в Берлин в 1821 г. большую коллекцию, в которой целый ряд памятников из Дер эль-Медина; ничего не говорится о В. С. Голенищеве, собравшем в конце XIX в. большую коллекцию, в составе которой десятки памятников из Дер эль-Медина, и др. Так что полная картина коллекционерских занятий в Дер эль-Медина — дело будущего, но и то, что описал М. А. Бизбрайер, представляет несомненную ценность.

Хорошо было бы перевести книгу М. Л. Бизбрайера и для наших читателей, доводящих главным образом суррогатами из переводных произведений случайных лиц. Этого, право, достойны и наши терпеливые читатели и прекрасная книжка М. Л. Бизбрайера.

Книга Д. Вальбель представляет собою сводку результатов археологических и источниковедческих исследований на середину 1982 г., т. е. в ней не учтены результаты монографических исследований М. Л. Бизбрайера, Е. С. Богословского, Р. Вентуры, М. Гутгезелла. И тем не менее эта книга предоставляет материал для глубокого раздумья над необъятными возможностями современной науки. Она заслуживает более подробного рассмотрения.

В пространном «Введении» Д. Вальбель показывает современное состояние изучения, казалось бы, давно, больше полувека назад раскопанного поселка, общественных свалок, некрополей, молелен и мест культов, сохранивших для нас историю службы прежде всего времени правления XVIII династии. Многие в истории поселка удалось уточнить даже по сравнению, с результатами исследований Б. Брюйера, который, к сожалению, не всегда был внимателен к деталям, и в целом эти уточнения нужно принять. Действительно, источники от этого периода существования поселка крайне скудны, и Д. Вальбель обоснованно делает упор на археологические данные. До конца правления XVIII династии массовых источников нет. Однако нет и никаких данных о том, что в новую столицу Аменхотпа IV были отправлены именно работники некрополя Уисе, которые после краха реформ вернулись назад. Наоборот, имеются источники, которые прямо говорят, что служба царского некрополя в Уисе продолжала действовать¹⁰.

Первая часть посвящена источниковедческому обзору архива службы царской гробницы и может служить хорошим, хотя и не всегда полным справочником в этой области. Отметив, что острака для изучения периода правления XIX династии имеют неизмеримо большее значение, чем папирусы, а папирусы имеют первостепенное значение для изучения периода правления XX династии, Д. Вальбель дает прежде всего обзор папирусных дневников службы царского некрополя начиная со времени Раме-

⁹ *Bruyère B.* Les fouilles de l'Institut français à Deir el Medineh de 1914 à 1940 // RdE. 1946. V. 5. P. 11—24.

¹⁰ Перечислены и обследованы: *Богословский Е. С.* Слуги фараонов, богов и частных лиц (К социальной истории Египта XVI—XIV вв. до н. э.). М. 1972. С. 106—111, 166—169.

сеса III¹¹. Особое внимание уделено подворным описям, иногда включающим весь состав семьи, спискам снабжения и зарплаты, систематизации папирусных сведений о забастовках (почему-то пропущены сведения на остроках), частным юридическим текстом, письмам.

Вторая часть посвящена штатному расписанию службы царского некрополя и обязанностей работников. Д. Вальбель, конечно, правильно противопоставляет *gmṯ ḥmw* «ouvrier artisan» и *gmṯ smdt*, но неверно в принципе переводит *gmṯ smdt* как «auxiliaires», «hommes de peine». Получается, что первые занимались квалифицированным трудом, а вторые были только вспомогательной рабочей силой, чернорабочими на *одних и тех же работах*. Но это совершенно неправильно, потому что Д. Вальбель не учитывает принципов, по которым соединялись или разъединялись работники. Ей неясна организация общественной системы. Между тем, с одной стороны, *gmṯ ḥmw* и *gmṯ smdt*, объединяясь как «исполнители нарядов», т. е. непосредственные производители, с другой, разделялись на два класса как *ḥmw n ḥnw* и *smdt n bnr* — «мастеров нутра» и «людей-smdt наружи»; при этом «мастера» работали над сооружением, расписыванием и оборудованием царской гробницы, люди-smdt же простой занимались *другими работами* — обслуживали их: выращивали зелень и ловили рыбу, стряпали пищу и выжигали гипс, заготавливали древесину и выполняли управленческие функции и т. д. Чернорабочими же, подсобной рабочей силой у мастеров были их подручные¹².

Невозможно также согласиться и с переводом *ḥmw ḥʿj* как «artisans utilisateurs de l'outil ḥʿj» (с. 100). Д. Вальбель ссылается в обосновании перевода на свою книгу о гирах¹³, но там нет этого обоснования, а на с. 15 дана ссылка на единственный источник, в котором *ḥmw ḥʿj* упомянуты в списке должностей без раскрытия значения словосочетания (О. СМ 25581 vo 2). Судя по копии Я. Черны, в этом списке слово *ḥʿj* написано с детерминативом «палец; (затем) рука с палкой»

(все словосочетание :).

В той же книге Д. Вальбель на с. 13 приведена таблица вариантов начертания слова *ḥʿj/ḥl* «орудие»; оно неизменно детерминировано другими знаками — «тиглем» или «тиглем и крупинкой металла». В новоегипетском словаре¹⁴ приведен еще один редкий детерминатив «ветка». В моей картотеке на 327 иератических написаний слова *ḥʿj/ḥl* не отмечено никакого другого написания детерминатива, кроме перечисленных выше. В то же время в иероглифике есть аналогии иератической записи О. СМ 25581 vo 2.

¹¹ Большая часть папирусов, которые у нее названы неизданными, опубликованы в иероглифической транскрипции: Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. I. 1—VII. 3. Oxf., 1968—1987. P. Torino 1883 и 2002 го изданы в факсимиле: Pleyte W., Rossi F. Papyrus de Turin. V. II. Leiden, 1876. Pl. 29, 102—107. Неиздан только фрагмент P. Torino 2095.

¹² Можно сколько угодно спорить о том, были ли писцы (sšw) подручными рисовальщиков (sšw-qdwt) или наоборот, но невозможно отрицать, что рисовальщик *ни разу* не назван подручным писца, а обратные примеры — когда писец назван подручным рисовальщика — есть, и не один: О. IFAO 1153 го x + 11—12; О. DM 1106, 3—4; О. Chicago 12074 го 1; см. также О. СМ. 56842 + О. IFAO 1172 x + 21—22. При этом рисовальщик выступает в качестве отца или даже деда (О. BM 41541, 2) своего писца-подручного, т. е. явно старшего по отношению к младшему; об обозначении *ḥrj-f* «подручный его» см. Posener G. L'exorde de l'instruction éducative d'Amennakhte (Recherches littéraires, V) // RdE. 1955. V. 10. P. 62, 65; Bakir A. M. Egyptian Epistolography from the Eighteenth to the Twenty-first Dynasty. Cairo, 1970. P. 14, 48; Guglielmi W. Eine Lehre für einem reiselustigen Sohn (Ostrakon Oriental Institute 12074) // Welt des Orients. 1983. Bd 14. S. 153. Предположение Д. Вальбель, что контуры выполняли более опытные мастера, а раскрашивали начинающие, но все были рисовальщиками (с. 101, прим. 3), никакими источниками не подтверждено.

¹³ Valbelle. Poids. P. 2. sq.

¹⁴ Lesko L. Dictionary of Late Egyptian. V. II. Providence, 1984. P. 155, 184.

Они явно связаны с глаголом действия h^2j «взвешивать» в той его функции проверки сохранности орудий труда по весу, которая наилучшим образом видна из содержания О. DM 109,1. Следовало бы ожидать, что в тех случаях, когда этот трехрадикальный глагол со слабой j будет приложен для обозначения лица (соответственно в инфинитиве, т. е. «взвешиватель»), у него появится t на конце). Действительно, сохранилась идеально ясная иероглифическая запись титула c^{\prime} p h^2t (с определителем «палец; затем рука с палкой»¹⁵). Следовательно, инфинитив здесь будет женского рода, а ведь слово h^2j «орудие» мужского рода (Wb. III 222, 15). Значит, слово h^2j «орудие» (с определителем «тигель, крупинка металла») не имеет отношения к слову h^2j > инфинитив h^2t (с определителем «палец, рука с палкой»), а Д. Вальбель спутала два слова с одинаковой транслитерацией, но разными детерминативами. Наконец, последний аргумент. Сохранилась стела (Ste. VM 898), подаренная в Британский Музей известным исследователем Долины царей Х. Картером. На ней некий h^2 (t) (детерминатив «палец, рука с палкой») p jmn (имя утрачено) поклоняется сидящим под пальмой дум Аменхотпу I и /Ахмосе-/Нофтера — богам-покровителям некрополя. Должностное звание это можно понять только как «весовщик Амуна», «весовщик (хозяйства) Амуна», но «(каменсечное) орудие Амуна» понять невозможно, получается бессмыслица.

Странно, но Д. Вальбель до сих пор не различает широкого значения слова hmw «мастер» и узкого — «мастер по дереву» и доказывает, что работник jj-r-njw в одних текстах выступает как hmw (ошибочная ссылка на О. DM 243 и О. Torino 57028, надо — О. DM 423,2 и О. Torino 57020, 4), а в других (О. DM 295, 1—2) как резчик рельефов (с. 101, прим. 8). Но почему она думает, что работник по имени jj-r-njw был один? На каком основании отождествлены мастер и резчик рельефов? В текстах никаких оснований для их отождествления нет. Более того, если еще при большом желании можно отождествить не упомянутых Д. Вальбель резчиков рельефов jj-r-njw 1-го (Ste. Louvre 336/662 — времени Рамесеса II и его преемников) и jj-r-njw 2-го (О. Berlin 10663 го 5; О. Firenze 2621 го 2; О. Louvre E 13160 го 4—21—28-го года Рамесеса III), невзирая на десятилетия, разделяющие эти памятники, то резчика рельефов jj-r-njw .f 3-го (Р. Torino 2072/142 го I 7—8 — 9—10 годы Рамесеса IX) с ними уже, несмотря ни на какое желание, нельзя отождествить никак, потому что человек не может прожить и проработать 200 лет. Стало быть, были тѣзки среди резчиков рельефов, а если были тѣзки среди мастеров по дереву, то почему hmw и резчик рельефов должны быть одним и тем же лицом?

На самом деле заковыка просто в том, что Д. Вальбель ошибочно в ряде своих работ¹⁶ перевела титул hmw wt как *grand artisan* и ей просто не хочется признать свою ошибку, хотя заметный сдвиг в новой книге она все-таки сделала, допустив возможность перевода hmw как «*artisan*» и «*charpentier*» (с. 101).

В источниках из Дер эль-Медина всегда без исключения в приложении к имени собственному слово hmw значит «мастер по дереву». Это известно с начала века. Не буду повторять то, что написано в моей книге¹⁷, но не могу не привести конкретные примеры работы hmw X в качестве мастера по дереву: 1) 6 мастеров- hmw делали в 18-м году Рамесеса XI деревянные колонны для храмового судна (Р. Torino¹⁸ 1888? 8—9); 2) мастер по дереву Аменхотп участвовал в упомянутых выше работах, а в 10-м году hm-mswt делал древко копья (Р. VM 10326 во 12—13); 3) мастер c^{\prime} p^2 p^2 w^2 в оплату изготовления деревянных саркофагов получил разных вещей на 20 дибанов меди в первой половине XX династии (О. DM 223 го 2)¹⁸; 4) мастер Пашед за плату выполнял для

¹⁵ *Ancient Art. The Norbert Schimmel Collection / Ed. by O. W. Muscarella. Mainz, 1974. № 217.*

¹⁶ *Valbelle. Hay. P. 32, 40; idem. Témoignages du Nouvel Empire sur les cultes de Satis et d'Anoukis à Eléphantine et à Deir el-Médineh // BIFAO. 1975. V. LXXV. P. 135.*

¹⁷ *Богословский. Мастера... С. 59—78.*

¹⁸ Для датировки см. *Cerný J. A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period. Cairo, 1973. P. 307; Janssen Jac. J. Commodity Prices from the Ramessid Period. Leiden, 1975. P. 27, 43.*

своего брата работы по дереву во 2-м году царствования Рамесеса V (O. Petrie 17, 3); 5) мастер Пентауэре выполнял частные заказы на изделия из древесины на относительно крупные суммы в первой трети правления XX династии (O. DM 195 го 2, во 1; O. SM 25606 го 1—2); 6) мастер Мирэ 1-й за изготовление деревянного ложа получил на 20 дибанов вещей на разную сумму в середине — второй половине правления Рамесеса II (O. BM 5644, 1)¹⁹; 7) мастер Мирэ 2-й делал мужские и женские статуи, предстали к ним и саркофаги во второй четверти правления XX династии (O. Gardiner 3 го 1—12; 163 во 2); 8) мастер Хамоисе сделал по заказу деревянный саркофаг в 29-м году Рамесеса III (O. SM 25242 го 1—2, во 2); 9) мастер Сиуто изготавливал деревянные статуи, скамейку, орудия из дерева в годы царствования Мернептаха, Аменмесеса, Сетоя II и Сиптаха (O. Brooklyn Mus. 37. 1880 E; O. Berlin 10626; O. SM 25516 во 26—27; 25517 го δ 3—4; 25519 го 7, 9 δ 11—12, во 11)²⁰. 10) мастер Кен по заказу сделал женский деревянный саркофаг в конце правления Рамесеса III (O. DM 556 го 2)²¹; 11) мастер (имя разрушено) требовал дать ему древесину, чтобы изготовить статую в первой половине правления Рамесеса III (O. Bruxelles E. 6311 во 7—8); 12) мастера в Месте Правды в середине правления XX династии обивали деревянную часовню (Allam, Cerný. Ostraka und Papyri. Taf. 133 = Pleyte, Rossi. Pap. de Turin. Pl. 105); 13) Нейкий мастер иссекал деревянную колоду (O. SM., 25772, 4—5). 14) в одном тексте первой половины правления XX династии перечислены «работы мастера по дереву, данные человеком подразделения b'k-wrỉ рисовальщику Харшеере», и следует перечень: саркофаг, ложе, табуреты, ручка, ларец, т. е. все деревянные изделия (O. Berlin 12343 во 1—2); 15) в гробнице Рамесеса V мастера по дереву делали деревянные двери (O. SM 25254)²²; 16) в одном тексте 6-го года неназванного государя отмечена доставка статуи как изделия мастера по дереву (O. SM 25296 го 1—2).

Таким образом, мастера-ḥmw по дереву изготавливали следующие изделия из дерева: колонны для судна, часовню, саркофаги, статуи, ложа, скамейки, табуреты, двери, ларцы, орудия труда и оружие, т. е. работы скульптора, краснодеревщика, плотника, но никакие другие. Следовательно, в случае словосочетания ḥmw X (имя собственное) речь идет о мастере по дереву, а не вообще о мастере в широком смысле. В одном случае мастеру по дереву Мирэ 2-му уплатили 1 дибан меди, чтобы он «подписал» сделанную им статую (O. Gardiner 3 го 10—11). Это может быть только платой за написание иероглифов, потому что роспись стоила гораздо дороже²³. Кроме того, до нас дошли два продолжающих один другой текста с калькуляциями работ (O. Berlin 12343, O. Gardiner 136). Из калькуляций ясно, что подписывать сделанные им предметы по дереву мастер по дереву мог, но росписи делал другой человек — профессиональный рисовальщик²⁴. Таким образом ни один источник из Дер эль-Медина не допускает расширенного толкования слова ḥmw в словосочетании ḥmw + имя собственное. Д. Вальбель в данном случае отстала от достижений науки. Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что не она одна не читает работы своих коллег. Это стало настоящим бичом нашей науки: непрерывно публикуются новые оригинальные и доказанные наблюдения, а в науку они не входят. Таким снобизмом не отличался последний великий египтолог Я. Черны, зато страдают и Як. Й. Янссен, и Д. Вальбель, и М. Л. Бизрайер. В результате развитие науки происходит гораздо медленнее, чем могло бы происходить. Очевидно, нужны какие-то принципиально новые методики обработки информации вообще. Может быть, всеобщая компьютеризация изменит положение.

¹⁹ Для датировки см. *Janssen. Commodity Prices...* P. 80.

²⁰ Для датировки см. *ibid.* P. 24, 30.

²¹ Датировку см. *ibid.* P. 49.

²² См. также *Cerný J. The Valley of the Kings. Fragments d'un manuscrit inachevé. Le Caire, 1973.* P. 34.

²³ *Bogoslovsky E. C. Hundred egyptian draughtsmen // ZAS. 1980. Bd 107. Ht 2. P. 111—116.*

²⁴ *Ibid.* P. 111—112; *Богословский. Мастера...* С. 42—44, 76.

Что касается собственно штата службы, то его нельзя подсчитывать только по количеству мужей, т. е. взрослых мужчин в подразделении. Это методическая ошибка, так как в состав службы также входили дети, юноши и старики, спорадически — женщины, а также люди-smdt. Можно предположить, что только мужи входили в состав подразделений, но это ведь нужно доказать. Я. Черны доказал, что юноши входили в состав подразделений²⁵, так что здесь нет предмета для спора. По росписям получения довольствия видно, что начальники и писцы ставились вне подразделений, а юноши, старики, женщины, врачи и отдельные люди-smdt (например хранители) — включались в него. В таблице III: Les variations de l'effectif de l'équipe, как это ни странно, пропущены сведения на этот счет почти всех опубликованных Я. Черны острака (О. DM 141, 2; 149, 5—6; 179 vo 5; 180 vo 4; 181, 2, 4; 182, 3—5, 325, 5; 329, 3—4; 345 го 2, 4—5, vo 3; 356, 3; 374, 11; 376, 4, 13; 378 го 1—8; 380, 6—7; 435 го 4—7, vo 3; 577; 591, 2; 647, 1, 3; 688, 2 и мн. др. О. SM 25234; О. Gardiner 107 vo 5; P. Torino 1884 го III 14—15; 1900 vo I 10—11, 14; 2004 го II 7, 2106 го I 18 и мн. др.). Может быть, Д. Вальбель рассматривает свою книгу как дополнение к исследованию Я. Черны? Но в таком случае в ее книге слишком много повторов, а некоторые сведения искажены. Например, возьмем картину, отраженную в P. Torino 2071/224 + 1960 го II 16 — там названо 70 мужей; в vo I 2—4 отмечена выдача зерна работникам правой стороны — начальнику подразделения nht-m-mwt + 1 писцу + 40 мужам — членам подразделения, затем повторная выдача 30 мужам. В vo 7—10 отмечена выдача зерна левой стороне — начальнику подразделения hrgw-msj (ср. го II 5) + 1 начальнику рисовальщиков + 39 мужам — членам подразделения, затем повторная выдача 30 мужам. Это ведь не значит, что в первом случае число членов подразделения было уменьшено с 40 до 30, а во втором — с 39 до 30. Просто дополнительная выдача была произведена не всем мастерам, а избранным по какому-то признаку. Это разделение работников по группам — обычная практика. Вот почему нельзя производить подсчеты размера подразделения по росписям выдач довольствия: мы никогда не можем быть уверены в том, что они отражают весь штат, а не какую-то избранную часть. Суммарное же число мужей, согласно этому источнику, будет равно максимум 79 (у Д. Вальбель — 69), а вместе с начальниками, писцом и начальником рисовальщиков — 83 (у Д. Вальбель — 73). На P. Torino 1891 го Д. Вальбель указывает общее число мужей — 120, а начальников — 2 и писца — 1, но такое число начальников взято из росписи только правой стороны, сколько их было в левой — неизвестно (роспись не сохранилась). В этом случае Д. Вальбель почему-то не прибавляет числа мужей к числу начальников, как сделано в других случаях. Может быть, Д. Вальбель выбирает высшие числа и называет только те источники, в которых встречаются эти высшие числа? Нет, она не называет О. DM 378, где указано самое высокое число работников — 129; не указывает О. SM 25234, где названо 120 работников; не называет О. Cerný 22, где указано 50 юношей; не указывает то место из P. Torino 2071/224 + 1960, где названы 20 юношей, высшее известное ей число юношей — 18. Такое различие методических принципов построения одной и той же таблицы и неполнота учета источников, естественно, вызывают недоверие к ней.

Большим продвижением вперед являются составленные Д. Вальбель списки личного состава подразделений мастеров по периодам: Сетой I — начало Рамесеса II; вторая половина Рамесеса II; 2-й год [Мернептаха] — 1-й год Сетоя II; Сетой II — начало Рамесеса III; 12-й год Рамесеса III — 22-й год Рамесеса III; 22-й год Рамесеса III — 32-й год Рамесеса III; 1-й год Рамесеса IV — 6-й год Рамесеса IV; 1-й год Рамесеса V — 7-й год Рамесеса VII; 6-й год Рамесеса IX — 17-й год Рамесеса IX; 2-й год Рамесеса X — Рамесес XI; 7-й год whm-mswt — начало XXI династии. Однако сразу обращают на себя внимание методические просчеты: полный провал в первой половине правления Рамесеса II (от этого времени дошли датированные египтянами ост-

²⁵ Cerný. A Community... P. 114.

рака 9-го года — O. Berlin 10840 (ср. O. DM 91), 11-го года — O. DM 354; 19-го года — O. DM 31; 24-го года Рамесеса II — O. SM 25803; ср. O. DM 139, 140, 237, O. SM 25681, которые дают также единичные имена, которые позволяют датировать целые комплексы имен в гробницах), крайняя неравномерность распределения материала (опущены 30 лет правления Рамесеса II, но целая таблица отведена на 6 лет правления Рамесеса IV, даже в сущности на первые три года его правления; на 4—6-й годы определено 15—16 известных работников из 120! Конечно, в этой части работы обильная документация просто опущена, но восполняется анализом ее в книге М. Гутгезелла). В то же время правление Рамесеса IX начинается только с P. Torino 1930 (+ 2050 (6-й год царствования), но ведь известны датированные египтянами Gr. 429 (1-го года), O. Gardiner 143 (2-го года), Gr. RFDm 1934—1935, III, fig. 185 (3-го года), F. Torino 1900 (4-го года), P. Torino 1881 (5-го года), которые содержат немного имен работников некрополя, но зато «знакомых все лиц».

Чрезвычайно интересно, по Д. Вальбель, что в папирусе 16-го года Рамесеса IX рабочие подразделения возглавляли одновременно три начальника (с. 105, 109). Если перед нами действительно единый папирус (М. Гутгезелл, пользовавшийся теми же записными книжками Я. Черны, утверждает, что это фрагменты разных неизвестных папирусов), то мы имеем уникальный случай разнотия в структуре управления.

Не меньшим достижением является определение археологических этапов развития и роста поселения. Д. Вальбель справедливо заключает, что по средневековым меркам его следовало бы назвать городом, тем более что все качества города у него налицо: городские стены, городское управление, численность населения, размеры площади и число домов, занятие населения ремеслом. Однако по древним представлениям то была лишь малая часть «стовратных Фив». Здесь, конечно, Д. Вальбель — непревзойденный знаток каждого кирпича и известнякового блока, гораздо более строгий и скрупулезный знаток, чем сам Б. Бройер, раскопавший поселок. Кстати, она устанавливает и древнее обозначение поселения в Дер-эль-Медина как «город» (p'dmj) в противоположность временным поселениям его же обитателей в Долине царей и Долине цариц (t'whjt n p'hr) (с. 89, 121; ср. в этом же обзоре рецензию на книгу Р. Вентуры). С обозначениями же отдельных видов жилищ она не разобралась (с. 122), а между тем и источники (важнейший из многих — O. Gardiner 23) и литература²⁶ по теме для этого есть.

Гораздо слабее те главы (с. 126 сл.), которые касаются социально-экономических проблем. В них Д. Вальбель, осознавая свою недостаточную компетентность (она является археологом и эпиграфистом по преимуществу), просто следует тому, что написал Я. Черны, который прославился не социально-экономическими исследованиями. К тому же за 20 лет со дня смерти этого великого египтолога многое изменилось. Египтология развивается ускоряющимися темпами, так что механическое заимствование становится просто невозможным. То же, что сказано выше относительно методической некорректности определения численности мастеров по спискам выдач продовольствия, относится и к определению численности людей-smdt (с. 131 сл.). Даже самый полный перечень людей-smdt специально по занятиям в 88 человек, с указанием, сколько на каждой работе занято людей (P. Torino 1880 во 2 8—19), сопоставления с другими источниками не выдерживает. Оказывается, в то же время (29-й год правления Рамесеса III)

²⁶ Helck W. Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. Teil III. Wiesbaden, 1963. S. 337, 343; *idem*. Wirtschaftsgeschichte des alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. Leiden — Köln, 1975. S. 236; Janssen Jac. J., Pestman P. W. Burial and Inheritance in the Community of the Necropolis Workmen at Thebes // JESHO. 1968. V. XI. P. 161—162; Богословский Е. С. Собственность и должностное владение в древнем Египте (По материалам из Дер-эль-Медина) // ВДИ. 1979. № 1. С. 3—9, 12—73; *он же*. Древнеегипетские мастера (По материалам из Дер-эль-Медина). М., 1983. С. 252—257; Bogoslovsky E. S. On the System of the Ancient Egyptian Society of the Epoch of the New Kingdom (According to Documents from Dēr el-Medina) // AoF. 1981. Bd VIII. P. 16.

было не менее 92 человек-smdt (P. Torino 1880 vo I 1 — 4 11)²⁷. Разумеется, в разные времена могло быть разное число людей-smdt, но нельзя принимать каждое случайное упоминание группы людей-smdt за указание непременно общей их численности. Должна же существовать хоть какая-то элементарная критика источника, т. е. проверка его содержания по другим источникам.

Устаревшим является деление древнего общества на свободных и рабов и вытекающие из этого деления отношения, связи и следствия. Древнее общество было гораздо сложнее, чем полагает Д. Вальбель (с. 123, 133)²⁸, а ведущей формой хозяйствования была совсем не та, о которой она думает²⁹.

Принципиально нова, хотя и до тезисности кратка глава о взаимоотношениях властей (фараон, высший сановник, главный жрец Амуна, местные начальники) с работниками службы царского некрополя (с. 137—147).

В третьей части рассматривается распределение людей, причисленных к службе некрополя, по определенным отрезкам времени. Конечно, здесь и должно быть наибольшее число возражений, но просто не может уместиться в рецензию, потому что в качестве источника сведений взяты только избранные датированные перечни работников. Эти возражения касаются отдельных работников и небольших промежутков времени, так что в целом их можно опустить, но все-таки следует заметить, что именно здесь у меня наибольшее число несогласий с Д. Вальбель. К третьей части в конце книги приложены 11 оригинальных таблиц.

Четвертая часть называется «Жизнь и смерть в Дер эль-Медина». Несмотря на несколько мелодраматическое название, эта часть посвящена вещам вполне серьезным. Начинается она с семьи, общегития (которое представлял собою городок), затем краткие очерки посвящены браку, разводу, градации членов семьи по старшинству (глава семьи, замужняя женщина, дети, бездетные, приемные дети). Тема эта слишком широка, чтобы удовлетвориться 18 страничками, которые ей уделяет Д. Вальбель (с. 229—247). Из-за этого мало что удалось сказать. Пожалуй, стоит только выделить доказательство существования термина «развод» (ḥꜣḡ hrꜣ, букв. «выбрасывание наружу»), отражающее положение женщины в доме мужа, но не в полной мере. Более основательно эту тему разрабатывает Ш. Аллам. То же можно сказать и о главе, посвященной экономике (с. 248—258), которая более глубоко, специально и теоретически рассматривается в работах Як. Й. Янсена и М. Гутгезелла. Что же касается моей статьи о собственности и владении, то автор дала ссылку на нее, не прочитав статью; вся моя статья посвящена двум видам собственности — государственной, поступающей во владение работнику и определяющей характер его зависимости от государства, и частной. Утверждение, что я не различаю государственной и частной собственности (с. 253, прим. 13) противоречит содержанию статьи в целом.

Содержательнее главы «Материальные сведения о повседневной жизни» и «Смерть и подготовка к ней», но только в одном отношении — чисто регистрационно-археологическом. Перечислены действительно практически все виды оборудования дома, его обстановки, предметов культа, белья, хлеба и другой пищи — рыбы, зелени, фруктов, мяса, молочных продуктов, напитков, одежды и т. д. (с. 257—286). Но поскольку сделано это только в назывном порядке, то следует рассматривать такие списки как справочник, в котором, конечно, нет места осмыслению явлений. Однако иногда по-

²⁷ Богословский. Мастера... С. 128—132.

²⁸ См. Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984; Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989.

²⁹ Перепелкин Ю. Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988: *он же*. Древний Египет // История древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 320—323, 332—361, 391—400, 457—496, 511—513; *он же*. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 2. М., 1984. С. 181—245; *он же*. Древний Египет // Всемирная история. Т. I. М., 1956. С. 160—170, 268—274, 327—342; Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный строй царских hmw. М., 1978; *он же*. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.

добное осмысление появляется, например стелы в честь ꜥꜣw ꜥꜣꜥ названы памятниками культа предков. Такой факт не подтвержден ни анализом источников, ни ссылками на литературу, но появление этого утверждения, несомненно, объясняется публикацией книги Р. Й. Демарей³⁰, на которую Д. Вальбель не ссылается. Менее обстоятельна глава о гробницах, их структуре, росписях, погребальном оборудовании и похоронах, посмертном культе. Следует оговориться, что нельзя рассматривать сводку Д. Вальбель как библиографический справочник, потому что в ней учтены все основные виды памятников, но не все памятники.

Пятая часть книги называется «Мораль, верования и мышление» и открывается краткими описаниями случаев убийств, очень неполной сводкой случаев воровства, мошенничества и обмана, измен и насилий, нечестности. Затем дается общий очерк морали, ее проявлений и функционирования местного судебного аппарата. Эта тема наиболее изучена Ш. Алламом, А. Теодоридисом, Я. Черны, М. Малининым и др., поэтому Д. Вальбель ограничивается перечнем наиболее существенных выводов и наблюдений.

Следующая глава посвящена верованиям и «практической» религии и касается прежде всего местного пантеона, божеств местности, которым посвящено наибольшее число памятников Хатхор, Амуна, Аменхотпа I и Ахмосе-Нофтара, Птаха (особенно в ипостаси «владыки Долины цариц»), Мерисгерет, Тауэре, Тхоута, Аноке, Сука, а также второстепенных для этой местности богов. Разумеется, культы Солнца и Хора, а также подземных божеств (Усире, Анупа, Эсе, Нептхо) здесь были распространены, как и по всему Египту. Перечислены почти два десятка местных праздников и приведены оригинальные наблюдения самого автора по поводу местных и личных культов отдельных работников, заключающиеся впервые составленным календарем государственных, местных и личных праздников.

Завершает раздел очерк о литературных сочинениях, списки которых дошли из Дер эль-Медина, о местной библиотеке и частных библиотеках, о великой роли местных любителей литературы — копистов и авторов в деле ознакомления современных читателей с литературой древнего Египта.

Краткое, на две странички, заключение не подводит итогов книги, которая должна скорее служить введением в круг проблем, освещаемых источниками из Дер эль-Медина. Многие еще не ясно, многое не издано, многое просто не изучено. Д. Вальбель принадлежит к числу египтологов, которые неустанным трудом стирают белые пятна в истории древнего Египта. В результате ее работы становятся яснее, что многотысячные по количеству и невероятно многообразные по характеру материалы из Дер эль-Медина образуют собой комплекс, который не имеет себе равного ни в древности, ни в средневековье. Это впервые в полной мере осознал директор Французского института восточной археологии С. Сонерон, сейчас начинаем понимать и мы.

Р. Вентура возвращается в своей книге к обсуждению топографических и административных обозначений, связанных с царским некролем и уже обследованных Я. Черны³¹. Круг использованных им материалов уже круга источников, которые были доступны Я. Черны, поскольку последний использовал множество неизданных текстов. Тематически Р. Вентура также не исследует ни одного нового сюжета или термина. В сущности его книга является ревизией исследований Я. Черны на основе собранных Я. Черны материалов.

Некоторые уточнения Р. Вентура удались, например, уточнение значения слова ꜥꜣ ꜥꜣꜥ в разных контекстах, ꜥꜣ ꜥꜣꜥꜥ — как обозначение вады, в котором находился поселок работников некрополя; любопытны наблюдения над привратниками ꜥꜣ ꜥꜣꜥ и ꜥꜣ ꜥꜣꜥꜥꜥ. Однако, с другой стороны, не аргументировано изображение «послушных призыву в Месте Правды» как членов привилегированных семей работников некрополя. Дока-

³⁰ Demarée R. J. The ꜥꜣ ꜥꜣꜥ n R'-stelae. On ancestor worship in Ancient Egypt. Leiden, 1983.

³¹ Černý. A Community...; *idem*. The Valley...

зательства Я. Черны, что «послушные призыву в Месте Правды» тождественны gmw и jst и $p'htg$ «людям подразделений царской гробницы» остались ни в коей мере не колебленными³².

Значение словосочетания $p'htm$ и $p'hg$ нельзя рассматривать в отрыве от значения слова htm , которое часто выступает в качестве приписки к изображению форта или крепости (например на пути из Египта в Палестину).

Неубедительна и попытка все $p'jnt$ «долины» свести к обозначению одного вади, в котором был поселок работников некрополя; очевидно, что когда слово $t'jnt$ используется как обозначение места работы, то тут Я. Черны прав, заключая, что имеется в виду совсем другая долина — Долина царей. Это подтверждается не только контекстом источников, но и местом находки источников (сама Долина царей)³³.

Многие положения Р. Вентура просто ничем не обосновывает, поэтому затруднительно определить их научную ценность. Все-таки мало предлагать новые интерпретации, их нужно доказать. Кроме того, как писал уже в рецензии на книгу Р. Вентуры Б. Хафстрём³⁴, за бортом исследования остался целый ряд важных изысканий крупнейших специалистов.

* * *

Пока еще немногие исследователи пошли в изучении материалов из Дер эль-Медина дальше и глубже Я. Черны. Это объяснимо — остаются неизданными многие гробницы, острака, папирусы... И все-таки опубликован уже такой фонд источников, что во многом одни тексты повторяют другие. Конечно, важно проверить типичность явлений. Но, думается, можно было бы и начать «собирать камни».

Е. С. Богословский

³² Cerný J. L'identité des «serviteurs dans la Placc de Vérité» et des ouvriers de la nécropole royale de Thèbes // RdEA. 1929. V. II. P. 200—209.

³³ Раньше меня такое несогласие с Р. Вентурой уже высказал Як. Й. Янссен (Janssen Jac. J. On Prices and Wages in Ancient Egypt // AoF. 1988. Bd 15. Ht 2. P. 12. № 6).

³⁴ Hafström B. // Acta Orientalia. 1987. V. XLVIII. P. 169.

© 1991 г.

A Lexicon of Greek Personal Names/Ed. by P. M. Fraser and E. Matthews. V. I: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxford: Clarendon Press (The British Academy). 1987. XXXV + 489 p.

Потребность в новом словаре греческих собственных имен уже давно стала насущной необходимостью. И не только потому, что старый заслуженный Рапе — Benseleer безнадежно устарел, — создание такого словаря еще и дело чести нашей науки, по праву гордящейся обилием превосходных справочных изданий, — достаточно назвать «Реальную энциклопедию классической древности» Паули — Виссова. Однако грандиозность задачи, год от года только усугубляющаяся новыми эпиграфическими и папирусными находками, долго препятствовала, по-видимому, даже ее постановке, так что лишь в 1973 г. проект создания такого словаря был утвержден Советом Британской Академии и группа английских ученых приступила к работе. При таком объеме материала, естественно, пришлось привлечь к работе и ученых других стран, в том числе — советских, широко используется компьютерная техника; тем не менее темпы

работы пока, пожалуй, не очень высоки, первый том вышел только в 1987 г., сроки выхода остальных не определены.

Словарь, охватывающий материал от VIII в. до н. э. до VII в. н. э., планируется издать в нескольких томах, причем материал разделен по регионам. Уже опубликованный I том содержит личные имена (ЛИ) с островов Эгейского моря за исключением принадлежавших Милету Лероса, Патмоса и Лепсиа, с Крита, Кипра и из Киренаики, — всего 16 254 ЛИ, принадлежавших 66 486 лицам. II том будет посвящен Аттике; III том должен быть, наверное, самым объемистым: здесь будут собраны ЛИ со всех прочих территорий Балканской Греции, включая Эпир и Иллирию, затем — с островов Ионического и Адриатического морей, из Италии и Сицилии, Западной Европы, Северной Африки, etc. IV том многие из нас должны ожидать с особым интересом: помимо материала из Македонии, исторической Фракии, Малой Скифии и Дакии, здесь будут помещены ЛИ из Северного Причерноморья. В V томе планируется собрать ЛИ из прибрежных районов Малой Азии, а в VI — ЛИ, происхождение носителей которых неизвестно, далее — общий индекс ЛИ для всех томов, обратный индекс, библиография — общая и к отдельным ЛИ, *addenda* (надо думать, понадобятся и *corrigenda*). Кроме того в дальнейшем запланировано издать словарь ЛИ с Ближнего и Среднего Востока, из Египта и континентальной Малой Азии в качестве «second part of the whole series» (с. VIII).

Как видим, проект нового издания фундаментально отличен от первоначального замысла; по крайней мере Фрезер так излагает суть упомянутого решения Совета Британской Академии: «to undertake the compilation of a Greek *onomastikon* to replace that of W. Pape, revised by G. Benseler» (с. VII). Новый лексикон (далее — LGPN) включает в себя только антропонимы, в то время как *Pape — Benseler* содержит все категории имен собственных вплоть до географических, имен кораблей или собак и лошадей. Если в *Pape — Benseler* каждое имя подвергнуто всестороннему рассмотрению (грамматическая информация, исторические данные о том или ином лице и т. д.), то LGPN содержанием своих статей скорее напоминает несколько расширенный *index nominum*. Очевидно, что в целом ряде случаев необходимо указывать пол носителя ЛИ; например, то что Ἰάς (с. 229) — *feminium*¹, не является самоочевидным, как, вероятно, думают издатели, ср. мужское ЛИ Ιας, известное, например, на Боспоре в ту же — римскую эпоху (КБН 1140 и др.). То же касается ЛИ на -ους (например, Λεωμοῦς, с. 286), популярных в римское время, которые формально не различаются по роду обычно даже в косвенных падежах. Вместе с тем составители LGPN систематически расставляют диакритические знаки над негреческими ЛИ, известными лишь из надписей.

Pape — Benseler универсально учитывает интересы специалистов-античников любого профиля, LGPN ориентирован на историков и филологов. Не случайно по этому отсутствию перекрестных отсылок к статьям с «нормальной» формой ЛИ и диалектной или орфографической. Зачем давать разными статьями Λεωνίδας и Λεωνίδης и т. п.? Если бы составители LGPN внимательнее относились к этой стороне дела, они не допустили бы такого промаха, как репродуцирование (по IG XII.8, 293.32) уже раз исправленной² ошибки: Φαιέννης вместо правильного Φαίεννος (засвидетельствовано в деп.: Φιέννου). Закономерна и ошибка с определением окончания ЛИ Καμολοῦ — составителям LGPN остался неизвестным апеллатив *καμολη* в форме вокатива, на основании которой Бехтель восстановил *πομ. Καμολης*³, но им, конечно, хорошо известно, что в I в. до н. э. (так датируются все свидетельства) *gen. на -ου мо-*

¹ Это ясно лишь из публикации надписи в Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον, 22, 1967. Χρονικά, σελ. 538. № 4.

² См. *Bechtel F. Parerga // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1913. 45. S. 60 (= *Bechtel F. Kleine onomastische Schriften*, Königstein / Ts., 1981. S. 153).

³ *Bechtel*. Op. cit. S. 58 f. (= 151 f.); ср. *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*. Wien², 1976. S. 225.

жет скрывать за собой также исконные -α- и -ς-основы, так что следовало хотя бы как-то отразить предположительность реконструкции пош. Κάρολος⁴, тем более что речь идет о варварском имени. Составители LGPN чуть ли не повсеместно опускают данные по формам косвенных падежей ЛИ, столь интересные лингвистам.

За незначительным исключением (например, ЛИ легендарных ойкистов) в LGPN не включены мифологические ЛИ; отсутствуют антропонимы из текстов микенского письма, из восточных источников; ограничено привлечение латинских источников и кипрских силлабических текстов — включаются лишь те ЛИ, которые имеют соответствия в текстах греческого письма. Хотелось бы надеяться, что материал параллельных письменных традиций найдет себе впоследствии место в каком-то отдельном томе издания.

Одним из наиболее серьезных недостатков является построение LGPN по регионам. Это ясно и самим составителям LGPN; например, на с.VIII Фрезер выражает сожаление относительно того, что пришлось исключить из I тома западное побережье Малой Азии («particularly regrettable»), так как тесные исторические связи этих территорий с островами очевидны; с другой стороны, отмечает он, в противном случае все равно возникли бы сложности, поскольку, например, пришлось бы включать в I том и ЛИ из черноморских колоний Милета. Продолжая развивать эти замечания Фрезера, можно было бы указать и на невозможность полного разделения материала с западного побережья Малой Азии от материала с северного или южного, а их всех вместе — от материала из внутренних районов Малой Азии (как, кстати, можно установить границы побережья и внутренних районов?). Вспомним здесь же и то, что ЛИ с трех милетских островов все-таки выпали из I тома, чтобы быть помещенными вместе с ЛИ из Милета в V, и отдельно от ЛИ из его понтийских колоний в IV.

Конечно, все эти недостатки несколько разочаровывают. Все же нельзя не признать, что они не перевешивают научную значимость нового издания в целом. Бесспорно, речь идет о полезнейшем, тщательно составленном справочнике, без которого серьезная работа во многих отраслях антиковедения окажется просто невозможной.

С. Р. Тохмасьев

⁴ Можно, например, использовать опыт Л. Згусты (*Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. S. 30 f.; idem. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984. S. 22*).

© 1991 г.

Fr. LE ROUX, CHR. — J. GUYONVAREZ. *Les Druides*. Rennes: Ouest — France, 1986. 448 p.

«Как бы плохо ни был изучен институт друидизма, необходимо признать за ним одну специфическую особенность: это единственная религия или, скорее, единственная европейская „доктрина“ не восточного происхождения»¹ — эти слова, до некоторой степени спорные, принадлежат известному французскому кельтологу Фердинанду Лоту. Они были написаны в 1947 г. и во многом отражают сложившуюся в кельтологии того времени точку зрения: друидическая доктрина оригинальна по своему происхождению, сам же институт друидизма известен мало, так как для более полного его исследования ученые не располагают достаточным количеством необходимых данных. В последующие десятилетия многочисленные труды по сопоставительному изуче-

¹ Lot F. *La Gaule*, P., 1967. P. 66.

нию индоевропейской религии и мифологии заставили иначе взглянуть на «оригинальность» друидической доктрины², что же касается особенностей внутреннего устройства и социального функционирования друидических общин (как в Галлии, так и на островах), то эту область кельтологии по-прежнему принято считать заведомо темной и не поддающейся исчерпывающему анализу. Так, Н. Чэдвик, которой, кстати, принадлежит специальное исследование, посвященное целиком проблеме друидизма³, писала: «Несмотря на огромный корпус литературы, посвященной их изучению, опубликованной начиная с Возрождения, друиды остаются загадочными»⁴. Не случайно в своей работе о религиозных представлениях галлов П.-М. Дюваль заранее оговаривается, что в его исследовании «нельзя будет найти ничего о друидизме, материальной стороне культа, обрядах, погребениях»⁵.

Новой попыткой пролить свет на эту проблему является фундаментальное исследование Ф. Ле Ру и К.-Ж. Гуйонварха, представляющее собой уже четвертое издание (в значительной степени переработанное и расширенное) их совместной книги «Друиды», вышедшей впервые четверть века назад⁶. Настоящее издание можно считать итоговым. Интересно, что издание 1982 г. кончалось словами, как бы предполагающими продолжение разработки данной проблемы: «Мы обращаемся к читателю с просьбой считать данный труд лишь собранием, популяризацией основных фактов. Наша работа не закончена»⁷. По сравнению с предыдущими издание 1986 г. действительно представляется более законченным, продуманным композиционно⁸, что выражается, в частности, в большом количестве схем и таблиц, суммирующих авторские наблюдения и дающих более наглядное и систематизированное представление излагаемого материала. Кроме того, в последнем издании добавлен специальный раздел «Этимологические очерки», в котором анализируются происхождение и словоупотребление в разных зонах кельтского и античного ареалов некоторых базовых лексем: *druid*, *bard*, *faith* и др. В предисловии к книге авторы формулируют свою основную задачу как «изучение друидов, далекое от таинственности и ложных измышлений, друидов — как религиозной реалии, понятных, объяснимых и логичных» (с. 7). Их основной метод — детальное описание и исследование всех существующих источников по каждому частному, связанному с проблемой друидизма вопросу; их книга, как пишут они сами в аннотации, «представляет собой лишь собрание фактов». Конечно, полностью данный принцип подачи материала авторами не выдержан и, что вполне естественно, предложенный ими своего рода контент-анализ не лишен ряда оригинальных интерпретаций и смелых гипотез. Однако авторская установка избегать каких-либо обобщающих и дискуссионных выводов явно прослеживается на протяжении всей книги, вызывая

² Среди них надо отметить в первую очередь работы Ж. Дюмезиля, опирающиеся во многом на наблюдения таких исследователей кельтской культуры, как Ж. Вандриес и Ян де Фриз, положивших начало широким кельто-индийским параллелям (*Vendryes J. La religion des Celtes. P., 1948; de Vries J. Keltische Religion. Stuttgart, 1961*). Детальное сопоставление кельтского и индийского обществ дано в книге известного ирландского ученого М. Диллона (*Dillon M. Celts and Aryans. Dublin, 1975*). В настоящее время уходящее своими корнями еще к истокам кельтологии как науки проведение кельто-индийских параллелей в области духовной культуры и различных социальных институтов стало общим местом.

³ *Chadwick N. K. The Druids. L., 1970.*

⁴ *Eadem. The Celts. L., 1979. P. 149.*

⁵ *Duval P.-M. Les dieux de la Gaule. P., 1976. P. 9.*

⁶ *Le Roux Fr., Guyonvarc'h Chr.- J. Les Druides. P., 1961. 156 p.; 2ème éd. — Celticum 14. Rennes, 1978. 424 p.; 3ème éd. — ibid. Rennes, 1982. 428 p.*

⁷ *Ibid. 3ème éd. P. 348.*

⁸ Так, например, описание принципов деления Ирландии на «пятины»: Ульстер, Лейнстер, Коннахт, Мунстер и Центр — Миде как некоего представления об идеальном мифическом космосе дано как приложение к изданию 1982 г. (см. с. 349—350). В издании 1986 г. оно уже составляет 3-й параграф («Четыре основные точки») IV раздела («Ориентация») V главы («Доктрина и происхождение друидизма»).

порой у читателя ощущение досадной недосказанности. Ею же продиктован и отказ авторов коснуться в своем исследовании сложной проблемы причин исчезновения института друидизма. «Ничего,— заявляют они,— или почти ничего не было написано об этом со времен Фюстеля де Куланжа⁹, выводы которого, естественно, спорны» (с. 10). Решение этой проблемы, по мнению авторов книги, возможно лишь после полного и глубокого изучения культурной ситуации в Ирландии первых веков христианства.

Каковы же основные источники, привлекаемые для исследования друидизма Ле Ру и Гуйонвархом? Это, с одной стороны, свидетельства античных авторов (в основном, конечно, Цезаря), с другой — многочисленные памятники ирландского эпоса, изредка привлекаются валлийские эпические тексты (мабиногион) и разного рода юридические и поэтические трактаты. Обе группы источников, на наш взгляд, не могут считаться достаточно достоверными, так как первая представляет кельтское общество увиденным сквозь призму античной культуры, а вторая является в значительной степени результатом обработки кельтского эпического предания монастырской цензурой (и, что вполне естественно, в наибольшей степени это коснулось именно моментов, связанных с описанием языческих культов). Впрочем, некоторая сомнительность их методики ощущается уже самими авторами. Однако в ответ на упреки предполагаемого оппонента («как же можно объединять в едином анализе и синтезе античные континентальные данные и средневековые островные фиксации, разделенные десятью или двенадцатью веками?» — с. 343) авторы утверждают, что «не островные данные проверяются или подтверждаются галльскими, а напротив — данные островные, в первую очередь ирландские, удостоверяют правдоподобие данных континентальных» (с. 344). Ирландская традиция, по мнению авторов, была настолько консервативна, что сумела сохранить и донести до нас в почти неискаженном виде все основные элементы мировоззрения древних кельтов еще чуть ли не доримского периода. Что же касается античных свидетельств, то, как совершенно справедливо отмечают авторы, друиды предстают в них «сквозь преломляющую и искажающую призму классического описания» (с. 342). Однако, на наш взгляд, не совсем верно их утверждение, что многие историки и филологи этого не понимали. Сущность, смысл и механизм искажений, допускаемых античными авторами, и в частности Цезарем, при описании кельтского общества были блестяще проанализированы уже более чем сто лет назад замечательным ученым-кельтологом, историком и филологом Арбуа де Жюбенвилем, с которым авторы настоящей книги почему-то постоянно находятся в состоянии достаточно корректной (что, к сожалению, не всегда им свойственно), но острой полемики.

Анализ разного рода источников, как античных, так и средневековых, как континентальных, так и островных, подчинен продуманной авторами композиции. Так, в I главе («Друид») содержится как бы описание кельтского жреческого института, сделанное извне, со стороны: либо античными авторами, либо с точки зрения эпических героев. Во II главе («Друид в обществе») авторы уже показывают друидов в действии, очерчивают их основные функции в кельтском обществе. III глава («Ритуальная и магическая техника друидов») посвящена описанию уже собственно культовой техники друидов и как бы приближает читателя к овладению, или, точнее, знакомству с тайным знанием друидов. Друидическая доктрина как таковая проанализирована в IV и V главах («Время и пространство друидизма» и «Доктрина и происхождение друидизма»), которые, собственно говоря, касаются проблемы друидизма лишь опосредованно и представляют собой скорее описание мифологических представлений и верований древних кельтов. Кроме того, в качестве приложения к основному тексту книги дан «Список названий ирландских и валлийских повестей и рукописей», содержащий 41 оригинальное название с переводом его на французский язык, кратким

⁹ Имеется в виду работа: *Fustel de Coulange N. D. Institutions politiques d'ancienne France, la Gaule Romaine*. См. также его статью: *Comment le druidisme a disparu // Revue Celtique. V. IV. P. 37—59.*

пересказом содержания и указанием основных изданий и переводов, а также «Глоссарий валлийских, ирландских и иных технических терминов», в котором наряду с собственно «техническими терминами» («праздник», «арфа», «червь», «магия» и пр.) помещено довольно большое число имен ирландских, валлийских и галльских богов и эпических персонажей и географических названий, в той или иной степени связанных с деятельностью друидов (Медиолаум, Тара, Друнетон и пр.). Обстоятельный в своих статьях и довольно обширный (около тысячи названий), настоящий Глоссарий обладает самостоятельной ценностью и может послужить прехосподным подспорьем для того, кто начинает самостоятельное изучение кельтских древностей.

Какое же определение в Глоссарии дают авторы центральному предмету своего исследования — слову «друид»? Оно до некоторой степени расходится с общепринятым, что видно уже из самой его формулировки: «Мы понимаем под этим термином любого члена кельтского жреческого класса без каких бы то ни было квалификационных или иерархических различий... „Друид“, таким образом, — это общее понятие» (с. 383)¹⁰. Авторы приходят к данному выводу, видимо, под влиянием Цезаря, который в своих «Записках» действительно выделял в галльском обществе всего три класса — плебеев, всадников и друидов, никак терминологически не дифференцируя последнюю группу. Однако сами же авторы приводят в своем исследовании свидетельства других античных источников, в которых даны более детальные дефиниции «образованного класса» кельтов. Так, и Диодором Сицилийским, и Страбоном выделяются в нем наряду с друидами поэты-барды и пророки — *vates*, причем за каждой группой отмечаются определенные социальные функции. Но упорно следуя в этом пункте за Цезарем, авторы книги не признают этих свидетельств и приходят к выводу, что «бард и пророк являются на самом деле теми же друидами. Их названия отражают функциональную специализацию, противопоставленную и подчиненную общему понятию, на которое они тоже имеют право, какими бы ни были их функции и их место в иерархии» (с. 20). Данное положение является одним из центральных в рецензируемой книге и влечет за собой последующие выводы и логические построения авторов и, в частности, именно оно лежит в основе описания социальных функций друидов в главе «Друид в обществе».

Одной из важнейших социальных функций друидов, по мнению авторов, было обучение молодежи. Действительно, и в античных свидетельствах, и в ирландских эпических памятниках можно найти довольно много упоминаний о специальных друидических школах, в которых проходят обучение, как правило, дети представителей военной аристократии. Так, например, в ирландской эпопее «Похищение быка из Куальнге» описан друид Катбад, окруженный сотней учеников. Но совершенно ясно, что лишь единицы из этих учеников в дальнейшем становились друидами, остальные же, пройдя какой-то минимальный курс обучения, посвящали себя военному искусству. Таким образом, как смело, но, на наш взгляд, не вполне оправданно утверждают Ле Ру и Гуйонварх, некое тайное Друидическое Знание, открытое лишь избранным, на самом деле оказывается вымыслом романтиков. Как пишут они несколько позже в разделе, посвященном письменности, «Друидическая доктрина была не более тайной, чем в наши дни грамматика древнеирландского языка или санскрита. И если знания не распространялись повсеместно, то это объяснялось лишь неравномерным распределением интеллекта между отдельными индивидами» (с. 265). Однако следует оговориться, что все вышесказанное, как нам представляется, может быть отнесено лишь к философской стороне друидической доктрины, но не к магической технике друидов. Друидическое знание по своей социальной сущности было и обязано было быть открыто каждому члену общества как своего рода гарантия правильного функционирования последнего, однако лишь в небольшой степени.

¹⁰ Д'Арбуа де Жюбенвиль, например, называл друидами лишь наиболее элитарную, максимально приближенную к культуре как таковой часть «образованного класса» галлов (см. *D'Arbois de Jubainville H. Les Celtes et les langues celtiques*. P., 1883. P. 46).

Из каких же компонентов состояло друидическое образование? Цезарь выделял в нем астрономию, космологию, физиологию и теологию («*de deorum immortalium vi ac potestate*».) Авторы книги считают, что к этому списку надо добавить в первую очередь историю, а также музыку, поэзию, грамматику и красноречие.

Кроме дидактических, отмечают авторы книги, друиды выполняли и собственно жреческие функции (они и были основными), которые заключались, в частности, в особой ритуальной технике принесения жертвы. Этому необычайно важному элементу друидического культа в книге уделено особое внимание. Авторы не отрицают того факта, что у древних кельтов довольно долго были распространены человеческие жертвоприношения, и даже выделяют среди них несколько подтипов, однако, как они доказывают, принесение в жертву человека было все же фактом довольно редким. в традиционной же культовой практике обычно жертвуется священное животное (бык, лошадь, петух, змея и др.), иногда специально выращенное с этой целью.

Необычайно интересным, на наш взгляд, можно назвать и очерк «Друид и король», помещенный в этой же главе. В нем противопоставляется высшая сакральная и вечная власть, которую воплощал друид, власти временной, более низкой, сосредоточенной в руках короля. Как показывают авторы, в идеале оба эти вида власти должны были находиться в состоянии идеального равновесия, конфликты между королем и друидом были невозможны, так как это могло нарушить внутреннее равновесие племени как замкнутой системы. Приводимый авторами пример из саги «Как было найдено „Похищение быка из Куальнге“», в котором показан конфликт между королем и олламом (высший ранг ирландских поэтов-филидов), является с их точки зрения, «доказательством упадка и констатацией разрушения» (с. 120). По нашему мнению, это не совсем так: ведь в саге описан конфликт не между королем и друидом, и вовсе не оппозиция королевской власти жреческой лежит в основе ее сюжета. Сенхан Торпейст, которого хитростью изгоняет из своего дома король Коннахта Гуайре, является всего лишь филидом, т. е. фигурой достаточно почетной, но не сакральной.

Не кажется нам полностью оправданным также и отнесение к друидической касте послов, историков, врачей, строителей и привратников. Ведь, с одной стороны, для каждой из этих социальных функций в ирландском языке существовал специальный термин, а с другой — по свидетельству тех же ирландских эпических памятников, некоторые из них (например, функции посла) могли выполнять и лица, не имеющие отношения к этой «профессии».

III глава книги посвящена целиком собственно культовой деятельности друидов. Как показывают авторы, друиды сопровождали каждого члена племени на всем протяжении жизненного цикла — от рождения до смерти. Именно друид должен был совершить обряд наречения новорожденного, друид же был центральной фигурой и в погребальном обряде. Он принимал участие во всех обрядах, связанных с переходом из одной возрастной группы в другую (инициация, брак и пр.), он участвовал в выборах короля, управлял военными действиями, короче — руководил жизнью племени в целом и каждого индивида в отдельности. Каким же образом? В основном посредством предсказаний, которые играли в духовной жизни кельтов очень большую роль, гораздо большую, чем у их соседей германцев и римлян. Технике гаданий авторы книги посвящают специальный раздел, полный разнообразного и необычайно интересно материала.

Но друиды, какими их рисуют Ле Ру и Гуйонварх, основываясь на данных ирландского эпоса, предстают не только пассивными наблюдателями и предсказателями судьбы, на течение которой сами они не влияют. Нет, им также подвластны стихии, ветер, море, деревья, они способны навести на врага особый «друидический» туман и даже одним взглядом сравнивать холмы с землей. Но все же, читая эти яркие описания силы друидического искусства, взятые авторами из эпических памятников, с трудом представляешь себе, что речь здесь идет не о друидах в узком смысле этого слова, друидах-магах, друидах-жрецах, а обо всех, кого авторы считают друидами, т. е. и о поэтах,

и о врачах, и о послых, и о привратниках, и о прочих представителях «образованного класса» кельтов.

И напротив, в разделе, посвященном магическим запретам — гейсам, авторы, на наш взгляд, приходят к ошибочному выводу, что накладывание их было прерогативой друидов. В противовес приведенным в книге примерам можно вспомнить другие упоминания гейсов в ирландском эпосе, гейсов, накладываемых эпическими героями на самих себя или своих близких вне какого бы то ни было участия друидов. Например: «Тогда сказала Медб клятву: Клянусь богами, которыми клянется мой народ, что не лягу я и не засну на постели из пуха или шерсти, что не напьюсь я молока и не накормлю свое тело, что не выпью я пива ни красного, ни светлого, что не наемся я до сыта, пока не увижу своими глазами схватку этих двух быков»¹¹, или: «И просил Кухулин передать сыну, чтобы тот никому не называл своего имени, никому не уступал дорогу и никогда не отказывался от поединка»¹².

Но если сила слова обычного человека не простиралась дальше запрета или обязательства, сила слова друида могла нанести даже физический ущерб, который обычно выражался в появлении трех нарывов — нарывов позора, стыда и поношения. Подобной силой слова-проклятия обладали лишь друиды, в широком смысле этого слова, и, желая навести порчу на кого-либо, эпические герои вынуждены были прибегать к их помощи. Например: «Тогда отправила к нему королева друидов, заклинателей и певцов, чтобы пропели они три леденящие песни и трижды заклинали его, да возвели на лицо Фер Диада три порчи — позора, стыда, поношения, что откажись он идти, сулили гибель немедля иль в девять дней срока»¹³.

Наблюдения и обобщения, сделанные авторами на широком островном эпическом материале, представлены ими в виде таблицы «Основные виды употребления друидического слова в ритуальной и магической практике» (см. с. 216), где выделено шесть основных типов: наречение, обязательство или запрет, пророчество, похвала, проклятие, сатира. Не совсем ясным остается читателю отличие проклятия от сатиры. В своем определении данного типа словесной магической техники друидов авторы отмечают, что «оно в большинстве случаев смешивается с сатирой, от которой оно теоретически отличается» (с. 216), в то время как несколькими страницами раньше они пишут: «Учитывая узы, связывающие друида и короля, похвала встречается гораздо чаще, чем проклятие, которое внешне воплощается в виде сатиры» (с. 205).

IV и V главы, как мы уже писали, касаются не столько проблемы друидизма как такового, сколько религиозных представлений кельтов. Публикуемый в данных разделах материал частично дублируется во второй части книги Ле Ру и Гуйонварха «Кельтская цивилизация», вышедшей в 1982 г.¹⁴ Не имея возможности детально остановиться на анализе каждого из разделов, составляющих эти главы, мы ограничимся их перечнем, чтобы показать широту охвата материала при описании духовного мира кельтов. Глава IV — «Пространство и время друидизма»: 1. «Омфалос» и «Неметон» — понятие центра и высшая власть — храм, или «неметон — священный лес»; 2. Праздники — Имболк, праздник весны — Бельтан, священный праздник — Лугназад, или праздник короля — Самайн, всеобщий воинский праздник; 3. Время и календарь — время человеческое и время мифическое — календарь. Глава V — «Доктрина и происхождение друидизма»: 1. Письменность — огамическое письмо — значение письменности; 2. Бессмертие души. Метемпсихоз — метаморфозы; 3. Иной мир и Сид — птицы Сида — чудесная музыка — время и вечность — пространство Сида — совершенство Сида; 4. Ориентация — внешнее пространство — внутреннее движение — четыре основные точки; 5. Острова на Севере Мира; 6. Движение воды; 7. Первочеловек;

¹¹ Приключение Неры // Похищение быка из Куальнге. М., 1985. С. 110.

¹² Сватовство к Эмар // Там же. С. 51.

¹³ Бой Кухулина с Фер Диадом // Там же. С. 234.

¹⁴ См. рец.: ВДИ. 1986. № 3. С. 210—213.

8. Окаменелый морской еж; 9. Триады или группы друидов; 10. Бог-друид. Выводы, к которым приходят авторы в своем анализе кельтских верований, в целом представляются нам убедительными. Более того, концепция загробного мира кельтов как чудесной страны, расположенной на далеких островах, которую авторы противопоставляют распространенному представлению о вере кельтов в переселение душ, на этот раз кажется нам достаточно аргументированной, в то время как при анализе их книги «Кельтская цивилизация» мы еще не могли с ней согласиться. Решающим в данном случае стал тезис авторов об универсальности судьбы всех умерших, в отличие, например, от Вальгаллы древних германцев. Кельты верили, что Чудесная страна ждет всех без исключения, независимо от поведения человека при жизни, именно это заставляло их не бояться смерти и делало, как отмечали еще античные авторы, бесстрашными воинами.

Наши принципиальные возражения вызвал лишь раздел, посвященный технике письма у древних кельтов. Вопреки свидетельству Цезаря, который специально отмечал в «Записках», что галлы не знают письменности и заучивают все наизусть, а также несмотря на полное отсутствие каких-либо эпиграфических данных, авторы, отталкиваясь от сделанной Цезарем оговорки *mihi videntur* — «мне кажется», утверждают, что «на самом деле друиды знали письменность и ни один из их постулатов не запрещал ее употребление» (с. 265). Этой письменностью авторы считают огамическое письмо, полностью игнорируя общепринятую точку зрения, что оно возникло скорее всего под влиянием латинского письма в Ирландии (а не в Галлии) и вряд ли раньше II в. н. э., если не позже¹⁵. Концепция «друидического» происхождения огамического письма встречается у известного французского кельтолога Ж. Лота¹⁶, однако в дальнейшем он сам отказался от этого, как справедливо пишет А. А. Королев, «абсурдного предположения». Само название «огам» авторы рецензируемой книги вслед за неизвестными составителями грамматического трактата «*Lugaircept na n-Éces*» («Руководство для ученых», приблизительно XI в.) возводят к имени ирландского языческого бога Огмае, возводимому к галльскому богу красноречия по имени *Ogmios*. Однако более чем полвека назад Р. Турнейзенем было доказано, что данная этимология не соответствует фонетическим закономерностям и галльское *Ogmios* в древнеирландском языке дало бы *óme, которое в среднеирландский период перешло бы в *úama¹⁷.

Данная неточность Ф. Ле Ру и К.-Ж. Гуйонварха представляется нам неслучайной. Она, как и многие другие, проистекает из установки авторов «реабилитировать миф как источник», в то время как, по нашему мнению, найти нечто, что действительно приближало бы читателя к некоему хотя бы подобию исторической реальности, каковой были друиды, можно было бы только путем тщательной и скрупулезной реконструкции, а не методом нанизывания обильных цитат из ирландских эпических памятников. Досадным представляется и то, что авторы в своем стремлении сообщить читателю «только факты» практически полностью игнорируют огромное количество научных трудов, посвященных проблеме друидизма и кельтских языческих верований.

И наконец, мы полагаем, что один из существенных недостатков работы — ее ограниченность кельтским материалом. Кроме сопоставления обряда инаугурации ирландского короля, описанного Гиральдом Камбийским, с древнеиндийским обрядом «ашвамедха», что встречается в десятках работ, а также упоминания о смерти германского бога Бальдра, сына Одина, в связи с описанием магических функций омелы, мы практически не находим в книге никаких выходов за рамки кельтского ареала. В то же время анализ друидизма как социального и философского явления на широком фо-

¹⁵ Разные точки зрения на время и место происхождения огамического письма собраны в кн.: Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984.

¹⁶ См. *Loth J. Le sort et l'écriture chez les anciens Celtes // Journal des savants. 1911.*

¹⁷ См. *Thurneysen R. Zum Ogom // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1937. Bd. 61.*

не аналогичных явлений других народов несомненно помог бы прояснить многое и в нем самом.

Впрочем, широкий сопоставительный анализ, видимо, и не входил в задачу авторов. Они оставляют это право за учеными-теоретиками, исследователями более широкого плана, которым новая книга Ф. Ле Ру и К.-Ж. Гуйонварха, без сомнения, может предоставить необычайно обильный и интересный материал.

Т. А. Михайлова

© 1991 г.

Иконография парфянского монументального искусства в исторической литературе

Определение характерных черт парфянской иконографии, отличающих живопись, скульптуру, наскальные рельефы и другие произведения изобразительного искусства аршакидской эпохи, имеет, помимо искусствоведческого, большое культурно-историческое значение. Выделение парфянского «канона» позволяет увидеть общекультурную ориентацию искусства, а вместе с ним социальных и этнических групп, которыми и для которых оно создавалось. Кроме того, существующий материал позволяет проследить последовательно формирование и эволюцию парфянской иконографии для некоторых регионов (к сожалению, в основном на западе), что дает возможность на конкретном материале рассмотреть общие проблемы истории культуры Парфии¹. Это тем более важно, что по многим из них существует большая литература, не всегда основанная на конкретном материале. В то же время общие проблемы парфянской иконографии рассматривались гораздо реже, а в советской исторической литературе специально лишь однажды, в начале 1960-х годов².

Всякая попытка целостного анализа парфянского монументального искусства наталкивается на существенные трудности. Еще Плиний (NH.VI.29.12) обращал внимание на то, что парфянская держава не была единым государством. Это ощущается, конечно, и в искусстве. Мы вынуждены, фактически, судить о нем по периферийным материалам, принадлежащим культуре вассалов и независимых правителей (таковы яркие и часто используемые материалы Коммагены, Пальмиры, Элимады). В действительности, по-видимому, культура областей Парфии была достаточно самостоятельна и не может сводиться к провинциальным вариантам общегосударственной культуры³. В этом она отличается от культуры ахеменидского периода⁴.

Из разнородности и слабой консолидации парфянской культуры вытекают основные трудности в ее изучении. О главной из них уже говорилось — это необходимость работать с материалами культурно разнородных областей, односторонне характери-

¹ Очень важный материал может дать парфянская монетная иконография, однако это тема другого исследования. Мы в настоящем обзоре ограничимся анализом парфянского монументального искусства.

² Кошелев Г. А. О фронтальности в парфянском искусстве // Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского. М., 1962. С. 135—147; те же материалы, с дополнениями, позднее вошли в книгу этого автора «Культура Парфии» (М., 1966).

³ Недавно это было еще раз показано на нумизматическом материале: Варданян Р. Культура и идеология Парфянского царства по нумизматическим данным (проблемы периодизации): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1985.

⁴ См. подробнее Schlumberger D. Parthian Art // The Cambridge History of Iran. L.—Cambr., 1983 (далее — СНIr). V. 3. Pt II. P. 1028.

зующими парфянскую культуру. Кроме того, в культуре провинций были сильные местные допарфянские традиции, сильно влиявшие и на произведения искусства парфянского периода⁵. Третья особенность состоит в том, что об аршакидском изобразительном искусстве нередко пишут по материалам из областей и городов, не принадлежавших Парфии ни политически, ни культурно, но лишь в какой-то степени находившихся под парфянским влиянием. Это особенно характерно для историографии 1920—30-х годов, когда активно исследовались яркие памятники Восточного Средиземноморья и Западной Месопотамии⁶. С другой стороны, искусство близких Парфии областей, в частности Армении, изучено для этого периода слабо⁷. Вследствие этого возникает однобокость в понимании парфянского искусства — недаром М. И. Ростовцев, который в 1935 г. первым ввел в употребление это понятие, под «парфянским» подразумевал в сущности лишь искусство Месопотамии I—III вв. н. э.⁸

Для исследования парфянской монументальной иконографии большое значение имеет и то, что в разных культурно-исторических областях Парфии предпочтение традиционно отдавали разным видам искусства: в Иране были распространены скальные рельефы, в Месопотамии же главным образом скульптура и живопись⁹. Между тем пример Пальмиры показывает, что разные отрасли творчества могут демонстрировать различную культурную ориентацию: в этом городе изобразительное искусство следует в основном парфянским канонам, но архитектура — римским. Объяснение этого феномена, вероятно, нужно искать в его социальных корнях, а также в той этнической среде, где создавались произведения. Наконец, многое в иконографии зависит от самого изображаемого сюжета и его культурной принадлежности: например, среди изображений богини Анахиты подавляющее большинство выдержано в восточном духе и почти не несет следов эллинистического влияния¹⁰. Вероятно, такое же значение имеет и «социальный заказ», на который ориентировались художники и мастера-ремесники. При этом в литературе обычно разделяют «официальное искусство» правящей династии (к нему условно относят парфянские памятники в Нисе, Кух- и Ходжа, в Коммагене, Халчаине, Сурх-Котале, демонстрирующие близость династии к богам, в основном в парадных и инвеститурных сценах), а также «нединастическое искусство», в основном на юге и западе Парфии (в Пальмире, Ашшуре, Хатре, Уруке, Дура-Европос, Танг-и Сарваке, Шама)¹¹. Замечательно, что принцип фронтальности строже соблюдается именно в периферийном искусстве, хотя присутствует и в придворном.

Фронтальность изображения традиционно считается основополагающим признаком парфянской иконографии. В гармоничном и основанном на пластичности греческом искусстве, где какой-либо обязательный канон отсутствовал как в классическую, так и в эллинистическую эпоху, фронтальность (точнее говоря, фасовость) изображения встречается и в живописи, и на рельефах, однако используется наравне с другими

⁵ Downey S. B. Art in Iran. IV. Parthian // Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater. V. 2. Fasc. 6. N. Y., 1986. P. 580 f.

⁶ См., например, серию работ Г. Сейрига по Пальмире: *Seyrig H. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria*. 1937. XVIII. Fasc. 1—2; *idem*. Bas-reliefs monumentaux du Temple Bêl à Palmyre // *Syria*, 1934. XV. Fasc. 2; *idem*. Notes sur les plus anciennes sculptures palmyréniennes // *Berytus*. 1936. III; *idem*. Note sur le style des bas-reliefs // *Syria*. 1934. XV. Fasc. 1; *idem*. Sur quelques sculptures palmyréniennes // *Syria*. 1937. XVIII. Fasc. 3; общую проблематику см.: *idem*. Palmyra and the East // *JRS*. 1950. XL. 1—2. P. 1. ff.

⁷ Schlumberger. Op. cit. P. 1049.

⁸ *Rostovtzeff M. Dura and the problem of Parthian art // JCS*. 1935. V. P. 155—304.

⁹ Downey. Op. cit. P. 585.

¹⁰ *Sarre F. Parthian Art // A Survey of Persian Art / Ed. A. U. Pope*. V. I. L.—N. Y., 1938. P. 409; Ф. Сарре называет и исключение — статуэтку с заметным эллинистическим влиянием, происхождение которой, правда, неясно (*ibid.* Portfolio. Pl. 134-F).

¹¹ См. *Colpe C. CHIr*. V. 3. Pt. II. P. 844—845.

приемами¹². В искусстве Рима фронтальные изображения существовали, а в провинциях могли даже преобладать — но это было уже после формирования фронтальности на Востоке¹³. До парфян в восточном искусстве, как правило, исходили из другого канона, основанного на профильном изображении. Принцип профильности ярко проявился в искусстве Ахеменидов, хотя в той или иной степени был характерен и для других государств древнего Востока¹⁴. Имеющиеся исключения достаточно редки и обычно связаны с изображениями животных¹⁵. Представленные в фас изображения некоторых божеств известны в искусстве Двуречья уже с III тыс. до н. э., однако они редки¹⁶. В целом, строгая фронтальность как канон в допарфянском искусстве отсутствует.

Впоследствии Сасаниды постарались отойти от аршакидского канона (это было своеобразным проявлением политического противостояния двух династий), однако фронтальность в послепарфянский период получила широкое распространение в раннехристианском и византийском искусстве. Ранневизантийская эстетика имела первоначально много общего с парфянской — тот же иератический стиль, плоскостность изображения, симметричность и декоративность поз, схематическая трактовка одежды и человеческого тела¹⁷. Как и в Парфии, постепенно упрощалась перспектива¹⁸. Несмотря на все поиски, на Востоке до сих пор не обнаружено памятников раннего христианского искусства¹⁹ — восточные христиане первоначально вообще отрицали его (Феофил Антиохийский, Татиан, Аристид, Мелитон Сардинский считали идололатрию страшным грехом), а впоследствии, особенно после Никейского собора, вернулись к ближневосточному искусству дохристианской эпохи²⁰. Парфянская фронтальность, основанная на спиритуалистическом подходе к изображению, прекрасно соответствовала глубоким основам христианского учения²¹.

Большую проблему представляет выяснение происхождения фронтальности. Существующий изобразительный материал распределен неравномерно по периодам и регионам, поэтому проблема генезиса и эволюции художественных присмов парфянской эпохи остается трудноразрешимой и допускает существование разнообразных точек зрения²². Э. Херцфельд в 1920 г. первым предложил выводить парфянскую фронтальность из греческой²³. Изобразительное искусство, достигшее высочайшего развития в древней Греции, в эпоху эллинизма не могло не оказать воздействия на искусство Востока, тем более что здесь оказалось много греков — носителей эллинических идей, вкусов и мастерства. При отсутствии в греческом искусстве строгого канона фасовые изображения также встречались в нем и, попав на Восток, в условиях придворного искусства, привыкшего к каноничности и парадному единообразию, они могли под-

¹² Кошеленко. О фронтальности... С. 136.

¹³ Von Gall H. Beobachtungen zum arsakidischen Diadem und zur parthischen Bildkunst // Istanbuler Mitteilungen, 1969—1970. XIX—XX. S. 316; Budde L. Die Entstehung des antiken Repräsentationsbildes. В., 1957. S. 9.

¹⁴ Will E. Le relief culturel gréco-romain. P., 1955. P. 224—227.

¹⁵ Ghirshman R. Perse. Proto-iraniens, Mèdes, Achéménides. P., 1963. Fig. 240, 260; Herzfeld E. Iran in the Ancient East. Oxf., 1941. Pl. XLVII, LXII; Schlumberger D. La représentation frontale dans l'art des Sassanides // La Persia e il Mondo Greco-Romano. Atti del convegno. Accademia Nazionale dei Lincei. Roma, 1966. P. 385.

¹⁶ Herzfeld E. Am Tor von Asien. В., 1920. S. 365 f.

¹⁷ Michellis P. A. An aesthetic approach to Byzantine Art. L., 1955. P. 173.

¹⁸ Кошеленко Г. А. Из истории становления эстетических воззрений раннего христианства // ВДИ. 1964. № 3. С. 50—52.

¹⁹ Lowrie W. Art in the early Church. N. Y., 1947. P. 9.

²⁰ См. подробнее Кошеленко Г. А. Мозаики Эдессы // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 187 сл.

²¹ См. *он же*. Фридрих Энгельс и проблемы изучения раннего христианства // ВДИ. 1970. № 4. С. 26—28.

²² Последний по времени, хотя не совсем полный обзор существующих гипотез дан С. Доуни в фундаментальном труде: Encyclopaedia Iranica. V. 2. Fasc. 6. 1986.

²³ Herzfeld. Op. cit. S. 65 f.

вернуться абсолютизации и стать господствующими. Вслед за Э. Херцфельдом эту гипотезу развивали многие исследователи, в том числе такие авторитетные, как Э. Вилл и Д. Шлюмберже²⁴.

Теории греческого происхождения фронтальности противостоит концепция ее иранских корней, впервые развитая М. Ростовцевым²⁵. В советской литературе уже отмечалось, что подобные взгляды еще раньше высказывались, в менее систематичном виде, В. Мюллером²⁶ и А. Моортгатом²⁷. Были указаны и слабые места этой концепции, предполагающей формирование фронтальной иконографии в допарфянскую эпоху в Центральной и Северной Месопотамии, и затем очень широкие миграции «фронтальной идеи» — из Месопотамии в Мидию и Гирканию, затем, около IV в. до н. э., к ираноязычным кочевникам Средней Азии, одна ветвь которых, впоследствии попав в Северное Причерноморье, должна была принести фронтальность туда, а другая — в Парфию. Г. А. Кошеленко, рассмотрев гипотезу М. И. Ростовцева²⁸, отметил, в частности, что она не объясняет механизм миграции художественного приема, хотя это принципиальный вопрос при таких широких заимствованиях. В целом гипотеза М. И. Ростовцева в первоначальном ее виде наталкивается на много препятствий и требует натяжек, важнейшая из которых, на наш взгляд, — крайне растянутая в пространстве и времени миграция идеи фронтальности. Позднее иранские корни этого канона отстаивал Р. Гиршман, доказывавший, что фронтальные изображения существовали у иранских племен уже в начале их обитания в Иране (исследователь проследил их на «Лурдистанских бронзах», в пластике мидийского периода)²⁹, при Ахеменидах были временно отгеснены на северо-восток и возродились в парфянский период.

Согласно третьей концепции, фронтальность имеет сирийско-эллинистическое происхождение и является плодом сложного культурного взаимодействия в парфянской эпохе. Эта гипотеза достаточно распространена, ее последовательным сторонником был К. Хопкинс³⁰, из современных исследователей ей следуют С. Доуни³¹, М. Колледж³² и др. При этом К. Хопкинс также исходил из большого иранского влияния при формировании фронтальности. Эта концепция не является единой, а лишь объединяет различные точки зрения вокруг одной основной идеи — сирийского центра распространения канона. Нам представляется упрощением локализовать сложный процесс, занявший несколько веков, на столь ограниченном пространстве — ведь известно, с одной стороны, что прототипом канонической фронтальности могли служить некоторые древнемесопотамские и древнеиранские изображения, а с другой — что в парфянский период фронтальность появляется приблизительно одновременно сразу в нескольких областях, отношения заимствования между которыми трудно се-

²⁴ Will. Op. cit. P. 219—255; *idem*. Art parthe et art grec // Études d'archéologie classique. Annales de l'Est publiées par la Faculté des Lettres de l'Université de Nancy. № 22. P., 1959. P. 123—134; Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens de l'art grec // Syria. 1960. XXXVII. Fasc. 3—4. P. 253—281.

²⁵ Rostovtzeff. Op. cit. P. 155 ff., esp. 238—241; *idem*. L'art gréco-iranien // RAA. 1931. VII. № 4. P. 202—222. Pl. LXI—LXVII.

²⁶ Müller V. Zwei syrische Bildnisse römischer Zeit // 86 Winkelmannsprogramm. B., 1927.

²⁷ Moortgat A. Die bildende Kunst des alten Orients and die Bergvölker. B., 1932. S. 62 ff.

²⁸ Кошеленко. О фронтальности... С. 140 сл.

²⁹ Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masdjid-i Solaiman // MDAI. 1976. XLV. V. I. P. 272—273.

³⁰ Hopkins C. Aspects of Parthian art in the light of discoveries from Dura-Europos // Berytus. 1936. III. Fasc. 1. P. 1—30; *idem*. A note on frontality in Near-Eastern art // Ars Islamica. 1936. III. Fasc. 2. P. 2 ff.

³¹ Downey S. The stone and plaster sculpture: excavations at Dura-Europos // Monumenta Archaeologica. 5. Los Angeles, 1977. P. 283—287.

³² Colledge M. A. R. The art of Palmyra. Boulder, 1976. P. 126—128; *idem*. The parthian art. L., 1977.

бе представить — в Пальмире, Дура-Европос и других городах Западной Парфии, в Боспорском царстве, а также в Маргиане и даже Гандхаре. Материалы из Сирии, опубликованные одним из сторонников сирийской концепции Р. Дюссо с целью доказать независимость генезиса фронтальности во внутренних районах Сирии (памятники Джебей-эд-Друз и Бейт-Натиф), в сущности, ничего не доказывают, так как оба они достаточно поздние³³ Более того, нам представляется, что при нынешнем уровне интерпретации источников на неудачу обречена любая гипотеза, опирающаяся на единственный, узкий территориально и хронологически центр формирования фронтальности, и затем вынужденная выстраивать очень сложные пути заимствования этого принципа.

В какой-то степени избавлена от этих недостатков четвертая концепция, которую условно можно назвать интегрирующей. Ее придерживался крупнейший исследователь восточносредиземноморских древностей Г. Сейриг³⁴, а также Г. Роденвальдт³⁵ и др. Сторонники ее признают формирование фронтальной иконографии в первые века н. э. в нескольких регионах одновременно — на западе Парфии и в Пальмире параллельно с областями на востоке иранского мира. Из существования такого территориального разброса, однако, делается вывод, что для общности канона должен был все-таки существовать эпицентр его распространения где-то на территории Парфии, во всяком случае, в иранском мире. С общих позиций эта концепция правдоподобна, но она много проигрывает вследствие того, что не в состоянии указать конкретные пути эволюции идеи фронтальности, за исключением лишь западных районов. Впрочем, это в основном обусловлено состоянием источников.

По-видимому, на данном этапе исследований вообще не приходится ожидать универсального решения проблемы фронтальности, — во-первых, вследствие хронологической, региональной и этнокультурной разнородности источников, о чем мы уже говорили, а во-вторых, из-за специфических трудностей в интерпретации этих памятников, принадлежащих различным видам искусства, у каждого из которых есть свои законы развития, вытекающие из исторических традиций, этнокультурной и социально-политической ориентации, художественных задач и материала изображения. Уровень и степень интеграции «первичных» исследований памятников не всегда достаточны, а главное, очень неровны — это, на наш взгляд, не позволяет сейчас построить на их материале всеобъемлющую и при этом сбалансированную теорию.

Исследование парфянской монументальной иконографии затрудняют и другие обстоятельства. В литературе, например, обычно не дают исходного определения фронтальности, а между тем это очень важно, так как от строгости определения зависит, относить ли вообще некоторые памятники к числу фронтальных. Ведь на парфянских рельефах встречаются и не строго фронтальные фигуры, иногда отдельные части тела повернуты иначе. Наличие отступлений от канона в искусстве естественно, они существовали и при господстве профильности — бывало, что головы «профильных» персонажей изображали в фас, лицом к зрителю, что создавало эффект «общения» с ним героя изображения³⁶. Наоборот, парфянский рельеф Готарза II (38—51 гг. н. э.) в Бисутуне, изображающий его конный поединок с врагом (видимо, это самозванец, Митридат Римский), вообще лишен фронтальности³⁷. Памятник датируют 40-ми годами I в. н. э.³⁸

³³ *Dussaud R.* La renaissance du style oriental en Syrie aux II-e et III-e siècles // *Artibus Asiae.* 1937. VI. Fasc. 3—4. P. 191.

³⁴ *Seyrig G.* Bas-reliefs monumentaux... P. 183 suiv. и другие работы, см. выше, прим. 5.

³⁵ *Rodenwaldt G.* Ippel, Indische Kunst und Triumphalbild // *Gnomon.* 1931. Bd VII. Ht 6. S. 292.

³⁶ См. подробнее: *Schlumberger D.* Parthian Art // *CHIr.* V. 3. Pt II. P. 1050.

³⁷ *Herzfeld.* Iran... P. 288. Pl. CVII-B.

³⁸ *Vanden Berghe L.* Le relief parthe de Hung-i Naurūzī // *IA.* 1963. III. Fasc. 2. P. 162.

И это на рельефе, представляющем официальное искусство! А ведь уже рельеф Митридата I в Хунг-и Наврузи (третья четверть II в. до н. э.) следует фронтальному канону. Тем более естественны исключения в таких специфических памятниках, как, например, мозаики³⁹. Много исключений также в скульптуре и рельефах парфянской Хатры⁴⁰.

В связи с этим, повторяем, очень важно то понимание фронтальности, из которого исходит исследователь. Слишком мягкое определение приводит к расплывчатости критериев: например, стихийное отождествление фронтальности с фасовым изображением заставило в свое время Э. Вилла считать «классическим примером фронтальной композиции» восточный фриз храма Ники Аптерос на афинском Акрополе⁴¹. Между тем фигуры на фризе настолько пластичны и полны движения, что не воспринимаются как фронтальные, хотя в основном и обращены к зрителю. Необходимо поэтому разделять обычное фасовое изображение и собственно-фронтальное: последнее предполагает более строгие требования. В советской историографии единственную попытку сформулировать критерии фронтальности предпринял Г. А. Кошеленко⁴², который в целом следовал за определением М. И. Ростовцева⁴³. Он называл среди критериев строгую симметрию, позы, ее скованность, неподвижность и иератичность, а также разорванность композиционных связей между персонажами. Требование симметрии в этом определении представляется нам неточным — вполне симметричные позы в изображениях парфянского периода все же редки, этот критерий лучше заменить на близкий ему принцип орнаментальности композиции, т. е. периодичности и повторяемости фигур в одинаковых позах (особенно это характерно для второстепенных действующих лиц)⁴⁴.

В связи с проблемой фронтальности, особенно для датировок, было бы заманчиво использовать нумизматические данные, хотя этот специфический источник требует особого подхода. К сожалению, на парфянских монетах фронтальность не привилась, хотя фасовые изображения на реверсе существуют, в частности, в селевкийской чеканке парфянских царей уже в I в. до н. э. В местной серебряной чеканке Парса середины I в. до н. э. также имеются фасовые изображения на л. с. (при Намонате, сыне Артаксеркса II, тело изображали в фас, а голову — в профиль)⁴⁵. Иной вариант демонстрируют сто лет спустя тетрадрахмы Вологеза I (51—78 гг. н. э.), битые в Селевкии на Тигре⁴⁶, а также монеты его преемника Пакора II (87—105 гг.)⁴⁷; в обоих случаях в фас изображалось само лицо царя на аверсе монет. Однако в целом немногочисленные монетные серпы в данном случае мало помогают хронологии, да и едва ли правомерно прямо сопоставлять иконографию монет с особенностями монументального искусства.

³⁹ См. совершенно греческие по стилю мозаики Антиохии на Оронте: *Lassus J. La mosaïque de Yakto // Antioch on the Orontes. I. The excavations of 1932. Princeton, 1934.*

⁴⁰ Их сводка дана: *Кошеленко*. Культура Парфии. С. 196 (правда, первые две из перечисленных фигурок, возможно, импортные).

⁴¹ *Will. Art parthe...* P. 123—134.

⁴² *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии в современной зарубежной литературе // ВДИ. 1962. № 3. С. 168—169. Ср. более позднее и независимое определение А. Перкинса: *Perkins A. The art of Dura-Europos. L., 1963. P. 117.*

⁴³ *Rostovtzeff. Dura and the problem...* P. 236 ff.

⁴⁴ В редких случаях фронтальная композиция может не быть абсолютно статична — на вполне каноническом рельефе из Ашшурга с изображением парфянского воина обе ступни его повернуты влево, что указывает направление движения; см. *Andrae W., Lenzen H. Die Partherstadt Assur. Lpz, 1933. Taf. 59-B.*

⁴⁵ Эти вопросы были недавно рассмотрены Р. Вардапяном (Культура и идеология... С. 21).

⁴⁶ Тип 68 по Сэлвуду, см. *Sellwood D. Introduction to the Coinage of Parthia, 2nd ed. L., 1980; Wroth W. B. M. Catalogue of the coins of Parthia. L., 1903. XXVIII, 12.*

⁴⁷ По Сэлвуду — тип 75, у В. Роса — XXX, 10.

Более продуктивна идея проследить формирование фронтальности на материале живописи Дура-Европос. В отечественной литературе единственный раз попытался проследить изменение приемов в росписях Дура-Европос Г. А. Кошеленко⁴⁸. В наиболее ранних сценах середины I в. н. э. сосуществуют профильное и фронтальное изображения (росписи целлы храма Зевса-Теоса, а также плохо сохранившаяся мифологическая сцена) из «храма пальмирских богов»⁴⁹. Фронтальность появляется позже, начиная с последней четверти I в. н. э. («фреска Конона»)⁵⁰, и утверждается окончательно во II в. н. э. («фреска трибуна», а также сцена жертвоприношения пяти богам из «храма пальмирских богов»)⁵¹. В последних росписях налицо строгая фронтальность, характерные скованность жестов, неестественность поз, отсутствие движения; фронтальное изображение присутствует даже там, где по смыслу сцены фигуры должны быть повернуты. В поздних росписях утрачена портретность, фигуры и лица (кроме глаз) изображены обобщенно и условно; второй план сведен до минимума, а на двух последних росписях его вообще заменил темный фон. Таким образом, в живописи Дура-Европос каноническая фронтальность сформировалась окончательно к концу II в. н. э.

Спустя 20 лет после Г. А. Кошеленко к близким выводам, но на гораздо более широком материале, пришел Д. Шлюмберже⁵². Он датировал сложение фронтального канона в Месопотамии I веком н. э. (основываясь, главным образом, на богатейшем материале Хатры), примерно тем же временем — в Сирии, Дура-Европос и Пальмире; в Мидии же — более поздним периодом. Столь позднее формирование канона в иранских областях Парфии, однако, проблематично — ведь уже на парфянских ритонах из Нисы, датированных публикаторами II в. до н. э., элементы фронтальности присутствуют во многих сценах⁵³. Особенно это относится к ритонам II («варваризованного») типа — многочисленные персонажи на них, несмотря на сложность сюжетов, изображены отдельно и выстроены в ритмические ряды, фигуры однотипны и обобщены. Эти более ранние свидетельства из Парфии особенно важны при существующем в западной литературе акценте на Месопотамии.

А. Моортгат⁵⁴, а за ним М. И. Ростовцев⁵⁵ и многие другие объясняли широчайшее распространение фронтальности тем, что якобы боги и правители, изображенные в фас, казались парфянам «живыми» и обращающимися непосредственно к их почитателям. Д. Шлюмберже ссылался также на якобы существовавшие на Востоке «древние народные представления» о фронтально изображенных статуях как «вместилищах спиритуалистической деятельности человека»⁵⁶. При этом он, однако, не указывает ни конкретных свидетельств этих «народных представлений», ни, что даже важнее, этнической среды, в которой они должны были длительное время сохраняться. В более умеренной форме те же взгляды о психологических корнях фронтальности приводит С. Доунн, объясняющая ее «желанием прямого контакта между героем изображения и зрителем»⁵⁷.

Эта гипотеза представляется обоснованной, ведь и позднее, в христианском искусстве, фронтальность подчеркивала абстрактно-спиритуалистический характер изображения в противоположность чувственному античному. Однако признание этого

⁴⁸ Кошеленко. О фронтальности... С. 143—145.

⁴⁹ Hopkins C. The palmyrene gods at Dura-Europos // JAOS. 1931. V. 51. P. 125; Rostovtzeff M. Dura-Europos and its art. Oxf., 1938. P. 73.

⁵⁰ Cumont F. Fouilles de Doura-Europos (1921—1923). P., 1926. P. 54.

⁵¹ Ibid. P. 142—143; Rostovtzeff. Dura and the problem... P. 245.

⁵² CHIr. V. 3. Pt II. P. 1051.

⁵³ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. 1959. Т. IV. С. 156 и др.

⁵⁴ Moortgat. Op. cit. S. 62.

⁵⁵ Rostovtzeff. Dura and the problem... P. 240.

⁵⁶ Schlumberger. Descendants non-méditerranéens... P. 280.

⁵⁷ Downey. Art in Iran... P. 585.

само по себе не может объяснить происхождения и распространения важного художественного приема, определявшего развитие искусства в течение столетий в очень разных этнических и культурных средах, на фоне разных исторических традиций. Вероятно, в распространении фронтальности имели значение не только психологические или эстетические факторы, но также социальные и политические. Нам кажется возможным в связи с этим выделить некоторые обстоятельства. 1. Распространению канона могла помочь социальная престижность такого искусства, его популярность среди тех групп населения, на которые осуществлялась культурная ориентация. 2. Важное значение имела, конечно, политическая конъюнктура, особенно для верхних слоев общества. 3. В искусстве часто находят отражение стремление авторов и их заказчиков противопоставить себя своим предшественникам, а также просто желание отличаться от других, которое со временем может приобрести, в свою очередь, догматические формы. На государственном уровне такую политику проводили Сасаниды; естественно предположить стремление «обособиться» и у парфян. 4. Возможно, наконец, что фронтальность некоторых изображений парфянского периода, сопутствующая их примитивности, обусловлена первоначально недостаточно высокой квалификацией парфянских резчиков. Впрочем, впоследствии фронтальность существовала, например, в Дура-Европос, в росписях очень высокого художественного достоинства. В этом случае можно предположить, что следование канону завоевателей было обусловлено их политическим давлением.

В связи со сказанным важно также то, что фронтальность была распространена не только в парфянском парадном искусстве, но и в неофициальном. Уже говорилось о фронтальной иконографии ряда фресок Дура-Европос с изображениями жертвователей и членов их семей. В. Андре и Х. Ленцен еще в 30-х годах опубликовали диэе сосуд из Ашшура с практически фронтальной росписью⁵⁸. Для мозаик Эдессы II—III вв. н. э., представляющих семейные портреты на надгробных памятниках, также характерны фронтальность, плоскостность и условность изображения, обобщенность форм тела (но при этом точная передача деталей костюма, оружия, мебели — веризм), линейность⁵⁹. На всех мозаиках, несмотря на условность, как и на фресках Дура-Европос, искусно изображены большие выразительные глаза⁶⁰.

Сложность иконографии парфянских рельефов можно проследить на одном из самых известных из них — Хунг-и Наврузи (третья четверть II в. до н. э.). Сочетание на нем фронтальности с профильным изображением не является исключительным случаем⁶¹. И у главной фигуры, и у трех стоящих справа голова и туловище изображены фронтально, ноги же повернуты чуть в профиль, причем правая у всех повернута сильнее, чем левая⁶². Так же расположены ноги на рельефах в Танг-и Сарваке⁶³.

⁵⁸ *Andrae, Lenzen*. Op. cit. S. 109. Taf. 53.

⁵⁹ См. подробнее: *Коселенко*. Мозаики Эдессы... С. 184 сл. «Мозаика Мокими»: *Leroy J. Mosaïques funéraires d'Edesse // Syria*. 1957. XXXIV. Fasc. 3—4. P. 315 suiv. Pl. XXII; «Мозаика с треножником»: *Segal J. New mosaics from Edessa // Archaeology*. 1959. V. 12. № 3. P. 150; *Leroy J. Nouvelles découvertes archéologiques relatives à Edesse // Syria*. 1961. XXXVIII. Fasc. 1—2. P. 161. Fig. 1; «Мозаика погребального ложа»: *ibid.* P. 166. Fig. 2.

⁶⁰ Эта особенность вообще характерна для парфянской иконографии, см., например, великолепный рисунок на остраке из Мансур-Депе, датированном Л. А. Лелековым II—I вв. до н. э. (Осколок вазы из Мансур-Депе // Памятники Туркменистана. 1 (11). 1970. С. 20—21).

⁶¹ См. также: *Schlumberger*. Descendants non-méditerranéens...: *Will*. Art parthe... P. 127 suiv.; *idem*. L'art sassanide et ses prédécesseurs // *Syria*. 1962. XXXIX. Fasc. 1—2. P. 52—55.

⁶² См. прекрасную публикацию этого памятника и иллюстрации: *Vanden Berghe*. Op. cit. P. 155—168.

⁶³ *Henning W. B.* The monuments and inscriptions of Tang-i Sarvāk // *Asia Major*. 1952. V. II. Pt. 2. Pl. XVI, XVII; или: *Acta Iranica*. 15. 2-c série. Téhéran — Liège, 1977. P. 359—386.

Позы персонажей неодинаковы: центральный изображен с протянутой к всаднику правой рукой, левая же покоится на рукояти меча; у трех второстепенных лиц справа позы однотипны, но у самого левого правая рука полусогнута и поднята в жесте почтения, ладонью вперед, пальцы сложены и вытянуты (левая рука — на поясе). У двух других фигур в правой части рельефа руки изображены скрещенными на груди.

Позой почтения считают и положение центральной фигуры с протянутой правой рукой⁶⁴. Аналогичному жесту есть среди памятников Таг-и Сарвака⁶⁵, а также в скульптуре Хатры⁶⁶. В древности вообще поднятая рука и указующий палец означали одобрение, подобные изображения достаточно распространены в Палестине⁶⁷, они использовались и на сасанидских рельефах уже со времени Ардашира I. Особенно хорошо жест виден на памятниках Картира в Накш-и Раджабе и Накш-и Рустеме⁶⁸, а также Бахрама II в Накш-и Рустеме⁶⁹. Поднятая рука (или обе руки) были знаком поклонения на всем древнем Востоке, начиная с Египта. На иранской почве этот жест прослеживается еще в Авесте (*ustāna-zasta*), Ахемениды дополнили его вытянутым пальцем⁷⁰.

В Хунг-и Наврузи в левой части рельефа изображен царь (вероятно Митридат I) в сопровождении слуги. Это самый ранний случай изображения Аршакида верхом. Голова царя повернута в профиль, корпус развернут на три четверти. Пышная шеюльюра, напоминающая прически Сасанидов, собрана под диадему, концы которой сзади ниспадают на шею. Поверх туники накинута плащ.левой рукой царь держит повод, правая не сохранилась.

Богато украшенная лошадь изображена в профиль вправо, три ноги ее стоят на земле; как всегда, передняя нога, дальняя от зрителя (в данном случае левая передняя), поднята до горизонтали и согнута. Это характерный прием в иконографии парфянских рельефов, перешедший и к Сасанидам, у которых единственное исключение составляет рельеф в Дарабгирде, где лошадь стоит на всех четырех ногах, но там она изображена не в профиль, а развернута на три четверти⁷¹. На реверсе аршакидских монет также встречается именно такое изображение лошади, вправо в профиль, с поднятой левой передней ногой (у Митридата I, Готарза I)⁷². В сасанидском искусстве лошадь может быть повернута как вправо, так и влево, но всегда одна передняя нога, дальняя от зрителя, изображалась поднятой⁷³. В парфянском искусстве принцип фронтальности не распространялся на животных, они обычно повернуты в профиль, а если это лошади, то обязательно с указанным расположением ног. Это верно не только для рельефов, но и для скульптуры⁷⁴. В связи с этим может иметь значение параллель с ахеменидским искусством: на персепольских рельефах животные (лев, бык) изображены наперекор основному канону — в фас. Подобная альтернативность, вероятно, имеет под собой какую-то идеологическую основу — простейшее объяснение, как нам

⁶⁴ *Vanden Berghe*. Op. cit. P. 158. Pl. LIII — LV.

⁶⁵ *Henning*. Op. cit. Pl. XII, XIII.

⁶⁶ *Fukai S.* The artifacts of Hatra and parthian art // East and West. 1960. V. 11. № 2—3. Pl. II, IV, VIII, X, XI.

⁶⁷ *Lieberman S.* Hellenism in Jewish Palestine. N. Y., 1962. P. 15—16. № 83.

⁶⁸ *Hinz W.* Altiranische Funde und Forschungen. B., 1969. S. 183 f. Taf. 113—115.

⁶⁹ *Ibid.* Taf. 117.

⁷⁰ На материале Бард-е Нешанде и Масжид-и Сулейман этот жест подробно проанализировал Р. Гиршман, видевший его прототипы еще в шумерскую эпоху, см. *Ghirshman*. Op. cit. V. I. P. 35; *Falkenstein A.* Gebetsbaschwörungen // BA. Bd III, 2. S. 157.

⁷¹ *Herrmann G.* The Dārābgird relief — Ardashīr or Shāhpūhr? A discussion in the context of early Sāsānian sculpture // Iran. 1969. VII. Fig. 2.

⁷² *Morgan J. P. de.* Numismatique de la Perse antique. P., 1933. Pl. II.

⁷³ *Vanden Berghe L.* Archéologie de l'Iran ancien. P., 1959. Pl. 28-C, 29-D; *Ghirshman R.* Perse. Parthes et Sassanides. P., 1962. Pl. 168, 196, 197, 200, 205, 211.

⁷⁴ См. *Ковшелевко*. Культура Парфии. С. 191—196.

кажется, может состоять в желании отделить животных от людей и богов — то, что положено последним, для первых противопоказано.

Еще одна особенность иконографии Хунг-и Наврузи состоит в том, что лошадь здесь — иноходец. Это часто встречается на парфянских рельефах, а также и в терракоте (см., например, знаменитую фигурку из Берлинского музея, опубликованную в свое время Э. Херцфельдом⁷⁵). О расположении ног у лошадей на парфянских изображениях писали неоднократно⁷⁶, однако до сих пор не ясно, действительно ли парфянские цари предпочитали иноходцев и можно ли считать эту особенность признаком парфянской иконографии. У Сасанидов изображения иноходцев тоже часты, возможно, это объясняется стремлением царей таким образом отделить себя от простых смертных. В целом мотив лошади с всадником весьма распространен и в эллинистическом, и в парфянском искусстве. В Парфии выделяются два основных вида таких изображений: 1) в эллинистическом духе: в профиль и лошадь, и всадник⁷⁷; 2) в собственно парфянском стиле: всадник фронтально, лошадь в профиль в строго определенной позе; у всадника вопреки естественности даже обе руки иногда видны «во фронт». Таковы изображения в Танг-и Сарваке⁷⁸, а также на барельефах Дура-Европос, Пальмиры⁷⁹. На сасанидских рельефах изображение всадника на лошади можно считать излюбленным мотивом. На раннем рельефе в Фирузабаде так изображены Арташир и Артабан; в Накш-и Рустеме запечатлены на конях Бахрам II, Бахрам III, Ормузд II и Шапур II. В Накш-и Рустеме характерно изображение победителей в схватках всегда слева, единственное оружие у всех — длинное копьё; все, кроме Бахрама III, имеют одного или нескольких сопровождающих слева (В. Б. Хеннинг считал, что это обусловлено композиционными соображениями — благодаря их присутствию царь-победитель оказывался в центре композиции⁸⁰). На сасанидских рельефах всадники обычно борются с всадниками же, однако в парфянский период на памятнике «D» в Танг-и Сарваке всаднику противостоит пеший тяжеловооруженный воин (правда, изображение плохо сохранилось)⁸¹.

Для парфянской монументальной иконографии характерна еще одна черта — немасштабность фигур. Всадник вместе с лошадью на рельефах обычно равен по высоте своим пешим оппонентам (т. е. фактически он оказывается значительно меньшего роста). Это заметно и в Хунг-и Наврузи⁸², и особенно в Хунг-и Камальванде⁸³. Такая особенность выглядит странно, если учесть, что конные фигуры во всех композициях представляют более важные по смыслу персонажи, чем пешие. Ведь в ахеменидском, да и вообще древневосточном искусстве главные действующие лица выделялись прежде всего большим размером — это был всеобщий принцип. В Парфии же их значение подчеркивали тем, что сажали на коня, но при этом не обращали внимания, что по относительному размеру они даже уступали своим подданным. Создается впечатление, что главным для резчиков было вписать все фигуры под прямоугольный обрез скального рельефа, куда всадник с лошадью не уместился бы без нарушения масштаба. Этим же можно объяснить, что на рельефе Артабана V из Суз головы царя и Хва-

⁷⁵ Herzfeld. Am Tor... Taf. XX, 1.

⁷⁶ Rostovtzeff M. Excavations at Dura-Europos. Preliminary report of the six seasons of work. V. 6. New Haven, 1936. P. 232; Hopkins. Aspects... P. 19—20; Ingholt H. Five dated tombs from Palmyra // Berytus. 1935. II. Fasc. 1. P. 66.

⁷⁷ Vanden Berghe. Le relief parthe... Pl. LIII; Herzfeld. Op. cit. Taf. XX, 2; Ghirshman R. Persian Art. N. Y., 1962. Fig. 55, 340.

⁷⁸ Ghirshman. Persian Art. Fig. 69.

⁷⁹ Schlumberger D. La Palmyrène du Nord-Ouest. Villages et lieux de culte de l'époque impériale. P., 1951. P. 80. Fig. 36; P. 55; Pl. 31, 1; P. 56. Pl. 22, 1; Rostovtzeff. Excavations at Dura-Europos... V. 2. New Haven, 1931. Pl. 24. Fig. 1—3.

⁸⁰ Henning. Op. cit. P. 369—370.

⁸¹ Ibid. P. 369. Pl. 26.

⁸² Vanden Berghe. Op. cit. Pl. LIII—LV.

⁸³ Hinz W. Zwei neuentdeckte parthische Felsreliefs // IA. 1963. III. Fasc. 2. S. 169—173.

сака находятся на одном уровне, хотя царь изображен сидящим, а наместник стоит перед ним справа⁸⁴. В скульптуре немасштабность проявляется в преувеличении размера ступней ног (в Масжид-и и Сулейман в два и даже три раза)⁸⁵, и головы⁸⁶ — впрочем, последнее было вообще распространено в позднеантичную эпоху⁸⁷.

Использование перспективы и второго плана в искусстве парфянской Месопотамии несистематично, хотя такие изображения существуют. По всей вероятности, начатки перспективы, с упрощенным угловым построением, были заимствованы с Запада в эллинистическую эпоху⁸⁸. По мере установления канона фронтальности второй план постепенно исчезал из живописи, как мы уже видели на примере Дура-Европос, где в мифологической сцене из «храма пальмирских богов» (вторая половина I в. н. э.) еще виден горный пейзаж на заднем плане, а на чуть более поздней «фреске Конона» — даже архитектурное обрамление в стиле эллинистического искусства⁸⁹, но в «фреске трибуна» и «жертвоприношении пяти богам» (вторая половина II в.) то и другое уже заменено безличным фоном⁹⁰. Естественно, вместе с фоном утрачена и перспектива. Между тем в римском искусстве мы видим весьма совершенное ее построение, в том числе на рельефах (например на триумфальной арке Тита⁹¹). Правда, в Дура-Европос и на «фреске Мордухая» из синагоги (вторая четверть III в.) некоторые видят еще элементы перспективы (вторая слева фигура из свиты заслонена другими и изображена частично — только голова и левая часть туловища, левая рука и левая нога)⁹². В сасанидском искусстве простейшая перспектива тоже встречается, в том числе в Дараб-гирде⁹³ и Накш-и Раджабе⁹⁴ — у фигур на заднем плане изображены при этом лишь головы. Вероятно, возврат к перспективе представляет одно из следствий отказа от парфянской фронтальности.

Последняя является основополагающим признаком парфянской иконографии, но не единственным. Существуют и другие особенности, в частности, «орнаментальность» построения композиции (по выражению, впервые употребленному Э. Херифельдом). Например, в Хунг-и Наврузи три фигуры в правой части рельефа практически одинаковы и взаимозаменяемы. Эта черта видна и в росписях Дура-Европос, где даже в посвященных композициях все участники выставлены в парадном порядке в ущерб требованиям сюжета. В месопотамской живописи нарушение смысловых связей и принесение их в жертву парадности проявляется ярко лишь при парфянах, но в восточных областях видны допарфянские корни такого подхода, в частности, на эламских рельефах из округа Маламир⁹⁵, а также в ахеменидском искусстве Персеполя⁹⁶. Однако парфянская орнаментальность отличается от более ранних вариантов фронтальностью построения, что показал еще в 1921 г. Э. Херифельд на примере рельефа в Шимбаре⁹⁷.

Тесно связан с орнаментальностью принцип периодичности и повторяемости фи-

⁸⁴ *Ghirshman R.* Iran from the earliest times to the islamic conquest. Harmondsworth, 1954. Pl. 37.

⁸⁵ *Ghirshman.* Terrasses... V. II. Pl. LXXXIII, I, et al.

⁸⁶ *Ibid.* V. I. P. 94.

⁸⁷ *Rowland B.* Gandhāra and late antic art: the Buddha image // *AJA.* 1942. XLVI. P. 234.

⁸⁸ *Tawil D.* The Purim Panel in Dura in the light of parthian and sasanian art // *JNES.* 1979. V. 38. № 2. P. 100.

⁸⁹ *Cumont.* Op. cit. P. 148.

⁹⁰ *Rostovtzeff.* Dura and the problem... P. 256.

⁹¹ *Hanfmann M. A.* Roman art. N. Y., 1964. Fig. 109.

⁹² *Tawil.* Op. cit. P. 95.

⁹³ *Hinz.* Altiranische Funde... Taf. 79—90; *Herrmann.* Op. cit. Fig. 2.

⁹⁴ *Hinz.* Op. cit. Taf. 74.

⁹⁵ *IA.* 1963. III. Fasc. 2. Pl. XIV.

⁹⁶ *Schmidt E.* Persepolis I. Chicago, 1953. Pl. XIX, LI, LVIII.

⁹⁷ *Herzfeld E.* AMI. 1921. Bd I. Taf. VIII.

гур. Он заметен еще в протоэламских изображениях⁹⁸ и впоследствии дожил до раннесасанидской эпохи — он присутствует на рельефах Арташира I в Салмасе⁹⁹, а также в Фирузабаде¹⁰⁰, но исчезает с сасанидских рельефов уже при Шапуре I (см., например, изображения его побед на рельефах в Бишапуре¹⁰¹). В парфянскую эпоху орнаментальная повторяемость широко распространена и на рельефах, и на фресках (например в Дуре-Европос¹⁰²). Вероятно, можно говорить о преемственном развитии канона парфянской орнаментальности от искусства предшествующих эпох, хотя такого универсального распространения и в Иране, и в Месопотамии этот прием достиг только при парфиянах.

Проблема парфянского костюма может составить тему отдельного исследования, но для нас с точки зрения иконографии важна одна устойчивая особенность в изображении верхней одежды на рельефах: ее нижний край, как правило, свисает тремя, углами. Такая трактовка известна в Бисутуне¹⁰³, Хатре¹⁰⁴, Танг-и Сарваке¹⁰⁵, а в Пальмире III г. н. э. часто встречаются туники со спущенными по бокам краями¹⁰⁶, что, по-видимому, представляет модификацию «трех углов», засвидетельствованных в архаической скульптуре Пальмиры¹⁰⁷. В литературе на эту особенность обращалось мало внимания, хотя, как нам кажется, ее можно считать одним из признаков парфянской иконографии. Сложнее обстоит дело с прической, хотя Р. Гиршман и рассматривал ее в контексте оформления парфянского канона I в. н. э.¹⁰⁸ Характерный завиток «улиткой» и длинные волосы, однако, являются стабильными признаками иранской прически в монументальном искусстве от ахеменидской эпохи до сасанидской¹⁰⁹. Нам представляется, что атрибутивным признаком прически служить все же не может.

С точки зрения техники парфянские наскальные изображения характерны очень низким рельефом, сравнительно с ахеменидскими и сасанидскими образами. В литературе это обычно связывается с «контурным» его пониманием, что возможно указывает на связи парфянского монументального искусства с живописью¹¹⁰. Примером может служить рельеф Артабана V из Суз, хранящийся в Тегеранском музее, где фигуры царя и Хвасака почти не выдаются над полем рельефа, а лишь отделены от него канавкой, более крутой около фигур и плавно возвышающейся к фону¹¹¹. Техника изображений на парфянских монетах начиная с середины I в. н. э. может также говорить в пользу этой гипотезы: «ориентализация» аршакидской чеканки выражается в том числе в нанесении изображения при помощи серии параллельных штрихов, т. е. фактически процарапывания, что ярко противостоит совершенной рельефной технике селевкидских монет¹¹².

На основании всего сказанного можно попытаться выделить основные признаки парфянской монументальной иконографии. В литературе существует два подхода к этой проблеме. «Плюралистическое» направление стремится к многостороннему описанию пар-

⁹⁸ Porada E. The art of ancient Iran. N. Y., 1965. P. 35. Fig. 10.

⁹⁹ Hinz W. Das sassanidische Felsrelief von Salmas // IA. 1965. V. S. 148—160. Taf. 44—51; *idem*. Altiranische Funde... S. 135. Taf. 69—71.

¹⁰⁰ Ghirshman. Persian art. Fig. 163—166; Porada. Op. cit. P. 203.

¹⁰¹ Lukonin V. Persia II. Geneva, 1967. P. 109; Hinz. Altiranische Funde... Taf. 101, 105.

¹⁰² Tawill. Op. cit. P. 97; Goodenough E. Jewish symbols in the greco-roman period. V. II. N. Y., 1966. Pl. 14, 21.

¹⁰³ Vanden Berghe. Archéologie... Pl. 133-D.

¹⁰⁴ Ingholt H. Parthian sculptures from Hatra. New Haven, 1954. Pl. VIII, 2.

¹⁰⁵ Henning. Op. cit. Pl. XVI, XVIII.

¹⁰⁶ Seyrig. Armes et costumes... P. 16.

¹⁰⁷ Morehart M. Early sculptures at Palmyra // Berytus; 1956—1957. XII. Fig. 24.

¹⁰⁸ Ghirshman. Op. cit. V. I. P. 277.

¹⁰⁹ *Ibid.* P. 229, 241—242.

¹¹⁰ Кошеленко. Культура Парфии. С. 58, 66; Henning. Op. cit. P. 363. Not. 1.

¹¹¹ Ghirshmann. Iran... Pl. 37.

¹¹² Debevoise N. C. Parthian Seals // SPA. V. I. N. Y., 1938. P. 472; in portfolio Pl. 143-P. 144-B, D, K, S.

фянского искусства и восходит в основном к концепции М. И. Ростовцева, считавшего основными его признаками: 1) фронтальность, 2) спиритуалистичность, 3) иератизм, 4) линейность, 5) веризм¹¹³. Его выводы, сформулированные на материалах Дюра-Европос, исследованием которой М. И. Ростовцев руководил в течение многих лет, в основном верны и для всего парфянского искусства. За прошедшие 50 лет эти взгляды развивались и модифицировались, но не подверглись существенному пересмотру. А. Перкинс среди отличительных черт парфянской иконографии называла: 1) фронтальность, 2) двухмерность, 3) статичность, 4) схематизм в трактовке человеческой фигуры, 5) изображение персонажей в свободном пространстве, нарушение их связи и по смыслу, и композиционно, 6) эклектичные костюмы, прически, атрибуты и позы¹¹⁴. Эти выводы сформулированы также на западнопарфянском материале, — к сожалению, это вообще характерно для исследования искусства Парфии. Попытку преодолеть эту неравномерность сделала С. Доуни в недавнем обзоре парфянского искусства, однако ее выводы существенно не отличаются от перечисленных выше — она считает признаками парфянской иконографии: 1) фронтальность, 2) строгость, 3) внимание к изображению деталей, особенно в проработке «парфянского костюма» и украшений («веризм» М. И. Ростовцева), 4) обобщенно-концептуальный, а не визуальный подход к изображению, 5) эклектизм¹¹⁵. Близких взглядов придерживаются работавшие с иранским материалом Р. Гиршман¹¹⁶, Х. фон Галл¹¹⁷ и др.

«Плюралистическому» подходу противостоит другая концепция, которую мы назвали бы условно «редукционистской» и которая восходит к исследованиям Э. Херцфельда 20—30-х годов. Ее суть состоит в выделении всех прочих признаков из одного главного — фронтальности. Яркий пример этому дают работы Д. Шлюмберже, полемизировавшего с М. И. Ростовцевым¹¹⁸. Спиритуальность парфянского искусства он считает следствием фронтальной композиции (хотя, как нам представляется, было как раз наоборот); кроме того, он доказывает, что задолго до парфянской эпохи в древневосточном искусстве существовали и иератизм, и линейность, и веризм (элементы линейности и иератизма действительно были; вероятно, это обусловлено спецификой материала рельефов и, соответственно, общностью приемов работы с ним на протяжении столетий). Так или иначе в результате рассуждений Д. Шлюмберже единственной действительно парфянской чертой иконографии остается фронтальность как «чуждая в древневосточному, и греческому искусству». Редукционистская концепция представляется нам менее убедительной, однако ей следовал такой авторитетный исследователь, как В. Б. Хеннинг (нигде, впрочем, специально не развивавший своих взглядов по этому вопросу)¹¹⁹. Нам все же кажется, что этот подход, унифицирующий все критерии, неоправданно обедняет и ограничивает исследование парфянского искусства. В нашем неполном обзоре мы попытались показать множественность признаков изобразительного творчества парфянской эпохи, и хотя некоторые из них недостаточно четки, многие второстепенны, и большинство не может служить определяющими в атрибуции и датировке, только метод, построенный на их сочетании, на наш взгляд, способен охватить живую и многообразную картину искусства разноплеменной империи за 450 лет ее существования.

А. Н. Бадер

¹¹³ *Rostovtzeff. Dura and the problem...* P. 236 f; *idem. Dura-Europos and its art.* P. 120 ff.

¹¹⁴ *Perkins. Op. cit.* P. 117.

¹¹⁵ *Downey. Art. in Iran...* P. 580.

¹¹⁶ *Ghirshman. Terrasses...* V. I. P. 286.

¹¹⁷ *Von Gall. Op. cit.* S. 316—318.

¹¹⁸ *Schlumberger. Descendants...* P. 253 f; *idem. Parthian art.* P. 1050.

¹¹⁹ *Henning. Op. cit.* P. 363.

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 1991 г.

Египетский музей в Турине

Туринское собрание египетских древностей по богатству и разнообразию своих фондов занимает второе место в мире, уступая в этом отношении лишь Каирскому музею. Этот факт на первый взгляд может показаться весьма неожиданным, поскольку в отличие от таких городов Италии, как Венеция, Флоренция или Рим, Турин не имеет громкой славы «города искусств». Объяснение этому следует искать в истории Турина. В XVI в. владельцами Савойи и некоторых других земель во Франции, а также Пьемонта в Италии были герцоги Савойские. В 1563 г. один из них — Эммануил Филиберт — перенес центр своего владения из г. Шамбери в Турин и попытался превратить его в столичный город, достойный своего нового положения и способный выдержать сравнение с Парижем. С этого времени маленькое герцогство Савойское вступает в большую европейскую политику и начинает соперничать с такими государствами, как Франция, Испания, Австрия, Пруссия. В 1713 г. преемники Эммануила Филиберта получают королевский титул, что явилось дальнейшим стимулом для культурного развития принадлежавших им территорий и прежде всего — Турина.

Виктор Амадей II передал в дар Туринскому университету огромную библиотеку, принадлежавшую королевской семье. Она получила название Национальной университетской библиотеки и стала одним из самых значительных книжных собраний Италии. Карл Эммануил III в 1730 г. отказал Туринскому университету свои коллекции по естественным наукам, которые в XIX в. стали основой одного из самых знаменитых в Европе музеев. В 1860 г. Виктор Эммануил II подарил городу картинную галерею, получившую позже название «Сабауда» и также ставшую со временем самой богатой по своим фондам коллекцией в Италии.

Представители династии Савойя проявляли интерес также и к археологии. Виктор Амадей II основал в 1723 г. Музей древностей для университета. Первоначально в нем было очень мало экспонатов, поскольку пьемонтская земля гораздо более скудна археологическими памятниками, чем, например, римская или неапольская. Среди прочих экспонатов в этом музее находился так называемый «mensa isiaca» — бронзовый «столлик» с серебряной насечкой и чернением, на котором с большим мастерством были изображены древнеегипетские божества (в том числе — Исида). Этот «столлик» был куплен у старьевщика в Риме в 1527 г. кардиналом Пьетро Бембо, который был также писателем и любителем древностей. Впоследствии «столлик» перешел в коллекцию семьи Гонзага, а затем в 1628 г. был приобретен одним из герцогов Савойских. Сегодня совершенно очевидно, что этот экспонат был изготовлен скорее всего в Риме и являет собой имитацию древнеегипетского стиля. Судя по всему он предназначался для одного из храмов, посвященных Исиде или Серапису эпохи Римской империи. Покупатели этого памятника, разумеется, были уверены в его подлинном древнеегипетском происхождении. Ошибка эта, впрочем, совершенно простительна, если принять во внимание то обстоятельство, что древнеегипетское искусство в тот период было совсем не изучено и в сущности вообще стало известно европейцам лишь благодаря исследованиям падуанского ученого Лоренцо Пиньория, опубликовавшего свой ценный

труд в 1605 г. (впоследствии переиздан в расширенном варианте). «Столик» привлек внимание герцогов Савойских, которые стремились пополють свой археологический музей раритетами из Египта и вообще — с Востока.

В 1753 г. Карл Эммануил III поручил профессору ботаники Витальнано Донати приобрести образцы восточных растений и минералов, а также памятники древности, способные пополнили музей археологии и составить композицию с прежде приобретенным «столиком». Донати отправился в путешествие и прислал в Турин несколько своих находок, среди которых были три большие каменные статуи, обнаруженные в Среднем Египте. Именно это приобретение и способствовало пробуждению большого интереса к древнеегипетскому искусству вообще.

В 1796 г. Пьемонт был оккупирован Наполеоном. Многие жители его были увлечены новыми революционными идеями, принесенными из Франции, и встали под французские знамена. Среди них был уроженец маленького местечка Барбанна около Ивра — Бернардино Дроветти. Умный и отважный, отличившийся в боях при Маренго и осаде Мантуи, он быстро продвинулся по службе и достиг чина полковника, был назначен главой штаба Пьемонтской дивизии, а впоследствии стал комиссаром Временного правительства Пьемонта.

В тот же период начинается египетская кампания Наполеона. В 1798—1799 гг. его армия одерживает в Египте ряд побед над турками-мамелюками и отесняет их войско на юг, вплоть до о-ва Филэ; однако впоследствии армия Наполеона была вынуждена покинуть страну, поскольку Нельсон, разгромив французский флот у Абукира, отрезал ее от Франции и лишил тем самым снабжения.

В этих условиях в 1803 г. Наполеон посылает Дроветти в Египет защищать интересы Франции в качестве генерального консула. Дроветти занимается интенсивной и искусной дипломатической деятельностью (например, разоблачает намерения англичан оккупировать Александрию). С 1821 по 1827 г. он был также генеральным консулом России. Дроветти становится другом и доверенным лицом египетского паши Мухаммеда Али, который управлял страной почти независимо от центральной власти в Константинополе. В его правление начинаются грандиозные работы по модернизации земледелия и промышленности. По совету Дроветти египетский паша начал возводить несколько плотин, перегораживающих Нил (сегодня их насчитывается шесть), благодаря которым решалась проблема полива полей: нильская вода могла быть использована в любое время года, вне зависимости от разлива, что таким образом давало возможность получать три урожая в год. В тот же период времени имело место еще одно знаменательное событие: как известно, вместе с армией Наполеон направил в Египет комиссию экспертов, которым было поручено составить описание долины Нила и памятников древности, которые в Европе были известны лишь по довольно смутным описаниям путешественников. Наполеон Бонапарт был после Юлия Цезаря первым полководцем, который осуществил подобную культурную программу.

Весьма быстрая публикация материалов комиссии, а также находка в 1799 г. знаменитого «Розеттского камня» (плиты с надписью на греческом и древнеегипетском языках, которая дала надежду на расшифровку древнеегипетской письменности) вызвали в Европе огромный интерес к древнеегипетской цивилизации и как следствие породили волну активной собирательской деятельности в самом Египте. Поисками древнеегипетских памятников занимались в Египте многие европейские дипломаты, и самым искусным среди них был, несомненно, Дроветти. В период с 1821 по 1827 г. он сумел собрать в Карнаке блестящую коллекцию. Вернувшись на родину, он предложил свое собрание Франции; не получив ответа, аналогичное предложение сделал Савойе; ее правители после некоторых колебаний (вызванных чрезвычайно высокой запрашиваемой ценой) в конце концов приобрели собрание и тем самым реализовали свою вековую мечту — быть владельцами богатого археологического музея. За благополучный исход этих переговоров мы отчасти должны быть благодарны деятелю культуры и путешественнику Карло Видуа, который, осознавая ценность коллекции, спо-

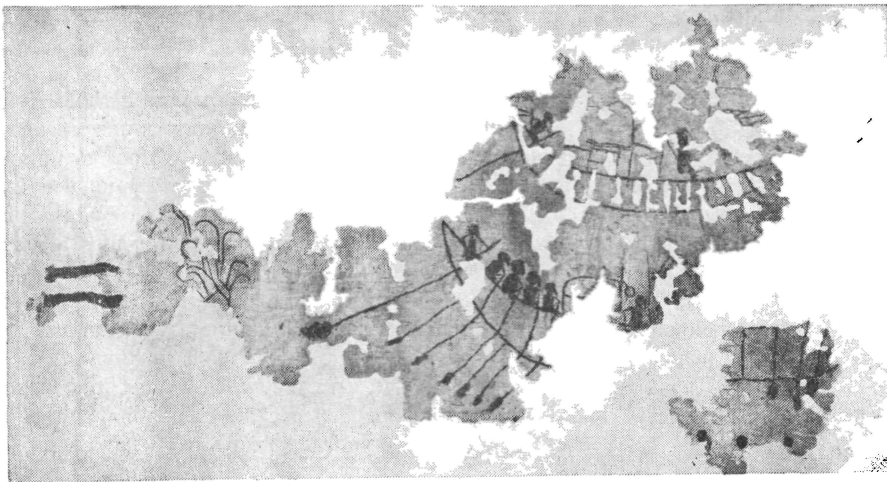

Рис. 1. Одевание из льняного полотна, украшенное изображением нильского пейзажа. Додинастическая эпоха. Ок. 3500 г. до н. э.

собствовал ее приобретению Савойей через своего отца, министра внутренних дел Турина. В 1824 г. Карл Феличе подписал соглашение о покупке, и коллекция Дроветти прибыла в Турин, который в результате этого стал обладателем первого в мире большого музея египетских древностей. Возможностями, которые предоставляло уникальное собрание, сразу же воспользовался французский востоковед Ж.-Ф. Шампольон: в 1822 г., пользуясь «Розеттским камнем», он сумел осуществить дешифровку древнеегипетских иероглифов. Надо подчеркнуть, что в Европе того времени не было других древнеегипетских памятников (за исключением римских обелисков), с которыми он мог бы работать. Получив известие о прибытии коллекции, Шампольон немедленно отправился в Турин. В то время как у него на родине, во Франции эпохи Реставрации, на его пути исследователя возникало множество преград, здесь, в Турине, он пользовался вниманием и поддержкой прогрессивно настроенного правительства и Академии наук, которые поддерживали его идеи в области дешифровки. Менее чем через год своей интенсивной работы в Туринском музее Шампольон усовершенствовал свою теорию дешифровки, намстил основные направления для изучения египетской грамматики, а также хронологии и истории древнего Египта. Именно в эти годы — 1824—1825 — рождалась новая наука — египтология. С ее помощью представления человечества о своей истории, не выходящие прежде за пределы VIII в. до н. э. (времен первой Олимпиады), отодвинулись вглубь вплоть до IV тыс. до н. э.

Вскоре после этого Париж, Берлин, Лондон вступили в соперничество с Туринном — сначала в области приобретения древностей, которые их консулы успешно добывали в Египте, а затем — в сфере археологической деятельности в долине Нила с последующей поставкой находок в музеи этих европейских столиц. Впоследствии в эту деятельность втягиваются Санкт-Петербург и Нью-Йорк, а после 1850 г. и Каир. По инициативе французских ученых в Египте принимаются законы по охране национальных сокровищ древности, которые положили предел лихорадочной и не всегда законной деятельности консулов, а также способствовали защите памятников от воздействия некоторых сторон технического прогресса, на путь которого страна встала в правление Мухаммеда Али.

Вместе с тем становилось очевидным наличие больших лагун в египетском собрании Туринского музея. Древнеегипетская история включает в себя пять больших ис-

Рис. 2

Рис. 2. Деревянная статуэтка архитектора Ха из его нетронутой гробницы, найденной в Деир эль-Медина в 1906 г. Новое царство, XVIII дин. Ок. 1400 г. до н. э.

Рис. 3

Рис. 3. Росписи из гробницы художника Маиа. Деир эль-Медина. XVIII дин. Ок. 1400 г. до н. э.

торических эпох: додинастику, Старое царство, Среднее царство, Новое царство и коптское время (расцвет христианских монастырей). Коллекция Дроветти, будучи собрана в Карнаке, отражала лишь период Нового царства. При этом следует отметить, что если многие другие большие музеи мира могли быстро пополнять свои коллекции за счет производимых ими раскопок, то Пьемонт, находившийся в этот период в сложных внешне- и внутривосточных условиях (война с Австрией и процесс объединения Италии), осуществлять подобную деятельность был не в состоянии. Эти пробелы впоследствии были восполнены известным египтологом, директором Туринского музея Эрнесто Скиапарелли. С 1900 по 1920 г. он проводил раскопки в Египте и обогатил музей ценнейшими находками, относящимися к разным историческим периодам.

Новый, третий период в развитии Туринского музея наступил в 1955 г. Он был связан с деятельностью нового главы Египта Г. А. Насера, а именно — с задуманным им строительством Асуанской плотины. В результате осуществления этого проекта должно было возникнуть новое озеро (получившее впоследствии имя Насера), а целые области, располагавшиеся от Асуана вплоть до Вади Халфа, должны были уйти под воду. Эти территории в Северной Нубии во времена фараонов были захвачены Егип-

Рис. 4

Рис. 4. Фараон Аменхотп II, протягивающий два сосуда с вином богу. XVIII дин. 1448—1420 гг. до н. э. Красный гранит

Рис. 5

Рис. 5. Тэе, супруга Аментхотпа III, в облике богини Хатхор. XVIII дин. 1411—1375 гг. до н. э. Базанит

Рис. 6

Рис. 6. Статуя сидящего молодого Рамсеса II. XIX дин. Ок. 1290 до н. э. Базанит

том; в период II—I тыс. до н. э. египтяне управляли ими как провинцией, которая со временем совершенно египтизировалась. Египетское правительство обратилось к мировому научному сообществу с просьбой о помощи в деле спасения памятников древности, расположенных в Нубии. В то время как советские специалисты осуществляли строительство плотины, в Нубию стали прибывать археологические экспедиции со всего света: среди них были и итальянские группы — одна из Римского университета, другая — из Туринского музея. Обе они получили для работы большие участки, на которых исследовали остатки древних культур. Вторая группа, кроме того, проводила работы по спасению скального храма Хора, выстроенного фараоном Тутмосом III в 1450 г до н. э. в районе Эллесий, в 140 км к югу от Асуана (рис. 1).

Правительство Египта дало обещание один из подлежащих затоплению нубийских храмов передать в дар тем участникам кампании ЮНЕСКО, чей вклад в дело спасения памятников окажется наиболее весомым. При завершении работ в Нубии Италия фигурировала в списке претендентов наряду с Испанией, Голландией и США. Италия получила храм из Эллесий, который был перевезен в Турин и заново собран в 1969 г. Таким образом Туринский музей, в котором и прежде были широко представлены статуи, рельефы, росписи, мелкая пластика древнего Египта, теперь пополнилась очень ценным памятником архитектуры.

Сегодня Туринский музей отличается от прочих египтологических музеев мира

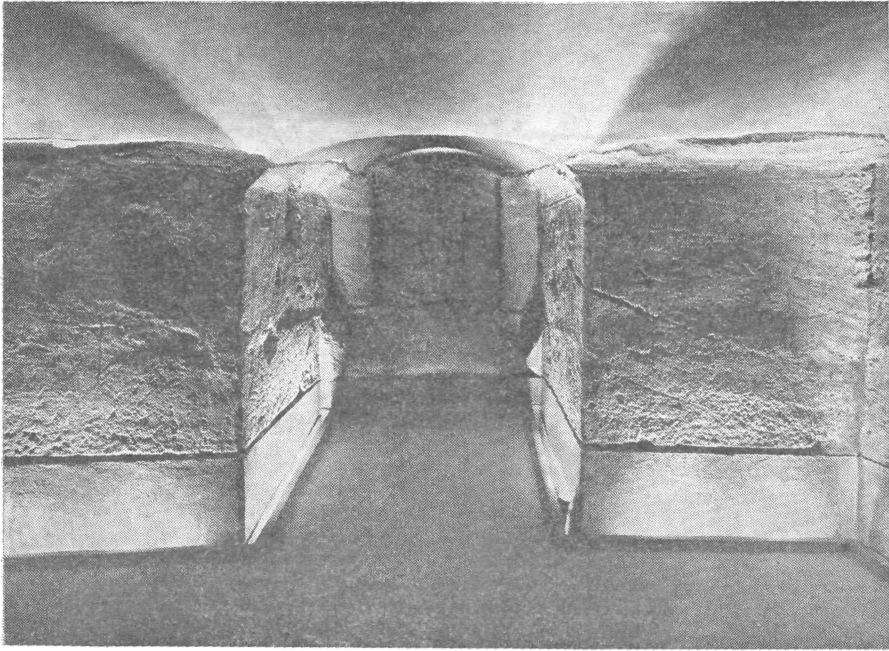

Рис. 7. Скальный храм из Эллесийи в Нубии. XVIII дин. Последний год правления Тутмоса III, т. е. 1448 г. до н. э.

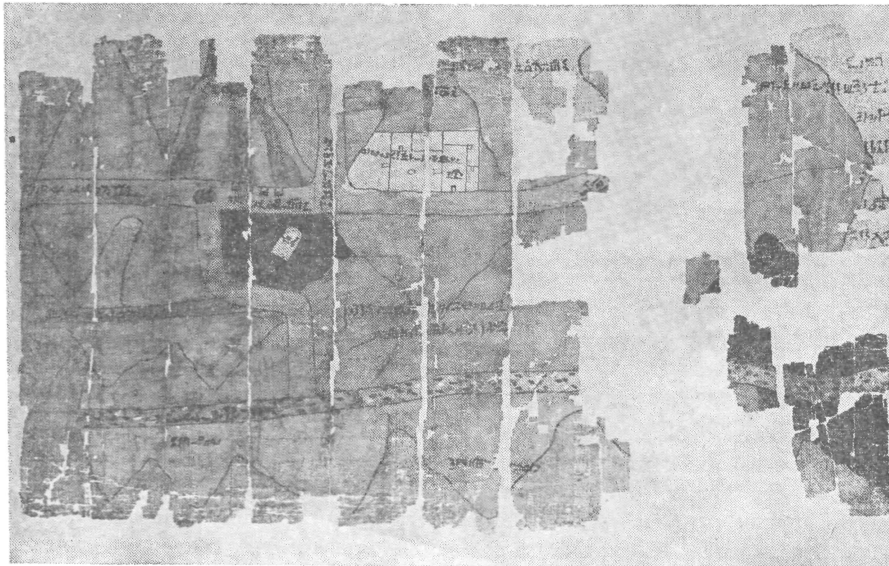

Рис. 8. Папирус, изображающий карту золотоносных копей в Вади_Хаммамат. Начало XIX дин. Ок. 1300 г. до н. э.

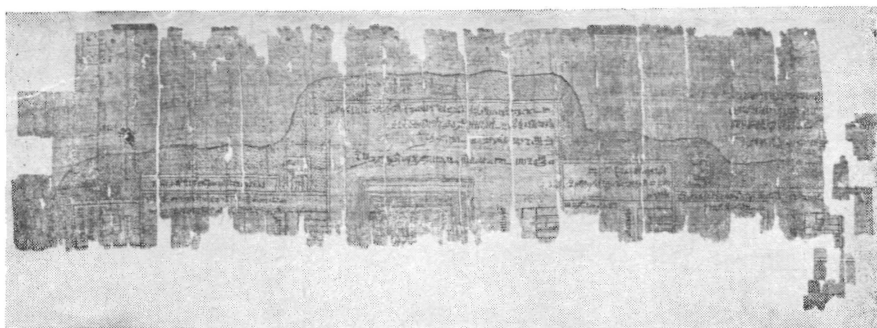

Рис. 9. Папирус с планом гробницы Рамсеса IV в Долине царей. Западные Фивы. XX дин. Ок. 1160 г. до н. э.

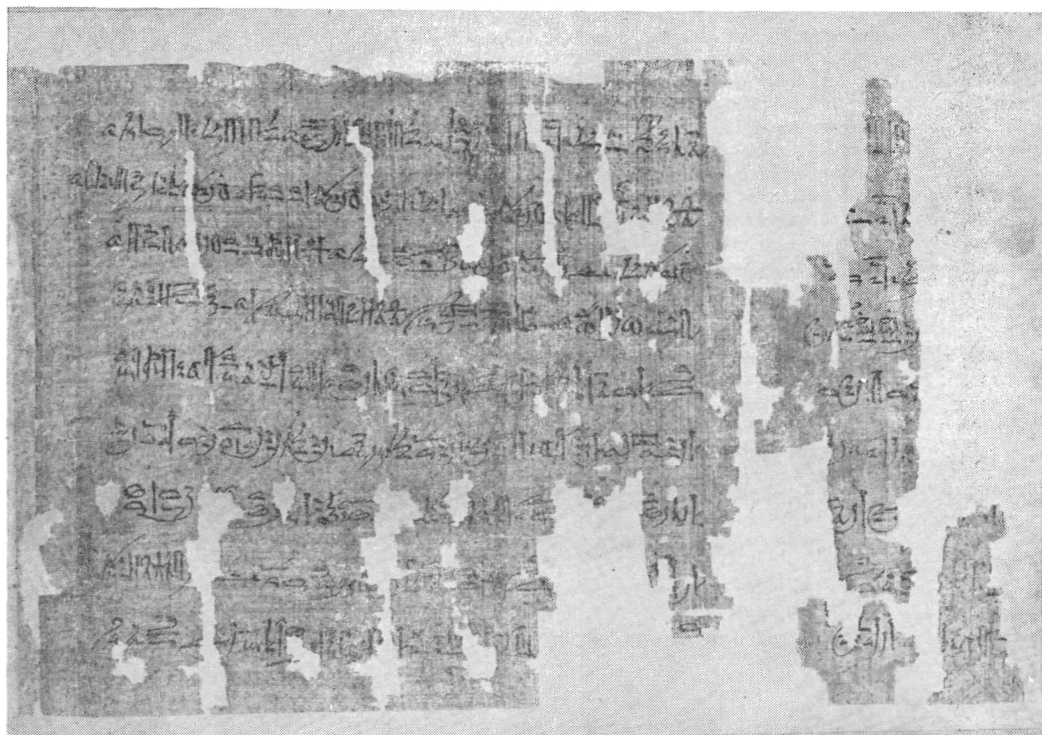

Рис. 10. Папирус, содержащий запись процесса против заговорщиков, покушавшихся на жизнь Рамсеса III. XX дин. Ок. 1170 г. до н. э.

двумя особенностями. Во-первых, в отличие от большинства их них, построенных по образцу «музея изящных искусств», он включает в свое собрание не только шедевры: Дроветти,— быть может, руководствуясь советами «Энциклопедии» Дидро,— собирал также орудия труда и предметы домашнего обихода. Этому принципу следовал позднее и Скиапарелли. В дальнейшем под влиянием некоторых концепций философии истории (и марксистского взгляда на исторический процесс, в частности) был сформирован постепенно новый для Европы тип краеведческого музея, в экспозициях которого должна была найти отражение бытовая история народа, т. е. та почва, на кото-

Рис. 11. Саркофаг визира Геменеф-харбака. XXVI дин. Ок. 600 г. до н. э. Базальт

рой расцвело великое искусство. В самом Египте ныне трудно отыскать предметы повседневного быта его древнейших насельников, что делает коллекцию этого рода экспонатов в Туринском музее уникальной. Вторую особенность Туринского музея составляет стремление его создателей представить древнеегипетскую цивилизацию не просто огромным числом отдельно взятых экспонатов, но высветить существование между ними системы логической связи: так, например, воспринимается нами кусок льняного полотна (рис. 2), выделанный еще в период додинастики, на котором запечатлен нильский пейзаж. Полный набор погребальных принадлежностей из частных гробниц Старого и Нового царств с определенной точки зрения представляет собой большую ценность, чем аналогичные по типу, но гораздо более роскошные вещи из царских погребений, хранящихся в Каире: в отличие от последних они дают представление об образе жизни не единичного лица, но тысяч жителей нильской долины, принадлежавших среднему слою (рис. 3).

Музей обладает коллекцией настенной росписи, найденной на стенах двух часовен эпохи Среднего и Нового царств (рис. 4), собранием царских статуй (рис. 5, 6, 7), которые отсутствуют даже в Каирском музее, а также храмом из Эллесийи — единственный в своем роде по архитектурным особенностям. Наконец, в собрании музея находится знаменитый Туринский папирус — список фараонов с указанием годов их правления (по которому Шампольон начал реконструировать древнеегипетскую историю); далее — географический папирус (рис. 8); папирус, содержащий «архитектурный проект» (рис. 9), судебный папирус (с записями процесса по делу об оскорблении правителя страны) (рис. 10), а также папирус мифологического содержания.

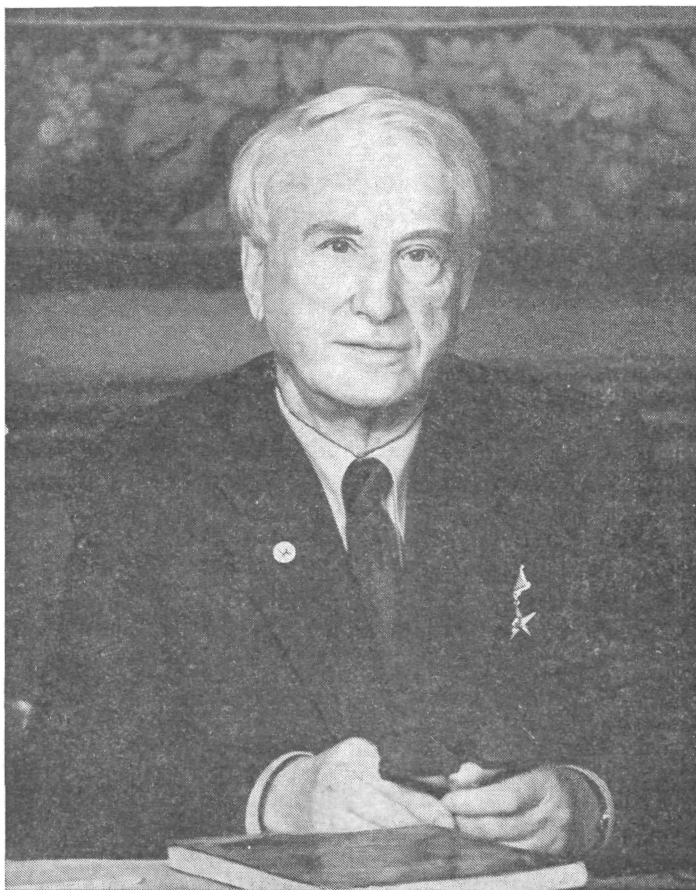
Собрание Туринского музея настолько обширно и разнообразно, что он в сущности объединяет в себе все три, — так сказать, «канонических» — типа музея древностей, известных ныне: исторический — показывающий развитие цивилизации в целом, типологический, — группирующий в пределах отдельных секций вещи по их принадлежности к одному классу (например, стелы, статуи, сосуды и т. п.), и краеведческий, вбирающий в себя экспонаты, связанные с отдельным регионом и способные воссоздать его

историческое прошлое. Эта структура музея сложилась исторически: она стала создаваться с той поры, когда Карл Феличе Савойя разместил коллекции в здании, где располагалась (и располагается ныне) Академия наук, от которой музей, собственно, и берет свое название. Это здание было спроектировано Гварино Гварини в стиле так называемого «пьемонтского барокко» — весьма умеренного в смысле декора, уютного и «гостеприимного» стиля, не отвлекающего в то же время внимания от обрамляемой им научной экспозиции. В настоящее время проводятся работы по расширению этого здания с тем, чтобы сделать его более приспособленным для посетителей. Созданный для Туринского университета музей был открыт для публики известными своими либеральными взглядами королем Карлом Альбертом примерно в 1845 г. С тех пор не прекращается поток посетителей — ученых, туристов, учащихся. Ныне ежедневно коллекцию музея осматривают до 2000 человек. Ученым представляется возможность пользоваться богатым собранием папирусов (здесь и в Британском музее находится большинство из известных нам в настоящее время египетских папирусов); музей располагает также специальной библиотекой, единственной в своем роде в Италии. Кроме того, в музее собрана вся информация об огромном количестве египетских и египтизированных памятников, найденных в Италии (где они появились уже во времена Римской империи), а также о распространении на этой территории культа Исида — все эти сведения собраны благодаря коллекционерам.

Туринский музей находится на государственном обеспечении. Его важное значение было признано в 1930 г. официально присвоением ему статуса «Сопринтенденца», которым обладают лишь самые крупные учреждения, ведающие сохранением и оценкой античных и современных произведений искусств, находящихся на территории Италии*.

С. Курто, хранитель музея

* Перевод В. А. Головной.

ОТ РЕДСОВЕТА И РЕДКОЛЛЕГИИ

Отечественная и мировая наука понесла невосполнимую утрату. 15 октября 1990 г. скончался выдающийся ученый, председатель Редакционного Совета «Вестника древней истории» академик Борис Борисович Пиотровский.

Редколлегия и редсовет ВДИ готовят специальный номер, посвященный памяти замечательного ученого и человека.

К 70-летию Владимира Григорьевича Боруховича

Исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору Владимиру Григорьевичу Боруховичу. Он принадлежит к немногим уцелевшим представителям того поколения, которое вынесло на своих плечах страшную тяжесть войны. Уйдя в 1941 г. со студенческой скамьи в действующую армию, В. Г. Борухович с оружием в руках защищал родной город на Неве, а затем прошел в составе танкового экипажа от Ленинграда до Вены. Его боевой путь отмечен знаками солдатской доблести — медалями «За оборону Ленинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими правительственными наградами.

Возобновив прерванные войной занятия на историческом факультете славного своими традициями Ленинградского университета, В. Г. Борухович получил фундаментальную подготовку у таких блестящих знатоков античности, как С. Я. Лурье, С. И. Ковалев, И. И. Толстой. После успешной защиты кандидатской диссертации он начал преподавательскую деятельность в Мурманском пединституте, перейдя затем в Горьковский университет. Те годы стали временем плодотворной педагогической и научной деятельности: кроме многочисленных статей, опубликованных в нашей стране и за рубежом, В. Г. Борухович создал один из лучших отечественных учебников по истории древнегреческой литературы, вышедший к настоящему времени тремя изданиями. В 1967 г. им была защищена докторская диссертация на тему «Греки в Египте (От древнейших времен до Александра Македонского)».

Более двадцати лет Владимир Григорьевич Борухович заведует кафедрой истории древнего мира Саратовского университета. Эти годы явились временем расцвета его исследовательского таланта, успешно сочетающегося с даром популяризатора науки и педагога. Он принял участие (в содружестве с другими учеными) в подготовке и опубликовании новых переводов речей и писем Исократ (1969), «Истории» Геродота (1972), «Киропедии» Ксенофонта (1975). Он является одним из авторов коллективной монографии «Свободомыслие и атеизм в древности, средние века и в эпоху Возрождения» (1986) и вышедшего в Берлине труда международного коллектива историков античности — «Греческий полис» (1988). В. Г. Борухович подготовил издание на русском языке «Мифологической библиотеки» Аполлодора (1972). Заслуженной популярностью среди специалистов и любителей древности пользуется монография «В мире античных свитков» (1979).

Много времени В. Г. Борухович уделяет воспитанию научной смены. Его ученики успешно работают в различных учебных и научных заведениях страны. Он опубликовал пособие для студентов «Введение в историю древней Греции» (1979), под его редакцией опубликована «Хрестоматия по истории древнего мира» (1973, 2-е изд. — 1989). С 1972 г. он является ответственным редактором созданного по его инициативе межвузовского научного сборника «Античный мир и археология», хорошо известного в нашей стране и за рубежом. Находясь в расцвете творческих сил, В. Г. Борухович интенсивно работает над новыми переводами античных авторов и научными трудами.

Ученики и коллеги Владимира Григорьевича сердечно поздравляют его с юбилеем, желают ему доброго здоровья, счастья, многих лет плодотворной научной и педагогической деятельности.

*Кафедра истории древнего мира
Саратовского государственного университета*

© 1991 г.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(Научная конференция в Херсонесском заповеднике)

В 1988 г. исполнилось сто лет со дня начала регулярных раскопок Херсонеса, предпринятых Археологической Комиссией. Этому юбилею была посвящена научная конференция, организованная Херсонесским государственным историко-археологическим заповедником совместно с Ленинградским отделением Института археологии АН СССР и Институтом археологии АН УССР, состоявшаяся в Херсонесском заповеднике с 28 сентября по 1 октября 1988 г. В работе конференции приняли участие около ста ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Саратова, Симферополя, Ростова, Севастополя и других городов. Тематика докладов была определена названием конференции: «Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса» и охватила различные аспекты исследования античного Херсонеса и средневекового Херсона. К конференции были изданы краткие тезисы докладов. Настоящий обзор посвящен докладам, связанным с античной тематикой.

Конференцию открыл кратким выступлением директор Херсонесского заповедника *Л. В. Марченко*. Затем на пленарном заседании были заслушаны доклады *Г. М. Николаенко* (Севастополь) «Столетие регулярных раскопок Херсонеса. Итоги и проблемы», *И. А. Антоновой* (Севастополь) «К вопросу о паспортизации материалов из раскопок Косцюшко-Валюжинича», *А. Н. Щеглова* (Ленинград) «Херсонес как пример дорийского периферийного полиса». В общих чертах докладчики подвели итоги столетних исследований Херсонеса и очертили круг проблем, которые предстоит решать в дальнейшем.

На секционных заседаниях было прочитано 36 докладов по античной тематике.

В докладе *Ю. Г. Виноградова* (Москва) «От элевтерии к зависимости: проблема политической правоспособности Херсонеса в конце II—I в. до н. э.» на новых материалах херсонесской эпиграфики, а также нумизматики исследовался вопрос о зависимости города от понтийских царей. Показателем такой зависимости служит отсутствие в Херсонесе надписей легислативного содержания до 46/5 — 42 гг. до н. э., когда они вновь появляются в связи с обретением городом элевтерии, полученной от Юлия Цезаря.

С. Ю. Сапрыкин (Москва) в докладе «Херсонесская буле» сделал вывод, что херсонесский совет традиционно объединял граждан по сотням. Его члены избирались по гекатостиям, которые в свою очередь делились на фратрии. *Э. И. Соломоник* (Симферополь) посвятила свой доклад граффити на глиняных грузилах Херсонеса, которые использовались в разных целях — и как ткацкие, и как рыболовные. Некоторые грузила специально изготовлялись в качестве вотивов.

В докладе *В. Н. Даниленко* (Симферополь) «Херсонесские саркофаги» была предложена новая интерпретация находок известняковых деталей из башни Зенона. По мнению автора, это были части массивных саркофагов, при изготовлении которых за образцы были взяты деревянные саркофаги типа боспорских. *С. Ю. Монахов* (Саратов) в докладе «Амфоры Херсонеса IV—II вв. до н. э.» на анализе более чем 250 амфор разработал новую типологическую схему развития амфорного производства в Херсонесе, разбив его на четыре этапа. Кроме того, автор привел средние стандарты херсонесских амфор разного времени и проследил бытовавшие в Херсонесе стандартные меры объема. *С. Н. Сенаторов* (Севастополь) уточнил датировки двух типов кизил-кобинской керамики из Херсонеса. Один из типов, датирующийся концом VI — первой половиной V в. до н. э., по мнению автора, мог принадлежать варварскому этносу, входившему в состав населения архаического греческого поселения, предшествовавшего дорийскому Херсонесу. *Т. И. Костромичева* и *А. В. Шевченко* (Севастополь) в докладе «Культовые

терракоты из Херсонеса», проанализировав группу терракот, пришли к убеждению, что эти статуэтки были изготовлены местными коропластами специально для домашних святилищ.

В небольшом изящном сообщении Ю. П. Калашиника (Ленинград) «Херсонесская фалера» исследована бронзовая римская фалера конца I — начала II в. н. э., найденная в Херсонесе еще в 1908 г. Докладчик полагает, что эта находка свидетельствует о наличии конницы в составе римского гарнизона Херсонеса во II в. н. э.

Ф. В. Шелов-Коведяев (Москва) в своем докладе предложил новую реконструкцию текста декрета III—II вв. до н. э. в честь херсонесита Хреста, а В. Ф. Столба (Ленинград) в сообщении «Иранская антропонимия в просонографии Херсонеса IV—II вв. до н. э.» пришел к выводу о том, что в просонографическом фонде домитридатовского Херсонеса иранский компонент весьма незначителен. В докладе В. П. Яйленко (Москва) был рассмотрен вопрос о месте расположения граффити на различных сосудах в зависимости от назначения надписи. Докладчик полагает, что на доньях сосудов помещались исключительно владельческие надписи, а на венчиках — посвятельные.

А. А. Зедгенидзе (Севастополь) попыталась представить модель возникновения Херсонесского полиса, основываясь на давно известных находках. В докладе в очередной раз отстаивалась незыблемость даты основания Херсонеса в конце V в. до н. э., при том что новый обильный археологический материал из херсонесских раскопок последних лет, относящийся к концу VI — первой половине V в. до н. э., докладчиком игнорировался.

Совершенно иные выводы прозвучали в докладе М. И. Золотарева (Севастополь) «Северо-восточный район Херсонеса в античное время». Подводя итоги более чем десятилетних раскопок и проанализировав их материалы, автор пришел к выводу о существовании на месте гераклеийско-делосской апойкии предшествовавшего ей архаического поселения, возникшего еще в последней четверти VI в. до н. э. Предварительно участники конференции имели возможность познакомиться *de visu* со всеми херсонесскими архаическими материалами из раскопок последних лет, хранящимися в фондах заповедника, после чего возникла оживленная дискуссия¹. А. Н. Щеглов, например, отметил, что весь материал бесспорно свидетельствует о существовании архаического поселения, подчеркнув специфику херсонесской стратиграфии, приводившей к тому, что самый ранний материал должен быть немногочисленным и дисперсно размещенным. С. Ю. Сапрыкин высказал предположение о том, что раннее поселение может быть милетским или ольвийским. В. А. Кутайсов обратил внимание на совершенно стандартный набор материалов, аналогичный керамическому комплексу других архаических памятников Северного Причерноморья, в том числе Керкинитиды.

А. А. Зедгенидзе, подвергнув сомнению отдельные датировки материалов, попыталась опровергнуть факт существования архаического поселения на берегу Карантинной бухты. Поддержавший ее В. П. Яйленко все же вынужден был признать наличие материалов последней четверти VI в. до н. э. и согласиться с тем, что среди обнаруженных граффити на остраконах есть черепки с надписями явно раннего V в. до н. э. И. А. Спытко отметил, что вопреки мнению А. А. Зедгенидзе, литые ольвийские ассы, присутствующие среди херсонесских материалов, датируются не концом V в. до н. э., а как минимум полустолетием раньше. С. Б. Охотников сообщил, что архаические сельские поселения Поднепровья, археологический комплекс которых полностью аналогичен материалам херсонесского поселения, погибают в конце первой трети V в. до н. э. и больше не возрождаются. Таким образом, материалы из Херсонеса не могут датироваться позднее этого времени, что в свою очередь свидетельствует о существовании архаического поселения. Весомые аргументы в поддержку существования позднеархаического поселения на месте Херсонеса предложил С. Ю. Монахов, сообщивший, что в результате обработки керамической тары из раскопок некрополя Херсонеса выявлена группа амфор — погребальных урн, в том числе детских, которые датируются первой четвертью V в. до н. э. и свидетельствуют, по его мнению, о существовании в это время некрополя, который мог принадлежать архаическому поселению на берегу Карантинной бухты.

Некоторым малоизвестным фактам истории раскопок Херсонеса в XIX в. посвятили свои доклады В. И. Кац (Саратов) и Т. В. Тункина (Ленинград). С результатами изучения памятников государства поздних скифов в Крыму познакомил И. Н. Храпунов и А. Е. Пузыровский (Симферополь). И. Б. Клейман и С. В. Охотников (Одесса) рассмотрели связи и параллели между Херсонесом и Нижним Поднепровьем в античное время.

Большая группа докладов была посвящена изучению различных проблем исследования хоры Херсонесского государства. В. А. Кутайсов (Симферополь) в докладе

¹ О неизбежности ее названия см. ВДИ. 1989. № 4. С. 194.

«Керкинитиды и Херсонес» исследовал проблему включения ионийской Керкинитиды в состав владений дорийского Херсонеса, опираясь преимущественно на археологические и нумизматические источники, и пришел к убеждению, что включение Керкинитиды в состав Херсонесского государства произошло в конце третьей четверти IV в. до н. э., причем насильственным путем. В докладе *Г. М. Николаенко* (Севастополь) была представлена схема организации хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове. Еще в первой половине IV в. до н. э. здесь возникло несколько укрепленных поселений со своей земледельческой округой, размежевание которой на наделы осуществляется во второй половине IV в. до н. э.; тогда же возникают наделы на Маячном полуострове. Все усадьбы появляются здесь в эллинистическое время, что, по мнению докладчика, снимает вопрос о древнейшей клерухии Херсонеса на Маячном полуострове. Та же проблематика была представлена в докладе *Л. В. Марченко* (Севастополь) «Организация территории Херсонесского государства в эллинистический период», отмеченного рациональностью в организации херсонеситами как городской территории, так и сельскохозяйственной округи. Была высказана оригинальная мысль о наличии в земельном фонде Херсонеса храмовых земель.

В докладе *С. Б. Ланцова* (Киев) «Некрополь Керкинитиды» был проанализирован характер погребальных сооружений и погребального обряда некрополей Керкинитиды и Херсонеса в III—II вв. до н. э. Автор полагает, что во второй половине II в. до н. э. часть населения Керкинитиды переселяется в Херсонес, что находит отражение в материалах могильников. *В. В. Анохин* (Симферополь) в сообщении «К хронологии строительных остатков западного района Керкинитиды» привел результаты археологических наблюдений, произведенных в ходе строительных работ в Евпатории. Они показали, что в середине IV в. до н. э. оборонительная стена города была перенесена к востоку от первоначальной, что, по мнению автора, было связано с поднятием уровня воды в лимане. Двум типам монет автономного чекана Керкинитиды посвятил свое выступление *В. И. Павленков* (Евпатория), по мнению которого прототипом для первого выпуска (345—339 гг. до н. э.) послужили монеты Атея, а для второго (рубеж IV—III вв.) — использовалось изображение скифского божества или героя. С результатами исследования Кульчукского городища в Северо-Западном Крыму слушателей познакомил *А. С. Голенцов* (Москва), а расположенного там же поселения «Маслины» — *В. А. Латышева* (Харьков). В сообщении *Е. Я. Туровского* (Севастополь) были даны предварительные итоги исследования усадьбы надела 46 хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове. Установлено, что усадьба возникла в последней трети IV в. до н. э., а в конце первой трети III в. до н. э. она оставляется обитателями. Инвентарь и черепичная кровля усадьбы были вывезены, а кладки, сложенные из рустованных блоков, разобраны и перевезены в Херсонес для укрепления оборонительных стен города. С новыми материалами из раскопок позднеантичного могильника Бельбек IV в округе г. Севастополя участников познакомил *И. И. Гущина* (Москва). Результаты изучения нескольких свинцовых гирь, происходящих из раскопок поселения «Маслины», доложил *К. В. Тадеев* (Харьков).

В докладе *Е. Я. Рогова* (Ленинград) сопоставлялись материалы некрополей Херсонеса и поселения Панское I в Северо-Западном Крыму. Погребения некрополя Панское I распадаются на три хронологических пласта. Первый — с рубежа V—IV вв. до н. э. до середины второй четверти IV в. до н. э., второй — от середины второй четверти до конца третьей четверти IV в. до н. э., третий — последняя четверть IV — начало III в. до н. э. Погребения первых двух периодов резко отличаются от херсонесских, а в захоронениях третьего периода прослеживается связь с погребениями херсонесского некрополя. В сообщении *О. Я. Савели* (Севастополь) еще раз прозвучала высказанная ранее мысль о том, что в земельные владения эллинистического Херсонеса кроме Гераклейского полуострова входили территории Инкерманской и Балаклавской долин, северной стороны Севастополя, включая и низовья реки Бельбек.

Для участников конференции были организованы экскурсии по памятникам Херсонеса и Гераклейского полуострова, показаны материалы раскопок последних лет. В процессе обсуждения высокую оценку конференции получил перспективный проект архитектурной реконструкции территории заповедника, реализация которого рассчитана на продолжительное время.

Е. Я. Туровский, С. В. Ушаков

(1941 — 1990)

Смерть всегда жестока, и примириться с ней невозможно. Особенно несправедливо, когда она уносит человека молодого, талантливого, замолчавшего на полуслове.

21 июля 1990 г. в возрасте 48 лет ушел из жизни Евгений Степанович Богословский. Последнее десятилетие он мужественно боролся с неизлечимой болезнью, отнимавшей остатки сил, и все же именно в эти годы были созданы его наиболее значительные работы, уже ставшие классикой отечественной египтологии. Безвременная кончина Евгения Степановича — огромная потеря для науки, которой он отдавал себя без остатка.

Е. С. Богословский родился 21 августа 1941 г. в Новокузнецке. Интерес к истории и культуре древнего Египта пробудился у него довольно рано, и еще студентом-первокурсником он начал переписку с М. Э. Матье, одним из крупнейших наших египтологов. Милица Эдвиновна сыграла в судьбе Евгения Степановича определяющую роль — прирожденный педагог, она увидела в нем качества, необходимые для настоящего ученого, и помогла их развить. Евгений Степанович учился в Пермском университете, в 1964 г. закончил его по кафедре истории древнего мира, и все эти годы продолжались заочные консультации у М. Э. Матье. Затем — аспирантура в Эрмитаже, где Милица Эдвиновна стала, наконец, официальным руководителем своего давнего ученика. К сожалению, в это время она была уже больна, и первых успехов Евгения Степановича ей увидеть не довелось; после смерти М. Э. Матье руководство ее аспирантом берет на себя Б. Б. Пиотровский.

В Эрмитаже Евгений Степанович провел несколько лет, чрезвычайно важных для его формирования как исследователя. Из него получились бы прекрасный эрмитажный хранитель — для этого у него были все необходимые качества — знания, исследовательская дотошность, любовь к памятникам древности, обеспокоенность их судьбой. Однако наука академическая привлекала его все же больше, и с 1968 г. он становится сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где и прошли все его, к сожалению недолгие, годы самостоятельного творчества.

В институте он обрел идеальную академическую атмосферу, там же он нашел и второго своего учителя — Ю. Я. Перепелкина. Юрий Яковлевич привил своему ученику научную основательность, трезвый, лишенный какой бы то ни было фантазии взгляд на источники, умение на основании мельчайших незаметных деталей делать серьезнейшие выводы. Все эти качества были в высшей степени присущи самому Юрию Яковлевичу, и порой на страницах работ его ученика мы как бы встречаемся с самим учителем. Вместе с тем в своих трудах Евгений Степанович очень индивидуален, его стиль отличают доведенный до совершенства лаконизм, строгость и некоторая сухость, за которыми стоят редкостные знания — автор уверен в каждом своем слове и может подтвердить его свидетельствами памятников. А к памятникам он умел подходить очень интересно, комплексно, извлекая из них максимум информации.

Всю свою научную жизнь Е. С. Богословский посвятил исследованию социально-экономического устройства Египта эпохи Нового царства, причем важнейшим источником для него служили материалы поселка и гробниц работников фиванского некрополя в Дейр эль-Медине, дающие уникальную возможность очень полно и разносторонне проследить на протяжении многих поколений историю небольшой, но очень показательной группы египтян, занятых в материальном производстве. Изучение Дейр эль-Медины — занятие очень специфическое, и если говорить о «дейр-эль-мединистике» как о самостоятельной дисциплине в рамках египтологии, то в ней Евгений Степанович был одной из крупнейших фигур, стоящих наравне с Як. Янсенем, а в ряде аспектов приближающихся к Я. Черны. Его неоспоримые заслуги в этой области были признаны учеными всего мира, относившимися к нему с глубоким уважением и почтением; в условиях неестественной изоляции отечественной науки от мирового научного процесса он, будучи исследователем очень русским, принадлежал египтологии всемирной.

Во второй половине 60-х годов выходят в свет первые, преимущественно публикационные статьи Е. С. Богословского. Затем в 1972—1973 гг. на страницах ВДИ стараниями Н. М. Постовской, принимавшей большое участие в судьбе молодого ученого, появляется ряд статей под общим названием «Памятники и документы из Дейр эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР». Это по существу разделенная на

части большая монография — полный свод соответствующих памятников, снабженный тщательнейшим комментарием.

К тому же времени относится и его первая книга, завершенная в 1972 г., представляющая собой переработанный вариант защищенной в 1968 г. кандидатской диссертации и опубликованная лишь в 1979 г. — «Слуги фараонов, богов и частных лиц». Посвящена она понятию «послушный призыву», встречающемуся особенно часто в правление XVIII династии. Подобные терминологические исследования широко распространены и на современном уровне развития египтологии представляются наиболее перспективными, но, к сожалению, зачастую они остаются сугубо формальными, сводящими лишь к непосредственному анализу источников и не касающимися стоящей за ними реальности. Исследование Е. С. Богословского в этом смысле выгодно отличается. Собрав все имеющиеся материалы и тщательно их изучив, он не только установил, что термин «послушный призыву» не является социально-экономическим по содержанию, но и пришел к выводам гораздо более общего порядка. Ему удалось показать, что вопреки распространенному мнению о том, будто «послушные призыву» являются группой работников фиванского некрополя, это обозначение распространялось на представителей разных слоев египетского общества, «прилагалось и к рабам — и к рабовладельцам, и к вельможам — и к работавшим на них людям», а значит, оно не находит никаких соответствий в наших терминологических системах и отражает «неопределенность распыленность социального мышления египтян этого времени» (с. 146). Свой главный вывод автор сформулировал следующим образом: «Вероятно, напрасно искать в египетском языке такую социальную терминологию, которую можно было бы просто переложить на привычные нам понятия. Любые такие попытки не объясняют истинную природу египетского общества, создавая иллюзию не существовавшей в действительности стройной общественной системы. Насколько я понимаю, египтяне по уровню общественного самосознания и по строю мышления не могли охватить всю социально-экономическую структуру общества в целом, а тем более — ее механику развития. Это задача современного исследователя, и успешно она может быть разрешена только в том случае, если такой исследователь окажется в состоянии отвлечься от того, что известно об общественном устройстве других стран, и сможет понять древнеегипетское общество изнутри, уяснив и осмыслив его особенности, возможности и способы его отражения в сознании самих древних египтян» (с. 147). Это заявление послужило программой всей дальнейшей деятельности Е. С. Богословского, которой он придерживался неукоснительно.

Главным трудом его жизни оказалась книга «Древнеегипетские мастера» (1983), защищенная в 1986 г. как докторская диссертация. Евгений Степанович всегда был сторонником тотального учета памятников, и это позволило ему создать работу, во многих отношениях неповторимую. Это всестороннее исследование жизни поселка в Дейр эль-Медине основано на полной росписи источников, что качественно отличает его от всех предшествующих работ на аналогичные темы. На Западе проекты таких масштабов сейчас осуществляют целые коллективы, использующие компьютеры, здесь же грандиозная работа была осуществлена одним человеком, единственным инструментом которого была созданная им самим картотека, учитывающая многие десятки тысяч памятников. В деталях эту книгу можно дополнять, ибо еще появятся новые источники, но в целом она уже навсегда останется той основой, которую не смогут игнорировать и от которой неизбежно будут отталкиваться новые исследователи эпохи. В кратких словах невозможно хотя бы перечислить поднятые и разрешенные в книге проблемы, которые чрезвычайно многочисленны и разнообразны — от степени осознания египетским художником своего авторства до соотношения должностного владения и собственности в Новом царстве. Нельзя, однако, не отметить того, что в результате предпринятого исследования впервые более или менее четко вырисовалась система организации новоегипетского общества и ее отличия от систем Старого и Среднего царств.

Последняя книга Евгения Степановича, которая выйдет в 1991 г., — «Новые источники по истории древнего Египта XV—X вв. до н. э.» — знаменует собой переход к новому этапу его творчества. Говорить о ней еще рано, ибо она знакома лишь нескольким коллегам, прочитавшим рукопись, но и не сказать о ней несколько слов нельзя. Очень трудно определить ее жанр — это комментированная публикация памятников, хранящихся во многих музеях мира, но вместе с тем и нечто гораздо большее, чем просто публикация. Памятники подобраны с глубоким, хотя на первый взгляд не вполне очевидным смыслом, а комментарий, основанный в значительной мере на данных просопографии, позволяет проследить историю ряда семейств из Дейр эль-Медины на протяжении трех-пяти поколений. В результате, когда книга прочитана, читатель с удивлением убеждается, что фрагмент древнеегипетской действительности, ограниченный десятком километров и несколькими веками, стал ему гораздо ближе, ожил, потерял безликость, характерную для источников, на которых

построенно исследование. Становится очевидным, какое огромное значение имело бы издание полной просопографии Дейр эль-Медины. За такую работу во всем мире мог бы взяться только Е. С. Богословский, и если бы судьба не была к нему столь жестока, египтология могла бы обогатиться важнейшим трудом. Евгений Степанович подошел к порогу нового синтеза, и его последняя книга ярко свидетельствует об этом. Если бы все его оригинальные мысли легли на бумагу, мы получили бы превосходную картину жизни Египта Нового царства. К сожалению, этому не суждено было осуществиться.

Е. С. Богословский ушел в расцвете таланта. Его перу принадлежат три монографии и около шестидесяти статей, выхода в свет ждут альбом египетских памятников Музея им. Чюрлениса в Каунасе и несколько более мелких работ, и трудно представить, сколько бы он еще мог сделать. Евгений Степанович был полон новых планов, в ближайшее время собирался приняться за работу над каталогом новоегипетских стел и над изданием ряда папирусов из собрания Эрмитажа. Его отличало непрестанное стремление к истине и готовность платить за нее самую дорогую цену; у него было глубокое личное отношение к науке, так что малейшая ошибка или хотя бы неточность коллеги воспринималась им очень болезненно. Через всю жизнь он пронес преданность своим учителям и, уже будучи совершенно больным человеком, надолго отложил в сторону собственные дела, чтобы подготовить к печати труды Ю. Я. Перепелкина: две книги — вторая часть «Переворота Амен-хотпа IV» и особенно незавершенное «Хозяйство староегипетских вельмож» вышли в свет только благодаря его самоотверженной работе.

Все мы знали о неизлечимости болезни Евгения Степановича и все же надеялись на чудо. Чуда не произошло, и утрата наша невосполнима.

*Сектор Древнего Востока
Ленинградского отделения Института востоковедения
АН СССР,
Сектор Древнего Востока Эрмитажа*

ПАМЯТИ СЭРА РОНАЛЬДА САЙМА

В июле 1989 г. в возрасте 86 лет скончался сэр Рональд Сайм, профессор Оксфордского университета, один из выдающихся специалистов по римской истории¹. Свыше шестидесяти лет продолжалась творческая деятельность ученого², занявшего в мировой историографии античной истории почетное место. Идеи, гипотезы, аргументы, конценции Р. Сайма стали органической частью историографического потока, и теперь любой историк, который приступит к исследованию римской истории последнего века Республики и первого века Империи, не может не отталкиваться от выводов и аргументации Р. Сайма.

Рональд Сайм начал свою творческую деятельность в русле модного в 20—30-х годах в мировой историографии просопографического направления. Основным объектом его исследовательского интереса стало римское общество эпохи Цезаря — Августа, переломного этапа средиземноморской истории. В 30-х годах из-под пера молодого ученого вышло несколько десятков изящных эссе об отдельных эпизодах римской истории³, которые сразу же привлекли внимание своим профессионализмом и широтой исследовательского взгляда. Р. Сайм становится популярным автором в одном из лучших журналов в области антиковедения — «The Journal of Roman Studies», что означало признание молодого автора в качестве авторитетного специалиста. Опубликованные эссе Р. Сайма представляли собой как бы отдельные фрагменты, из суммы которых начала вырисовываться общая картина римской истории в самый драматический ее период.

Результатом обобщения многочисленных предшествующих очерков стала принесшая мировую известность 36-летнему автору монография «The Roman Revolution» (1939), ставшая классическим исследованием римского общества конца Республики — становления Империи и занимавшая почетное место в современной историографии. Книга Р. Сайма выростала не только и, может быть, не столько из его конкретных исследований 30-х годов. Многие ее проблемы, ее необходимость диктовались сложившейся в Европе специфической политической обстановкой, которая не могла не волновать научную общественность всего мира. Р. Сайм писал свою книгу, когда в разных государствах Европы устанавливались диктаторские режимы, выступавшие под различными флагами, но все имевшие «вождей», враждебные демократии и возглавлявшиеся «сильными личностями», что в странах, сохранявших демократический строй, способствовало в значительной мере пересмотру прежнего увлечения такими «сильными личностями». Так, американский социолог Сидней Хук в вышедшей спустя пять лет после работы Р. Сайма книге «Герой в истории» (The Hero in History) писал, что «героя» лучше было бы уничтожать еще в младенчестве, чтобы избежать тех страшных бед, которые приносят человечеству подобные «герои».

Р. Сайм ставил себе целью на конкретном примере Рима показать и проанализировать, как такой диктатор приходит к власти и как эту власть использует. Во введении к книге историк писал, что его задача — показать, как Август, создавая иллюзию восстановления Республики и следования традициям предков, на самом деле продолжал революцию триумвиров. Став принцепсом, он оставался вождем, революционным лидером, узурпировавшим власть и богатство для себя и своей клики, которую превратил в национальную партию; страну же превратил в нацию со стабильным государственным устройством. Понять возвышение Августа, продолжает Р. Сайм, можно, лишь проанализировав состав партии, лидером которой он был, ибо во всяком государстве, независимо от его формы, за фасадом всегда стоит олигархия. Римская история есть история правящего класса: те, кто был «маршалом», финансистом, дипломатом у триумвира Октавиана во время революции, оставался тем же у Августа

¹ Рональд Сайм (Новая Зеландия, 1903 — Оксфорд, 1989) окончил Оксфордский университет, сотрудник Trinity College в 1929—1949 гг., профессор классической филологии в университетах Белграда, Анкары и Стамбула (1942—1945), профессор древней истории Оксфордского университета в 1949—1970 гг., профессор Wolfson College в 1971—1989 гг. Президент Международного Совета общества философии и гуманитарных исследований, член Institut de France. В 1959 г. за научные заслуги удостоен титула «сэр».

² Р. Сайм дебютировал в 1928 г. статьей: Rhine and Danube Legions under Domitian // JRS. 1928. XVIII.

³ Например: Lentulus and the Origin of Moesia, 1934; Galatia and Pamphilia under Augustus: the governorships of Piso, Quirinius and Silvanus, 1934; Pollio, Salonus and Salona, 1937; Caesar, the Senate and Italy, 1938.

как член правительства нового государства. Август создал новую коалицию из осколков разных общественных групп, заменив старую олигархию новой.

Смысл революции для Р. Сайма в смене олигархии нобилей, правившей в «свободной республике», олигархией, сложившейся в ходе революции. Здесь, в сущности говоря, заключается главная мысль английского историка. Олигархия, с его точки зрения, это общественная сила, играющая ключевую роль в римской истории. Легионные массы, плебс, не говоря о других категориях населения, есть лишь некий материал в руках олигархии, которая может при определенной политике умело манипулировать массами, как это, например, проделал Октавиан. Однако любая олигархия — это не абстрактное единство, а совокупность конкретных лиц, связанных родством, воспитанных в известных традициях, носителей определенного образа жизни. Отсюда повышенный интерес Р. Сайма к просопографическим штудиям, к исследованию персоналий. Он с исключительной тщательностью анализирует мельчайшие упоминания в источниках тех или иных, часто очень мало известных сочленов «партии» лидеров гражданской войны.

Кульминацией революции были проскрипции триумвиров, и Р. Сайм противопоставляет их политике Цезаря, который хотя и начал революцию, но оставил ее, не желая трогать богатых, многие из которых были его друзьями. Триумвиры же оказались бессильны в руках легионов. Долго эксплуатируемый, обездоленный пролетариат Италии брал то, что считал своей долей в том, что давала революция. Нобили и финансисты, долго мешавшие справедливому распределению земли, теперь несли за это кару (с. 195). Республика и лучшие люди гибли, сенаторами, консулами становились негодяи и преступники. Вместе с тем постоянно формировался новый класс собственников; революция могла бы пойти дальше, но «была вовремя остановлена» (с. 256). Свобода погибла, но зато после битвы при Акци воцарился мир, собственность стала гарантированной под защитой нового государства; Италия пришла к осознанию того, что все ее «блага» зависят от вождя Октавиана (с. 304). А тот, уже не полагаясь на армию и плебс, понимает, что править можно только с помощью олигархии, сообразуясь с желаниями главных лиц своей партии (с. 365). В их интересах был мир и видимость согласия, и название «вождь» (*dux, ductor*) Октавиан меняет на «принцепс»; внешне чти Цезаря, он порывает связь с его диктатурой, основывает свою власть на *auctoritas*. Вместе с тем Р. Сайм, как и многие современные ему авторы, постоянно стремится выяснить ее конституционные основы, разбирает значение проконсульского империя и трибунской власти в конституции принципата, оговаривая, однако, что главным в господстве Августа было его положение лидера партии, поддержка главных лиц в его партии, каковыми Р. Сайм считает Агриппу и Мелената. Остальные члены партии происходили из разных слоев, их объединяла принадлежность к плутократии, выгода от более легкого, чем раньше, продвижения в более высокий ранг, что историк иллюстрирует карьерами разных лиц.

Очень любопытна данная Р. Саймом характеристика «национальной программы» Августа. Хорошо устроенное государство, пишет он, не нуждается в великих людях и в нем нет для них места. В последний век «свободного государства» появилась целая серия личностей — демагогов, тиранов, военачальников, что было результатом деградации гражданственности и причиной надвигающейся катастрофы. Это — «греческий период» римской истории и многие его персонажи имели себе мало римского. Август искал своих любимых героев во временах, предшествующих Гракхам, «до проникновения в Рим иноземных пороков» (с. 441). Нельзя не видеть в этой негативной трактовке героев последнего века Республики влияние современной Р. Сайму политической действительности 30-х годов с ее «сильными» личностями: вождями, фюрерами, дуче, каудильо.

В своих последующих работах Р. Сайм углубляет и обогащает свою историческую концепцию. Новыми этапами ее развития стали его знаменитый «Tacitus» (V. I — II. Oxf., 1958) — одно из исчерпывающих исследований в мировом тацитоведении, и последняя монография, вышедшая в свет за три года до смерти автора — «The Augustan Aristocracy» (1986). Сопоставление этой работы с «Roman Revolution», между которыми пролегал период почти в 50 лет, показывает преемственность основных положений концепции Р. Сайма и ее известное изменение. Если в ранней монографии исследователь подчеркивал роль новой олигархии при Августе, пришедшей на смену республиканской аристократии, то в последней работе выявляется историческая роль остатков древней аристократии, которая примирилась с установлением нового монархического режима и стала принимать довольно активно участие в его укреплении. Интересным моментом этой концепции является положение о постоянной абсорбции качеств, традиций древней римско-италийской знати правящей династией Юлиев-Клавдиев, которая как бы растворяла в своем составе древнюю аристократию. Основное внимание Р. Сайм отводит исследованию влияния судеб и роли древней римско-италийской аристократии на процесс развития римского общества, меньше внимание

уделяется новой имперской аристократии, группирующейся вокруг двора принцев. К этой проблеме Р. Сайм подходит в своем «Таците». В конечном итоге он разделяет мнение Тацита о необходимости пополнения имперской аристократии как руководящего слоя империи наиболее достойными представителями провинциалов, особенно из западных провинций. Однако провинциалы, попавшие в имперскую элиту, должны были усвоить традиции древней римско-италийской аристократии. Такими достойными членами подлинной имперской аристократии, с точки зрения Р. Сайма, стали сам Тацит, уроженец Нарбоннской провинции, его друг Плиний Младший из Пизальпинской Галлии, император Траян, выходец из Испании. В одной из своих работ Р. Сайм указывал на известное равнодушие среди специалистов к судьбам и роли римской аристократии. Можно сказать, что в его творчестве эта историографическая лакуна заполнена, а проблема римской аристократии конца Республики и первого века Империи решена с исчерпывающей полнотой. Судьбы римской древней аристократии как носителя лучших национальных качеств, очевидно, рассматривались Р. Саймом в более широком плане — как роль элиты в мировом историческом процессе и, видимо, на его размышления в этом направлении оказывала влияние концепция его великого соотечественника А. Тойнби. Возможно, этим объясняется появление в 1958 г. (и переиздание в 1970 г.) любопытного исследования «Colonial Elites: Rome, Spain and Americas», где проводится сравнительное изучение исторической роли колониальной аристократии в трех великих империях мира: Риме, Испании и Америке.

Другим важным направлением в научном творчестве Р. Сайма, хотя и тесно связанным с главной проблемой его исследовательской деятельности, было изучение жизни и деятельности трех крупнейших историков древнего Рима: великого Тацита, Саллюстия и автора (или авторов) «*Historia Augusta*». Особым вниманием Р. Сайма пользовался Тацит. Ему были посвящены два объемистых тома (Tacitus. V. I—II. 1958) и множество статей, вошедших в сборник «Ten Studies in Tacitus» (1970). Исследование творчества Тацита, проведенное Р. Саймом, занимает особое место в огромном мировом тацитоведении. Судьба Тацита исследуется в нескольких планах, и каждый из них глубоко оригинален: Тацит и эпоха, Тацит — новая и древняя аристократия, Тацит как римский историк, Тацит как личность; наконец, произведения Тацита анализируются самым детальным образом с источниковедческой, филологической точки зрения. Бесспорно, Р. Сайм дает идеализированную характеристику своего героя, однако она выполнена столь мастерски, живописно и внешне бесстрастно (так сказать, в тацитовском стиле), что представляется аргументированной, убедительной, и с автором хочется согласиться.

В сущности говоря, в том же ключе ведется исследование творчества Саллюстия, появившееся спустя шесть лет после публикации «Тацита». Саллюстий рассматривается Р. Саймом как прямой предшественник Тацита, вернее, Тацита можно считать последователем творческой манеры Саллюстия. Саллюстий (как и Тацит) — это аутентичный выразитель идей и традиций римской аристократии, истинно римский историк, предполагающий как таковой слав качества реального политика, глубокого моралиста и талантливого художника. Вместе с тем в своем «Саллюстии» Р. Сайм демонстрирует образцы блестящей филологической критики текста произведений Саллюстия, среди которых, как известно, было много поддельных. Свое отточенное мастерство в критике сложнейших источников, освещающих римскую историю конца Республики и начала Империи, Р. Сайм применяет и к источникам Поздней империи, особенно IV в. Здесь его особое внимание привлекало такое сложнейшее в источниковедческом отношении произведение, как «*Scriptores Historiae Augustae*». Р. Сайм, как это было свойственно ему и в «Таците» и в «Саллюстии», рассматривает этот памятник в широком политическом и источниковедческом контексте. Так, в статье «Фальсификация в IV в.» он пишет, что императорский строй порождал и ложь, и подделки. Христианская литература унаследовала многие фальсификации языческой литературы. И та, и другая сближались с жанром романов, рассчитывая на вкусы читателей, хотевших эротики, приключений, фантазий, любопытных сведений. Жития святых, роман об Александре, о Троянской войне, «Переписка апостола Павла с Сенекой» — разные типы таких сочинений. Чтобы придать им правдоподобие, авторы вставляли археологические подробности: например, отшельник жил в заброшенной монетной мастерской времен Антония и Клеопатры, о чем сообщала египетская надпись; автор якобы узнавал то, о чем рассказывал, из найденного им самим древнего документа и т. д. Так были написаны и биографии императоров в «*Scriptores Historiae Augustae*», оживленные описаниями игр, процессов, театральных представлений, одежды, утвари и т. п. Посвященные этому источнику статьи были изданы отдельным сборником⁴. В общем, Р. Сайм

⁴ Syne R. *Historiae Augustae Papers*. Oxf., 1983; см. также: *idem*. *Emperors and Biography*. Oxf., 1971; *idem*. *Ammianus and the Historia Augusta*. Oxf., 1969.

примыкает к точке зрения, согласно которой все биографии были написаны около 395 г. одним автором, который опирался на надежный источник для биографий от Адриана до Каракаллы, затем (до Александра Севера) использовал анекдоты Марка Максима, а следующие биографии, особенно посвященные узурпаторам, сочинил большей частью сам, хотя и используя произведения Аврелия Виктора и, может быть, и других эпитоматоров. Фальсификации в текстах, говорит Р. Сайм, можно отличить по языку, стилю, подражанию какому-нибудь автору, по вставленным письмам и речам, по фальшивым ссылкам на авторитеты, по ясно видимой цели возвысить или принизить каких-то лиц, тот или иной народ или местность. Сами эти фальшивки могут быть использованы для понимания психологии автора, его мотивов, вкусов его читателей. Так надо подходить к «*Scriptores Historiae Augustae*», о которых, по мнению Р. Сайма, написано много ошибочного в литературе.

Совершенно невозможно охарактеризовать даже беглым образом огромное творчество замечательного историка в одной заметке. Можно лишь отметить, что благодаря усилиям учеников Р. Сайма — Э. Бэдиана и Р. Бэрли, выпустивших три тома его многочисленных работ⁵, современные исследователи могут познакомиться с многогранным наследием одного из классиков мирового антиковедения XX в.

В заключение можно сказать, что Р. Сайм, начавший в конце 20-х годов свою творческую деятельность в русле просопографического направления, в последующие годы довел его методику до логического конца и вышел за его узкие пределы. Уже начиная с «*Roman Revolution*» в работах Р. Сайма стали преобладать социально-политические проблемы, исследуемые сквозь призму деятельности определенного социального слоя — римской аристократии, а сама она воспринималась через судьбы конкретных исторических лиц, действовавших в реальной географической и исторической обстановке, сведения о которых извлекались из реальных исторических источников.

Бесспорно, в творчестве Р. Сайма не получили освещения многие важные проблемы и периоды римской истории. Конечно, не со всеми положениями и концепциями английского историка можно согласиться. Очевидно, специалисты пересмотрят ряд его конкретных выводов. Однако теперь можно сказать вполне определенно: многообразное творчество сэра Рональда Сайма стало органической частью мировой науки об античности и заняло в ней очень высокое место.

В. И. Кузицин, Е. М. Штаерман

⁵ *Syme R. Roman Papers. V. I—II / Ed. E. Badian. 1979; V. III / Ed. R. Birley. 1984.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1991 г.

ARTEMIDORI DALDIANI

ONEIROCRITICA

АРТЕМИДОР

СОННИК

Перевод с древнегреческого под общей редакцией
Я. М. Боровского

КНИГА IV*

Содержание: Общие положения (1—4, 20, 21, 27, 35, 38, 42, 46, 48, 51, 55, 65, 68, 83). Сплетенное (5). Друзья и враги (6, 8, 45, 50). Имущество (7, 17). Ремесленники и ремесло (9). Младенцы (10, 19). Деревья и животные (11, 56, 57). Твердое и мягкое (12). Повозки (13). Лесть (14). Продажа (15). Покупка (16). Бедность (18). Врачебные предписания (22). Анаграммы (23). Числовые значения слов (24). Части тела (25, 54). Извержения из тела (26). Утварь и оружия труда (28, 58). Семья (29). Облекающее человека (30, 36). Власть предержащие и связанное с ними (31). Жизнь (32). Очаг на чужбине (34). Игра в комедии и трагедии (37). Мистерии (39). Работа (40). Мытье и умашение (41). Исторические сказания (43, 47). Пренебрежение (44). Чудеса (47). Перемена к лучшему (49). Венки (52). Море (53). Нрав сновидца (59). Литературные сны (59). Города (60). Исполнение сновидений (61, 62). Невозможные сны (63). Аналогии (66, 67). Боги (69, 71—77). Герои и героини (78, 79). Братья (70). Этимология слов (80). Поминки (81). Смерть (82).

Артемидор сыну Артемидору шлет привет.

После того как по воле божества и при поддержке превосходного Кассия Максима я обратился к созданию спотолковательных книг, дабы угодить другу и собственную мудрость из скромности и нерешительности не растратить напрасно, я создал по мере своих сил эти книги и знаю, что, во всяком случае, ни против величия искусства не по-

* Перевод и комментарии И. А. Левинской. Продолжение. Начало см. ВДИ. 1989. № 3.

грешил, ни ощущения незавершенности труда у людей хоть сколько-нибудь сведущих не вызвал, собрав все, какие только можно увидеть, вещи сны и расположив их в последовательности, соответствующей человеческой жизни. От рождения до смерти я обозрел все человеческие деяния, а также то, с чем каждое из них может быть соотносено и как может исполниться, повинувшись не легковесной догадливости, но опыту и свидетельству сбывшихся сновидений. Семена толкований, лишь посеянных древними, я вырастил, доведя объяснения до тонких и истинных разграничений. Также добавил я все то, что сбывается на новый лад или само по себе является новым. И казалось мне, что труд мой, изложенный в двух книгах, завершен. Однако в дальнейшем обнаружались упущения, незначительные и не заслуживающие особого беспокойства, но все же замеченные людьми требовательными, для которых важно, чтобы ничего не осталось неисследованным. Итак, собрав по мере сил весьма значительный и достойный обсуждения материал и расположив его не по единому принципу — ведь невозможно вещи столь друг от друга отличающиеся сплотить и свести воедино, — но в непринужденном порядке, я написал третью книгу: «Правдивую», или «Путеводную».

Жил среди людей некий злой Мом¹, отвергнутый всеми богами и низшими божествами, которому нужно изо всех сил противостоять, памятуя о том, что чем лучше начинания, тем с большим вооружением он против них борется. Так вот, нынче я замечаю, что некоторые порицают эти книги за то, что, хотя написанное в них и не лишено ни в коей мере истины, но работа все же не доведена до конца, все причины не разъяснены, а некоторые вещи, необходимые для избранной темы, вообще пропущены. Поэтому после долгого размышления я подвигся на написание этой книги ради моего и твоего блага, чтобы ты проявлял разумность, если тебе понадобится толковать сновидения, а также легко мог отвечать любознательным. Помни, что к тебе обращена эта книга с тем, чтобы пользовался ею только ты сам, а не приобщал к ней многих, распространяя ее списки. Ибо написанное в этой книге, пока она находится только у тебя, делает тебя лучшим из всех спотолкователей или, по крайней мере, ни в чем другим не уступающим, но, став общедоступным, покажет, что ты знаешь ничуть не больше других. Хорошо запомни, что многие, почти все книги, наставляющие в искусстве проприаций, уступают моим. Итак, каждый из исследуемых предметов я опишу для тебя последовательно с самого начала и в соответствии с выработанной мерой понятий, следуя принципам, принятым в первых двух книгах.

Тем, кто утверждает, что не все разъяснено, ты по праву ответишь словами из вступления к первой книге: «Иное будет столь уж ясно, что толкование вообще не понадобится». Тем же, кто говорит, что не все исследовано до конца и кое-что пропущено, ты скажешь, что опущены как очевидные толкования вещей, по значению подобных другим, как, например, головная повязка диадемы, заяц оленю, верблюду слону, шафран миру и всем прочим благовониям, и что свинья и птицы имеют то же самое значение, что и их мясо. Тем, кто интересуется разницей между вещим сном и обычным сновидением, я уже подробно объяснил, что обычный сон отличается от всего, а отнюдь не является тем же самым. Впрочем, пожалуй, не будет беды, если кто-нибудь назовет вещей сон обычным. Но если вести разговор профессионально, то необходимо каждую разновидность сновидений называть надлежащим образом. Сновидение, которое лишено значения, ничего не предвещает, но обладает силой только во время сна, которое имеет причиной неразумное желание, чрезмерный страх, переизбыток или недостаток пищи, следует называть обычным. Однако в обыденной речи можно пользоваться словами свободно, как, например, поэт, сказавший: «Внемлите, други, божественный сон во сне мне явился»². Ведь ему нравится пользоваться синонимичными именами, глаголами и другими частями речи, например: «окрест потока, вокруг»³, «если б обратно пришел Одиссей» и «вернулся»⁴ и еще можно привести много подобных примеров. (В том числе «Внемлите, други, божественный сон во сне мне явился».)

Помни также, что у тех, кто ведет праведную и добропорядочную жизнь, не бывает обычных снов или каких-либо иных бессмысленных видений, но только вещи сны, причем по большей части прямосозерцательные. Ведь у таких людей душа не замутнена ни страхом, ни надеждами, и при этом они имеют власть над своими плотскими желаниями. Короче говоря, серьезный человек не видит ни обычных снов, ни каких-либо иных бессмысленных видений.

¹ Мом — божество насмешки и поношения. По Гесиоду — сын Ночи (Теогония. 214).

² Гомер. Илиада. II. 56. Артемидор обращает внимание на то, что в одном предложении сочетаются *δνειρος* («вещий сон») и как предикативное определение к нему — *ἐνύπνιον* («обычный сон»).

³ Гомер. Илиада. II. 305.

⁴ Гомер. Одиссея. XVII. 539; XVIII. 384.

Чтобы никогда не впасть в заблуждение, помни, что большинство людей видит не такие сны, как те, кто умеет их толковать. Ведь большинство видит во сне именно то, чего желает или боится, а опытные и искусные в толковании люди видят свои желания в символической форме. Но если кто-либо из несведущих в снотолковании увидит подобный сон, то его следует расценивать как вещь, а не как обычное сновидение. Например, человек, умеющий толковать сны благодаря чтению сонников, общению со снотолкователями или же наличию определенных способностей, если он, например, влюблен, увидит во сне не возлюбленную, а лошадь, зеркало, корабль, море, животное женского пола, женскую одежду или что-либо иное, означающее женщину. А если он собирается путешествовать, то увидит не повозки, корабли, мешки для постельных принадлежностей, поклажу, собранную в дорогу, или подготовку к отъезду — но приснится ему, что он летит, или же он увидит землетрясение, войну, молнию или что-либо другое, означающее отъезд. Если он кого-то боится или от кого-нибудь убегает, то опять-таки увидит не этого человека, но приснится ему, что он бежит от дикого зверя, разрывает пути, убивает разбойников, приносит жертвы богам или что-нибудь такое, что видят другие люди перед тем, как избавиться от страха или тревоги. Так, например, одному художнику в Коринфе часто снилось, что он погребает своего хозяина или что крыша дома, в котором этот художник жил, разрушается или что ему отсекали голову. Тем не менее его хозяин сохранил жизнь и здравствует по сей день. Но поскольку художник умел толковать сны, душа его сыграла с ним ловкую шутку. Ведь другому человеку подобные сны предвещали бы гибель хозяина.

Итак, чтобы все это не оказалось для тебя неразрешимыми затруднениями, запомни хорошенько, что многие, а пожалуй и большинство, чтобы не сказать все, видят обычные сновидения и лишь немногие, при этом только снотолкователи, видят другие сны, о которых и шла речь в предшествующем рассуждении.

1. Среди вещей снов одни мы называем прямосозерцательными, другие — аллегорическими. Прямосозерцательные — это такие сны, которые сбываются в точном соответствии с тем, что в них привиделось, аллегорические же сны показывают знаменуемое в иносказательной форме. Но поскольку и в вещих снах присутствует такая неопределенность, рождающая сомнение в том, сбудется ли увиденное именно так, как приснилось, или оно знаменует собой нечто иное, то это представляет тебе возможность толкования. Прежде всего, все прямосозерцательные сны исполняются немедленно, а все аллегорические по прошествии большего или меньшего времени, или, по крайней мере, одного дня. Далее, нелепо принимать вещи диковинные и невозможные для человека, пока он бодрствует, за прямосозерцательные сновидения. Например, если кто-нибудь увидит, что стал богом или что летит, или имеет рога, или спустился в Аид...⁵ его укусила собака или что он взял сданное на хранение имущество, или увидел друга, или нашел беглого раба, или обедает дома, или пьет, или пьет в компании⁶, или что-либо потерял. Ведь такие и им подобные сны иногда сбываются именно так, как снятся, а иногда аллегорически. Если они сбываются сразу, то их нет нужды и толковать, а если нет, то подбери подходящие к каждому случаю толкования из предыдущих книг. Сны редкие или исполнившиеся где-нибудь лишь однажды представляют собой диковинки и чужды цели, поставленной этой книгой. Хотя такие сны могут сбываться, не рассматривай их как сны повсюду и для всех общие. Так, например, лаодикийец Друсон, увидев во сне, что купил дом своего друга, через три года этот дом купил. Однако это единственный известный нам прямосозерцательный сон, который сбывается по прошествии некоторого времени, а не сразу же.

Что же касается снов своевещих, общих, чужевещих, общественных и космических, то чрезвычайно детальное исследование их ты найдешь в первой книге⁷. Тем не менее здесь можно добавить, что занимающиеся тем же самым ремеслом, что и сновидец, особенно если они хорошо ему знакомы, означают само ремесло. Так, например, филолог для филолога означает ни что иное, как филологию, ритор для ритора — риторику. То же относится к ремесленникам: кузнец для кузнеца и плотник для плотника означают кузнечное и плотничье ремесло. Например, ритор Филагр⁸, которому приснилось, что ритор Вар болен, долгое время против своей воли не выступал. А в Кизике плотник, увидев, что сосед-плотник умер и его тело выносят из дома, был вынужден, ускользая от заимодавцев, бросить мастерскую и уехать из города.

⁵ Далее в тексте лакуна, отмеченная Рейске. Пропущенный текст по смыслу должен был бы содержать примерно следующее: «Другое дело, если кто-либо увидит во сне, что...».

⁶ Перевод по конъектуре Рейске.

⁷ См. *Артемидор*. I. 2.

⁸ Филагр из Киликии, ученик Лоллиана. В Афинах был соперником Герода Атика. Позднее возглавлял риторическую школу в Риме (*Флавий Филострат*. Жизнеописание софистов. 2, 8).

2. Относительно же исходных оснований для того чтобы ты мог ответить тем, кто говорит о них с неприязнью, а также чтобы ты не был введен в заблуждение теми, кто считает, что их на самом деле больше, пригодится следующее рассуждение. Одни вещи существуют по природе, другие благодаря установлению. Это два первых и главных основания. То, что существует благодаря природе, должно всегда оставаться неизменным. Из того же, что существует благодаря установлению, одну часть люди, упорядочив, предписали самим себе — это называется «обычай». Как говорит Фемония, обычай — это неписанный закон. Другую часть установлений люди, опасаясь их преступить, записали и назвали «законами» на основании того, что в них предвостановлен тот порядок вещей, который должен быть принят. Итак, люди договорились между собой относительно мистерий, посвящений в таинства, всенародных праздников, состязаний, военной службы, земледелия, основания городов, браков, воспитания детей и прочих подобных установлений. Частным же делом, признав общие установления, каждый человек считает одежду, обувь, пищу, прическу и все, что относится к украшению тела, образу жизни и личным склонностям.

«Разные у разных уставы,
И каждому своей правей», — говорит Пиндар⁹.

Сила же писаных законов является постоянной, и тому, кто следует им, выпадают на долю хвалы, почести, доброе имя и полная безопасность, а тому, кто их преступает, — наказания, взыскания и опасности.‡

То, что существует благодаря закону, непреложно, кроме как во времени, обычай же подразделяется на время, ремесло и имена. Ибо все, совершенное в соответствии с законом или без закона, вне сомнения происходит, происходило или будет происходить в какой-то отрезок времени, время же делится на периоды и часы. Люди все делают или профессионально, или непрофессионально; профессионально — искусственные в какой-либо области, непрофессионально — неискусственные. (Некоторые люди определяют профессию как систему, состоящую из постижений навыков, ориентированных на полезный результат). Для занятия каким-либо ремеслом необходимы орудия и приспособления и все, что считается подходящим и подобающим для каждой его разновидности.

О том же, что ничто из существующего не лишено имени, даже говорить излишне. Одни имена считаются благоприятными, другие — неблагоприятными. Поэтому, если кто-нибудь что-то добавит к уже названным шести основаниям, то добавленное будет отличаться лишь своим звучанием, а не значением. Например, радость и горе, вражда и дружба, болезнь и здоровье, процессы выделения и поглощения, красота и уродливость, возрастание и убыль, рождение и смерть и все подобное существует в соответствии с природой, ибо эти явления не чужды природе и не являются особыми основаниями. Ведь природа — это не просто имя: природой называется коловращение того, что всенепрерывно будет или же не будет существовать.

Точно так же закон и обычай не являются самодовлеющими именами, как, скажем, «даинь-дзинь» или «скиндапс»¹⁰, но всегда с чем-то соотносятся. Поэтому когда кто-либо говорит о браке, прелюбодеянии, грабеже, сданном на хранение имуществе, насилии или, с другой стороны, о прическе, одежде или какой-либо еде словно о новом основании, то, не отдавая себе в этом отчета, называет закон или обычай. Если же он в качестве основания упоминает снаряжение, приспособление или орудие труда, то говорит на самом деле о ремесле, имени или времени: о ремесле, когда речь идет о работе при помощи орудий труда, об имени, когда названы приспособления или снаряжение, о времени, когда упоминается и то, и другое, например, серп или двузубая кирка. Ведь серп и двузубая кирка нужны людям в определенное время года.

Далее, общее мнение гласит, что все увиденное в соответствии с природой, законом, обычаем, ремеслом, именами или временем года благоприятно, а все противоречащее — неблагоприятно и вредносно. Запомни, что это положение распространяется не на все случаи жизни, хотя чаще всего оказывается верным. Ибо многие сновидения, вступая в противоречие с сущностью вещей, вопреки природе или какому-либо иному основанию, сбываются во благо. Например, некоему человеку приснилось, что он бьет мать. Действие это противозаконно, однако ничего дурного с ним не произошло, поскольку он был гончаром. Ведь мы называем землю, которую гончар бьет при работе, матерью. По этой причине у гончара стало много работы. Помни также, что более распространенный обычай сильнее, менее распространенного. Например, законоведу Аристиду¹¹ во

⁹ Пиндар. Фрагм. 245 Snell (пер. М. Л. Гаспарова).

¹⁰ Как обозначение бессмысленных звуков у Артемидора стоит τὸ βλάττον (звук, издаваемый лирой) и ὁ τετραβήτης (четырёхструнный музыкальный инструмент).

¹¹ Пэк высказал предположение, что под законоведом Аристидом здесь подразумевается Элий Аристид из Смирны. Эта точка зрения вызвала, однако, много возражений.

время болезни приснилось, что он одет в белое, и хотя у него была привычка носить белую одежду, это не принесло ему пользы, ибо он вскоре умер. Итак, переселил более распространенный обычай, согласно которому мертвецов выносят в белом.

Профессии, сходные по действиям, даже если они отличаются способами действия, имеют одинаковое значение. Например, после того как хирургу Аполлониду¹² приснилось, что он выступает в инсценировке Гомеровского эпоса и многих людей на сцене ранит, он многих прооперировал. Ведь и исполнители гомеровских сцен наносят раны и пускают кровь, но при этом не имеют целью убийство. То же относится и к хирургу.

Следуй как истинным тем способам толкования, которые были изложены в первой книге, и ты не ошибешься. А так как там они были изложены ясно и доступно, то излишне повторять здесь то же самое. Заботными считай те сны, в которых люди видят предметы своего беспокойства, вызванного неразумным стремлением или желанием. Такие сны мы называем также вымоленными, так как люди молят божество послать сновидение об их нынешних обстоятельствах. Запомни, что когда ты просишь божество о сновидениях, то не воскуряй ладан, не произноси заповедных имен и не спрашивай о несущественном. Ведь было бы смешно, если бы в то время, как серьезные люди отказывают агрессивным и наглым просителям и помогают кротким, боги стали бы уступать принуждению. После сновидения принеси жертву и воздай благодарность. Те жето пытаются установить законы для богов, достойны осмеяния. Я имею в виду молящихся следующим образом: «Если мне нужно сделать это...», «Если со мной это произойдет...», «Увидеть бы мне сейчас плод Деметры, а если нет, то плод Диониса», «Если что-то мне будет на пользу и принесет выгоду, то я это приму, а если нет, то отдам». Из-за таких молитв происходит большое смятение. Ведь божество — или то, что является причиной сновидений, — посылает душе спящего, по природе своей вещей, сны о том, что произойдет. Тот же, кто увиденное во сне считает ответом на свои вопросы, оказывается сбитым с толку, если происходит нечто противоположное ожидаемому. Например, больному невыпеченные хлебы, хотя они и являются плодами Деметры, предвещают усиление жара из-за того, что их еще предстоит выпекать. Собирающемуся жениться или вступать в какое-либо сообщество виноград из-за того, что ветея, и вино, из-за того, что его смешивают, благоприятнее, нежели пшеница или ячмень. А мечтающему о преуспевании дарить и отдавать лучше, чем получать, разве только он будет получать дары от занимающих более высокое положение. Ибо имеющий многое может отдавать, а не имеющий — только брать. Итак, необходимо, чтобы человек молился божеству о том, что его заботит. А в какой форме будет дано пророчество — это следует предоставить божеству или собственной душе.

3. Богопосланными считай неожиданные сновидения — ведь все неожиданное мы называем богопосланным. Толкуй только целиком заочные сны, которые сновидец и видел отчетливо, и отчетливо запомнил, поскольку, если увиденное во сне сбудется и обнаружится, что ты истолковал не то, что было увиденно, то твое заблуждение станет очевидным. А репутации человека невежественного надо избегать.

4. Если тебе неизвестны местные обычаи и особенности, то их необходимо раз-
знать. Лучше всего тебя снабдят полезными сведениями путешествия и чтение. Причем только снотолковательных книг, чтобы помочь тебе, недостаточно — нужен и другой материал. Одной женщине приснилось, что она вошла в храм или дом Артемиды Эфесской и там обедает. Вскоре она умерла. Ведь наказанием вошедшей в храм женщины является смерть¹³. Гетере приснилось, что она вошла в храм Артемиды, и она получила свободу и оставила распутную жизнь. Ведь она не смогла бы войти в храм, если бы не оставила свое занятие. Что же касается других обычаев, существующих в каждом городе или местности, то ты должен толковать сновидения в соответствии с местными особенностями. Не пренебрегай подробными рассказами обо всем увиденном во сне, учитывая достоверность, так как добавление или упущение подчас незначительной детали меняет значение сновидения. Так, например, одному человеку, у которого был болен сын, приснилось, что он совокупился с ребенком и испытывает от этого радость. Сын выздоровел. Ведь мы используем слово «обладать» и для «совокупляться» и для «владеть чем-то». В данном случае толкование опирается на радость отца. Другому человеку, у которого также был болен сын, приснилось, что он совокупился с ним и был этим опечален. Ребенок умер. Ведь словом «потерпевший» мы называем и того, кто подвергся насилию, и того, кто погиб. Здесь толкование основывается на том, что отец опечалился. Поскольку в сновидении активная роль принадлежала отцу, он и оказался виновным в смерти сына, так как не позаботился о нем должным образом во время болезни. Итак, о том, что было сказано во вступлениях к первой и второй книгам, достаточно. А с прочим, что тебе надлежит знать, дело обстоит следующим образом.

¹² Возможно, имеется в виду знаменитый врач с Кипра.

¹³ В храм Артемиды Эфесской можно было входить только мужчинам и незамужним девушкам (*Ахилл Татий*. Левкиппа и Клитофонт. 7, 13).

5. Все сплетенное, не только льняная пряжка, звероловные сети и «облака», но и корзины, плетенки, корзины для вьючных животных, ручные корзинки, сетки для волос, золотые ожерелья, любимые цепи, венки и все им подобное на благо браку, дружбе, товариществу из-за перелетения, но препятствует путешествию, побегу и бегству из-за спутанности, для дел же бесполезно, кроме случаев, когда дела совершаются с обманом, а для людей боящихся означает страх из-за своей способности удерживать.

6. Все, кого во сне встречаешь или видишь, — мужчины, женщины, друзья, благодетели, да и вообще все, не причиняющие или не причинявшие вреда, как живые, так и мертвые — к добру, а причиняющие или причинявшие вред — не к добру. Ибо их следует понимать как образы дел, друзей — хороших дел, врагов — дурных.

7. Если кто-нибудь, нуждаясь и бедствуя, увидит во сне, что снова владеет имуществом, деньгами или людьми, которыми владел раньше, во дни благоденствия, то это к добру, ибо означает возвращение прежней удачи. Но если кто-нибудь, благоденствуя, увидит во сне, что снова владеет имуществом, деньгами или людьми, которыми владел раньше, во дни нужды и бедствий, то это сулит ему много несчастий и бедность.

8. Среди увиденных во сне людей самые приятные для сновидца и самые любимые, а также любящие его, даже если он их не знает, означают предстоящие удачные дни. А люди враждебные, ненавидимые сновидцем или ненавидящие его, даже если он об этом не догадывается, означают несчастливые дни. Чтобы у тебя не появилось сомнения, что дело обстоит именно так, запомни: если ты видишь во сне кого-либо из друзей, а потом проведешь день несчастливо, то знай, что этот друг тебя ненавидит и только прикидывается, что любит. А если увидишь кого-нибудь из врагов и прекрасно проведешь день, то знай, что человека этого ты ненавидишь несправедливо.

9. Ремесленники, которых встречаешь и видишь во сне, означают то же, что их ремесла. Такое же значение, как ремесленники и ремесла, имеют их мастерские, кроме гетер и блудилищ. Сама по себе гетера к добру, а вот ее «мастерская» не к добру. Причины ты знаешь из раздела о соединении¹⁴.

10. Младенцы мужского пола к добру, а женского — не к добру, но и те, и другие означают заботы. Видеть мальчиков и юношей для сделок полезнее, нежели стариков, однако для залогов под ручательство мужчины и старики лучше мальчиков и юношей, разве что они делают или говорят нечто необычное.

11. То, что медленно рождается и медленно вырастает, как то: из деревьев дуб, олива, кипарис и им подобные, а из животных: слон, олень, ворона и им подобные — приносят и блага, и несчастья медленнее, а то, что рождается быстро и быстро возрастает, как то: из растений виноград и персиковое дерево, а из животных свинья и ей подобные — приносят и блага, и несчастья быстрее. Они имеют то же самое значение и при определенном заранее сроке. Однакоковым образом рассматривай все растущее в поле и растущее в саду, а также земледельца и садовника. Собственно сад на благо содержателям блудилищ из-за обилия семени и непродуктивности работы, всем же женщинам он предвещает репутацию нечестивых и распутных.

Все длинное, например, кипарисы, сосны, опоры для виноградных лоз, высокие мужчины и прочее, предписывает быть во всем терпеливым и не проявлять легкомыслия. Все усеченное и короткое побуждает торопиться.

12. Все твердое, например, стены, фундамент, старые деревья, железные и стальные предметы боящимся на благо, если сновидец этими предметами окружен¹⁵, ибо безопасность рождает бесстрашие. В ином случае такой сон означает бегство.

Все мягкое и упругое одинаково всем на благо.

Все мягкое и вялое на благо боящимся.

Все тяжелое означает препятствие и бедность, ибо быстро опускается вниз.

13. Все повозки, которыми обычно пользуются, например запряженные лошадьми, ослиами, мулами, для одних означают блага, а для других беды. Мы покажем, это, когда дойдем до раздела о животных. А повозки, которыми обычно не пользуются, например запряженные волками, барсами, гиенами или другими дикими животными на благо только тем, кто боится могущественных врагов, по той причине, что запряженные животные подчиняются вознице. Ехать на повозке, запряженной людьми, на благо только для тех, кто стремится к власти, а также для софистов, учителей, преподавателей гимнастики и работорговцев. Всем же прочим такой сон сулит бесславие и гибель.

14. Лыстать на пользу только тем, у кого это в обычае, остальным же несет унижения, ибо лыстецы стоят ниже тех, кому они лыстят. Выслушивать лести, особенно от знакомого, никому не на пользу, ибо следует ожидать предательства со стороны этого человека.

15. Быть выставленным на продажу хорошо для тех, кто хочет изменить свое положение, например, для рабов, и бедняков, плохо же для преуспевающих и находя-

¹⁴ Артемидор. I. 78.

¹⁵ Перевод с учетом поправки Рейске.

щихся в зависимости от тех, кому они доверились. Многие ведь [были похищены] и проданы. Быть проданным и быть выставленным на продажу различается тем, что в первом случае сон всегда сбывается, а во втором может и не сбыться. Ведь выставленное на продажу не всегда удается продать. То же относится и ко всем другим сновидениям: то, что свершилось во сне, сбудется непременно, а только совершающееся может сбыться, а может и нет.

16. Покупать и дополнитительно приобретать на рынке все, что люди обычно покупают, за исключением ценных вещей, к добру. Продукты питания благоприятнее для бедняков, так как для богатых они означают расходы.

17. Увеличивать состояние и обладать имуществом более ценным или роскошным, ценнее и несколько лучше, чем то, которым обладаешь, на благо. Но богатеть сверх меры не к добру и означает наказание. Ведь богатому приходится тратиться и быть объектом козней и зависти.

18. Быть бедным никому не на пользу, но в особенности риторам и всем ученым. Ведь мы одинаково пользуемся выражением «быть в затруднении» и по отношению к тем, кто беден, и по отношению к тем, кто не способен говорить.

19. То, что не соответствует младенческому возрасту, например, борода и седина у младенцев мужского пола, замужество, роды и все преждевременное в этом роде у младенцев женского пола, за исключением умения говорить, приносит вред. В самом деле, все происходящее преждевременно означает смерть, поскольку обычно свойственно возрасту близкому старости, за которой всегда следует смерть. Умение же говорить к добру, так как человек от природы существо говорящее¹⁶. Одному филологу приснилось, что его пятимесячный сын говорит ясно и отчетливо. Некоторые полагали, что ребенок умрет, но он выжил, и многие другие дети живы после подобного сна. Относительно же других несоответствий возрасту у тех, кто уже вышел из младенческого состояния, подробно рассказано в первой книге в разделе об изменениях.

20. Попытайся разъяснять все причины и каждое рассуждение снабжать разумными и убедительными доказательствами, так как даже если ты будешь говорить истину, но давая только простые и безыскусные толкования, тебя сочтут менее искусственным толкователем, чем ты есть на самом деле. Однако сам не обманывайся, полагая, что исследование причинной связи объясняет бывшие сновидения. Ведь многие сновидения постоянно сбываются у некоторых людей, а что происходит это не случайно, мы знаем из того, что сбываются они всегда одинаково, но что касается причин, благодаря которым они сбываются именно таким образом, то найти их мы не в состоянии. Поэтому мы полагаем, что сновидения следует толковать исходя из опыта, а причинную связь определять интуитивно каждому в меру его способностей. Еще нужно сказать вот о чем. То, что везде и всегда является следствием каких-либо событий в жизни, непременно последует за подобными же событиями в сновидении. Например, художнику приснилось, что он соблазнил собственную мачеху, после этого сна он стал враждовать с отцом. Ибо за прелюбодеянием всегда следуют ревность и вражда. Не упускай из вида эту закономерность при толковании других сновидений, и ты не ошибешься.

Все сны, предвещающие рождение детей или брак, предвещают также сновидцу возвращение находящихся в отъезде детей и разлученной с ним жены. Одному человеку приснилось, что он пашет и сеет пшеницу, и к нему возвратились находившиеся в отъезде дети и жена, жившая отдельно.

21. Тем, кто говорит, что плохие сны сбываются скорее, а хорошие позднее или вообще не сбываются разъясни, что это не соответствует истине. Причина заблуждения состоит в следующем. Люди видят плохие сны, производящие хорошее впечатление, и когда они сбываются плохо, то считают себя обманутыми (поэтому тебе следует сопоставить эти сны со снами, которые в соответствии с видовым подходом хороши снаружи, но дурны изнутри¹⁷), или же, бедствуя в настоящий момент, видят плохие сны, знаменующие их нынешние беды, и хорошие предвещающие будущие блага для успокоения, и пока хорошие сны еще не сбылись, считают себя обманутыми. Впрочем, и благоденствующие люди пренебрежительно относятся к плохим снам, пока они не сбылись. Однако сны непременно сбываются. Среди снов одни дурны для всех, каждому в зависимости от его обстоятельств предвещая какую-нибудь беду, — это дурные снаружи и внутри сны, о которых я упомянул в первой книге. Другие сны одинаково благоприятны для всех — они хороши и внутри и снаружи. Третьи — в одном отношении

¹⁶ Термин λογικόν ζῷον использовался стоиками в значении «разумное существо». См., например, *Марк Аврелий*. Размышления. 8, 35; 9, 16; *Эпиктет*. I, 6.12; 9.4. и т. д. У Артемидора по контексту на первый план выходит значение «относящийся к речи, речевой».

¹⁷ См. *Артемидор*. I.5.

хороши, а в другом дурны, причем для одних они хороши, а для других — дурны. Ты сможешь решить, хороши они или дурны, приняв во внимание обстоятельства, дела, заботы и возраст сновидца.

22. Исследовать предписания, которые были даны людям для излечения, — пустое занятие. Многие люди в Пергаме, Александрии и других местах были излечены при помощи божественных предписаний¹⁸, некоторые даже считают, что искусство врачевания родилось из подобных предписаний¹⁹. Однако, я полагаю, любому мало-мальски здравомыслящему человеку ясно, что те предписания, которые некоторые записывают, просто смехотворны. Ведь записывают они не увиденное на самом деле, а то, что сами выдумывают. Так что если кто-нибудь скажет, что некоторым людям зимой был прописан бульон Нерейд, то думаю, что, выбирая произвольно, он сочтет, что в данном случае сердцевика лучше, чем пелориды...²⁰ мозг петуха, под «кусающими индийцами» перец [поскольку он черной и жжет], под «девичьим молоком» слезы и «звездной кровью» роса, под «крытской овцой» кипонийское яблоко²¹ и, чтобы не продолжать далее этот список, многое другое в том же роде. Впрочем, не следует, порицая чужие глупости, уклоняться в сторону от предмета рассуждений. Ибо и нескольких примеров довольно, чтобы изоблечь эти глупости. Когда они записывают подобные вещи, то мне кажется, они тем самым показывают свою склонность скорее придумывать сны, нежели постигать человеколюбие богов. Нам ведь неизвестно ни одно действительно увиденное сновидение такого рода. [Обрати внимание на еще более смехотворные примеры. Один человек назвал овчину (κωδίων) «обоюдоострым топором» (σκέτ αρνον), поскольку шкура защищает (σκέπειν) барана (άρην). Таким же образом петух становится «участником двойного пробега» (διαυλοδρόμος), раз он бежит по двору (διὰ ἀλλήας). Можно привести много подобных или еще более нелепых примеров.] Полагаю, что и боги, которым приписывают такие нелепости, по справедливости негодуют на сочинителя за то, что те выставляют их безвкусными пустобаями, плутоватыми и дурашливыми.

Далее, многие, превратно поняв в сочинениях Аристотеля о животных, а также в трудах Архелая и Ксенократа из Афродисии²², каким образом лечится всякое животное, чего боится и чему более всего радуется, выдумали предписания и способы лечения. Один мой современник придумывает предписания и методы лечения, особенно злоупотребляя этим в третьей книге своего сочинения. Я не назову его имени, хотя прекрасно его знаю.

Ты увидишь, что предписания богов просты и не содержат в себе загадок. Ибо боги предписывают мази, припарки, пищу и питье, пользуясь теми же названиями, что и мы, а когда говорят намеками, то они весьма прозрачны. Например, женщина, у которой было воспаление груди, приснилось, что ее сосет овца. Она вылечилась, приложив к груди подорожник (έρνδαγλωσσον), [потому что название растения, будучи сложным словом, означает «язык овцы» и разновидность травы.]

О каких бы средствах лечения ты ни узнал, самостоятельно толкуя сновидения или получая сведения от другого толкователя, испытай его, ты обнаружишь, что оно обладает высочайшими лечебными свойствами и не противоречит науке врачевания. Так, например, Фронтон²³, страдающий артритом, помолвился об излечении,

¹⁸ См., например, *Плутарх*. Перикл. 13: «Самый деятельный и трудолюбивый из мастеров, оступившись, упал с высоты; ему было так плохо, что врачи не надеялись на выздоровление. Перикл был очень опечален этим; но богиня явилась ему во сне и указала способ лечения, при помощи которого Перикл скоро и легко вылечил больного» (пер. С. И. Соболевских).

¹⁹ Ср. *Ямвлих*. О мистериях. 3.3.

²⁰ В тексте лагуна, отмеченная Герхером. Бульон Нерейд, по-видимому, понимается здесь как суп, приготовленный из пелорид, поскольку *πελωρίς* (род моллюска) благодаря близости к *τὸ πέλωρ* (чудовище) может восприниматься как женский род от *τὸ πέλωρ*, т. е. чудовище женского пола, как, не без некоторой натяжки, можно назвать Нерейду. Но раз дело происходит зимой (*χειμῶνι*), то суп правильнее готовить из сердцевиков (*χέραι*, в тексте ради игры слов *χέραι*). Первое после лагуны слово испорчено. Если принять конъектуру Пэка, то текст можно было бы реконструировать следующим образом: «Он также может решить, что под „мозгом ребенка“ подразумевается...».

²¹ Каламбур строится на омонимии *τὸ μῆλον* (овца) и *τὸ μῆλον* (яблоко). Слово «слезы» (см. выше) — вставка, предложенная Герхером и принятая Пэком.

²² Ксенократ — греческий врач, живший в I в. н. э., автор ветеринарных книг.

²³ Возможно, речь идет о знаменитом ораторе Марке Корнелии Фронтоне (ок. 100—166 гг.), наставнике в области риторики Марка Аврелия и Луция Вера.

увидел во сне, что гуляет по предместью (προάστειον). Намазавшись пчелиным клеем ²⁴, он получил существенное облегчение.

Итак, постарайся, как я тебе часто советовал, по мере возможности причаститься врачебному искусству. Помни также и то, что если люди не больные и вообще не страдающие от какой-либо боли получают во сне какое-нибудь предписание или, взяв часть от жертвенного животного или сжигаемой жертвы, унесут с собой, чтобы извлечь для себя пользу, то они заболели или будут страдать от боли в какой-нибудь части тела. Ибо в лечении нуждаются не здоровые, но больные.

Далее. Помни о моих толкованиях и о моем совете и не прибегай к толкованиям кривомудрствующим, даже если надеешься заслужить чью-нибудь похвалу. Не истолковывай также сновидения по первому слогу, чтобы, впад в ошибку, не навлечь бесславие. Например, один человек во время болезни увидел во сне некоего человека по имени Пизон. Некто истолковал этот сон как обещающий полную безопасность и выздоровление, а кроме того, исходя из первого слога имени Пизон, сказал, что сновидец проживет 95 лет ²⁵. Однако сновидец умер от этой самой болезни. Ведь Пизон нес ему во сне благовоения, а благовоения для больного не к добру из-за того, что их исполняют в похоронных обрядах. Но при этом не считай, что и сон судовладельца имеет такое же значение. Когда судовладелец спросил, прибудет ли он в Рим, ему кто-то ответил: «Нет». На 470-й день он туда прибыл ²⁶. Ибо безразлично, назвать ли само число, или слова, чьи буквы означают само число.

23. Что же касается анаграмм, то нечто чрезвычайно забавное произошло с Аристандром, лучшим из снотолкователей, и с некоторыми другими древними толкователями. В предисловиях к своим книгам они объясняют, что такое анаграмма, однако выясняется, что сами они этим методом не пользуются ни в каком виде — будь то перестановка слогов, отбрасывание или добавление букв. Я же и в начале своего исследования о них упомянул и сейчас советую тебе пользоваться анаграммами всякий раз, когда, истолковывая сновидения, ты захочешь показаться более искусным толкователем по сравнению с другими. Однако в своих собственных толкованиях этим способом не пользуйся, иначе ошибешься.

24. Пользуйся принципом числовых значений слов, когда увиденное, независимо от числовых значений, имеет тот же смысл, что и при использовании этого принципа. Например, увидеть во сне старуху для больных знаменует смерть. Действительно и «старуха», и «вынос тела» имеют числовое значение 704 ²⁷. Но и независимо от одинакового числового значения старуха означает вынос тела, так как ей предстоит умереть в недалеком будущем.

Если когда-нибудь ты не сможешь истолковать сон из-за того, что он выпадает из классификации, не отчаивайся. Существуют сновидения, которые невозможно истолковать до их исполнения. Если ты сумеешь истолковать такой сон, то я сочту тебя удачливым, если же не сумеешь, то не буду считать тебя неумелым. Например, некоему начальнику военного лагеря приснилось, что на его мече написано ι, κ, φ. Началась Иудейская война в Кирене, и сновидец на ней отличился. Это соответствовало тому, что мы сказали, так как ι означала иудеев, κ — киренцев, а φ — смерть. Однако до исполнения сон не поддавался истолкованию, после же оказался очень ясным. Мне кажется, что и Аристандр дал удачное истолкование сна Александра Македонского, окружившего и осаждавшего Тир. Раздраженный и огорченный долгой осадой, Александр увидел во сне, что на его щите резвятся сатиры. Аристандр оказался в это время в Тире и был в свите ведущего с тирийцами войну царя. Истолковал слово «сатир» как «твой Тир» ²⁸, он подвиг тем самым царя на более энергичные действия, так что тот взял город ²⁹. Следующий пример подобен предшествующим. Сиру, рабу Антипатра, приснилось, что у него на ногах нет подошв. Он был сожжен живьем.

Явленное через что-либо соответственно означает то самое, через что явлено. Например, одной женщине приснилось, что у нее болят глаза. Заболели ее дети. А другой

²⁴ Аремидор здесь обыгрывает слово πρόπολις, означающее «предместье», а в переносном значении «пчелиный клей».

²⁵ Первый слог имени Пизон Πιζ — в числовом значении составляет 95 (π + ζ + ι = 80 + 5 + 10 = 95).

²⁶ οὐ (нет) = 70 + 400 = 470.

²⁷ Γραῖς (старуха) = 3 + 100 + 1 + 400 + 200 = 704, ἡ ἐκφορά (вынос тела) = 8 + 5 + 20 + 500 + 70 + 100 + 1 = 704.

²⁸ Σάτιρος : σά (твой) и Τίρος (Тир).

²⁹ У Плутарха эта история рассказана несколько иначе (Александр. 24. 8—9). Александру приснился сатир, который издалика заигрывал с ним, но когда царь пытался его схватить, убегал. Только после долгих уговоров и погони Александр, наконец, настиг сатира.

приснилось, что ее дети болеют. У нее началась болезнь глаз. Судовладельцу Диогену приснилось, что у его корабля пропала носовая часть. Вскоре у него умер помощник кормчего³⁰. А в Милете один человек увидел во сне, что он выносит и погребает помощника кормчего, и лишился носовой части корабля. У человека, увидевшего, что болен его отец, заболела голова. А то, что отец означает голову, ты знаешь из первой книги.

25. В целом, из частей тела верхние соотноси с людьми лучшими и почитаемыми, а все нижние — с худшими и незначительными. Детали же толкования каждой части тела ты найдешь в разделе о теле и его частях в первой книге³¹.

26. Любое извержение крови, пища, мокроты толкуй как приносящее беднякам благо, а богатым вред. Ведь бедные ничего не потеряют, если только чего-нибудь не приобретут раньше, а имущие чего-нибудь да лишатся. Любая пища, независимо от того, просто ли ее видят, или едят, имеет одинаковое значение за исключением лука. Лук же видеть к добру, а есть не к добру.

27. Часто повторяющиеся сны, если их видят постоянно и через незначительные промежутки времени, всегда означают одно и то же, а из-за того, что видят их часто, к ним нужно внимательнее и с большим доверием относиться. Ведь и при общении, когда мы говорим что-нибудь важное, то часто это повторяем. Так же и душа часто повторяет одно и то же или потому, что предвещает нечто серьезное, заслуживающее внимания, а не второстепенное, или потому, что задолго до исполнения снов начала и продолжает их видеть.

Если промежутки между повторяющимся сном будут значительными, то знай, что в одном случае он означает одно, а в другом другое. Как один и тот же сон сбудется по-разному для разных людей, которые его увидят, из-за различия в житейских обстоятельствах, так и один и тот же сон, увиденный одним и тем же человеком в разных обстоятельствах, сбудется различно из-за того, что этот человек находится в не вполне одинаковых обстоятельствах. Например, одному человеку приснилось, что он лишился носа, а был он продавцом благовоний. Он лишился своего состояния и прекратил продажу благовоний из-за того, что во сне оказался без носа. Ведь у него не было больших средств для испытания благовоний и, естественно, он не мог уже заниматься ремеслом, связанным с благовониями. Тому же самому человеку, уже оставившему торговлю благовониями, приснилось, что у него нет носа. Он был пойман на подделке подлившей и бежал с родины. Ведь отсутствие на лице любой его части вызывает к нему неуважение, лицо же — отражение почтенности и достоинства. Понятно поэтому, что этого человека перестали уважать. Этому же человеку во время болезни приснилось, что у него нет носа, и вскоре он умер. Ибо череп мертвеца не имеет носа. Итак, первый раз, когда этот человек был купцом, сон сбылся через благовония, второй раз, когда он был полноправным гражданином, — через потерю репутации, третий раз, когда он был болен, — через само его тело. Таким образом, один и тот же сон для одного и того же человека исполнился тремя различными способами, а отнюдь не одинаково.

28. Любая утварь и орудие труда означает или ремесло, или содержимое, например, пифосы — вино или оливковое масло, ларь — пшеницу, ячмень или нечто аналогичное по употреблению, а всевозможные орудия труда — друзей, детей и родителей, кладовые — ключников, лари и шкатулки — жен и домоправителей.

Одному человеку из всаднического сословия, добивавшемуся от царя высокого назначения, приснилось, что по чьему-то зову он вышел из дома, где находился, спустился по двум лестницам и принял от позвавшего его оливковый венок из тех, какие во время торжественных процессий носят римские всадники. Он очень обрадовался, и его близких этот сон обнадежил. Однако он не получил просимого. Ведь венок он получил не поднявшись, а спустившись по лестницам, мы же называем успех подъемом, а противоположное — спуском. Венок же означал, что он жежится на девственнице из-за того, что венок связан, а олива — девичье дерево, потому что посвящена богине-девственнице. Я записал для себя этот сон, чтобы ты знал, что не следует обращать внимание только на первые образы снов, но на общий строй всего увиденного. Поэтому все истолковавшие сон только по венку, оставив без внимания спуск по лестнице, потерпели неудачу.

29. Члены семьи, главным образом дети, означают всю семью, и какое бы другое значение они ни имели, они все равно указывают и на семью. Например, некоему человеку приснилось, что он увидел свою дочь горбатой. Как и следовало ожидать в соответствии с наукой, умерла сестра сновидца — ибо семья его не была здорова.

30. Все, что облекает нас, как то: гиматий, дом, стена, корабль и все аналогичное имеет одно и то же значение. Например, одному человеку приснилось, что на нем на-

³⁰ Помощник кормчего обычно стоял на носу корабля.

³¹ *Артемидор*. I. 17—49.

дет деревянный гиматий. Ему довелось плыть на корабле, и плыл он медленно — для него деревянным гиматием был корабль. А другому человеку приснилось, что его гиматий порван посередине. Его дом развалился — ибо то, что облекало его тело, уже не было целым. Третьему приснилось, что разрушена черепичная кровля его дома. Он лишился гиматия — ведь он лишился того, что его прикрывало. Четвертому приснилось, что сломана стена его дома. Он был судовладельцем, и днище его корабля распалось. Ибо враги разбивают стены точно так же, как и море и буря — корабль. Все это относится к телу. Человек, увидевший во сне порванный гиматий, был ранен, как и следовало ожидать, именно в ту часть тела, на которую пришелся разрыв в одежде. Ведь подобно тому, как его облекает гиматий, его душу облекает тело. Помимо других значений, рабы имеют отношение к телам хозяев. Одному человеку приснилось, что его раб страдает лихорадкой, и в соответствии с этим он сам заболел. Ведь домашний раб имеет такое же отношение к сновидцу, что и тело к душе. Некому человеку приснилось, что он прикрепил себе к ногам конские подковы. Он принял участие в военном походе и стал конником, потому что безразлично, кто подкован — он или несущий его конь.

Многие сны сбываются и для тех, кто похож на сновидца, состоит с ним в кровном родстве или носит то же самое имя. Например, замужней женщине приснилось, что она снова выходит замуж. Ее муж не был болен, так что ей не суждено было, похоронив его, выйти замуж за другого. У нее не было ничего на продажу, чтобы, словно бы выходя замуж, заключить сделку. Не было у нее и дочери брачного возраста, чтобы ее выдать замуж и видеть таким образом во сне не себя выходящей замуж за другого, но дочь. Не была больна и она сама, чтобы умереть — ведь брак и смерть имеют одинаковое значение, так как сопровождаются схожими церемониями. Была у нее, однако, сестра-тезка, которая в это время была больна, и сестра умерла. Итак, то, что случилось бы с этой женщиной, если бы она была больна, случилось с ее сестрой-тезкой.

31. Царь, храм, воин, царское письмо, деньги и тому подобное означают друг друга. Стратонику приснилось, что он лягает царя. Выйдя из дома, он нашел золотую монету, на которую наступил. Нет ведь никакой разницы — лягать или попирать царя или его изображение. А Зенону приснилось, что он стал сотником. Выйдя из дома, он получил сто царских посланий. Наш же Кратин³², взяв во сне деньги, стал сборщиком доходов³³ царского храма. Зоил, увидев во сне, что стал управляющим общественными работами, сделался царским казначеем.

Все, что царь даст сновидцу из своего рта, принесет тому пользу через судебное решение. Корифянину Хрисиппу приснилось, что он взял изо рта царя два зуба, и он, представ перед царским судом, в один день выиграл два судебных процесса.

32. Жизнь следует рассматривать двойственно: иногда она означает имущество и состояние, иногда — самое жизнь. Богатой женщине приснилось, что перед ней стоят три ворона и дерзко на нее смотрят. Один из них, подав голос, сказал: «Я сделаю тебя нежизненной», и вороны, трижды обойдя ее, улетели. Как и следовало ожидать, она умерла через девять дней. Ведь слова «я сделаю тебя нежизненной» означают «я сделаю тебя безжизненной», т. е. «убью». А то, что три ворона обошли ее трижды, указывало на девять дней.

(Продолжение следует)

³² А. С. Ослей высказал предположение, что упомянутый Артемидором Кратин тождествен Кратигу, архитектору храма Аполлона в Дидимах (ок. 150 г. н. э.).

³³ Перевод сделан по конъектуре Пэка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984
 АДСВ — Античная древность и средние века
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НС — Нумизматика и сфрагистика
 СМАИ — Сборник материалов по археологии Адыгеи
 СХМ — Сборник Херсонесского музея
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 ХИАЗ — Херсонесский историко-археологический заповедник
 АА — Archäologischer Anzeiger
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJPh — American Journal of Philology
 AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 Anc. Soc.— Ancient Society
 Annuaire EPHE — Ecole Pratique des Hautes Etudes. Annuaire. Paris
 ANS — The American Numismatic Society
 ANSMN — The American Numismatic Society Museum Notes
 APF — Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete
 BASP — Bulletin of the American Society of Papyrologists
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BIFAO — Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale
 BL — Berichtigungsliste der griechischen Papyrusurkunden aus Ägypten. Strassburg — Berlin — Heidelberg — Leiden
 BSA — The Annual of the British School at Athens
 CAH — Cambridge Ancient History
 CdE — Chronique d'Égypte
 ChLA — Chartae Latinae Antiquiores. V. I—IV. Ed. A. Bruckner, R. Marichal. Bâle, 1954—1967
 CHM — Cahiers d'histoire mondiale. Neuchâtel
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 Coin_H — Coin hoards
 CRAI — Comptes-Rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
 FHG — C. Müllerus. Fragmenta Historicorum Graecorum. P., 1848
 GGM — C. Müllerus. Geographi Graeci Minores. P., 1855
 GNS — Gazette Numismatique Suisse
 HT — History and Theory. Studies in [the Philosophy of History. Middletown, Conn
 IEJ — Israel Exploration Journal
 Inscr. Cret.— M. Guarducci, Fr. Halbherr. Inscriptiones Creticae. Opera et consilio Friederici Halbherr collectae. I—IV. Roma, 1935—1950
 IOSPE — B. Latyshev. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. I. Petropoli, 1916
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 JJS — Journal of Jewish Studies
 JMP — Jaarboek voor Munt in Penningkunde
 JNSI — Journal of the Numismatic Society of India
 JRGZM — Jahresbericht des Römisch-Germanischen Zentralmuseum am Mainz

- JRS — Journal of Roman Studies
 MDAFA — Memoires de la Délégation Archeologique Française en Afganistan
 MEFRA — Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité
 NC — Numismatic Chronicle
 NNM — Numismatic Notes and Monographs
 NS — Numismatic Studies
 OGIS — Orientis Graeciae Inscriptiones Selectae. I. Lipsiae, 1903
 P. Amh.— *B. P. Grenfell, A. S. Hunt. The Amherst Papyri. II. L.*, 1903
 P. Cairo Zen.— *C. C. Edgar. Zenon Papyri. I—V. Le Caire, 1925—1940*
 P. Col. Zen.— *W. L. Westermann, C. W. Keyes, H. Liebesny. Zenon Papyri. II. N. Y.*, 1940
 P. L. Bat.— *Papyrologica Lugduno-Batava. XXIA: P. W. Pestman. A Guide to the Zenon Archive. Leiden, 1981*
 P. Lond.— *Greek Papyri in the British Museum. VII: T. C. Skeat. The Zenon Archive. L.*, 1974
 Proceedings Ann Arbor — Proceedings XII International Congress Papyrology (Ann Arbor, 1968). Toronto, 1970
 RA — Revue archéologique
 REG — Revue des études grecques
 RHD — Revue historique de droit française et étranger
 RIDA — Revue internationale des droits de l'antiquité
 RN — Revue numismatique
 Rostovtzeff. SEHWW — *M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Hellenistic World. I—III. Oxford, 1953*
 SB — *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten, Strassburg — Wiesbaden*
 SC — *B. Latyshev. Scythica et Caucasia. I. Petropoli, 1893—1900*
 SDHI — *Studia et documenta historiae et iuris. Roma*
 SNG, Berry — *Sylloge Numorum Graecorum. The Burton Y. Berry Collection*
 Stud. Pal. — *C. Wessely. Studien zur Palaeographie und Papyruskunde. Bd IV. Lpz.*, 1905
 Studi E. Volterra — *Studi in onore di E. Volterra. V. I—VI. Milano*
 Symposion 1977 — *Symposion 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln — Wien, 1982*
 Wb.— *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden... Hrsg. von F. Preisigke, E. Kiessling. Berlin*
 Will. HPMH — *Ed. Will. Histoire politique du monde hellénistique (323 — 30 av. J. C.). I. Nancy, 1979*
 ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ ВДИ

Авторско-читательская конференция ВДИ и Всесоюзной ассоциации антиковедов состоится 4—6 июня 1991 г. Тема: «Древние цивилизации: среда, личность, общество».

Тезисы докладов просьба присылать по адресу: 117334 Москва, Ленинский проспект, 32А, Институт всеобщей истории АН СССР, ВДИ, ком. 1501.

Оргкомитет

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Шетелих М.</i> (Берлин) — Черные противники ариев в «Ригведе»	3
<i>Литвиненко Ю. Н.</i> (Москва) — Птоломеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. (<i>К вопросу о контактах</i>)	12
<i>Филман И. Ф.</i> (Ленинград) — Позднеримский колонат — миф, созданный историками? (<i>По поводу статей Ж.-М. Каррие</i>)	27

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Кутайсов В. А.</i> (Симферополь) — Монеты Керкинитиды V в. до н. э.	46
<i>Анфимов И. Н.</i> (Краснодар) — Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н. э. из Восточного Приазовья (<i>станица Старонижестеблиевская</i>)	70

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О преподавании древней истории и классических языков в высшей и средней школе

<i>Зайцев А. И.</i> (Ленинград) — О преподавании латинского и древнегреческого языка для студентов филологов-классиков и историков Греции и Рима в ЛГУ	77
<i>Козаржевский А. Ч.</i> (Москва) — Место древних языков в университетской подготовке историков-античников	80
Дискуссия	82
<i>Подосинов А. В.</i> (Москва), <i>А. ван Хоф</i> (Неймеген) — О преподавании древних языков в средней школе (гимназии)	91

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Кошурников С. Г.</i> (Ленинград) — Старовавилонские чиновники егет и градоначальники в сфере контроля за служебными наделами	95
<i>Голенко В. К.</i> (Москва) — Монетно-весовой дуализм Селевка I	100
<i>Мелез-Моджиевский Ж.</i> (Париж) — Учет государственных земель и императорское законодательство: Адриан и иудеи Египта	117

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Вернер М.</i> (Прага) — Древний Египет: загадки и открытия (Чехословацкий институт египтологии: 30 лет деятельности в Египте)	138
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Зуев В. Ю.</i> (Ленинград) — Творческий путь М. И. Ростовцева (<i>К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»</i>) (окончание)	166
<i>Браун У. Э.</i> (Нью Хэвен) — Описание архива М. И. Ростовцева в Йельском университете	176

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Яценко И. В.</i> (Москва), <i>Воронов Ю. Н.</i> (Сухуми) — Н. Л. Членова. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984	179
<i>Сидорович О. В.</i> , <i>Смышляев А. Л.</i> (Москва) — Н. Н. Трухина. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.) М., 1986	184
<u><i>Богословский Е. С.</i></u> — M. G u t g e s e l l. Die Datierung der Ostraka und Papyri aus Deir el Medineh und ihre ökonomische Interpretation. Hildesheim, 1984; M. L. B i e r b r i e r. The tomb-builders of the Pharaohs. New York: Charles Scribner's sons, 1984; D. V a l b e l l e. «Les ouvriers de la tombe». Deir el-Médineh à l'époque ramesside. Paris, 1985; R. V e n t u r a. Living in a city of the dead. A selection of topographical and administrative terms in the documents of the Theban necropolis. Göttingen, 1986	188
<i>Толстасев С. Р.</i> (Ленинград) — A Lexicon of Greek Personal Names. V. I: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxf., 1987	198
<i>Мизайлова Т. А.</i> (Москва) — Fr. L e R o u x, Chr.-J. G u y o n v a r c 'h. Les Druides. Rennes, 1986	200

<i>Бадер А. Н.</i> (Москва) — Иконография парфянского монументального искусства в исторической литературе	207
---	-----

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Курто С.</i> (Турин) — Египетский музей в Турине	220
---	-----

PERSONALIA

К 70-летию Владимира Григорьевича Боруховича	230
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Туровский Е. Я., Ушаков С. В.</i> (Севастополь) — Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. (Научная конференция в Херсонесском заповеднике)	231
---	-----

<u>Евгений Степанович Богословский</u> (1941—1990)	234
--	-----

<i>Кузицин В. И., Штаерман Е. М.</i> (Москва) — Памяти сэра Рональда Сайма	237
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Артемидор Далдианский. Книга IV. Перевод и комментарии <i>И. А. Левинской</i> под общей редакцией <i>Я. М. Боровского</i> (продолжение)	244
---	-----

CONTENTS

<i>M. Schetelich</i> (Berlin) — Black Enemies of the Aryā in R̥gveda	3
<i>Yu. N. Litvinenko</i> (Moscow) — The Ptolemaic Egypt and the Northern Coast of the Black Sea Region in the III Century B. C. (<i>The Problem of Contacts</i>)	12
<i>I. F. Fikhman</i> (Leningrad) — Late Roman Colonat: a Myth Created by Historians? (<i>Some Notes on Articles by J.-M. Carrié</i>)	27

PUBLICATION

<i>V. A. Kutaisov</i> (Simferopol) — Kerinitidan Coins of the Fifth Century B. C.	46
<i>I. N. Anfimov</i> (Krasnodar) — A Hoard of Pantikapaion Copper Coins of the Early Third Century B. C. from the Eastern Littoral of the Sea of Azov	70

DISCUSSION

*On the Teaching of Ancient History and Classical Languages
in Soviet Higher and Secondary Schools*

<i>A. I. Zaitzev</i> (Leningrad) — On Teaching Latin and Greek to the Students of Classical Philology and Roman and Greek History in Leningrad State University	77
<i>A. Ch. Kozarzhevsky</i> (Moscow) — The Greek and Latin Languages in the University Formation of Specialists in Greek and Roman History	80
Discussion	82
<i>A. V. Podosinov</i> (Moscow), <i>A. J. L. van Hooff</i> (Nijmegen) — On Teaching Greek and Latin in Secondary (Classic) Schools	91

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>S. G. Koshurnikov</i> (Leningrad) — City Governors and «Eger»-Officials in the Sphere of Their Control Over Service Allotments	95
<i>V. K. Golenko</i> (Moscow) — Coin Weight Dualism under Seleucus I	100
<i>J. Méléze-Modrzejewski</i> (Paris) — Comptabilité domaniale et législation impériale: Hadrien et les juifs d'Égypte	117

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

- M. Verner (Prague)* — *Unearthing Ancient Egypt (Thirty Years of Explorations of the Czechoslovak Institute of Egyptology in Egypt)* 138

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

- V. Yu. Zuev (Leningrad)* — *M. I. Rostovtzeff's Creative Path when Writing «Studies in the History of Scythia and the Bosphorus Kingdom»* 166
W. E. Brown (New Haven) — *M. I. Rostovtzeff's Archives in Yale University* 176

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

- I. V. Yatzenko (Moscow), Yu. N. Voronov (Sukhumi)* — *N. L. Chlenova. Olennye kammi kak istoricheskiy istochnik. Novosibirsk, 1984* 179
O. V. Sidorovitch, A. L. Smyshlyayev (Moscow) — *N. N. Trukhina. Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoi respubliki (II v. do n. e.). M., 1986* 184
E. S. Bogoslovsky — *M. Gutgesell. Die Datierung der Ostraka und Papyri aus Deir el Medineh und ihre ökonomische Interpretation. Hildesheim, 1981; M. L. Bierbrier. The tomb-builders of the Pharaohs. New York: Charles Scribner's sons, 1984; D. Valbelle. «Les ouvriers de la tombe». Dier el-Médineh à l'époque ramesside. Paris, 1985; R. Ventura. Living in a city of the dead. A selection of topographical and administrative terms in the documents of the Theban necropolis. Göttingen, 1986* 188
S. R. Tokhtasyev (Leningrad) — *A Lexicon of Greek Personal Names. V. I: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxf., 1987* 198
T. A. Mikhailova (Moscow) — *Fr. Le Roux, Chr.-J. Guyonvarc'h. Les Druides. Rennes, 1986* 200
A. N. Bader (Moscow) — *The Iconography of Parthian Monumental Art in Historical Literature* 207

IN WORLD MUSEUMS

- S. Curto (Turin)* — *Egyptian Museum in Turin* 220

PERSONALIA

- 70th Birthday of Vladimir Grigor'evich Borukhovich* 230

SCIENTIFIC EVENTS

- E. Ya. Turovsky, S. V. Ushakov (Sevastopol)* — *Problems of Exploration of Antique and Medieval Chersonesus (Conference in the Chersonesus Museum)* 231
Eugeni Stepanovich Bogoslovsky (1941—1990) 234
V. I. Kuzishchin, E. M. Shtaerman (Moscow) — *In Memory of Sir Ronald Syme* 237

SUPPLEMENT

- Artemidorus. Oneirocritica. Book IV. Translated by I. A. Levinskaya. Ed. by Ya. M. Borovsky* 241

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.11.90 Подписано к печати 15.01.91 Формат бумаги 70×100²/₁₆
 Высокая печать Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр.-отт. 158,2 тыс. Уч.-изд. л. 24,8 Бум. л. 8,0
 Тираж 7432 экз. Зак. 717 Цена 3 р.

Адрес редакции: 117334 Москва, Ленинский проспект, 32-А
 Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 938-19-12
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПЛАТОНОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

В 1986 г. по инициативе профессора Конрадо Эггерса Лана в Мехико состоялся первый Платоновский симпозиум; в сентябре 1989 года в Перудже прошел второй симпозиум, организованный профессором Ливлио Россети. Во время этого второго симпозиума на учредительном собрании в Беванье было сформулировано Международное Платоновское Общество, имеющее три цели: во-первых, организацию последующих Платоновских симпозиумов; во-вторых, публикацию материалов симпозиумов; и в-третьих, составление и рассылку членам Общества годовичного библиографического бюллетеня, содержащего информацию (поставляемую в основном самими членами Общества) о текущих или ближайших публикациях о Платоне во всех странах мира. Установлено было, что полное членство будет присваиваться лицам, в течение последних 15 лет опубликовавшим хотя бы одну значительную статью о Платоне (или защитившим по этой теме докторскую диссертацию или эквивалентную ей работу); статус члена-корреспондента будет присваиваться лицам, работающим в настоящее время над докторской диссертацией или другой эквивалентной работой. Каждый член Общества обязан внести сумму, равную 30 америк. долларам (=20 фунтов стерлингов), — плату за три года до следующего симпозиума; вопросы, связанные с членством лиц, для которых может оказаться затруднительным переводить иностранную валюту из своих стран, будут рассматриваться отдельно. Исполнительный комитет состоит из президента — профессора Кристофера Роу (Christopher Rowe) (Бристоль), проф. Люка Бриссона (Lus Brisson) (Париж), проф. Конрадо Эггерса Лана (Conrado Eggers Lan) (Буэнос Айрес), проф. Шинро Като (Shingo Kato) (Токио), проф. Тома Робинсона (Tom Robinson) (Торонто), проф. Ливлио Россети (Livio Rossetti) (Перуджа) и проф. Томаса Слезака (Tomas Szlezak) (Вюрцбург). Следующий симпозиум состоится в Бристоле (Англия) в конце лета 1992 г.

Прошения о членстве в Обществе следует направлять президенту комитета, проф. Кристоферу Роу (факультет классической филологии и археологии, Бристольский Университет, 11 Вудлэнд Роуд, Бристоль BS8 1TB, Англия (Department of Classics and Archaeology, University of Bristol, 11 Woodland, Road, Bristol BS8 1TB, England)). Заявки на публикации для включения в библиографический бюллетень посылать по тому же адресу.